

В ДОНЕСЕНИЯХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Сергей Михеенков

**В ДОНЕСЕНИЯХ
НЕ СООБЩАЛОСЬ...**

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СОЛДАТА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

1941—1945

**НА ЛИНИИ
ФРОНТА**

**ПРАВДА
О ВОЙНЕ**

С. Михеенков

**НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ**

Сергей Михеенков

**В ДОНЕСЕНИЯХ
НЕ СООБЩАЛОСЬ...**

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СОЛДАТА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

1941—1945

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
М69

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Михеенков С.Е.
М69 В донесениях не сообщалось... Жизнь и смерть
солдата Великой Отечественной. 1941—1945. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2009. — 351 с. — (На линии
фронта. Правда о войне).

ISBN 978-5-9524-4068-5

Книга историка и писателя С.Е. Михеенкова представляет собой уникальный сборник солдатских рассказов о войне, над которым автор работал более тридцати лет. Наиболее яркие эпизоды, скомпонованные тематически, сложились в цельное, захватывающее повествование о войне Русского Солдата. Эта, говоря словами поэта, «с боем добытая суровая правда солдат» поразит читателя предельной откровенностью, обнаженностью души и нервов война Великой Отечественной.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

© Михеенков С.Е., 2009
© ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ISBN 978-5-9524-4068-5

В ДОНЕСЕНИЯХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СОЛДАТА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

1941—1945

СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

Тридцать с лишним лет вел записи воспоминаний фронтовиков, участников Великой Отечественной войны. Записывал на диктофон и в блокнот, когда случалась очередная встреча с бывшим минометчиком, рядовым пехотинцем или лейтенантом, командиром стрелкового взвода, когда человек открывал душу и рассказывал о том, как все было. И вот настал срок собрать записанное воедино. Получилась огромная рукопись. И тогда я взял из солдатских рассказов самые яркие, на мой взгляд, эпизоды и выстроил их в хронологию. Получилась цепь монологов, коротких историй, которые рассказывает Солдат.

Однако, публикуя эти истории, я все-таки обязан сказать, что рассказаны они мне конкретными людьми. На войне у них были разные звания и должности. Вот их имена: радиотелеграфист, автоматчик пулеметно-автоматного взвода *Николай Иванович Алексеев* из города Волжский Волгоградской области, командир взвода связи лейтенант *Василий Иванович Антипов* из поселка Износки Калужской области, тоже калужане — командир отделения автоматчиков *Григорий Фролович Борисов* из села Закрутое, командир стрелкового взвода лейтенант *Александр Васильевич Ткаченко*, артиллерист лейтенант *Александр Евменович Горбатин* из Калуги, красноармеец *Петр Васильевич Демичев* из поселка Бетлица, командир танковой роты

лейтенант *Иван Евтухович Деркач* из Калуги, командир отделения автоматчиков сержант *Николай Сергеевич Жаворонков* из села Мокрое, водитель полуторки красноармеец *Екатерина Ефимовна Калиничева (Рогачева)* из деревни Муравьевки, командир стрелкового отделения сержант *Николай Степанович Мордасов* из деревни Подберезье, минометчик *Иван Иванович Олимпиев* из Калуги, старшина *Ефим Трифонович Половой* из деревни Зимницы, связист *Георгий Васильевич Прокопов* из Краснодарского края, командир стрелкового взвода, кавалер ордена Александра Невского *Николай Петрович Назымок* из деревни Кербутовки, что на Черниговщине, шофер противотанковой батареи *Михаил Семенович Кареев* из Санкт-Петербурга, москвичи: старшина, стрелок экипажа штурмовика Ил-2 *Георгий Афанасьевич Литвин*, командир экипажа скоростного бомбардировщика *Геннадий Георгиевич Соколов* из города Мещовска, а также минометчик *Александр Павлович Прокофьев*, летчик-штурмовик лейтенант *Алексей Филиппович Романов*, военфельдшер *Василий Иванович Саменков*, морской пехотинец старший матрос *Виктор Леонидович Сумников*, лейтенант *Иван Алексеевич Таланов* из города Кирова, командир минометного расчета *Дмитрий Федорович Тройнин*, стрелок-радиотанка Т-26 *Алексей Иосифович Чухилев* из города Волчанска Харьковской области, партизан, а потом красноармеец *Николай Николаевич Шабалин*, сапер *Иван Матвеевич Шведов* из села Черная Грязь Жуковского района Калужской области, земляк маршала Победы Г.К. Жукова, кавалерист 1-го гвардейского кавкорпуса *Василий Давыдович Ушаков* из Тарусы, связист 338-й стрелковой дивизии 33-й армии *Владимир Петрович Гуд* из Минска, военфельдшер *Лилия Григорьевна Кротова*, кавалерист *Константин Игнатьевич Драгун* — оба из города Вилейки Минской области Беларуси.

Многих из них уже нет на свете. Отправился в свой последний, теперь уже бессрочный полет кавалер двух орденов Красного Знамени пилот Ил-2 *Алексей Филиппович*

Романов, к своему погибшему взводу, о котором вспоминал всю жизнь, ушел лейтенант Василий Иванович Антипов, отболели раны старшины Ефима Трифоновича Полового...

С нами остались память о них и их рассказы.

Сергей МИХЕЕНКОВ

*г. Таруса
2007 год*

Глава 1

22 ИЮНЯ И ТО, ЧТО БЫЛО ПОТОМ

По-разному мои герои встретили это злое утро 22 июня 1941 года. Но в памяти их оно оставило одинаково гнетущее впечатление. Случилось то, что, в сущности, ожидали, к чему готовились. Но то, как все это произошло и какие мгновенные губительные последствия оно принесло, потрясло даже тех, кто служил в рядах РККА уже не первый год и кто даже имел военный опыт.

Вот что записал в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер в этот день:

«22 июня 1941 года (воскресенье), 1-й день войны.

Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й (на правом фланге группы армий «Юг» в Румынии), перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.

Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах покрытые брезентом, а передовые части,

внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать...

После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов».

Особенно глубокие вклинения германских войск в оборону Красной армии произошли на центральном направлении, в районе действий Западного особого военного округа. Здесь немцы наносили концентрированный удар, введя в бой моторизованные части, поддерживаемые с воздуха штурмовой авиацией.

Каким же был наш ответ мощному прорыву врага?

22 июля, ровно через месяц после начала боев, за «трусость, бездействие и паникерство» по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор В.Е. Климовских, начальник связи фронта генерал-майор А.Т. Григорьев, командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков. Из допросов генералов, а также документов, которые стали известны позднее, видно, что удар немцами был нанесен настолько мощный, что противостоять ему наши войска просто не могли. Но предмет нашей книги — не ошибки высшего командования, хотя и о них мы говорить еще будем, а то, как действовали, чему стали свидетелями рядовые бойцы, то есть те, кто должен был выполнять приказы генералов, в том числе и расстрелянных через месяц после начала войны.

— В июне мы стояли в летних лагерях. Несли службу, занимались боевой учебой. Я был водителем полуторки.

16-го числа бригада выдвинулась к границе с Восточной Пруссией. На дневки останавливались в лесах. Маскировались. Отдыхали. Ночью двигались.

Однажды к нам прибежал солдат из соседнего гарнизона, рассказал, что весь караул перебит литовцами, один он живой остался, потому что отдыхал в караульном помещении и оттуда незаметно смог уйти. Нам было приказано взять оружие и разобраться, что там происходит. Мы привели тех литовцев. Литовцы были злые, нахальные, говорили, что завтра, мол, вам немцы покажут, кто тут хозяин...

По дорогам все эти дни ходили люди в советской милицейской форме. Ходят и ходят. Мы им не придавали особого значения. Думали: приграничная полоса, милиция тоже несет свою службу.

Вечером 21 июня перед отбоем мы натянули на дубах простыню и смотрели кинофильм «Чапаев».

Проснулись на рассвете от гула самолетов. Выскочили из палаток, смотрим: на востоке уже занялась заря, небо она охватывала далеко, а от летящих самолетов снова стало темно. Бомбардировщики и штурмовики летели сплошняком. С крестами, не наши. И все же не верилось, что началась война.

Пролетели они над нами. Потом, смотрим, часть самолетов отделилась и перестроилась в отдельный косяк. Косяк этот тут же развернулся — и на нас. Один самолет сразу клюнул вниз, и из него будто горох посыпался...

«Ложись!» — закричали. Вокруг начали рваться бомбы.

Самолеты заходили на бомбардировку снова и снова. Я лежал рядом с младшим лейтенантом Сидоренко. Что-то тяжело упало позади нас. Мы оглянулись, а там человек без головы лежит.

Во время третьего захода меня засыпало землей. Ребята подбежали, откопали.

В ночь на 22-е командир нашей 28-й танковой дивизии полковник Черняховский командирам нескольких танко-

вых полков приказал срочно передислоцироваться. Немцы бомбили пустой лес, где еще несколько часов назад стояли наши танки. Вот тебе и милиционеры на дорогах...

— Стали мы отступать. Горючего ни к танкам, ни к машинам не было. К утру только подвезли и сделали заправку. Все это время нас бомбили и бомбили. А на земле атаковали танки и пехота.

Наши танковые полки время от времени контратаковали. Танки у нас были легкие, слабые против их ПТО. Многие тут же, при попадании, загорались. Но контратаки все же удавались. Мы их отбили, и дивизия начала собранно отступать.

Мы, водители, подвозили к танкам снаряды. Иногда в дороге нас перехватывали немецкие самолеты. Жутко, когда ты мчишься по дороге, в кузове снаряды, а над тобой висит «Мессершмитт» и долбит из пулемета. Он стреляет, а ты от него — как заяц...

Вскочили мы в Ригу. Следом за нашими машинами — немецкие танки. Мы спрятали свои машины за домами возле рынка. С чердаков по нашим машинам и по нас латыши открыли из пулеметов огонь. Откуда-то взялся наш танк БТ, около роты солдат пошли в атаку и начали очищать дом за домом от пулеметчиков.

Из Риги мы выехали на дисках. Колеса у всех машин были пробиты. Начали ремонтироваться.

Вскоре догнали колонну наших танков. Вел колонну сам Черняховский.

Немцы в то время были и позади, и впереди, и справа, и слева. И сверху. Потому что самолеты не прекращали налеты. Черняховский дал такую команду: «Вперед! До полного соприкосновения с противником!» Так мы прорывались к своим. Чтобы не попасть в плен.

Подошли мы к Новгороду.

Танкисты, потерявшие свои танки, были сформированы в пехотные роты.

Оборону держали на валу. Окна первых этажей домов заложили кирпичом. Между домами по окраине Новгорода соорудили валы из кирпича и камней. Мы засели за домами. У меня был карабин. Я стрелял из него.

Многие жители Новгорода тоже взялись за оружие. Не хотели сдавать немцам свой город. Помню, из слухового окна своего дома стреляла одна девушка. Стреляла из винтовки. И так метко! Выстрелит — и немец в цепи падает. Может, спортсменка была.

Атаковали немцы непрерывно и вскоре потеснили нас к центру города. К древнему детинцу, к кремлю. Но и там мы долго не продержались.

Началась переправа через Волхов. А кремль еще не сдавался. Его еще сутки после нашего ухода защищал батальон разведки. После остатки батальона через Волхов переправились к нам.

Мы к тому времени уже заняли оборону по берегу Волхова.

По воде плыли трупы. Наши, немецкие. И вода в реке была красной от крови. Немцы несколько раз пытались форсировать Волхов прямо перед нами. Но мы их сбивали назад. Они обошли нас где-то южнее и там перешли через Волхов.

Начались бои в Ярославовом дворище.

Мы отошли к Ильмену. Прижали они нас к озеру. Непрерывные артиллерийские обстрелы и бомбежки. Взрывы, дым, копоть, огонь, стоны раненых. В тыл отправляли только тяжелораненых. Все остальные были в строю. Там, у озера, меня тяжело ранило. Мгновенный удар, как будто бревном. Все сразу потонуло, и я уже ничего не помню.

Очнулся я в медсанбате. Как оказалось, где-то под Валдаем. Гляжу — ветки надо мной. Лежу в шалаше. Подушка, простыня, серое солдатское одеяло. Ага, думаю, живой и где-то в глубоком тылу...

Две девушки стоят неподалеку и разговаривают. Я весь в бинтах. Оказывается, меня еще и сильно обожгло. Контузило. Как оказалось, рядом разорвалась бомба и меня взрывной волной отбросило на 18 метров.

— Служить я хотел в кавалерии. Мимо нашего техникума шли поезда, и часто я видел, как в дверях вагонов стояли кавалеристы Особой Дальневосточной армии. Стройные, в длинных шинелях, подтянутые, со шпорами, с шашками на боку.

Когда пришло время служить, в военкомате меня спросили: «В военное училище хочешь поступить?» — «Хочу. Только в кавалерийское». — «Хорошо». Выписали направление в Тамбовское кавалерийское училище. Но когда начал проходить комиссию, выяснилось, что принимают только рост 164—167, а у меня 177 сантиметров! Мне говорят: «Вы на 10 сантиметров переросли».

Загоревал я. Но потом мне подсказали, что в том же Тамбове есть пехотное училище. Я и пошел туда.

16 июня 1941 года мы сдали выпускные экзамены и получили лейтенантские звания — два кубаря в петлицы.

Отпуска нам не дали. Сформировали команду из 21 лейтенанта и направили для дальнейшего прохождения воинской службы в Прибалтику.

В Каунасе нам сказали, что наша часть расположена на станции Козлова Руда. Нам выдали денежное довольствие. Помню, я получил 1960 рублей красными новенькими тридцатками с портретом Ленина.

Когда ехали до станции, слышали, литовцы шушукались: вот, мол, русские молодыми офицерами части пополняют, к войне готовятся...

На станции мы выяснили, что до части еще идти проселком километров десять—двенадцать. А тут ночь наступает. Что делать? Старший нашей команды, Малашенко, позвонил в часть, и оттуда сообщили: куда вы, мол, на ночь глядя, завтра воскресенье, пришлем за вами машину, а пока располагайтесь на ночлег там, на станции.

В 6 часов утра из части приезжает младший лейтенант и поднимает нас: «Подъем, ребята! Война с Германией!»

Мы — на машину и в часть. А уже самолеты немецкие пролетают, бомбят то тут, то там.

Часть была поднята по тревоге. Нам приказ: занять позиции по границе с Восточной Пруссией.

Я принял взвод 190-го стрелкового полка 11-й армии. Взвод находился на позициях и в обороне. Весь батальон наш был сформирован из курсантов полковой школы, младших командиров. Сержантская школа.

Выслали мы разведку. Разведка вернулась, доложила, что перед нами никого нет. Стали ждать. Ждали недолго. Вскоре по фронту перед нами появились грузовики. Из них выскочила пехота. Немцы сразу развернулись и пошли в атаку. Идут — цепь ровная. В руках карабины с примкнутыми штыками. Штыки короткие, плоские.

Комбат подает команду: «Без команды огня не открывать!» Лежим ждем команду. Немцы уже близко. Слышим, комбат кричит: «Примкнуть штыки! В атаку! Вперед!»

У меня был пистолет ТТ и автомат ППД. Рядом лежал сержант. Я сразу сержанту: «Сержант, на мой автомат, а мне дай-ка твою винтовку». В училище мы основательно изучали штыковой бой. Штыком я владел.

Поднялись. Идем. И они идут. Тоже, видать, поняли, что сейчас будет. Сходимся. Без единого выстрела. Только топот сапог и дыхание. Уже каждый наметил себе противника, с кем схватиться. Гляжу, на меня идут трое. Рукава засучены, воротники расстегнуты. Сбоку болтаются коробки противогазов. Сзади над плечами торчат ранцы из телячьей кожи. Каски плотно пристегнуты ремешками под подбородком.

Я ударил одного. Штык вошел легко, легче, чем в манекен на полигоне. Немец не ожидал моего выпада, он еще только готовился к удару. Выронил карабин. От моего удара ранец за его спиной подпрыгнул. Я попытался выдернуть штык, но немец не падал и держал ствол моей винтовки руками. Тогда я изо всех сил рванул винтовку на себя.

Сержант тем временем свалил второго. А третий заскочил мне сзади, пока я вытаскивал штык. «Лейтенант! Сзади!» Я успел оглянуться, винтовку уже не развернуть,

ударил прикладом. Не знаю, попал не попал. Тут все перемешалось. Свалка! Лязг саперных лопаток! Ревут как кабаны! Хруст! Потом я догадался, что это кости хрустят. Того и гляди, как бы своего не пырнуть.

Вскоре разошлись. Они — в свою сторону, мы — в свою. Убитых никто не собирал. Ни они, ни мы.

Командир батальона в этой штыковой атаке шестерых заколол. Фамилию его я не запомнил. Помню только: высокий был, повыше меня, плотный, белокурые волосы.

— Наш кавалерийский полк стоял в Бессарабии, на границе с Румынией. Где-то в начале июня наши наблюдатели заметили, что на том берегу реки Прут румынские пограничники и часовые заменены немецкими солдатами.

Я был начальником радиостанции. Имел звание сержанта. Перед этим закончил полковую школу радистов. Радиостанция наша размещалась на тачанке. Тачанка запряжена четверкой лошадей.

Где-то 5 июня мы привели свое хозяйство в походное положение. Поправили упряжь, отремонтировали тачанку. Нам раздали патроны.

В три часа ночи 22 июня меня разбудил дежурный по эскадрону и сказал: «Васька, срочно в штаб. Тревога». Встали. Запрягли коней. Поехали. Ездовой у меня был лихой. Четверкой правил, как шофер автомобилем. Любую кочку, бывало, объедет. Подъезжаем к Яр-Горе, где стоял наш полк. А уже утро, седьмой час. В это время обычно проводится уборка лошадей, раздаются команды. А тут — тишина. Навстречу — командир моторизованного взвода младший лейтенант Туцкий. «Что случилось?» — говорю. «Как что? А ты не знаешь разве? Война!» Иду в штаб. В штабе у писаря: «В чем дело?» — «Война». — «С кем?» — «С Германией. С Румынией».

И началось.

Моя работа — наладить связь. Погнали мы свою тачанку к румынской границе. Нас предупредили: «Маскируйтесь. А то попадете под обстрел». А гляжу, над нашими позициями летает румынский самолет-корректировщик. У него не убирались шасси, и мы называли его «свесив ножки». Пока мы разворачивали тачанку, слышим: ш-шу-шу-шу — бах! Снаряд прилетел. Ага, теперь и я поверил, что война началась.

Приказ на отход. Бойцы недоумевали: почему без боя? Мы что, с румынами, что ли, справиться не можем?

А отход дело такое... Сперва пошел, а вскоре, глядишь, и побежал уже... Тачанку нашу разбило снарядом. Радиостанция пропала. За это нас потом таскали в особый отдел.

Поймал я коня в поле. Конь без седла, без уздечки. И карабин у меня был без ремня. На складе ремней не оказалось. Готовились, готовились, а началось — и карабин без ремня, конь без седла... Кавалерист, едрёна мать!..

Вскочил я на этого коня. Поехал. Спасибо коню, вынес меня из-под обстрела.

Полк наш дошел до Днестра. Так и бежали, без боя. Драпали не сопротивляясь. Управления никакого не было. Батальоны между собой с трудом поддерживали связь. Неразбериха. Паника.

Днестр переходили у Бендер по понтонному мосту. На Днепре встали возле острова Хортица. Вот тут-то меня и вызвали в особый отдел. Спросили: «Чем можете доказать, что радиостанцию вы попросту не бросили?» Я и говорю майору, который меня допрашивал: «Радиостанция действительно разбита вместе с тачанкой. Там же побито и лошадей. И доказать я это могу». — «Как?» — «Надо сходить туда. И вы сами увидите и воронку, и нашу разбитую тачанку, и побитых лошадей». — «Куда сходить?» — спросил майор. «Туда, — говорю, — товарищ майор, на Прут». Он посмотрел на меня внимательно и больше вопросов не задавал, отпустил.

— Недолго мы лежали в окопах. Поступила команда на отход.

Вышли из Каунаса. Впереди река Неман. Мост взорван. Взрывали его наши. Взрывом осадили фермы, и пройти по мосту было еще можно. Но на том берегу уже засели немцы. Десант.

Комбат отдает приказ: застелить досками провал — и вперед! Выбежали мы на мост. Немцы открыли огонь из пулеметов. Сразу же убило комбата. Комиссар нам и говорит, что так нас на мосту всех перебьют. И мы пошли вдоль Немана в сторону Белостока. Думали, что там наши держатся.

Постепенно мы разбились по ротам, по взводам. По отделениям. А до этого бежали стадом. Мелкими группами выходить было легче.

Неман мы переплыли на лодке. Я вел свой взвод — 38 человек. Двоих потеряли в штыковой. Глядим, на том берегу домик и лодка. Я сержанту-москвичу и говорю: «Ты плаваешь хорошо. Видишь лодку?» Тот вскоре лодку пригнал. Так мы переправились. В домике жил старик. Я ему и говорю: «Люди голодные. Дайте что-нибудь поесть. Мы заплатим». Вынес нам большой кусок сала и хлеба бо-ольшую ковригу. Я ему даю деньги. А он: «Вам еще далеко идти. Спрячь, лейтенант, деньги, пригодятся».

И точно, деньги мнегодились. Только уже в концлагере.

Мой помкомвзвода, старшина-грузин, порезал хлеб, сало. Поделил всем поровну. Хозяин нам принес еще и молока. Поели мы хорошо и пошли дальше.

Так мы шли до 20 июля. Никак своих не догоним. Везде немцы. Разделились на группы.

Около Молодечно мы втроем пошли в деревню. Утром вышли из леса. И вдруг: «Хенде хох!»

Нас обыскали. Все отобрали. Но деньги у меня в кармане остались.

Попал я в концлагерь в Молодечно. И пробыл в нем больше трех месяцев. Отощал, дошел. Ну, думаю, скоро и

мне в ров ложиться. А я в то время состоял в похоронной команде. Мертвых товарищей в ров возил, присыпал землей. Стал думать, как бы сбежать.

В день мы складывали в могилы по 200—300 человек. Бывало, подойдет немец из охраны, спрашивает: «Вифель русски зольдатен капут?» Мы отвечаем: «Цвай хундерт фюнфциг...» Он в ответ: ха-ха-ха!

В начале ноября я бежал. Отпросился у охранников в деревню: мол, к сестре, за хлебом. И немцы мне поверили, отпустили. Был у меня в лагере друг, Коля Пшеничко, украинец. И вот нас с ним пулеметчик отпустил. Я немного знал немецкий язык. И уговорил охранника.

Эх, как мы бежали из той деревни! Переоделись в гражданское — и ходу! В другой деревне нас снова накормили, смазали больные ноги гусиным жиром. Ноги-то стертые были все, сбитые.

А война уже под Москвой шла.

В деревне Лоси одна женщина нам и говорит: «Куда же вы, сыночки, пойдете? Вон Москва где! А у вас ни хорошей одежды, ни сил. Исхудали вон...» И узнали мы от нее, что у них в Лосях есть бывшие депутаты, которые организуют борьбу с немцами здесь, в лесах Белоруссии.

Так я попал в партизанскую бригаду Андрея Ивановича Волинца «За Советскую Белоруссию!». Бригада действовала в районе города Вилейки. Меня назначили командиром роты.

— И был у меня в отряде один случай.

Помните, нас троих один немец в плен взял? Это когда мы от Каунаса бежали, голодные, без патронов. А я их — шестьдесят восемь сразу!

Когда началась операция «Багратион» и наши войска пошли в наступление, нам, партизанам, была поставлена задача: перехватывать и не выпускать отступающие разрозненные немецкие части и подразделения. Как они нас когда-то перехватывали в Каунасе.

Я со своей ротой затаился под Клинецевичами. Разведка моя ходила туда-сюда, сообщала обо всех передвижениях. И вдруг: «Со стороны Куренца идет колонна немцев числом до роты».

Мы быстро переместились, перехватили дорогу. Ждем. Вскоре, смотрю, идут. С оружием, собранно. Ну, думаю, если завяжется бой, то мы их положим. Но кого-то, думаю себе дальше, и из наших ребят после того боя хоронить придется. Спрашиваю я своих командиров взводов: «Кто знает немецкий язык?» Пожимают плечами. Сержанта-москвича спрашиваю. А он: «Да знаю несколько слов. А все же ты, товарищ лейтенант, лучше знаешь». Э, думаю, была не была!

Выхожу навстречу колонне. Одет я был во все немецкое. Они меня сперва приняли за своего. Поднял руку, кричу, чтобы сдавались, что они окружены большим отрядом партизан, что, если не примут условия о сдаче, будут все до единого истреблены.

Немцы смешались и быстро стали готовиться к бою. К партизанам в плен они не хотели. Тогда я подал условный сигнал, и из пшеницы поднялась густая цепь нашей роты. Немцы увидели, что нас и вправду много, опустили оружие.

Я приказал обер-лейтенанту построиться. Тот их построил в две шеренги. Мы обошли строй. Смотрим, у них три пулемета. Один мой партизан — за пулемет. Немец оттолкнул его, пулемет держит крепко, не отдает. Я — к обер-лейтенанту. У него, смотрю, скулы задвигались, побледнел весь. Но автомат с плеча снял, положил его перед собой на землю. Вытаскивает из-за пояса ручную гранату, тоже кладет рядом. Тишина. Тогда он, не поворачиваясь к остальным, сказал что-то. И начали складывать оружие остальные.

Наши оружие разобрали — и опять ко мне: «Товарищ лейтенант, а можно товарообмен произвести?» А я вспомнил, как они нас, пленных, обдирали. Давайте, говорю, только до подштанников не раздевать.

Повели мы их. И в лесу наткнулись на соседний отряд. Те, не разобравшись: «Немцы!» — и открыли огонь. Двоих пленных — наповал. И ранили одного нашего. «Стой! Свои!» Насилу разобрались. Мы ведь — во всем немецком! И оружие немецкое! Я докладываю: «Пленных веду!» — «Каких пленных?» — «Немцев пленных! Что, не видите разве?» Те смотрят с недоумением.

А правда, в плен немцев мы никогда не брали.

— 22 июня 1941 года мы, деревенская ребятня, драли лыко в лесу. Лес был государственный, за Образцовкой, и мы обычно вели себя в нем тихо. Лесников боялись. А тут что-то раздурились. Кричали, баловались. А лыко драли на лапти. Надрали. Кто по три пука, кто поменьше. Пошли домой. И вдруг навстречу — Фрол Леонтьевич, батька мой. Лесник. И говорит: «Ух вы! Раскричались... Что шумите! Война началась!» — «Как война?! С кем?» — «С германцем».

Мы сперва притихли. А потом даже обрадовались: повоюем!

В октябре 1941 года нашу местность оккупировали. Сперва пережили бомбежку. Бомбежка — это... Когда уже и воевал, к бомбежке привыкнуть не мог.

После оккупации — а немец у нас простоял почти два года — меня и моих друзей почти всех мобилизовали. И батьку моего тоже. Стариков — сразу на фронт. А нас — в запасной полк.

Глава 2

ЛЕТО 1941-ГО

Это было самое трудное лето войны. Красная армия отступала на всех фронтах. Иногда это был более или менее организованный отход, которого, надо заметить, боялись немецкие генералы, потому что понимали: отведенные на запасные позиции и сохраненные от разгрома войска можно умело

перегруппировать и бросить в бой. Но зачастую умения энергично перегруппировать армии, корпуса и дивизии, правильно выбрать рубеж для контрудара как раз и не хватало советским генералам. Солдат же действовал, подчиняясь приказам командиров, а когда таковых рядом не оказывалось — обстоятельствам, зачастую их стихии. И бежали люди, охваченные ужасом паники. И бросали оружие. И шли в плен, потеряв всякую надежду на выход. Но и закапывались в землю, и дрались до последнего патрона. А потом, окруженные, зачастую штыками и прикладами прокладывали себе и своим раненым товарищам путь на выход. И били врага, изматывали его полки и дивизии, отвлекали их от главного направления, ломали таким образом планы, разработанные в немецких штабах. Есть мудрая пословица: без головы — не ратник, а побежал, так и воротиться можно. Пословицу эту подтвердили бои и битвы последующих лет, завершившиеся взятием Берлина.

В этой главе, как и во многих последующих, собраны воспоминания не только тех, кто сражался на центральном направлении.

Здесь и эпизоды жизни в оккупации тех, кто будет призван в ряды РККА в 1942, 1943 и последующих годах. Именно они пополняют наступающую Красную армию.

— Не доезжая Белгорода километров тридцать, в колхозе «Добрая воля» остановились на ночевку. И тут я опять попал в НКВД, на этот раз в качестве понятого.

По дороге двигался еврейский обоз. Беженцы. И вдруг подъехали на машине офицеры из НКВД. Остановили несколько подвод. Стали снимать на землю какие-то мешки. Мешки тяжелые. Оказалось — деньги! Считать их было некогда. В протокол об изъятии сумму вписывали по весу. У одной семьи изъяли сто четыре килограмма денег. Купюры все крупные.

Рано утром хозяйка вдруг разбудила меня и говорит: «Старшой, вставай. Стреляют близко уже». Я вышел послушал. Действительно, стреляют восточнее деревни. Ре-

шил, что бьет наша зенитка. Там была переправа, мост. Немецкие самолеты налетали часто.

Хозяйка тем временем сварила нам макарон с поросятиной. Выпили мы по стопке спирта. Поели хорошо. И уже собрались. Осталось попить чаю. А кружка у нас была одна на пятерых. Пили по очереди. Я начал пить первый. И тут под окошком — взрыв! Мы бросились к окнам: что такое? А к дому уже подъезжает немецкий танк. На броне человек пять автоматчиков.

Выскочили мы и огородами побежали прочь из деревни. Женщины увидели нас: «Детки, куда же вы под пули? Хоронитесь в погреб». Погреба в той деревне были хорошие, глубокие.

Добежали мы до леса. Упали на землю, отдышаться не можем. Одного нет, потеряли. Может, убило, когда бежали, а может, действительно остался в погребе.

День мы просидели в копне.

Все имущество, повозку и лошадей впопыхах бросили там, в деревне. Все бросили. У меня остался пистолет и кавалерийский карабин с тремя патронами. Ремнем подпоясаться я не успел, а подсумок был на ремне.

Дождались ночи. Пошли. Часа через полтора вышли к деревне. Перед деревней колхозный двор. На дворе, на наше счастье, какая-то женщина. Спрашиваем: «Немцы в деревне есть?» — «Есть». — «Где можно обойти деревню?» Она и говорит: «Как тут обойдешь? Поля кругом. Если пойдете полями, то завязнете в черноземе, не пройдете. А в конце деревни есть натоптанная дорога».

И пошли мы к той дороге. Смекнули так: если есть дорога, то должен быть и часовой.

С нами в группе шел красноармеец Соколюк. Здоровенный такой малый. Говорю ему: «Соколюк, приготовь две гранаты. Пойдем так: я — вперед, ты — следом. Откуда последует окрик, туда сразу и бросай обе гранаты. Часовой, кто он ни будь, а без окрика не выстрелит».

Идем. Ночь темная. Кругом черноземы черные. Зги не видать.

Первый проулок прошли тихо.

Подходим к околице. И тут — окрик. Кричит немец. Соколюк сразу швырнул обе гранаты на звук. Гранаты одна за другой разорвались. Мы — ходу. Уже в поле увидели, как в деревне заработал пулемет. Трассирующие пули веером летели в поле. В разные стороны. Немцы нас не видели, стреляли вслепую.

Утром вышли к железнодорожной станции Комаровка. Это километрах в тридцати—сорока от Белгорода. На станции наш бронепоезд. Я подошел к начальнику бронепоезда, рассказал ему, кто мы, откуда идем и куда. «Слушай, возьми нас с собой, — говорю ему. — Посмотри, ребята какие боевые. Уже и пороху понюхали. Пригодимся». Он сперва согласился. Но к вечеру нас таких, понюхавших пороху, на станции собралось больше двух сотен человек. И тогда начальник бронепоезда сказал, что никого брать не будет.

Днем показались немецкие танки. С бронепоезда сразу ударили орудия. Танки повернули, ушли.

Делать нечего, пошли мы на Белгород пешком. Дороги все забиты беженцами и такими же, как и мы, бедолагами, потерявшими свои части. Бежали мы с гражданскими в общем потоке. Вроде войск много, каждый второй на дороге — солдат или офицер. А какой с нас толк?

Самолеты немецкие буквально по головам ходят. Одни, отбомбившись, улетают, другие, чуть погода, прилетают. На путях везде валяется разное тряпье, рассыпана крупа, мука, сахар.

И из Белгорода мы ушли без боя. Ни одной боеспособной части в городе не было. Все сброд, такие же, как и мы.

Шли мы вот по какому маршруту: Маслова Пристань — Шебекино — Волчанск — Ореховатка.

Никто нигде нас не спрашивал, куда мы идем, из каких краев и какой части. Только в Волчанске, на мосту, нас задержал часовой и привел к коменданту. Комендант, старший лейтенант, выдал пропуск на Ореховатку.

В Ореховатке у коменданта я спрашиваю: не проходила ли наша кавалерийская часть? А он: не знаю, мол, ни-

чего я не знаю. «Не знаю, где я есть. В тылу, или уже немец нас перехватил. Связи нет. Приказа, что дальше делать, нет. Вот так-то, хлопцы. А вы дуйте на Валуйки».

Вскоре вышли к Дону. И там, на переправе, совершенно случайно встретили мы лейтенанта из нашего полка. Он и говорит мне: «Ты откуда, Ушаков?» — «С того света!» — говорю. «Это точно. Мы тебя, — говорит, — давно уже списали». — «Где наши?» — спрашиваю. И он сказал нам, что наши уже под Москвой. С нами он не пошел, сказал, что оставлен на Дону для выполнения специального задания.

Прибыли мы в Москву после 7 ноября, числа, может, 12-го или 15-го. На улицах везде были развешаны газеты с выступлением Сталина на параде. Парад проходил 7 ноября на Красной площади. С парада войска уходили прямо на фронт.

В Москве на перекрестках противотанковые ежи. Зенитки. На крышах счетверенные пулеметы.

В Москве мы узнали, что дивизия наша уже ушла куда-то под Серпухов.

Прибыли мы в Серпухов. Нет нигде нашей дивизии. Но в Серпухове увидели мы старшего лейтенанта. Длинная шинель, на сапогах шпоры. Кавалерист! Подхожу спрашиваю. Он на меня посмотрел — а на мне тоже кавалерийская шинель и шпоры — и говорит: «Где дивизия, не знаю. А штаб дивизии под Каширой».

Вот так мы и дошли до своих.

Пришли голодные, грязные, вшивые. Сейчас скажу — не поверишь: я после июня 1941-го в баню попал только в марте 1942 года!

Под Каширой в полку старшина мне выдал новое обмундирование. Старое все — в огонь! Вместе с живностью. От вшей грязное белье шевелилось! Тут нас переодевали уже во все зимнее. Выдали теплое, добротное обмундирование. Но помыться я все же не успел. Началось наступление. Наша 9-я Крымская кавалерийская дивизия была переименована во 2-ю кавалерийскую и получила звание

гвардейской. Я воевал в 4-м гвардейском полку. Дивизия входила в состав 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Командовал корпусом генерал Белов.

Когда началось наступление, тут и спать стало некогда. По пять, по шесть суток не спали. На марше, на коне едучи, глаза прикроешь и тут только поспишь.

В декабре мы освободили Венев, Одоев, Сталиногорск, вышли к Козельску.

— Что меня поразило во время войны... Что запало сильнее всего в душу?..

А вот что. Выступление Сталина 3 июля 1941 года. Он сказал: «Граждане и гражданки! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои...» И народ встал на защиту Родины. Я всю войну прошел с этими словами в сердце.

Что бы потом и теперь о Сталине ни говорили, а мы победили со Сталиным, с его словами: «Братья и сестры...»

— Наша маршевая рота двигалась к передовой. Шли по ржи. Август. Рожь неубранная, жалко топтать. А что поделаешь? На войне очень часто приходилось делать то, что в обычной жизни никогда бы не сделал.

Подошли: впереди уже траншеи виднеются. Немцы иногда постреливали. Народ мы были еще необстрелянный, пороху не нюхали. Один снаряд упал совсем рядом. И мы по неопытности испугались. Первая мысль: спрятаться! Куда? Неподалеку воронка. Мы всем скопом туда. И так понабились — куча-мала! Стали выбираться. Чую, что-то завоняло... Мы сперва подумали, что кто-то из наших ребят с перепугу в штаны наклал. А дело-то оказалось вот какое: в эту воронку бойцы с передовой ходили оправляться. Боже ты мой! Кто смеется, кто ругается. Кто внизу лежал — ругаются. Кто сверху — смеются. Делать нечего, стали отчищаться. А то скажут: автоматчики-то, маршевая рота, обосранные пришли...

— До войны-то я жил на Украине. Там родина моя. Деревня Кербутовка Батуринского района Черниговской области.

Началась война. Наши отступали.

Однажды к нам заехал мой старший брат Василий, лейтенант-артиллерист. Это было где-то в июле—августе. Вместе со своим ординарцем. Оба на лошадях. Побыли где-то не больше часа и поехали. Сказал мне на прощание: «Ну, братко, родителей оставляю на тебя. Береги их. А мы скоро вернемся».

Вернуться-то они вернулись. Но нескоро. Под Харьковом Василий попал в окружение. Оголодали, обовшивели, оборвались. Как он потом рассказывал, выходили только ночами. И вышли. Вышли они втроем. Спаслись.

Воевал и другой мой брат, Григорий.

А мы спасались от немцев тут, в Кербутовке.

Брат уехал, а через несколько дней в деревню вошли немецкие части. Сперва появились мотоциклисты. Собрали людей. Назначили старосту.

Начался набор в полицию. Горько теперь вспоминать, но в полицию записались и многие мои друзья, одноклассники.

Вызвали в полицейскую управу и меня. «Сдай оружие». — «Какое оружие?» — «А какое брат оставил». — «Нет у меня никакого оружия. Брат ничего не оставлял». — «Сдай по-хорошему».

Меня посадили под арест. Сунули в какую-то каморку, заперли. Выставили часового. Утром вызвали отца. Отец подтвердил, что никакого оружия Василий не оставлял. Ладно. Тогда мне: «Записывайся к нам в полицию». Я стал отговариваться: мол, старые родители, мне надо за ними доглядать... Меня и отпустили.

Было нас трое друзей. Я, Миша Корниенко и Миша Белоус. Вместе учились в школе. И отцы наши дружили.

Мы ходили в лес. Лес у нас был небольшой. И однажды нашли мы там саблю, пистолет и винтовку. Все это оружие перепрятали.

И вдруг прошел слух: собирают молодежь и отправляют в Германию. Вызвали в управу и нас. Побольше десяти человек нас было. Из района приехал немец с переводчиком. Рассказывает нам, как хорошо будет в Германии и как сытно там кормят. Все, мол, получите специальности, жилье.

Повесили мы голову.

На завтра назначили сбор.

Отец мой воевал в Первую мировую и в Гражданскую. И сказал: «Ничего, сынок. Мы с матерью тебе сумочку соберем. Сумка пускай дома лежит. А ты с ребятами уходи в лес».

Когда после трехдневных скитаний по лесу мы пришли домой, отец мне рассказал такую историю. Приехал полицай, сумку мою забрал на повозку. Спросил, где сын. «А где-то тут, — сказал отец. — Может, к друзьям ушел. А может, уже и к управе пошел». Возле управы собралось человек восемь. Нас не дождалось, поехали. Ребята, видя, что мы не явились, дорогой тоже почти все разбежались.

Мы потом долго еще жили в лесу. Ночью домой придем, украдкой продуктов наберем — и в лес обратно. Жили в лесу месяца три. Вырыли яму с полметра глубиной и над ней построили шалаш.

Вскоре прошел слух, что под Москвой наши немцам крепко дали по зубам. Полицаи сразу попритихли. Мы уже и днем стали приходить в деревню. Надо было помогать родителям по хозяйству. Отцу уже шестидесятый год пошел. Мать тоже была слабенькая.

Однажды вечером к нам во двор зашел разведчик. Я сперва спрятался. А он говорит мне: «Я к вам ненадолго. Дай мне поесть, и я уйду». Зашел в дом. С отцом и матерью поздоровался, сел за стол. Кто он и что он, не сказал. Но осведомленный — стал рассказывать, что происходит на фронте. Я сел рядом с ним, слушаю. Он рассказал о боях под Сталинградом.

Пришелец остался ночевать. Утром рано, еще потемну, ушел. Спросил, как лучше перейти Сейм. Отец ему указал

дорогу. Он и ушел. А на прощание сказал: «Ждите. Не бойтесь, скоро вас освободят».

В 1943 году, в конце августа, нас освободили.

Я в этот день пас деревенское стало коров. Налетели самолеты. Самолеты итальянские. Начали бомбить. Бомбили деревню. Видимо, думали, что в Кербутовку уже вступили передовые части Красной армии. Загорелись дома. Крыши соломенные — горели как снопы. Много народу побило.

Спустя некоторое время из района приехали наши — полевой военкомат. Объявили мобилизацию.

Полицаи сперва ушли с немцами. Куда им деваться? Но с одним я потом встретился. Он от немцев ушел и где-то перешел к нашим. Воевал. Был ранен. Потерял ногу. Награжден. Инвалид войны. Машину ему дали. В сорок первом он меня в полицейскую управу под винтовкой водил.

На сборном пункте народу много. Пришел офицер, назвал наши фамилии и говорит вдруг: «Домой! Вас, двадцать пятый год, мобилизует территориальный военкомат».

20 октября 1943 года нас, 12 человек 1925 года рождения, призвали. Попали мы в 161-й запасной полк при 47-й армии.

Присвоили мне звание сержанта. Долго не выдавали форму.

И зачислили меня в 7-ю роту 3-го батальона 487-го полка 143-й стрелковой дивизии 47-й армии.

Глава 3

ОКРУЖЕНИЕ

Как сказал один из моих героев, окружение — это особая война.

Здесь собраны эпизоды разных периодов войны, с разных фронтов. История Великой Отечественной войны знает несколько окружений, несколько котлов, в которых гибли фронты, армии, дивизии. Но судьба солдата могла закончиться трагедией плена или гибелью и в незначительном в масштабах

даже полка или батальона окружении, когда отрезанным противником оказывался взвод, отделение или группа бойцов.

В вяземском окружении в октябре 1941 года оказались части 10 советских армий, 7 полевых управлений армий. Пленено 657 948 человек. В их числе оказались три командарма: командующий 19-й армией М.Ф. Лукин, 20-й — Ф.А. Ершаков и 32-й — С.В. Вишневецкий. Операция «Тайфун», начатая группой армий «Центр» под Рославлем в конце сентября 1941 года, набирала силу. Целью ее была Москва.

Любопытны приведенные здесь рассказы очевидцев так называемого второго вяземского окружения, когда в котле оказались западная группировка 33-й армии, 1-й гвардейский кавалерийский корпус и части 4-го воздушно-десантного корпусов. Как известно, только кавалеристы генерала П.А. Белова смогли сосредоточенно и организованно пробиться к своим, совершив глубокий рейд по тылам противника в направлении на город Киров нынешней Калужской области. Десантники и ефремовцы почти целиком были истреблены или пленены.

Среди воспоминаний окруженцев есть эпизод о том, как беловцы предотвратили нападение на своего командира, который постоянно находился с ними и не воспользовался возможностью вылететь на самолете в район Кирова, где держала оборону 10-я армия. Недавно открытые архивные документы свидетельствуют о том, что немцы действительно охотились за командиром 1-го гвардейского кавкорпуса. Для этого был сформирован отряд из 300 человек. Командовал им бывший командир 462-го отдельного саперного батальона 160-й стрелковой дивизии 33-й армии майор А.М. Бочаров. Личный состав отряда, сформированный из военнопленных, захваченных в последних боях, был одет в форму бойцов и командиров РККА, вооружен советским стрелковым оружием. Имел задачу: под видом маршевого батальона от станции Баскаковка войти в Преображенские леса, отыскать штаб кавкорпуса, разгромить его и захватить в плен генерала Белова. Затем принять руководство частями корпуса от имени плененного командира. Однако информация просочилась в органы советской контрразведки.

В мае 1942 года отряд Бочарова был разбит, 19 человек захвачены в плен. Любопытно, что сами немцы оценивали операцию «батальона майора Бочарова» положительно. Вот фрагмент из трофейных документов 4-й полевой армии вермахта: «Первую попытку использовать в боевых действиях на нашей стороне русскую часть специального назначения можно оценить как положительную, хотя поставленная перед ней задача (ликвидация штаба 1-го гвардейского корпуса) и не была выполнена. Несмотря на трудные условия местности, часть эта вызвала значительные беспорядки и сковала крупные силы противника. Следует отметить особую заслугу командира части и всего личного состава». Очевидно, главным положительным результатом для немцев стала преданность им майора Бочарова и его подчиненных.

Из окружения бойцы выходили более закаленными. Опыт затем помогал в новых боях.

Но не всем суждено было выйти к своим. Для многих окружение заканчивалось пленом.

— Родился я на Калужской земле, в семье хуторян. Предки мои приехали сюда с Украины. В 1912 году мой дед Кирилл Анисимович купил 16 десятин земли под Калугой. Материнская линия — род Шевченко. Между прочим — двоюродного брата Тараса Шевченко, украинского поэта.

Работали мы на своем хуторе от темна до темна. Много работали. И зажили было хорошо. Хутор наш так и назывался — Сумников.

Все прахом пошло...

Отец ушел работать на железную дорогу.

Когда началась война, мы жили под Калугой, на станции Желябужская.

16 октября 1941 года, как раз на Покров, к нам в Бабаево, тогда Детчинского района, пришли немцы. Лежал снежок. Но было еще тепло. Они бегали в мундирах, налегке, без шинелей. Один, помню, подошел к нашему дому, рас-

стегнул штаны и начал мочиться прямо на окно. Тут мы сразу и поняли, кто на нашу землю пришел.

Вскоре они ушли по Старокалужскому большаку к Москве.

Однажды мать послала меня посмотреть, что с нашим хозяйством в деревне. Отец за год до войны все же купил в одной деревне домишко, и мы там сажали огород. К земле тянуло.

И дом, и весь урожай наш разграбили. Уволокли все подчистую. Свои. Немцам этого не надо было. Даже крыши сорвали и картошку из погреба вынесли.

И вот возвращался я домой. Шел лесом. Места знакомые. Иду, не боюсь. Вроде все тихо. И вдруг мне кто-то набрасывает на голову плащ-палатку. Схватили под руки, поволокли. Я и понять ничего не успел, а уже стоял перед командирами. Смотрю, форма на них наша, красноармейская. Тут я немного успокоился. Политрук мне: «Почему ходишь один? Где твоя деревня?» Я им все рассказал. Спросили: встречал ли где немцев? «Нет», — говорю. И мы пошли. Прошли между деревнями Осиново и Руднево, вышли к Сидоровке. Немцев нигде нет. Приходим в наше Бабаево.

Их человек сто. Рота. Все с оружием. Зашли в овраг. Политрук мне: «Пойдешь с нами?» — «Я бы пошел. Но отец неизвестно где. Мать дома с двумя сестрами. Не знают, где я и что со мной». Политрук: «Я все улажу. Где ваш дом?» И пошел к моей матери. Вернулся через полчаса. Мать с ним — вся в слезах. Принесла сапоги, кое-что поесть, что у них было. И благословила меня: «Иди».

Шли мы все лесами. Мимо деревень Верховье, Азарово. У них была карта. Шли, постоянно сверяя маршрут по карте. Шли в сторону фронта. К Высокиничам и Угодскому Заводу. Шли ночами. Возле Башмаковки пересекли Старокалужский большак. Повернули к Угодке.

Остановились. Какая-то слобода. Меня послали на разведку. Посмотрели по карте, сказали, что впереди будет такая-то деревня, потом такая-то. И говорят мне: «Туда не

заходи». А задание мне было вот какое: выйти к реке Протве и узнать, цел ли там мост.

Дорогой я встретил поляков. Солдаты в немецкой форме ехали на подводе и разговаривали по-польски. А я по-польски тоже разумел. На хуторах-то мы на четырех языках разговаривали: на русском, украинском, белорусском и польском. Я с ними заговорил. Они обрадовались, посадили меня на подводу и подвезли до деревни. Что ж за деревня, думаю? Ни разу в ней не был. И зашел в деревню. Любопытство верх взяло. Смотрю, кирпичное здание, уже без окон. На стене вывеска: Овчининская сельская больница. Пока я разиня рот читал трафаретку, кто-то тихо подошел сзади, схватил меня за воротник и приподнял. Я обернулся, смотрю: здоровенный немец, схватил меня и не отпускает. Что-то мне по-немецки кричит. Вот по-немецки я был еще слабоват. Потом, на фронте, немного подучил, начал разговаривать с пленными. Тряхнул меня тот немец, и из-за пазухи моей вывалились две книжки. На краю деревни я поднял их и сунул за пазуху, вроде как из школы иду... Обе книжки — Чехова. Книжки упали, и немец ногой начал их листать. Листал, листал, увидел портрет Антона Павловича с бородкой и мне: «ЛЭНИНС? ЛЭНИНС?» Я говорю: «Найн, Чехов». А он как закричит: «ЛЭНИНС!» — схватил меня, подвел к краю оврага. Овраг глубокий. Как дал мне по уху, и сразу я очутился на дне того оврага.

Вылез я из оврага и больше в деревни не заходил. Трубино и Ивашковичи обошел стороной. Вышел к Протве. Настил моста разобран и сожжен. Лаги остались. Я перешел на ту сторону по лагам. На той стороне — деревня. Зашел в крайний дом. Открыла мне старуха. Ну, может, и не старуха... Мне было всего четырнадцать лет, и все женщины старше тридцати казались мне тогда старухами. «Ты что?» — говорит. «Из Овчинина иду, — говорю. — Лошадь пропала. Ищу». Она посмотрела на меня внимательно и, видимо, поняла, какую я лошадь ищу. Но виду не подала. И говорит: «Проходи. Поешь». Налила мне молока, дала хлеба, картошки в мундирах. Народ тогда добрый был.

В любом доме накормят. Я ем и спрашиваю: «А немцы тут где поблизости есть?» — «У нас, — говорит, — нет. В Угодском Заводе стоят. Но приезжают почти каждый день. За продуктами. Грабят».

Деревня та приречная называлась Огубь.

Вернулся я к своему отряду. Доложил: «Моста нет». Рассказал, что узнал, что видел и что слышал от людей. Про немца рассказывать не стал.

Один сержант и говорит командирам: «Пойдемте на Остров! Там пройдем. Я там все знаю. И идти там можно все время лесом».

Я шел и думал: что за остров такой? Видимо, на Протве есть такой остров... Оказалось, село с таким названием. Сержант был родом оттуда. Он нас и вел.

Однажды вышли на хутор Борцово. Колодец там был, родник. Сильный такой родник! Баню затопили. Помылись. Солдаты были довольны. Отряд простоял там целый день. Воды из родника с собой набрали. Ночь настала, пошли дальше. Шли долго. Вышли к монастырю. Вперед пошли разведчики, трое солдат с пулеметом. В монастыре никого не оказалось. Зашли. Два кирпичных двухэтажных домика и полуразрушенная или недостроенная церквушка. В отдалении вдоль леса домишки — деревня. Утром пошли дальше. Через село Чаусово шли открыто. Народ вышел на улицу. Люди кричали: «Не ходите в Караулово! Там немцы! Тьма-тьмущая!» Запомнилась и еще одна деревня, которую проходили. Название больно забавное — Шопино. К утру вышли к Острову. Начали переправу через Протву. Распрягли лошадей, начали пилить сосны и вязать плот. В стороне Кременок и Троицкого все грохотало и вспыхивало. Там шел бой.

Дальше я с ними не пошел. То, о чем они меня попросили, я все выполнил. Политрук и командиры были довольны, что вышли к фронту, что в дороге нигде не попали под обстрел, что никого не потеряли. Они оставили мне вещевой мешок с продуктами и комплектом солдатского белья. И дали мне лошадь. Назад я ехал другой дорогой —

через Барятино и Сугоново. До своего Бабаева пробирался три дня. В деревни не заходил, боялся: попадусь немцам, отнимут лошадь.

А на фронт я попал после того, как нас освободили и годы мои подошли.

— Сидели в окопе под Ржевом. Немец нас к тому времени отрезал от фронта. Несколько дивизий 39-й армии. Он нас уже добивал. Ни связи, ни взаимодействия. Отбивались как могли. Ни сухарей у нас, ни патронов.

Мне и восемнадцати еще не было. Боец один, минометчик, спрашивает меня: «А ты, сынок, откуда родом?» — «Из Юхнова», — говорю. «Ох, парень, так это же совсем недалеко отсюда!» А после нагнулся ко мне, чтобы другие не слышали, и говорит: «Я б на твоём месте... когда стемнеет... Кто тут теперь тебя хватится? Пропал и пропал...» И толкает меня в бок. «Беги, — говорит, — дурачок. Мы, старики, свое пожили. А ты — беги. Может, дойдешь. Вот мамка рада будет!»

Мамка-то, может, и обрадовалась бы, когда бы увидела, что я вернулся живой и здоровый. Но я вспомнил, как отец меня на фронт провожал, как в огороде учил меня штыком и прикладом действовать. Взял из подпечья ухват и повел меня на зады. Отец-то в Первую мировую с германцем воевал. Боялся, что нас, необученных, на фронт погонят. Так оно и вышло. Вспомнил я, какие он мне слова при этом говорил и какие потом, напоследок, когда нас из Юхнова повезли в запасной полк... Нет, думаю, приду, что ж я ему скажу? Вот, мол, я, тятя, винтовку бросил, товарищей, позицию врагу оставил...

А ведь и жить охота.

Замутилась моя голова.

Ушел тот минометчик. Другой боец мне и говорит: «Не слухай его, сынок. Там, в тылу, заградзаставы везде. Далекое не уйдешь, а им в руки только попади... Не ходи. Дорога там тебе не до дома, а до первой березки».

Сижу я в окопе, головой к стенке прислонился, плачу. А немец уже начал мины кидать. Хрясь да хрясь! Осколки кругом так и стригут. Народ весь сразу попрятался. Тот-то моих слез никто и не увидел.

А после — вышли. Вывел нас из окружения пожилой комиссар. У него карта была, компас. Он знал направление на выход. Сказал: «Ребята, только слушайте меня. Я вас выведу». И правда, вывел.

— В апреле нам выдали сапоги. До этого, уже по воде, ходили в валенках.

И вот нам дают задание взять языка. А дело было под Баскаковкой Восточного района Смоленской области.

Пошли. В группе шестеро. Шли по компасу. Чтобы не потерять ориентира и не вернуться к своим. Всю ночь проходили, нигде нам удачи не было. Промокли насквозь.

Вышли на вырубку, присели отдохнуть. Рядом деревня. В деревне немцы. А уже светало, надо было возвращаться. Возвращаться с пустыми руками, с невыполненным заданием. Один из наших, Галкин, говорит: «Да, братцы, видать, мне сегодня детонатор кусать не придется». Ему: «Да пошел ты к черту! Командир за такую разведку шею намылит». — «Намылит не намылит, а завтра в ночь опять идти». — «Это уж точно». Сидим так, тихо рассуждаем о своей горькой участи и вдруг видим: по дороге идет немец. Винтовка закинута за плечо. Идет посвистывает. Не боится. Как у себя на родине. А чего ему бояться? В деревне сильный немецкий гарнизон. Мы даже танки видели.

Мы сразу присели. Поползли к дороге, рассредоточились. Не первый раз в разведке. Зимой через нейтралку ползали, через минные поля, под пулеметами, а тут как на прогулку вышли. Лежим. Немец все ближе. Посвистывает, снег поддает. Настроение у него хорошее, видать, письмо от фрейлейн получил. Сбили мы его с ног. Винтовку он успел снять с плеча. Вырвали мы у него винтовку. В рот — кляп. Скрутили. Только с ним управились, глядим, оттуда

же, из деревни, еще около взвода идет. Увидели нас, закричали, стали стрелять. У них же, у каждого унтера и сержанта и даже у более нижних чинов, бинокли.

Мы — ходу. Они погнались. Видать, хотели отбить своего. Четверо из нашей группы прикрывали отход. Мы, двое, немца волокли. Снег, помню, глубокий был, бежать тяжело. Немец тоже тяжелый, да еще упирался. Я ему тогда стволом его винтовки — в бок. Ага, понял, побежал живее. Лес голый, не вот и спрячешься от пуль. Мы бежим, слушаем, как группа прикрытия из автоматов стреляет. Два автомата, три, четыре... Все живы. Стреляют экономно, прицельно, короткими очередями. Чем глубже мы уходили в лес, тем сильнее немцы стали отставать. Вскоре совсем прекратили преследование. Последний раз ударили три раза залпом из винтовок и ушли.

Весь день бродили по лесу. Свечерело. Наконец вышли к железнодорожной станции Баскаковка. Вышли неосторожно — нас обнаружили. С вышки часовой осветил прожектором и обстрелял из пулемета. Немцу мы сразу голову нагнули. Жалко такого немца терять. Мертвого не потащишь. Мы уже мертвых таскали. Знали, что командир эскадрона тут же назад наладит. Немец и сам стал голову прятать.

Когда мы уходили от преследования, потеряли ориентир. И возвращались уже другой дорогой. Заблудились. Вот это было страшно. Ну, думаем, если тут гарнизон большой, сейчас вышлют взвод и окружат. Решили так: если станут окружать, немца придется пристрелить. Ползем, снег месим. Пули трассирующие поверху идут. Выползли. Свалились в лошину. Станцию обошли и вышли на свою тропу, которой накануне входили. Стрельба позади прекратилась. Погони не было. Слава тебе господи!

Немца вел я. Винтовка его у меня в руках была. Когда вышли из-под обстрела и сели на снег отдохнуть, он мне по-русски и говорит: «Сержант, давай закурим». — «Давай! — говорю. — Чего ж не закурить? Только курить будем твой». — «Гут», — говорит. А когда я его обыскивал, пачку сигарет забирать не стал.

Развязали мы ему руки. Закурили.

Утром мы немца привели в полк. И получили награду! Да какую! По шесть пачек папирос и по шесть пачек махорки! О! Тогда, в окружении, это была большая награда.

— Однажды мы шли рядом с командиром нашего корпуса генералом Павлом Алексеевичем Беловым. Это было километрах в сорока от Ельни. Шли в сторону Спас-Деменска.

Уже несколько дней не ели. Самолеты нам иногда сбрасывали продукты и боеприпасы. Но очень часто все это попадало к немцам.

В этот раз в лесу мы нашли две пачки концентратов и гороха. Вскоре остановились на привал. Сразу развели костерок, поставили котел. Только наша каша закипела, варевом запахло, наше боевое охранение подняло стрельбу. Слышим, немцы кричат: «Иван! Давай генерала!»

Немцы за Беловым постоянно следили. Их самолет-корректировщик, двухфюзеляжный «Фокке-Вульф», так и висел над лесом. То поднимется, то опустится. Все они о нас знали: куда какая группа направляется и в каком числе. И с какой группой идет командующий, тоже знали. А по нашим следам шли специальные группы. Они были немногочисленные. Охотились за Беловым.

Побежали мы от котла на выстрелы. Смотрим, стоит наш офицер, командир химвзвода. Рядом солдаты из боевого охранения. Возле них несколько убитых немцев и раненый офицер. Командир химвзвода приказал нам перевязать немца. Мы его перевязали кое-как, переложили на плащ-палатку. У немцев были треугольные камуфлированные плащ-палатки. Принесли его к генералу. Рядом с Беловым стояли несколько офицеров штаба. Те стали допрашивать немца, но что-то разговор у них не получился. И застрелили они того офицера.

После этого случая Белов исчез. Говорили, что вылетел через линию фронта на самолете. Но в то время самолеты

мы уже не принимали. Аэродромы распустило. Другие говорили, что, мол, генерала вывели партизаны. Третьи — что увела наша разведка.

Потом в мемуарах Белова я прочитал, что он вышел в зону действия партизанского отряда имени Лазо. А штаб его остался и впоследствии был эвакуирован на самолетах.

— О том, как вылетал штаб Белова, я отчасти знаю.

Нас, тех, кто был еще способен стоять в строю, свели в отдельный батальон. Сводный батальон насчитывал человек двести—триста. Командовал нами майор Бойченко. Я его знал еще по службе в Бессарабии. Когда мы входили в прорыв и зимой, в окружении, он был в нашем полку помощником начальника штаба по разведке. А комиссаром в батальон назначили Глушко.

Глушко тогда вышел, прошел всю войну. Я с ним потом встретился. Мы долгое время переписывались. Жил он во Владикавказе. Может, и теперь жив. Но писем от него я что-то давно не получал.

Нас построили. Зачитали приказ: идем в опасное место, в пути не разговаривать, командирам подразделений команды отдавать вполголоса, идти след в след, на привалах костров не разводить, сучья не заламывать, соблюдать все меры предосторожности. За невыполнение приказа — расстрел на месте.

Меня, сержанта, назначили командиром взвода. Лейтенантов уже не хватало.

Шли ночью. Днем остановились. Отдыхали.

Вечером поднимают нас, опять строят. Выходит майор Бойченко. Снова зачитывает вчерашний приказ. Зачитал и говорит: «Ведите сюда первого!» Выводят здорового такого парня. Майор говорит: «Вот этот человек назвался лейтенантом Красной армии. Документов у него нет. Мы ему поверили. А сегодня, вопреки моему приказу, на привале он разжег костер. За нарушение приказа приговариваю его к высшей мере. Приговор в исполнение привожу сам».

А ходил всегда майор Бойченко с тремя пистолетами: на правом боку маузер, на левом, на ремне, в кобуре — ТТ, а под ремнем на животе — револьвер. Револьвер торчал так, без кобуры.

Вытаскивает он из-за ремня свой наган, приставил к затылку лейтенанту, или кто он там был. Выстрелил. Тот упал.

Когда стреляют в затылок, тело падает не вперед и не назад, а вниз, мешком.

«Давайте другого!» Тут же выводят другого. Глянул я: а это же парень из нашего полка! Я его еще до войны знал. В Бессарабии вместе служили. «А этот уснул на посту». Тот успел крикнуть: «Товарищ майор, я не спал! Я только сел на дерево!» — «А если сел, то это все равно что спал! А что значит уснуть на посту? Когда спит батальон, а часовой уснул на посту, достаточно двух немцев с шомполами, и через полчаса батальона нет! В одно ухо сунул шомпол, в другое он сам вылезет. Человек во сне и не охнет...»

Командир батальона говорил правду: были случаи, когда целые взводы диверсанты уничтожали шомполами. Спящего — в ухо, как поросенка. Сразу готов! Шомпола они брали от наших, мосинских винтовок, потому что их шомпола были на цепочке.

И вот повернули того парня. Майор Бойченко поднял руку с наганом. Я думал, не выстрелит. Бах! Выстрелил! И однополчанин мой повалился с пробитым затылком...

Жизнь на войне страшная. И до этого видел я расстрелы. Но такого страшного — никогда.

Вскоре мы вышли на поляну. Это был аэродром. Нам было приказано его охранять.

Самолеты прилетали и улетали. Земля уже подсохла. Самолеты сажались удачно. Небольшие фанерные «кукурузники». Забирали офицеров штаба. Самолет мог забрать только троих человек. Одного пилот сажал в кабине впереди себя, а еще двоих — в гондолы под крыльями.

— Еще зимой, когда мы вошли в прорыв, ночами к нам в помощь начали высаживать десант. Мы потом вместе с ними шли на Вязьму. Там уже всюду бились дивизии генерала Ефремова. Прыгали они с парашютами прямо в лес. Как попало. Приземлялись — кому как повезет.

Однажды я еду на своем коне. Ночь морозная. Звезды. И вдруг мой конь захрапел, стал вскидывать морду. Я сразу понял, что рядом где-то или зверь, или человек. Взял автомат на изготовку. И тут прямо из-под ног коня выходит человек в белом маскировочном обмундировании. Говорит мне: «Ты не видел таких, как я?» — «Нет, — говорю, — не видел». И рассказал, что, пока пристегивал лыжи, товарищи его ушли и теперь, видимо, уже далеко. «А ты куда едешь?» Я ему говорю: «К себе, в полк». — «Возьми меня с собой». — «Садись, — говорю, — сзади седла».

Сел. Лыжи и винтовку в руки взял. Едем. Я ему и говорю: «Давно из Москвы?» — «В восемь часов вечера вылетели». — «У тебя, — говорю, — наверное, и закурить есть?» — «Закурить, — говорит, — есть». — «Вот хорошо! Давай закурим! А конь нас до места довезет».

Закурили. Папиросы московские. Мы в окружении давно таких не курили. Я его довез до штаба полка. Простились. И больше я его не встречал.

С десантниками мы в ту зиму воевали бок о бок. Одну судьбу делили. И голодали вместе. И вместе пытались выходить потом. Кто вышел, а кто...

— А вот другой случай.

Однажды рано утром поступил приказ: взять деревню.

А ночью была очередная высадка нашего десанта. И вот один лейтенант приземлился не совсем удачно — запутался в стропах в деревьях. Пока возился с парашютом и лыжами, товарищи его ушли. Плутал он, плутал, вышел к деревне. Обошел ее — никого. Зашел в крайнюю избу. Натоплено. Но никого нет. Решил подождать. Сел на лавку да и уснул в тепле.

Ранним утром мы ворвались в ту деревню без единого выстрела. И что оказалось: немцы ночью ушли. Выходит из своей избы лейтенант-десантник. Смотрит на нас. Мы — на него. «Где немцы?» — «А где немцы?»

Тогда мы кинулись в соседнее село. Немцы нашего нападения не ждали. Выбили мы их. И захватили там шестиствольный миномет. В нем был один снаряд. Потом на самолете эту установку вместе со снарядом отправили через фронт в Москву. Шестиствольный миномет, прозванный нашими бойцами «скрипачом», тогда на фронте был еще диковинкой. Стрелял он огромными снарядами, похожими на ракеты наших «катюш». Мы его боялись. Правда, наша «катюша» была все же лучше. Но по нас-то стреляли «скрипачи». Не дай бог попасть под его огонь.

Кстати, в том последнем батальоне, сформированном майором Бойченко для охраны аэродрома, тоже были десантники. Внешне они к тому времени ничем от нас, кавалеристов, не отличались. Все были оборванные, голодные, истощенные.

— Вскоре неподалеку от нашего аэродрома в деревне появились какие-то люди. Мы прислушались: вроде немцы. Мы — к командиру: «Нас окружили?»

Майор Бойченко послал меня и еще одного сержанта, Хомякова, в разведку, узнать, кто в деревне.

Пошли мы с Хомяковым к той деревне. У Хомякова был трофейный бинокль. Я и без бинокля увидел: на огородах стоят какие-то люди, по виду и осанке — немцы. Хомяков посмотрел в бинокль и говорит: «Наши». Посмотрел в бинокль и я: «Какие наши? Немцы». А он мне опять: «Наши».

Стали мы подходить ближе.

Шли, шли, остановились. Как будто что-то почувствовали. Бывает на фронте такое — почувствуешь вдруг опасность. Объяснить невозможно. Стоим. И вдруг пулемет как даст очередь! Мы залегли. Пуля попала мне в ногу — в правую стопу навывлет. Сразу полсапога крови. Я в горячке

вскочил, побежал. Снова очередь. Я пополз. А ползти пришлось в горочку. Пулеметчик меня видит на моем пригорочке как на ладони. Но видимо, убивать меня он не хотел. Прижимал к земле. А другие немцы уже бегут, обходят меня. Понял я: хотят взять живым. Страшно стало. Эх, как я пополз!

Немец из пулемета бьет поверх головы. Я плотнее прижимаюсь к земле — и вперед! Вот где я научился как следует ползать по-пластунски. Это точно. Никакой сержант так не научит. Перевалил я через пригорок, вскочил и побежал. Впереди за речкой, вижу, залегли наши пулеметчики. Машут мне: мол, отклонись в сторону! Дело в том, что я бежал прямо на них и оказался на одной линии со своими преследователями. Пулеметчики не могли стрелять. Я сразу метнулся к речке, в сторону. Наши, слышу, ударили сразу из двух пулеметов. Немцы сразу повернули.

Пришел я в лазарет, говорю врачу: «Помоги мне чем-нибудь». — «А чем я тебе помогу? Видишь, ничего нет. Ни бинтов, ни медикаментов», — отвечает. «Да хоть отрежь мне пальцы. Болтаются...» — «У меня, — говорит, — нечем тебе пальцы резать. Даже топора нет». Нагнулся, посмотрел: «Ничего тебе отрезать не надо. Заживет». Тогда я стал перевязывать себя сам. И остался в лазарете.

А в то время мы уже голодали. Питались в основном травой. Офицеров штаба уже отправили. Самолеты больше не прилетали. Чего мы там ждали, не знаю.

Через несколько дней немцы, видимо, усилились и начали окружать наш аэродром. Но мы их не подпускали. Держали на расстоянии.

2 июня меня ранило. А дней через десять—пятнадцать пришел в лазарет батальонный комиссар Глушко. Все эти дни — одна трава. А до этого давали по ложке ржи в день. Комиссар посмотрел на нас и приказал выдавать по ложке ржи. Получал свою «ржаную» пайку и я. Но вскоре ее лишился. Пришла помощница начальника лазарета, женщина. А у меня в ране уже черви завелись. И когда только

успели? Я вроде мух отгонял, не подпускал к ране. Видать, когда-то задремал...

Она подошла ко мне. Стала делать перевязку. Черви-то уже из-под бинтов ползут. Размотала бинт, покуда можно было. Конец бинта присох. Она взяла и дернула его с силой, чтобы отодрать. У меня в глазах потемнело. Я и выругался матерщиной. Она пошла и пожаловалась командиру батальона. Майор Бойченко наложил на меня дисциплинарное взыскание: на трое суток лишил пайки ржи. Хорошо, думаю, хоть со своим наганом ко мне разбираться не прибежал. Когда медсестра узнала, как меня наказали, пришла, стала сожалеть, что пожаловалась майору. «Ладно, — говорю, — поздно теперь извиняться».

И вот 26 июня, как сейчас помню, приходит к нам в лазарет комиссар Глушко и говорит: «Товарищи, обстановка такова, что надо уходить». Его спросили: «А как же быть с ранеными? Что будет с ними?» Он пожал плечами. Видимо, нас, раненых, они решили не брать с собой. Подошел ко мне. Дал мне карту и компас. Указал по карте, какое надо держать направление, чтобы попасть в партизанский район. И ушел. Ничего он больше для нас сделать не мог.

Отряд ушел. А мы, раненые, остались. Я уже ходил, опираясь на палку. Когда комиссар дал мне карту и компас, многие бросились ко мне. Составилась группа из ходячих. И мы пошли. А немцы уже бродили вокруг.

Лежачие раненые остались.

Нас было несколько человек: старший лейтенант, старший политрук, трое десантников и еще несколько человек. У десантников были винтовки. Но истощены от недоедания они были сильнее нас.

Два дня шли лесами. Вышли к полю. На чистое выходить опасно. В лесу, на опушке, легли на отдых. Но не учли мы вот что: когда ночью идешь, сбиваешь росу и оставляешь след, а утром ночная тропа очень хорошо видна. Потом, когда я был в партизанском отряде в Беларуси, такие ночные тропы помогали нам искать полицаяв. Те тоже

прятались в лесах. Вначале — они нас. Потом — мы их. Так всю войну друг за другом и гонялись.

Утром нашу полянку окружили немцы и полицаи. Закричали: «Сдавайтесь!» Начали стрелять. Я пополз прочь. За мной еще один из нашей группы. В это время пуля попала мне в левую ногу, прошла под коленом, кость не задела. Но мы все же ушли. Полицаи потом вернулись на поляну. Искали нас. Видимо, допросили пленных, а те и признались, сколько человек нас было.

— Попала наша дивизия под Вязьмой... Это было во время первого вяземского окружения. Держались мы хорошо, но с флангов немцы стали обходить, и генерал наш, Лебеденко¹, принял решение отходить.

Дивизия отступала ночью, скрытно. Каждый полк оставлял заставы для прикрытия отхода. Меня, лейтенанта, назначили командиром группы прикрытия нашего полка.

Мы заняли траншею. Поправили окопы. Было нас человек тридцать пять.

А немцы не дураки. Видать, что-то почувствовали, послали разведку. Разведчики подползли сразу несколькими группами. Одну группу мы встретили, гранатами забросали, а другая до траншеи добралась. Увидели, что окопы пустые, подали сигнал. Они и полезли, уже нагло — знали, что нас мало совсем. Стали окружать.

Что делать? А решение принимать мне! Полк уже отошел. Потерь в моем взводе пока не было. Я и приказал отходить.

¹ *Лебеденко Н.Ф.* — генерал-майор. В период событий, о которых рассказывает мой герой, генерал Лебеденко командовал 91-й стрелковой дивизией 19-й армии. Позже, в 1942 г., он командовал 50-й стрелковой дивизией 33-й армии. Под Вязьмой в октябре 1941 г. генерал Лебеденко был ранен. Дивизию выводил принявший командование полковник И.А. Волков. Именно 91-я стрелковая дивизия 11 октября по приказу командующего окруженными под Вязьмой войсками РККА генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина пробила коридор на выход. Трехкилометровый коридор удалось продержать до утра. Утром немцы вновь сомкнули кольцо окружения. Выйти удалось частям 2-й дивизии народного ополчения генерала В.Р. Вашкевича и 91-й стрелковой дивизии.

В лесу мы встретили комиссара дивизии Шляпникова. Я доложил ему: людей, мол, вывел всех, никого не потерял.

Комиссар приказал прочесать лес и всех, кого найдем, выводить в назначенное место. А уже рассвело. И весь день мы ходили и собирали вышедших из окружения. То там группа бродит, то там. Собрали около роты. Бойцы и командиры прятались в лесу и не знали, что делать.

Собрал я этих людей, построил. Были среди них и старше меня по званию, капитаны и майоры, а все равно меня, лейтенанта, слушались. Комиссар осмотрел их и сказал: так, мол, и так, пойдем на прорыв двумя группами. К тому времени немцы снова перехватили нас. Только вырвались, а тут опять на прорыв. Первую группу комиссар поручил мне. Она состояла из моего взвода. Взвод должен был пойти первым, прорвать брешь. Следом за нами — остальные. И с ними — комиссар Шляпников.

Мы пошли. Ночь на исходе. Туман. Тишина. Я приказал всем двигаться тихо. Ни выстрела, ни звука. И вдруг — топот лошадей. Было такое впечатление, что нас лавой атакует кавалерия. Я испугался, хотел уже дать команду взводу открыть огонь. А старший сержант, командир одного из отделений, и говорит мне: «Не бойтесь, товарищ лейтенант, это не немцы. Лошади наших артиллеристов. Побросали они лошадей. Бегают теперь беспризорные и в табун сбились. Им, бедным, тоже страшно на войне. Страшнее нашего». И мы пошли дальше. Так же тихо и скрытно.

А немцы открыли огонь по этим лошадям. Видимо, они тоже испугались, что их атакует кавалерия. Мы сразу определили их пулеметы и окопы. Стреляли они и из автоматов, и из винтовок. Мы взяли левее и так прошли. Трассы шли густым потоком. Так мы вдоль этого жуткого потока и шли в тумане. Вскоре стрельба осталась позади. Вышли, а сами и не знаем, куда попали.

Рассвело. Осмотрелись. Оказались мы на высоте, в безрезняке. Впереди, километрах в двух, виднелась деревуш-

ка. Я посмотрел в бинокль: в деревне немцы. Что делать? Везде они!

День пролежали в березняке. В сумерках переправились через речку. Шли всю ночь. Утром вышли к какому-то населенному пункту. Оказалось, что это районный центр. Немцев в нем еще не было.

Я зашел в крайний дом, спросил, чем бы покормить бойцов. Вторые сутки ничего не ели. Хозяин мне подсказал, что неподалеку есть пекарня. Я взял с собой троих бойцов. Пошли. Пекарня работала. На стеллажах полно хлеба! Мы зашли и от хлебного духа прямо одурели. Нам дали хлеба столько, сколько мы могли унести.

В райцентре, кроме нас, находилось много наших войск. Но все — в состоянии движения. Не чувствовалось, что тут есть единое командование, что командиры готовят людей к активной обороне.

Мы поели. Пошли искать своих. И вскоре — представьте себе! — нашли штаб своего полка!

А комиссар Шляпников со своей группой не пробился. Немцы обнаружили их, погнали назад, в лес. Потом я узнал, что Шляпников на оккупированной территории организовал партизанский отряд и отважно сражался. Комиссар есть комиссар.

Пришел я в штаб. Узнаю: командир полка убит, начальник штаба убит. Командир роты связи старший лейтенант Новиков жив. Я обрадовался. Он тоже. Они думали, что мы все погибли. А у нас ни одного человека не потеряно. Вскоре вызывает меня новый комполка: так, мол, и так, младших командиров много выбило, назначаем вас командиром стрелковой роты. Я что? Отвечаю: слушаюсь. Только, говорю, мой взвод при мне оставьте, бывалые ребята, я с ними в бою был. Ладно, говорит комполка.

Оборонялись мы тогда километрах в восьмидесяти от Вязьмы, на реке Воре. Там, на Воре, деревушка Дурнево. Или Дурино. За эту деревню мы и дрались.

Однажды ночью пошли в атаку. Стоял уже август. Атаковали ту самую деревню. Накануне немцы у нас ее отбили.

Встали. Идем. И тут на нас обрушился такой шквал огня, что мы, помню, бежали вперед и молились. И вот миновали линию огня. Добежали до их траншеи, кинулись на них. Взяли мы ту деревню. Погнали немцев дальше. И за деревней меня ранило.

— В окруженных дивизиях 33-й армии было много раненых. Из каждого десятка, может, только двое-трое и оставались в строю. Остальные лежали в бинтах под елками.

А знаете, какие госпитали были в 33-й армии? Расскажу.

Значит, так. Отыскивают елку погуще и помощнее. Залезает солдат метра на три вверх и обрубают все сучья. Медсестры их внизу подбирают и укладывают черенками к стволу. Обкладывают сплошняком по кругу. Стелют плащ-палатки. И уже на плащ-палатки, также головой к стволу, кладут раненых. Вот и госпиталь.

В 1947-м, когда я демобилизовался из армии и работал инспектором по заготовкам, ходил в те леса. И нашел несколько таких госпиталей. Я помнил их. Как лежали, так и лежат. Только иголками еловыми кости присыпало. Да кое-где травую поросли. А в черепках у всех маленькие дырочки. У всех одинаковые. Это я своими глазами видел.

— А знаете, что произошло в Угрюмове в ночь со 2 на 3 февраля? Я имею в виду, как отрезали 33-ю армию? Нет? Ну, тогда послушайте.

А придумали они хитрую штуку. Знали наш характер. Что русские на выпивку падкие. Вот и воспользовались.

На станцию Угрюмово тихо, на лошадиной тяге, они притащили три вагона. Два вагона с продовольствием: хлебом, колбасой и даже печеньем. И полный вагон — не пожалели ж! — шнапса. Шнапс-то не мерзнет. И ушли. Ушли в деревни Ивановское и Собакино. Затаились. Одного своего железнодорожника оставили. Тот — в наши деревни, ну, где наши стояли. Так, мол, ребята, и так: немцы ушли,

а на станции в тупиках — вагоны со жратвой и выпивкой... Надо ж знать нашего брата. Пришли на станцию, смотрят, действительно, немцев нет, а добра оставлено много. Рас-тащили быстренько по деревьям. Напились так, что и рога в снег.

Тот самый железнодорожник, видя, что дело удалось, вышел в поле к Собакину и пустил красную ракету.

Тут же в деревни, гарнизоны которых должны были удерживать коридор, пришли немцы. Окружили те дома, в которых пьянствовали наши бойцы. Мне потом рассказывали все это женщины, которые видели, что там происходило.

Мороз в ту ночь был сильный, градусов под тридцать. Так немцы и стрелять наших не стали — вытаскивали из хат и бросали в снег. Так они и померзли.

— Из окружения я вышел. В неразберихе прибился к одному из полков 329-й дивизии. Дивизию немцы разре-зали пополам. Полк, с которым выходил я, оказался в ок-ружении. Рядом с нами был еще один полк. Таких, как я, приставших к чужому полку, оказалось человек пять.

Полк стал пробиваться на Захарово. Лезли напролом. И так дней восемнадцать. В тех атаках потеряли почти весь личный состав. Вскоре поднялась сильная метель. Не метель, а прямо пурга. Эта-то непогодь, наверное, и спас-ла жизнь и мне, и всем отставшим от полка.

Оказывается, немцы хорошо знали не только то, куда мы шли, а и то, куда собирались пробиваться. Командиры полков пренебрегали шифровками и вели переговоры от-крытым текстом.

В Замыщком к тому времени от двух полков, не считая нас, приставших к ним, оставалось около семидесяти че-ловек. Собрались, стали решать. Кто-то сказал: «Еще одна попытка пройти — и побьют последних». И вдруг коман-дир полка говорит: «Ждем до вечера. Проверьте, у всех ли есть лыжи. И чтобы ни у кого не было ничего демаскиру-

ющего. Все должны быть в белом. Ищите, где хотите. Снимайте с убитых. Маршрут такой: вдоль речки Жижалы до впадения ее в Угру. Там переправимся через Угру и дальше пойдем правым берегом. Разведка пойдет впереди».

Пурга, к счастью, не утихла, а разыгрывалась еще сильнее. Вечером пошли.

У комполка была карта.

Идем. Темень. Снег лепит — вытянутых рук не видеть. Вскоре по цепи, шепотом, приказ: поворачиваем на восток. Немцев нигде не встретили. И вообще, было такое ощущение среди этой пурги, что никакой войны кругом нет. Немцы, видимо, сидели тем временем в своих теплых блиндажах и дзотах, грелись, пережидали ненастье.

Подошли к Угре. Снова приказ по цепи: соблюдать особую осторожность. Угру немцы простреливали вслепую. Тут они и мышь не пропускали. Но перешли мы и Угру. Ни окрика. Ни выстрела. Только ветер рвет, завывает.

А на другой стороне уже и наши.

Не упомяну теперь, кто нас встретил, то ли бойцы 33-й армии, из тех дивизий, которые остались держать фронт по Угре и Воре, то ли части 43-й. Там у них был стык.

Нас потом долго проверяли. Проверка шла месяца два. Тогда еще с группой Ефремова существовала связь. О нас запрашивали туда, под Вязьму, в окруженную группировку. Видимо, информация пришла положительная.

— На фронте все, бывало, выменивали друг у друга. Кто трофейный «парабеллум» на портсигар, кто сапоги на валенки, а кто шило на мыло. Лишь бы поменяться. А вот когда мы из-под Вязьмы на прорыв пошли, тут патроны в цене поднялись. Боеприпасов-то у нас совсем мало осталось. Наша 33-я к тому времени уже больше двух месяцев в окружении была. Самолеты уже не прилетали — аэродромы распустило. Апрель! А прорываться предстояло с боем. И тут всем стало понятно, что каждый патрон — это шанс на жизнь. За один патрон можно было выменять хо-

рошую шапку, за обойму — шинель! А за гранату — сапоги. Сапоги особенно в цене были. Пообносились мы, оборвались. Да и весна опять же наступила, вода пошла, а мы все еще по-зимнему обмундированы, в валенках ходим. Помню, хлюпаем по воде... Ночами, правда, подтягивало. Но в мороз в мокрых валенках было еще хуже! На прорыв когда пошли — хрип, кашель, «ура!»... Шли с каким-то не то ревом, не то стоном.

Лежали потом наши ребята на пригорочке... Кто в сапогах, кто в валенках... Почти все полегли во время прорыва. Прорывались несколько дней и ночей. И почти все время шел непрерывный бой.

— Вышли мы из окружения из-под Вязьмы. Вместе с нами шли артиллеристы, весь расчет. Всегда вместе держались. Командовал ими сержант, уже в годах. Они его слушались беспрекословно, по имени-отчеству звали.

Когда вышли, сержанта того сразу забрали. И — под трибунал. Где оружие? Почему бросили? Военный трибунал рассмотрел дело и пришел к выводу, что командир расчета проявил трусость, бросив на поле боя исправное оружие...

Я видел, как его расстреливали. Мы, человек десять, стояли на опушке леса. Артиллериста поставили к березе. Вышел офицер НКВД, вытащил из кобуры новенький ТТ и выстрелил сержанту в затылок. Тело оттащили, стали закапывать.

Вот и вышел из окружения... Вывел людей... Если бы погиб во время прорыва, домой послали бы извещение: пал смертью храбрых...

— В окружении я был дважды. На войне хуже доли нет у солдата, чем оказаться в окружении.

Когда немец нас обошел с флангов, мы заняли круговую оборону и какое-то время отбивались. Проход для отступления еще был. Но не было приказа на отход.

Бой шел кругом. И со стороны фронта, и в тылу. Это страшно. Когда тыла нет, когда неразбериха, когда связь нарушается и приказы не доходят...

Начали выходить. Артиллерия и мы, две минометные роты. Артиллеристы успели выйти, а мы, минометчики, оказались отрезанными. Всё, немцы замкнули кольцо. Начали нас добивать в котле.

Помню, пошли они на нас в атаку. Прорвались через линию заградительного огня. Из минометов вести огонь уже бессмысленно. Вижу, бегут двое. Но бегут не прямо на нас. Я лежал с винтовкой. Прицелился, выстрелил. Немец, в которого я стрелял, тут же сунулся за камни. Попал я в него или нет, не знаю.

Мы не удержались, начали отходить. Дело-то, видим, совсем плохое. Умирать страшно. Отошли метров на сто. Остановились. Командир роты, младший лейтенант, мне говорит: «Прокофьев, давай становись здесь». А сами, гляжу, собираются уходить дальше. Куда ж мне, думаю, с винтовкой против такой лавы немцев? Нет, думаю, я пойду вместе со всеми. На войне хуже всего оставаться одному.

Когда отошли дальше — а голодные! жрать охота! — вызвал меня комиссар: «Прокофьев, давай возьми кого-нибудь из бойцов и сходи на наши позиции. Забери у убитых комсомольские билеты. Заодно возьми хлеб в нашей землянке. Буханка там осталась». Хлеб, правду сказать, меня и соблазнил. Комиссар знал, чем взять голодного солдата. На то он и комиссар...

Наших там погибло много. Два сержанта, много бойцов. Приказал нам комиссар забрать у убитых и оружие. Вооружены мы были хорошо. У меня, наводчика минометного расчета, был пистолет ТТ, две гранаты РГ, две Ф-1.

Пошли. Пробрались тихо. Со мной шел Зыбин, тульский. Бывалый солдат, в финскую еще воевал. Мне с ним было не так страшно.

Пришли. Немцев нет. Отыскали землянку НП командира роты. «Зыбин, — говорю, — лезь в землянку. Посмотри получше, там где-то должна быть буханка хлеба». Полез

мой Зыбин. Кто за буханкой не полезет? И вскоре оттуда говорит: «Нет тут никакого хлеба».

Поняли мы с Зыбиным, что нас попросту обманули. Никакого хлеба в землянке и не было. И откуда ему там быть, если ничего из продовольствия нам уже которые сутки не доставляли?

Рядом с землянкой был сделан шалаш. Я заглянул и туда. Гляжу: в шалаше сидит человек, весь в крови, и лопочет что-то непонятное. Я даже испугался, когда увидел его. Это был старшина соседней роты. Эх, думаю, вторая рота, мать вашу!.. Довоевались, старшину своего раненого бросили!.. «Зыбин, — говорю, — смотри, тут человек живой есть». Собрали мы оружие, у убитых забрали комсомольские билеты и документы. Подняли старшину и пошли.

Так мы и вернулись назад: с документами, с оружием, со старшиной — и без хлеба. Кто-то из наших дурачков Зыбину: «Зыбин, а хлеб что же, сожрали, что ли? Хлеб где? Комиссар же сказал, целая буханка была». Меня не спрашивали, меня побаивались. А Зыбин поменьше меня ростом был и характером поспокойней. Мы в окопе лежали, уже свечерело, темно, не видно, кто это у Зыбина допытывался про комиссарову буханку. Я поднялся, говорю: «Ну, иди сюда, отломлю тебе от комиссарской пайки!» Никто не встал. А мне так хотелось кому-нибудь в морду дать! Хлеба ему захотелось...

— Сидим мы за камнем с сержантом Кошелем. Большой такой валун. Хорошо закрывал нас от немцев. Там везде сплошные валуны были. Сидим. А наша артиллерия вела огонь по немцам, по тем, которые замкнули перед нами выход. Прорубают нам коридор. Хорошо кладут, плотно. Но когда с перелетом, то — на наши позиции. Над камнем, впереди, огромная сосна. Под сосной пулеметный расчет. Пулемет у них без станка, без щитка — один кожух. На пень его положили и отстреливались. И вдруг снаряд ударил в сосну, метрах в трех от земли, и разорвал-

ся со страшным треском. Снаряд тяжелый, из 150-миллиметровой пушки. Мне мою голову взрывной волной загнало промеж ног. Скрючило всего. А роста-то я большого. Во какой крендель получился! Сержант первым вскочил, кричит: «Прокофьев! Сашка! Вставай! Что с тобой?» Я ему: «Голова моя, посмотри, цела?» Он говорит: «Вроде цела. Только немного задело осколком».

Пришел санинструктор и перевязал мне голову. Перевязал и говорит: «Сиди и жди. Когда раненых наберется еще человек десять, тогда и отправим вас на выход». Один тяжелораненый лежал под деревом. Он уже и не поднимался. Я глянул на него — безнадежный.

Пришел командир полка, капитан, бывший командир пулеметного батальона. С ним трое разведчиков: сержант и двое бойцов. Капитан подошел, спросил: «Как ты ранен? Идти можешь?» — «Могу, — говорю. — Контузия тоже немного отошла». Капитан повернулся к разведчикам и сказал: «Возьмите раненого с собой». Те, смотрю, вроде как недовольные. Но ничего не ответили.

А уже вечерело. Капитан отдает нам такой приказ: «Держитесь все время телефонного провода. Пройдете километра три, там вас встретит лейтенант Беленький. Он — проводник. Он вас и выведет».

Пошли. Разведчики идут, разговаривают между собой. Они-то свои. А я среди них чужой. Слушаю и молчу. А в голове все еще гудит после контузии. Вышли мы к концу провода. И правда, встречает нас лейтенант.

Но проводником лейтенант Беленький с нами не пошел. Показал, как правильно идти, и остался. Мы пошли.

А уже темнело. Идем по просеке вдоль шоссе. Километра полтора уже прошли. Сержант-разведчик повернулся ко мне — я шел замыкающим — и говорит вдруг: «Ты, разьебай, головой-то своей не свети, накинь плащ-палатку. А то твой фонарь за версту виден». И правда, голова моя вся в бинтах. Бинты свежие, издали светятся. Немцы ночей побавались, стреляли наугад. Могли и по моему «фонарю» очередь запустить. Но тон сержанта меня все-таки задел.

Вот так, думаю, бывалый солдат, с летних боев на передовой, а попал в разьебай...

Прошли еще с полкилометра. Остановились. Разведчики стали совещаться: остановиться на привал или идти дальше. И я понял — заблудились. Решили остановиться на ночлег, чтобы в темноте не забрести к немцам. Я разгреб муравейник и тоже ткнулся. И сразу уснул. Трудно засыпать голодному. Три дня ничего, кроме ягод, не ели. В тот год в Карелии было особенно много черники. Но уснул мгновенно. Не знаю, сколько мы проспали. Вдруг я проснулся. Привстал, осмотрелся. И будто что-то почувствовал, что-то неладное. Когда долго на фронте, вырабатывается почти звериное чутье — врага на расстоянии чувствуешь. А разведчики храпят себе. Даже в охранение никого не выставили. Как в землянке у себя.

И вдруг над нами сплошняком полетели трассирующие пули. Я тогда пинком одного, другого. Все вскочили на ноги. Что делать? Бежать надо куда-то. А куда бежать? Кругом болото. Сунулись было, а там торфяная жижа.

Я запомнил, что лейтенант-проводник наказывал держаться правого берега озера.

Идем. Впереди какое-то строение. Иду впереди. Разведчики мои уже губы порастрепали... Скисли. А еще, думаю, лаялись на меня... Уже слышу, разговоры у них такие пошли, что, мол, если что, лучше сдаться. Я тогда им и говорю: «Застрелю. Первого же, кто поднимет руки, застрелю». И вытащил свой ТТ.

Подходим к зданию. Слышим, кто-то навстречу лезет по кустам. Я сержанту и говорю: «Давай обстреляем». — «Нет, — говорит, — нам в бой ввязываться нельзя. Мне документы надо вынести. В штабе дивизии их ждут». И показывает немецкую офицерскую полевую сумку.

Стали мы отходить. Нас заметили. Послышались выстрелы. Пули так и защелкали, запели среди деревьев. Кое-как уползли. Никого, слава богу, не задело.

Сидим. Смотрю, трава рядом примята. Так это же стежка! До нас из окружения уже выходили. Пошли. Вскоре

нашли брошенный солдатский вещмешок. Сидор. Обычно у ездových был такой мешок. Я распорол его ножом, вытащил оттуда несколько пачек горохового пюре. Так-то, всухомятку, горох есть нельзя, горох очень соленый, надо заваривать в кипятке. Но костер тут не разведешь — опасно.

Идем дальше. А настроение уже получше стало. Горох покоя не дает. Договорились: выйдем в безопасное место, костерок разведем. Видим, летят наши самолеты. Вот тут мы по-настоящему возрадовались. Наши истребители! Звено! Полетели в сторону немцев. Сейчас они им там дадут жару!

Мы присели отдохнуть. И все прислушивались к гулу истребителей, не завяжут ли бой. Нет, пролетели без стрельбы. Сержант расстегнул немецкую сумку, протянул мне пачку фотокарточек: немцы сидят пьяные, улыбаются... Немцы любили фотографироваться. Всегда фотокарточки с собой носили.

Отдохнули мы и пошли дальше. Перешли овраг. Смотрим, человек навстречу выходит. Я — за пистолет. Подходит. У него полмешка сухарей. Рассказал: шли втроем, несли по мешку сухарей нашим в окружение; напоролись на немцев, видимо на разведку, двоих немцы схватили, а он в кустах спрятался, отсиделся, цел вот остался...

Подошли к озеру. Про него и говорил лейтенант Беленький: держитесь, мол, правой стороны, когда выйдете к озеру, и дальше все время — вдоль озера.

Тут мы снова остановились отдохнуть. Ноги тряслись от усталости. Нашли каску, размочили брикеты с горохом, развели костер, сварили этот горох. Наелись от души!

Идет полувзвод наших с той стороны озера. С лейтенантом. Лейтенант подошел к нам: «Кто такие?» Сержант доложил. И вдруг лейтенант говорит: «Кто из вас может пойти обратно? Нужно показать нам дорогу». Они несли продукты. Туда, нашим, оставшимся в окружении. Лейтенант говорит сержанту, а сам смотрит на меня. Потому что, наверное, разведчики выглядели совсем неважно. «Я, — говорю, — назад не пойду». Он — к сержанту. Сержант

говорит: «Я выполняю задание комполка, документы не-су». — «Ладно, — говорит лейтенант, — тогда покажите нам направление движения».

Рассказали мы им, как идти. И они нам подсказали, что-бы шли вдоль озера, у самой воды. «Выше не поднимай-тесь, там все простреливается», — предупредил лейтенант.

Вышли-таки.

Наши тыловики уже наготовили продуктов. И время от времени отправляли их окруженным. Гляжу, среди них толчется помощник нашего старшины. Он увидел меня, обрадовался, говорит: «Саш, пошли обратно». — «Нет, — говорю, — Серега. Я там уже побывал. Давай теперь и ты сходи». И пошел я искать своего старшину. Нашел. Стар-шина Фролов налил мне стакан водки, дал поесть. Я вы-пил, поел. Лег под повозку и сутки целые проспал.

Проснулся, потрогал голову. Да, думаю, надо на пере-вязку. Пошел искать санчасть. А немцы постреливают. Снаряды так и пролетают. Бухают то в глубоком тылу, то поближе. Иду наблюдаю. Тыл есть тыл: и люди здесь дру-гие, и повадки у них иные. Вот летит снаряд, а они все па-дают на землю. Кто в кювет, кто куда. «Чего вы падаете? — говорю. — Вот когда снаряд фурчит, тогда да, этого опа-саться надо. Но все равно своего не услышишь...» А они при каждом перелете падают. Побыли б, думаю, на пере-довой хотя бы денек, пообвыклись бы скоро.

Не нашел я санчасти. Вернулся назад. Мне старшина Фролов еще стакан водки налил. Я выпил — и опять под повозку...

А ночью вышли все наши.

Утром я опять пошел искать санчасть. И меня отправи-ли дальше в тыл. Боли никакой я не чувствовал. Помогал снимать с машины раненых. Когда последнего сняли, мне и говорят: «Ты кто, сопровождающий?» — «Нет, — гово-рю, — я тоже раненый». — «Ну, тогда сдавай оружие и иди к операционной».

Положили меня на стол, сняли бинты. Я потрогал голо-ву: вот они, осколки, под кожей, как горох, ходят...

Попал я в госпиталь в Кандалакшу. Это километров восемьдесят в тыл. Ни один снаряд не долетит. Привезли сперва в один госпиталь — мест нет. В другой, в третий. Бои идут, раненых поступает много. И вот привезли в школу. Госпиталь № 10/14. Запомнил. Я несколько суток не спал. После тех ночей, под телегой старшины. Усталый, голодный. Как в тыл попал, так сразу и расслабился. Меня с дороги — в ванну. Молоденькие девчата меня повели, раздели, стали мыть. А у меня хоть бы что пошевелилось... Вот что такое в окружении побывать. Да, брат ты мой...

— Окружение — это, брат ты мой, особая война.

В 1943-м я попал последний раз в окружение.

Немец нас обошел. Мы думали, что удержимся на своих позициях, а соседи подойдут, выручат. А он всерьез за нас взялся. И через несколько дней нас в том котле все же дожал.

Прорвались, помню, немцы, атакуют, бегут прямо на нас. Вот уже на нашу батарею ворвались. Пехоту смяли. Я пистолет выхватил, одного повалил.

Как я убежал оттуда, не помню. Миномет мы оставили. Прицел только остался у меня. Я не помню, как и снимал его. Машинально.

Огонь был такой мощный, что кругом за несколько минут были буквально срезаны кусты и небольшие деревца. Лесок наш постригли, как английский газон. Кто встал, побежал — того сразу наповал.

Я переждал стрельбу. Когда чуть поутихло, побежал. Впереди наша пушка стреляет прямой наводкой. По танкам. Они танки пустили. Бегу, а немецкие трассирующие пули обгоняют меня. Бегу и думаю: вот какая-нибудь сейчас и меня смахнет. Но добежал.

Тут подошли наши танки. Ударили. Помню, как вышла наша «тридцатьчетверка». Остановилась. Стволом повела. Шлеп! — и немецкий танк сразу загорелся. Налетели не-

мецкие самолеты. Бомба упала возле нашего танка — и башню с него так и сорвало.

Полежали мы в лесочке, образумились. Пришел откуда-то лейтенант, стал поднимать нас в контратаку. Так и я в пехоту попал. А ничего, отбились.

Глава 4

ПЛЕН

Удары немецких моторизованных группировок были настолько мощными, настолько тщательно спланированными, что противостоять им наши постоянно отступающие части попросту не могли. Храбро сражающиеся полки и батальоны, одиночки-герои не могли существенно повлиять на ход событий, складывающихся на том или ином фронте. Как раз-то зарывшиеся в землю отдельные подразделения в результате своей стойкости и оказывались в окружении, а затем, как правило, в плену. Впрочем, дорога в плен была разной. Так же как и последующая судьба.

Согласно немецким источникам, за четыре года войны вермахт пленил 5754 тысячи военнослужащих. По данным Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — 4059 тысяч человек.

Погрешность, как видим, огромная, более полутора миллионов человек. Цифра примерно равная всей группировке нашей армии, сражавшейся в битве за Москву осенью—зимой 1941/42 года. И что в бездне этих миллионов и сотен тысяч судьба моих героев?.. Они, может, и не учтены этой статистикой, оставшись за полями погрешностей.

И что за манера у историков-политиков преуменьшать собственные потери и преувеличивать потери бывшего врага. Ведь, умышленно уменьшая, к примеру, количество наших военнопленных, мы тем самым умаляем страдания своего народа в годы Великой Отечественной войны. Другие народы, к примеру народы Прибалтики, пошли по другому пути. Правда, там тоже в статистику грозит вмешаться меркантиль-

ная политика. России хотят предъявить счета за ущерб, нанесенный нашей оккупацией. Но кто заплатит за жизни красноармейцев, убитых в спину в прибалтийских городах и на хуторах во время летнего отступления? А каждый убитый — это русская семья, оставленная без кормильца.

Сколько советских солдат и офицеров умерло в плену и сколько казнено, точной статистики тоже нет. В 1941 году в германском плену оказалось более 3500 тысяч человек. Первую зиму пережила только половина из них.

В плену были расстреляны и умерли несколько советских генералов. К примеру, генерал-майор И.А. Пресняков, командир 113-й стрелковой дивизии, генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, командующий 20-й армией, генерал-майор В.Н. Сотенский, командующий артиллерией 5-й армии.

В этой главе представлены воспоминания тех, кому повезло выжить. Некоторым удалось даже бежать и затем сражаться в партизанских отрядах.

Итак, пусть обо всем пережитом расскажут они.

— В сорок первом, под Вязьмой...

Разгрузили наш полк на станции Новодугинская. Построились повзводно, повели дорогой влево от станции. Шли день. Никого не встретили, никто нас не встречал. Переночевали в каком-то овраге. Доели свои сухари.

Утром нас опять построили. Прибыл какой-то генерал и несколько человек с ним, тоже, видать, из начальства. Комполка наш докладывает: так, мол, и так, такой-то запасной полк в составе столько-то человек прибыл в ваше распоряжение... Генерал уже пожилой. Прошелся вдоль строя, внимательно осмотрел нас. Потом отвел комполка в сторону и говорит: мол, нам тут пушечное мясо не надобно, своих безоружных хватает, веди, говорит, дальше и действуйте там самостоятельно. Передал нашему комполка карты, указал, где занимать рубеж обороны. Разговаривали они тихо, не для посторонних ушей. Но я стоял крайним в первом взводе первой роты первого батальона и все слышал.

Ну, думаю, хреновые наши дела. Ну что мы, правда, за воинство? Не обмундированы даже. Кто в чем. Орава деревенская. Как будто на драку в соседнюю деревню пришли... Из оружия — одни винтовки. Из них половина учебных. Патронники рассверлены, стрелять нельзя. И зачем мы их к фронту волокли? Пугать, что ли, немца решили наши командиры этими рассверленными винтовками? Показать ему издали, что, мол, и мы вооружены? Но всем, даже тем, кто и без винтовки был, выдали по тридцать патронов и по три запала для гранат образца 1914 года. Когда запалы те раздавали, я спросил: а где же, мол, гранаты? Там, сказали, на передовой, там и гранаты, и винтовки, и пулеметы. На передовой, сказали, все получите.

Получили...

Правда, накормили нас. Выдали на каждую роту по кулю воблы и по два куля сухарей. Все это мы быстренько разделили. А я свое думаю: лучше бы гранаты раздали да винтовки, да к ним патронов побольше.

Повели. Долго шли. Несколько дней. Деревни попадались. В которой деревне остановимся, переночуем, подкрепимся. А из которой нас из минометов да из пулеметов обстреляют. Комполка все карту генеральскую теребил, видно, никак не мог понять: как же это, в тылу — и немцы. Специальные команды. Они глубоко проникали. То мост захватят, то дорогу перережут. Потери пока были великие. Мы почти не стреляли, боя не принимали.

Раз так вышли. Деревня впереди. Внизу речушка. Вдоль речушки сарай. На крыше одного сарая стоят три человека. Один в бинокль смотрит. Мы идем. И вдруг они кинулись куда-то вниз, и тут же оттуда длинными очередями стал бить пулемет. Это были немцы. Подпустили близко. Тут наших много полегло. Рядом со мной парень бежал, так я видел, как его убило.

Обошли мы эту деревню. Никто нас не преследовал. Такая вот война была.

Пришли в назначенное место. Окопы там уже вырыты были. Оружие тоже кое-какое. В основном старые, непри-

стрелянные винтовки. Пулеметов ни одного. Минометов тоже. Ладно, думаю, хоть окопы надежные. Лопаток-то у нас не было.

Я перед этой войной в финскую воевал. Там оружие и снаряжение у нас куда лучше было!

Позиция для обороны была выбрана неплохая. Крутой берег. Внизу, под берегом, лощинка, болото, ручей. А за ручьем лесок. По опушке — немцы. В болоте навалено трупов. Раненые стонут. Это тех, кто до нас тут стоял, в атаку посылали.

Больше суток мы лежали в окопах. Ждали приказа. Ждали, что вот-вот и нас, вот так же, через болотце пошлют, под немецкие пулеметы. Раненые постепенно затихли. Видать, перемерли все. Начальство что-то молчало. На другой день с того берега немец начал кидать мины. И так ловко стрелял, что — по три разрыва рядом.

Это было 7 октября 1941 года. Мы еще и знать не знали, что Вязьма уже отрезана, что мы в окружении.

У меня во взводе был связной, Петр Прудников, свой, дубровский. В армии еще не был. Страшно под обстрелом. Когда мины стали ложиться близко к нашим окопам, он выскочил, закричал, что надо уходить, а то, мол, всех побьет. Я ему: «Назад! В окоп!» Куда там... Бегал он так, бегал, и заметил немец нас. Начал кидать мины прицельно. И стали наши окопы осыпаться: песок, стенки не укреплены. Одна мина совсем рядом разорвалась. Меня сразу ранило и контузило. Прудников закричал: «Братцы, Полового убило!» Уходить, мол, надо, пока всех не перебило! Рядом со мной в окопах лежали ребята из соседних деревень, Синявки и Иващковичи. Кричат: «Половой, мы тебя сейчас вытащим!» — «Лежите, — говорю, — а то и вас!..»

Перетянул полотенцем ногу под коленкой. Лежу терплю. Боли вроде и нет. Только трясет и голова немеет. Сильно контузило. Мина рядом разорвалась. Так что временами я даже забывал, кто я, где я и что со мной случилось.

Когда стемнело, позвал: идите, говорю, берите, теперь можно, не заметят.

Стащили они меня в задний овраг и тем оврагом вынесли на дорогу. По той дороге мы подходили к передовой.

Темно совсем стало. Левее нас вроде как деревня виднеется. Дорога проселочная. Место сухое. Там уже лежал один. Такой же бедолага, как и я. Его тоже в ногу. В ступню, навывлет. Пулей.

На дорогу нас выносили с тем расчетом, что рано или поздно будут проезжать наши и заберут, увезут в тыл. Никто ж еще не знал, что никакого тыла уже нет. Отрезаны тылы. Везде немцы.

Ночь пролежали на обочине. Октябрь, холодно, хмарно. Осколок у меня из ноги снаружи торчит. Я смотрел на него, смотрел, подцепил да и рванул. Ох, сколько ж кровищи было, боже ты мой! Я опять перехватил полотенцем под коленкой. Бинтов-то не было. Ни у меня, ни у ребят, которые меня выносили. Кровь скоро унялась. Осколок большой, длинный, с указательный палец. Положил я его в карман. Долго носил. Потом, в лагере уже, выкинул.

Утром, смотрим, колонна движется по дороге. Напарник мой и говорит: дождались, мол, слава богу. А я присмотрелся: нет, говорю, парень, не наши это. Колонна с уклона спускаться стала. Впереди мотоциклисты. Нет, говорю, мотоциклисты не наши, не так сидят. И точно.

Мотоциклисты проехали мимо нас молча. Даже никто головы не повернул.

Идет пешая колонна. Впереди офицер. Сразу к нам. У напарника моего ни винтовки, ничего. А у меня винтовка за спиной, ремень по-кавалерийски через голову перекинут. Так офицер винтовку мою снял с меня, перехватил за ствол — и прикладом ее об дорогу! Так и разлетелся приклад. Сумку противогазную хотел снять, дернул. А у меня руки заколенели, не слушаются, поднять их не могу. Тогда он расстегнул сумку, вытащил противогаз и тоже швырнул на дорогу. Расстегивает крючки на шинели — и в гимнастерку. Вытаскивает красноармейскую книжку. Спрашивает: «Коммунист?» Я мотаю головой — нет. А у меня там запись была: ОГПУ. Когда служил кадровую, то

год, с 1933 по 1935-й, состоял в оперативном полку ОГПУ в Новосибирске. Вот там-то мне эту запись и сделали. Ну, думаю, пропал...

Первая рота немцев уже прошла. Другая приближается. И тоже офицер подходит к нам. Тот, первый, показал ему мою книжку: коммунист? Тот покачал головой: нет. Тогда офицер спрятал пистолет обратно в кобуру, разорвал мою красноармейскую книжку и побежал догонять своих.

Прошли роты, обозы потянулись. На каждой телеге по два-три солдата. Едут мимо нас, хохочут, прицеливаются из винтовок, кричат: «Пух! Рус! Пух! Иван! Пух!» Но и они проехали, а нас не тронули.

А погода подошла крытая машина, и нас зашвырнули в кузов. В темноте я не разглядел, кто нас грузил. Кажется, наши, пленные. Говорили по-русски.

— Так начался мой плен, мои мытарства между жизнью и смертью.

Повезли. Не доезжая Смоленска — лагерь для военнопленных. Уже и столбики с колючей проволокой поставлены. На воротах часовой. Поляк. Хорошо говорил по-русски. Он поглядел на нас, какие мы, и говорит: «Далеко от ворот не уползайте, ждите тут, утром будет машина в Смоленск, и я вас в первую очередь отправлю, там вас хоть перевяжут...»

В лагере — как в тырле для скота. Тысячи людей. И все наш брат в солдатской гимнастерочке. Многие без шинелей. Кухни полевые. Наши. Возле кухонь толкотня, крики. Баланду раздают. «Как бы нам, — говорю часовому, — поесть?» — «Терпите, — говорит. — Поползете туда, пропадете — задавят вас. Видите, что там творится?» А правда: к котлу по головам лезут, дерутся. Голодом людей довели до такого состояния, что они уже, как звери, стали кидаться друг на друга из-за куска...

Утром пришла машина. Мы кое-как встали. Но тут к машине кинулись другие, нас сбили с ног, начали топ-

тать. Поляк снял с плеча винтовку, закричал: «Раненых вперед!»

Так нас увезли в Смоленск. Выгрузили на железнодорожной станции возле пакгаузов. Раненых оставили возле заборчика. Мы сидели привалившись спиной к штакетнику. Ждали погрузки в вагон. Помню, там, возле пакгаузов, произошел такой случай.

Конвоир повесил на штакетник ранец и отошел куда-то. А один из наших пленных, молоденький такой, вытащил из ранца полбулки белого хлеба. Хлеб мягкий, рыхлый. Отошел поодаль и стал торопливо поедать его. Вскоре вернулся немец. Видит: ранец его открыт, закричал: «Ва-ас?!» Увидел пленного и остатки своего хлеба в его руках, схватил его, начал тормошить. Тот даже не смотрит на немца, жадно поедает добытый хлеб. Тогда немец подвел его к насыпи и снял с плеча винтовку. Парень стал есть еще торопливее. Немец прицелился ему прямо в лоб, в упор, но не стреляет, кричит, бранится, ногами топчет. А тот все ест и ест хлеб, только белые крошки падают. Будто знал, что не успеет доесть до конца. Пуля попала ему в лоб, в самую середину. Так и повалился под насыпь с недоеденным белым хлебом...

— Раз уж заговорил о хлебе, расскажу еще одну историю.

Когда меня, уже недвижимого, сняли с эшелона в Дорогобуже, немец, начальник конвоя, вывел из строя четверых военнопленных и кивнул им на меня — приказал нести. А так бы бросили. Лагерь от станции был неподалеку. Несут меня, разговаривают между собой: тяжелый, давай, мол, бросим его на обочине, а сами заскочим в колонну, спрячемся, пускай другие несут... А один из них: нет, дескать, надо нести, раз приказали, а то немец обозлится, что ослушались, постреляет нас.

Я все слышу, что говорят.

Несут так-то меня по слободе. Колонна идет по дороге, а меня несут тропинкой, вдоль дворов, вдоль штакетников.

Навстречу женщина лет тридцати пяти. Остановилась, плачет, платочком слезы утирает. На меня глядит. Открыла сумочку, в сумочке коврига хлеба. Переломила ковригу пополам и одну половинку кладет мне на грудь. «Храни тебя Господь», — говорит.

Вот, может, эта ее короткая молитва обо мне, ее слезы к Богу меня и спасли в немецком плену. Тысячи на моих глазах умерли, а я жив остался.

Да, я уже некоторые сутки не евши. Как воблы генераловой под Новодугинской пососал, так и все. Ну, думаю, может, и не умру еще, раз судьба соломинку бросила. Хлеб лежит на груди, пахнет хорошо. Домом пахнет. Полем. Родиной. Думаю: надо ж с ребятами поделиться, что волокли меня и не бросили. Отблагодарить. Кусок-то большой...

Поднесли меня к воротам и положили на землю. Положили, схватили этот мой хлеб, побежали в колонну. Только я их и видел. И так мне, брат ты мой, ни крошечки от слез той смоленской женщины и не досталось.

Много я потом по лагерям скитался.

Из Смоленска под Минск попал. Когда везли по Минску, подбегали женщины, спрашивали о своих, совали нам бутылки с пивом. Конвоиры их не отгоняли, не бранились даже. Пиво мы выпили, тут нас никто не обобрал.

— В лагере под Минском мне совсем лихо стало. Лежу в коридоре каком-то, стоны свои слушаю. Жалобные получались стоны. Чувствую, сил моих больше нет так с жизнью прощаться. С ума схожу. Мне говорят: «Замолчи, что стонешь так громко?» Потом меня перенесли в палату. Врачи русские. Один, который перевязку мне делал, говорит: «Если бы ты в госпиталь попал, то скоро бы на ноги встал, а тут... Лежи, не знаю, может, и выживешь».

Нога моя вздулась, почернела. Доктор посмотрел, погремел инструментами и опухоль мою вскрыл. Оттуда все полилось.

В лагере под Минском. Кажется, место то называлось Пушкинскими казармами. Нас кормили пареной гречихой. Неободранной. Так от нее многие умирали. Наедятся, потом пойдут в отхожее место и оттуда уже не возвращаются. От запоров умирали. Я гречиху ту пареную ел так: по зернышку, каждое зернышко очищал. Некуда было торопиться.

В Пушкинских казармах меня звали Стариком. Борода отросла долгая-долгая, черная.

Зимой начался тиф. И к весне из 18 тысяч военнопленных в живых осталось только две. Мертвых складывали напротив лагеря в штабель. За зиму большую скирду сложили. Потом, когда тиф угас, стали разбирать ту скирду. Вывозили и зарывали где-то неподалеку в овраге. Зарыли б и меня в том овраге, если бы не свела судьба с военфельдшером одним. Забыл его фамилию. Имя только помню — Вася. Расстреляли его в сорок третьем вместе с другими врачами за непослушание и распространение сводок Совинформбюро. Так вот, когда в Пушкинских казармах начался тиф, он мне сказал: «Если почувствуешь, что заболеваешь, скажи, я тебя в тифозный барак не отправлю». В лагере к тому времени очистили один барак и сносили туда больных тифом. Оттуда живыми уже не возвращались. Оттуда была одна дорога — в скирду. Умирали там по-разному. Кто от болезни, а кто и от голода. Стояли там две бочки: бочка с баландой и бочка для парашаи. Кто мог встать, подходил, черпал баланду. А кто не мог...

Я переболел в палате. После болезни встал. Военфельдшер меня устроил в столярку. Я умел хорошо вязать рамы. Делал ручки для ножей. Мог стол сделать, табуретку. В Зимницах у нас исстари велось — всегда жили хорошие столяры и плотники. Дерево знали, чувствовали, любили.

— Как попадают в плен... Все очень просто.

Весной 1942-го мы, конники кавкорпуса генерала Белова, с десантниками и остатками 33-й армии выходили из

окружения. Почти все перераненные, больные, опухшие от голода, истощенные до крайности. Наш эскадрон разбили, разметали. И мы уже шли небольшой группой.

Прошли мы несколько километров. Вышли к деревне. Тетка пасла корову. Я ее спрашиваю: «Тетушка, кто в деревне?» А она мне: «А у меня ничего нет». Так я от нее ничего толком и не добился. Пошли в деревню. На краю деревни разбитый взрывом дом. Воронка. Навес. Зашли под навес, постояли. Стой не стой, а есть охота. Пошли дальше. Зашли в жилую хату. Нас там встречает парень лет семнадцати, в руках у него немецкий карабин. Одет просто, по-крестьянски. Я его и спрашиваю: «Партизан?» Он мне: «Да, партизан». Так он мне ответил и ухмыльнулся. Чего он, думаю, ухмыляется? И винтовка немецкая... Хозяйка нас усадила за стол, налила борща. Нарезала хлеба. Мы сразу на еду накинулись, обо всем забыли. Рады: к своим попали: Парень тем временем вышел на крыльцо и выстрелил в воздух. Пришел другой, тоже с немецкой винтовкой, лет сорока. Внимательно посмотрел на нас. Парень ему: «Вот, беловцы из лесу пришли. Что будем делать? Пускай уходят, или как?..» — «Поведем», — говорит тот. Тут-то мы и поняли, к каким партизанам попали.

Старший опять стал нас осматривать. Товарищ мой весь оборванный. А на мне еще хорошая диагональная гимнастерка и кавалерийская портупея с ремнями. «Сымай», — говорит. Делать нечего, снял я с себя свое добро, швырнул на пол и говорю: «На. Только учти: прибыли тебе от нашего несчастья не будет». — «Ладно, — говорит. — Помолчи. Будешь еще рассуждать... Это тебе не при советской власти». Ага, думаю, советской властью меня попрекнул, обиженный. Этот не отпустит. Он бы, наверное, и штаны с меня снял, присматривался он и к штанам, да они у меня прострелены были и в крови. Бранишь, гад, советскую власть, а сам все норовишь от нее кусок урвать... Но это я вслух уже не сказал.

Повели нас в другую деревню. Привели. Деревня большая, дворов пятьдесят. Называлась та деревня, как мне помнится, то ли Каменец, то ли Каменка. Держали нас в школе.

— В Ельне в лагере я свои сапоги обменял на пайку хлеба. Голод был страшнее смерти. Когда поживешь два месяца на траве и коре да на горсти пшеницы, то кусок хлеба покажется дороже всего на свете.

В лагере было много партизан. У них была припасена еда. Им и приносили — они же местные.

Прошло несколько дней. Нас собрали, повели на Починок. Ночью прошел дождь. Раны мои сковало. Утром надо вставать, идти, а я не могу подняться. Подбежал немец из конвоя, поднял меня за воротник рубахи и ударил сапогом. Я ему и говорю: «Ты, варвар!.. Попался бы ты мне месяца два назад!..» Я-то думал, он ничего не поймет. А рядом оказался переводчик, перевел, что я сказал. Эх, как он обозлился! Побледнел, покраснел, опять подлетает ко мне и кричит: «Ты — варвар! Ты — варвар! Ваша Россия — варварская страна!» Я засмеялся. И они меня наказали таким образом: всех раненых усадили на телеги, а меня поставили в колонну. Я шел пешком. Ребята меня поддерживали, не бросали. Мне один: «Ты, комиссар, с ними не спорь. А поставят к березке, и вся недолга...» — «Да я, — говорю, — не комиссар. Я такой же, как и ты».

Тут мне подали палку. Я пошел опираясь на палку. Другой рукой держусь за телегу. А немец, тот самый, подлетел — и по руке мне прикладом. В телеге сидит бывший повар из партизанского отряда. Нога у него забинтована. Раненый. Я с ним в лагере познакомился, сдружился. Он мне и подал руку в дороге. Ладно, думаю, ковыляю себе дальше. И чуть погодя Вася опять мне руку подал. Так, держась за телегу, мне идти все же значительно легче. Немец заметил и опять подбежал. Вырвал у меня из рук палку и стал той палкой лупить и меня, и партизана. И тут кто-то из

ребят и говорит: «Вась, дай ты ему! За что он тебя бьет?!» И Вася махнул ему разок. Парень был крепкий. В партизанском отряде всегда возле котла. Силенку еще не растерял. Немец так и сиганул в кювет. Даже винтовка в сторону отлетела. Немцы закричали. Вася бросился в гущу колонны. Где его там найдешь? Колонну остановили. Вышел переводчик, объявил: «Если не выдадите того, кто ударил германского солдата, каждый десятый будет расстрелян».

Никто Васю не выдал. Немцы бегают, высматривают. А мы стоим молчим. Постояли-постояли да и пошли дальше. Это был уже не сорок первый год, когда они с нашими пленными делали что хотели. Немцы к тому времени тоже уже в плен стали попадать. И побаивались, что и их будут истреблять.

Я без палки иду кое-как. Ослаб совсем, повалился. Подходит немец. Не тот, другой. Подошел, кольнул в бок штыком: «Штейт!» Лежу я на обочине, ни встать, ни идти уже сил нет. Я уже и смирился: пускай убивают, чем так мучиться. Все равно не дойду. Немец кляпал-кляпал надо мной затвором и штык к виску прикладывал, а выстрелить все же не выстрелил. Остановил подводу. Меня бросили в ту подводу и повезли. Лежу я в подводе и думаю, как во сне: «Это ж что, я опять живой остался...»

— В Рославле, помню, гонят нас мимо станции. Стоят полицейские. Молодые ребята, рослые, здоровые. Кто-то из наших крикнул: «Ребята! Дайте закурить!» — «Пускай тебе Белов даст закурить!» — «Ах ты, шкура немецкая! Да ты и мизинца не стоишь нашего генерала!» Чуть до драки не дошло. Немцы нас прикладами в строй опять загнали. А то мы их уже окружили... А, думаю, напустили и вы в штаны, когда мы Дорогобуж взяли. Небось вокруг Рославля все окопами ископали... Немцы ничего не поняли, думали, мы из-за курева поспорили.

Пригнали в лагерь. Вышел врач. Молодой, лет тридцати. Стал осматривать меня. Увидел, что рана свежая, спра-

шивает: «Где это тебя?» А дело в том, что в основном в Рославль пригоняли тех, кто был взят в плен еще в сорок первом году. Фронт назад отодвинулся, вот немцы и перегоняли пленных подальше в тыл. «Под Москвой», — говорю. «Как дела под Москвой?» — спрашивает. Они не знали правды. «Дали мы им!» — говорю. И рассказал, как брали Солнечногорск, Козельск, как ходили по тылам, как пытались взять Вязьму, как атаквали Дорогобуж и сколько там всего захватили. Немцы-то им говорили другое: что Москве уже капут, что не сегодня завтра войне конец...

— После Рославля были лагеря в Борисове, Минске. Потом погнали в Польшу.

И был такой случай в одном из лагерей в Польше.

Работали мы в овощехранилище. Часовой — австриец. Когда я только прибыл, ребята мне сказали: «Сейчас к тебе подойдет». — «Зачем?» — «Спросит, сколько немцев убил? Говори, что много, закурить даст».

Работаем. Подходит конвоир. Невысокого роста. Немного так тюляпает по-русски. «Где воевал?» — спрашивает. «Под Москвой», — говорю. А они знают, что под Москвой сильные бои были, много немцев побил там. Покачал уважительно головой: «О-о! Гут! И сколько немецких солдат ты убил?» — спрашивает. Я и говорю: «Да сорок, пожалуй, будет». И показал на пальцах, чтобы быстрее дошло. «О-о! А кем ты был на фронте?» — «Пулеметчиком, — говорю. — Первым номером станкового пулемета системы «Максим». Такой большой машиненгевер...» — «О-о! Ты хороший солдат!» И правду ребята говорили: дал мне австриец несколько сигарет. И сам закурил. Сел неподалеку, курил, на меня поглядывал и головой качал. Пожилой был австриец, видать, еще в Первую мировую воевал.

Потом погнали нас дальше. Куда везли, было непонятно. Привезли в концлагерь в Бреслау. Вот так я оказался в Чехословакии.

В это время там, в концлагере в Бреслау, находился генерал Карбышев.

Лагерь размещался в каком-то зрелищном учреждении. Койка генерала Карбышева стояла на балконе, отдельно от нас. Рядом, в этом же помещении, но за самодельной ширмой из простыней, располагалась санчасть. Я бывал там почти каждый вечер. У меня распухла нога, и после работ я ходил на перевязку. Санинструктор меня с Карбышевым и познакомил. Дмитрий Михайлович расспрашивал о боях под Москвой. Ему приносили газеты. Русские газеты. Он читал их. Когда я в первый раз пришел к нему, он как раз и читал газету. На работы его не гоняли. Все же генерал.

— В лагере у нас была подпольная организация. Она и помогла мне бежать.

Однажды стали формировать команду для переброски в Белоруссию, на срочные работы. В команду ту попал и я. Меня туда включили с условием, что, когда прибудем в Белоруссию, я уйду к партизанам любой ценой. Писарь — наш был человек, вот он меня в ту команду и вписал — меня и еще нескольких своих. Мы друг друга знали. Держались вместе.

Прибыли в Слуцк. Поезд остановился где-то в пригороде. Вышли мы из вагона. Охранник наш куда-то ушел. Стоят машинисты, переговариваются. Вышли покурить. Начал я их расспрашивать. Поняли они, куда я клоню. Один мне и говорит, в открытую: «Нет, браток, тут лучше и не пытайся. Ты не смотри, что охраны нет. Поймают сразу. Поля кругом. И немцев много. Полиция. Куда ты побежишь?»

Повезли дальше. Бреславскую нашу группу разбили, разослали по разным лагерям. Осталось нас трое. Едем — леса кругом. Хорошо бы, думаем, здесь где-нибудь... И точно, вскоре выгрузили, погнали в лагерь. По дороге в лагерь мы и бежали. Конвой был немногочисленный: один немец с винтовкой впереди, другой сзади, а посреди полицейский

на коне. Полицейский куда-то ускакал, в деревню, видать. Мы как раз возле деревни проходили. Рассветало. Еще сумерки стояли. Колонна стала поворачивать. Впереди конвойр за поворотом скрылся, а задний на другую сторону перебежал. Мы, трое, в лес и шмыгнули. Никто и не заметил.

Пришли в одно белорусское село, в веску, как там говорят. Идет мальчик. Я его подозвал, спросил о партизанах. Он посмотрел на меня и говорит: «Пойдем». Привел в хату. За столом парень с автоматом. Автомат немецкий. А я смотрю внимательно: один раз к «партизанам» я уже попал, в другой раз не хочу. Но на наше счастье, оказалось, что попали мы действительно к своим.

Так началась моя партизанская жизнь. Но это уже другая история.

Вначале нас откармливали. На задания не посылали. Хотя уже зачислили во взвод разведки. Командир отряда посмотрел на нас и сказал: «Ребята вы обстрелянные, бывалые. В разведку пойдете». Ну что ж, в разведку так в разведку. «А сперва, — говорит он нам, — силенок немного поднаберитесь».

Кормили нас хорошо. Втроем мы за один раз съедали ведро картошки! До дна!

Вскоре мне дали коня и должность командира отделения. Потом — командира взвода. Во взводе у меня было отделение подрывников. Однажды пустили под откос эшелон с живой силой. Заряд был хороший, вагоны так и разметало. Да и насыпь в том месте оказалась высокой, вагоны крутило так, что в лесу долго грохот стоял. Потом из депо, где у нас тоже свои люди были, сообщили, что при взрыве погибло 309 немецких солдат и офицеров. Мой взвод, можно сказать, за дивизию дело сделал. Две полнокровные роты — это хорошая дивизионная операция!

Четырнадцать месяцев я был в отряде. И еще потом один месяц на «очистке». После операции «Багратион», когда наши войска продвинулись далеко вперед, на запад, в белорусских лесах осталось много окруженных групп

немцев, полицаев. Да, вот такая история. В сорок втором я от них хоронился. А в сорок четвертом — они от нас. Вот жизнь как поворачивается...

Многие, кого мы брали в плен, были в немецкой форме и хорошо говорили по-русски. Некоторые были одеты в эсэсовскую форму. Тут попадались не только полицейские, но и остатки разных специальных подразделений, и власовцы, и группы из первого русского национального полка СС, и польские офицеры Армии крайовой, и дезертиры. Те прятались в лесах с лета сорок первого года. Некоторые сами выходили. В основном это были местные жители. Кого бабы прятали, кого родители.

— А уже слышать было, особенно по ночам, как наши идут. Тяжелая артиллерия била. Фронт валом катился. Тут уж наши хлосили почем зря, не то что в сорок первом под Вязьмой.

Иногда нас отправляли на железнодорожную станцию — разгружали вагоны. Обычно, когда нас гнали туда, вдоль дороги стояли жители, в основном угнанные немцами из оккупированных областей. Кричали: «Кто из Тулы? Кто из Брянска?» Деревни называли. Слышу, кричат: «Зимницкие есть?» Поворачиваюсь, кричу вслепую: «Я из Зимниц, а ты кто?» Стоит мальчик: «Ты что, дядя Ефим, не узнал меня?» Боже ты мой, гляжу, это ж Витя Лавреев! До войны такой шалун малый был! «Что в Зимницах?» — спрашиваю. Он мне все и порассказал: что Зимницы немцы сожгли дотла, что мужиков всех, и даже ребят по пятнадцать—шестнадцать лет, постреляли, что только кое-кто случайно остался жив. «Бабы-то с детьми живы?» — «Живы!» — говорит. «А отец мой?» — «Нет, — говорит, — расстрелян». «А тесь, Кирилл Арсентьевич?» — «И он», — отвечает мне Витя. «А дядя Охрем?» — «Дядя Охрем, — говорит, — живой остался». Условились мы с ним на завтра встретиться возле проволоки. Гражданским к нам приходиться разрешали, охрана не препятствовала. Да что-то не пришел Витя.

И надо ж было такому случиться, что встретились мы с ним потом еще раз, уже в Германии, куда нас дальше угнали. И рассказал он мне тогда побольше. Например, что в Минске с ним вместе Степанида была с детьми. Это одна женщина наша, тоже зимницкая. А у нас в Минске комендантом лагеря в то время был немец по фамилии Кац. Раньше, когда мы только-только туда поступили, другой был. Тот все, бывало, ходил с расстегнутой кобурой. Чуть что, стрелял без предупреждения. Много нашего брата пострелял. А Кац был добрый. Вот, помню, подойдет к проволоке женщина, уговорится с кем из наших — и к нему: мол, господин комендант, мужа нашла, отпусти отца к детям. Усмехнется немец да и прикажет отпустить пленного. Отпускал насовсем. Слыханное ли дело — на волю, после таких-то мучений... А вот же отпускал. Вот бы мне встретиться тогда со Степанидой!..

Витю Лавреева я встретил после 3 мая 1945 года, когда нас англичане освободили.

Англичане нас передали нашим.

За мной ничего такого не числилось. Поэтому после передачи я сразу попал на хозяйство и, считай, опять, как в сорок первом под Новодугинской, на должность старшины. Жили мы в польской деревне, работали на маслобойне. Снабжали войска продовольствием.

Раз приезжают двое молодых офицеров из особого отдела. Поговорили и тут же отпустили. Больше трепали тех, кто в сорок третьем и позже в плен попал. А нас, кто в сорок первом да в сорок втором... Знали, какая война на нашу долю выпала.

— Никому я раньше не рассказывал, как был в плену. Не хотелось об этом вспоминать. Но что ж, раз начал... Сколько годов прошло... Меня поймет только тот, кто сам побывал там. Тебе-то зачем это все нужно? Чужие страдания... Ну, тогда ладно, слушай, как говорят у нас, да не перебивай.

На ночь нас закрыли в каком-то складе. Стены кирпичные, прочные. Из своего полка я никого не встретил. А из дивизии нашей там народ был. И красноармейцы, и командиры.

Утром — в эшелон. Везли несколько дней. Доехали до Славуты. В Славуте выгрузили и разместили в наших довоенных кавалерийских казармах.

В дороге нас, конечно, не кормили. На станциях наши ребята, кто победовой, в дыры спускали на проволоке банки и просили прохожих или железнодорожников, чтобы налили воды. Жара. Мучила жажда. С ума сходили от жажды. Охранники всех, кто подходил к вагонам, отгоняли.

В Славуте, когда начали выгружать, только по несколько человек из каждого вагона вышли сами, на своих ногах, или нашли силы выползти. Остальных вытаскивали и складывали в кучи, как дрова. Трупы уже заоченели. Умирили и от ран, и от голода, и от жажды. Отступали — ни пищи, ни воды. В плен попали — то же самое.

Рана моя стала заживать. Ранение оказалось неопасным. Я выжил. Сказывалась и моя хорошая довоенная физическая подготовка.

В лагере в Славуте я попал в отдельную команду медработников. Руководил нами военврач Поппель. Он знал по-немецки и договорился с немцами, чтобы те позволили пленным медработникам хоть как-то присматривать за ранеными. И даже вот что мы делали: под охраной ездили в лес, нарезали еловых и сосновых лапок, заваривали их в котлах и этим отваром поили ослабленных пленных наших солдат.

Кормили нас баландой с добавлением гречки. Гречка была не очищена. Осталась она еще от наших запасов. Когда из Славуты уходили наши войска, вывезти вороха гречки не успели, облили бензином и подожгли. Но она только сверху обгорела, а внизу вся осталась целой, только дымом пропахла и бензином. Вот нам, бедолагам, и сгодились на прокорм.

У нас у всех были какие-нибудь посудины. У кого кружка, у кого банка, у кого котелок остался. Немцы, когда в плен брали, котелки не отнимали. Туда, в эти посудины, нам баланду и наливали.

Охраняли нас в концлагере в Славуте не только немцы, но и кубанские казаки. В картузах, в штанах с лампасами. С винтовками ходили вдоль проволоки. На вышках сидели немцы. Пулеметчики были немцы. А пешая охрана — казачки. Немцы нас не стреляли. Не помню такого случая, чтобы с вышки огонь открывали. А вот казаки в нас стреляли. Будто случая искали. И многих наших пленных красноармейцев убили именно казаки. Я напраслину не наговариваю — говорю то, что видел и пережил. Подойдет, бывало, пленный к проволоке и палочкой на конце начнет доставать какую-нибудь травинку. Палочка непростая, с гвоздиком на конце. Голодали ведь! И травинке душа рада! Вот он, казак-охранник. Идет. Винтовку с плеча сымает: «Отойди от проволоки! Стрелять буду!» Пленный ему: «Стреляй! Все одно от голода подыхать!» А сам не верит, что тот выстрелит. Но казаки выслуживались перед немцами: вот, дескать, какие мы надежные охранники! Как исправно службу несем! Другой корить его начнет, охранника: «Что ж ты, сук-кин сын! Немецкую винтовку взял. Шкура!» Да по матушке. Глядишь — бах! Поволокли всего в крови к яме.

Так что в Славуте нас охраняли и убивали не немцы, а казаки.

А тут другая беда: в лагере начался сыпной тиф. Вши. Завшивели все. Скопище народу. Никакой санитарии. И пошло. Умирали десятками и сотнями.

Вскоре нас, кто пережил тиф, повезли в Германию.

Привезли в Говельдорф. Это — на границе Германии и Франции. Здесь, помню, произошел такой случай. Погна-ли нас на работы. Копали какой-то ров или котлован. Смотрю, ребята заходили, зашумели. Охранник прибежал, а поздно. Дело уже сделано: двое лежат с разрубленной головой. Так военнопленные расправлялись с провокатора-

ми. Немцы засылали осведомителей. Те вынюхивали, доносили на командиров и руководителей. Мы хоть и пленные были, подневольные, но не стадо баранов и рабов.

После этого случая раскидали нас по разным лагерям. Я попал в городок Торн на Висле. И там встретил своего довоенного друга, тезку, Васю Жижина. Мы с ним вместе заканчивали Серпуховское медучилище. Бывает же такое! Вася воевал с сорок первого года, с 22 июня. Первый бой принял на Буге. Родом он был из Тульской области, со станции Тарусская. После войны переехал в Пушкино на Оке. Несколько лет тому назад умер. Я ездил хоронить его.

Вася меня сперва не узнал. У меня от продолжительного голода и истощения организма появились сильные отеки. Нажмешь на мышцу — ямка остается. Белковые отеки. Мешки под глазами. Я уже доходил. От прежней силы и следа не осталось.

В Торне нас было человек восемьсот. Через два месяца осталось четыреста. Остальные умерли. Они нас попросту морили голодом и изнурительными работами. Организм не выдерживал.

А тут случай нам помог. Под Дюнкерком немцы захватили английский десант. Пленных пригнали в Торн. Мы оборудовали для них лагерь. Мы, русские военнопленные, — рабочая скотина. Мы должны были работать и умирать. Каждый день — по нескольку десятков. И — в яму! В яму! А пленные английские солдаты и офицеры играли тем временем в футбол. И них было хорошее питание. Они получали от Красного Креста продовольственные посылки: мясные и рыбные консервы, колбасу, печенье, кофе, конфеты, сахар, масло. Все у них было. А некоторые из наших ребят, когда узнали об этом, от одной мысли сходили с ума. Потому что нас кормили баландой из брюквы. И воняла эта баланда как моча кролика.

Я как-то после войны, году в пятидесятом, завел было кроликов. С полгода продержал — нет, не могу! Как, бывало, подойду к клетке — баландой лагерной, брюквой пареной пахнет... Ужасом пахнет. Вывел. Клетки сжег.

Англичанам немцы варили гороховый суп с мясом. Суп этот англичане не ели. Брезговали. Ну, с посылками от Международного Красного Креста, конечно, можно было и побрезговать немецким варевом. Англичане нам отдавали свой суп. Но котел с супом надо было еще вынести из английской зоны в нашу. Не все охранники это позволяли делать. Были в охране и эсэсовцы. В основном в лагерную охрану они попадали из госпиталей. Кто без глаза, кто без руки. На фронт их не брали, а в охране служили. Такие стреляли без предупреждения. Мстили нам, русским, за свои раны и увечья.

Немцы хоть и хозяева, а с куревом и у них было трудновато. Англичане же в посылках регулярно получали хорошие сигареты. За сигареты охранники приносили нам гороховый суп. Или пропускали двоих-троих наших в английскую зону за котлом. Вот этот-то гороховый суп и снял белковые отеки, многим спас жизнь. Мы ожили. Так что спасибо англичанам! Это и был для нас второй фронт.

Англичанам мы стирали белье, чинили обувь, шили тапочки. Так что не за здорово живешь получали от них гороховый суп.

Немцы в лагере были разные. Были просто звери. Особенно бывшие фронтовики из СС. Бьет, сволоочь, всем, что под руку попадется. До смерти забивали. А другой, смотришь, посылку из дому получит, позовет, оглянется и что-нибудь съестное даст. Угостит, скажет: мол, из дому получил гостинцы. Начнет о детях рассказывать, о своей фразе... Добрые люди и среди немцев были. Вытащит, бывало, фотокарточки, покажет свою семью.

Вскоре нас перевели в Грудзендз, на Вислу. Разгрузили мы там товарные вагоны с углем. Тут у нас с кормежкой стало похуже. А работы — побольше. Но мы уже жить в плену научились. Шили тапочки. Шили и продавали. Охранникам или гражданским. А на эти деньги приобретали продукты.

Однажды в Грудзендзе была облава. Что-то искали. Налетели автоматчики с собаками. Выхватили из колонны

двоих наших. Они несли в барак несколько брикетов с углем. Уголь мы таскали, чтобы разжечь огонь, погреться и сварить что-нибудь. Так этих ребят, которых прихватили с брикетами, избили так, что мы их несли до барака. Они их били, а мы стояли и смотрели. Не заступишься ж.

Работали и на продуктовых складах. На одном складе была мука. Туда посылали тоже часто. Начальник склада, поляк, разрешал набирать с собой мучицы. У всех у нас под одеждой были привязаны небольшие сумочки, сшитые специально для этого дела.

Фронт приближался. Шел уже сорок четвертый год. От Вислы наш лагерь погнали на запад.

Шли пешком. В дороге нас не кормили. И вот идем полем. А у дороги — бурты свеклы. Смотришь, колонна зашевелилась, и человек тридцать—сорок срываются и бегут к этому бурту. Немцы сразу начинают стрелять из винтовок. Как правило, никаких предупредительных — открывали огонь в бегущую толпу, на поражение. А мы, когда бежали к бурту и обратно, рассчитывали на то, что всех конечно же не перебьют. Уцелевшие в колонну приносили свеклу. Смотришь, вернулся цел, и 3—4 свеклицы в руках держит. А возле бурта 3—4 человека лежат...

У всех ножички: «Дай отрезать, пожевать». Начинается дележка. Потом — самое страшное, понос открылся. Присядет пленный у дороги, а охранник уже стоит ждет. Колонна уходит. Охранник стволом винтовки толкает: долго, мол, сидишь, давай скорее... Еще минуту-другую подождет и, если не встал, прикладывается и из винтовки в упор...

Наша колонна по той дороге, видать, не первой прошла: и везде по обочинам лежали убитые наши военнопленные.

Однажды на ночлег остановились у бауэра. Вечер опустился холодный, моросил дождь, и хозяин пустил нас в сарай. А в сарае были сложены снопы пшеницы. Как только нас закрыли, ребята эти снопы в руки — и пошла молотьба! Наелись пшеницы и кое-что в сумочки насыпали, в дорогу.

Последним этапом моих мытарств и скитаний между жизнью и смертью в немецком плену стал аэродром Эль-

гебек. И раз ночью на аэродром налетели английские бомбардировщики. Повесили на парашютах осветительные ракеты и пошли сыпать бомбы. Основной удар пришелся на наши бараки. Видимо, англичане думали, что здесь расквартирован летный состав. Погиб и наш охранник, австриец Ешка. Хороший был человек. Много для нас добра сделал.

Меня волной отбросило и ударило о стену. Я потерял сознание.

Первая бомба попала в барак, где был Вася Жижин. Хорошо, что наши бараки по всему периметру были обложены огромными валунами. Валуны гасили ударную волну, задерживали осколки.

За одним из таких валунов лежал и я. Когда пришел в себя, услышал крики и стоны. Кричал один наш товарищ, мордвин. Его завалило кирпичами рухнувшей печи. Я хотел было подняться, помочь ему, но тут меня ударило по спине балкой. У меня сразу отнялись ноги. Вася Жижин отыскал меня и вытащил из барака на улицу, положил под куст сирени.

Самолеты еще не улетели, а военнопленные уже побежали на кухню, поискать что-нибудь поесть. Кухню тоже разбомбило. Голод пострашнее бомбежки.

Несколько дней у меня изо рта шла кровь. Мучила сильная жажда. Что-то внутри повредилось от удара.

Немцы своих раненых стали увозить в госпиталь в крытых фургонах. Последняя машина осталась пустой. И в нее погрузили несколько человек раненых из числа военнопленных. В эту группу попал и я. Хотя было страшно: брали самых тяжелых, и мы боялись, что возиться с нами не станут, довезут до первого глубокого оврага и вывалят туда...

Но привезли в госпиталь. Смотрю, ходит медсестра. Немка. Совсем молоденькая. Я ей: «Медхен, ихь виль тринкен. Битте, медхен!» Она внимательно посмотрела на меня, ушла. И смотрю, несет стакан воды. Вот тебе и медхен... Пожалела доходягу русского... Да, брат ты мой, не все немцы звери были.

Нас перевели в интернациональный лазарет для военнопленных. Медработников в том лазарете почти не оказалось. Сами ухаживали друг за другом. Среди нас были русские, французы, поляки, югославы. Кормили нас баландой и давали по тонюсенькой пайке хлеба. Хлеб был не настоящий, выпечен с добавлением опилок. Когда, помню, ешь, на зубах их чувствуешь.

Вот так Бог меня и тут сохранил. В который раз за эти жуткие годы. Через много лет Вася Жижин мне рассказал вот какую историю...

Из Эльгебека нас, тяжелораненых, вывезли на машине. Остальных, кто мог передвигаться самостоятельно, построили и сказали: «Вы идете в лазарет. Шагом марш!» Повели. Довели до ближайшего оврага. «Стой!» Выстроили вдоль оврага и постреляли. Их там было 120 человек.

Вот тебе и судьба... А меня в это время немка водой поила...

Тем временем американцы и англичане стали нажимать с запада. И однажды мы узнали: немцы оставили Гамбург. А от Гамбурга до нас — 90 километров! И мы уже знали, что дня через два союзники будут здесь.

И правда, вскоре немцы побежали. Уходили они поспешно, к датской границе. Госпиталь охранял один немецкий солдат. Когда пришли англичане, он куда-то исчез.

К тому времени я уже поднялся на ноги. Мне ребята нашли подходящую палку, и я опирался на нее, как на костыль. Мы вышли посмотреть на англичан, какие они, наши освободители. Английские солдаты и офицеры ехали на машинах. Радостные, возбужденные. Многие одеты в шорты.

К нам пришел английский офицер. С ним кто-то из Красного Креста. И нам всем сразу раздали продуктовые посылки. Вначале — по одной коробке на двоих. А потом — каждому по коробке. Некоторые сразу навалились на еду, и несколько человек умерло. Я открыл пачку печенья, съел несколько штук и больше не стал.

Через несколько дней объявили: всем русским собраться в школе. Неподалеку стояло четырехэтажное здание школы. Нас готовили к отправке в советскую оккупационную зону. Тут же через переводчика всем объявили: «Кто не желает переправляться в советскую оккупационную зону, может об этом заявить. Мы вам поможем».

В советский сектор перевозили на грузовиках. Нас встретили военные в офицерской форме. Определили в барак. Происходило это в городке Штейнберге. Так мы попали в фильтрационный лагерь. Спали на нарах. Нары такие же, как и в немецком лагере. Кормили хорошо, выдавали полный солдатский паек. И вот, по очереди, начали вызывать в специальное помещение. Спрашивали: где воевал? Когда и при каких обстоятельствах попал в плен? Я все хорошо помнил и назвал номер своей дивизии, полка, фамилии командиров, даты боев и пленения. Ко мне особых вопросов и не было. Но вызывали несколько раз и спрашивали одно и то же. Каждый раз я вспоминал какие-нибудь новые подробности, но вскоре понял, что подробности их не интересовали. Все запишут, я распишусь, и все: «Идите».

Некоторых, помню, уводили даже без проверки. Один с нами был, с аккордеоном... Где он взял этот аккордеон? Пришли, взяли, вывели и во дворе расстреляли.

Рядом со мной на нарах лежали полковник и младший лейтенант, оба из Ростова. Земляки. Полковник ночами не спал, все вздыхал. В плен попал еще в сорок первом, под Вязьмой, раньше меня. Его часто вызывали. Но не уводили — каждый раз возвращался. Младший лейтенант все за него переживал. Виду не показывал, но я замечал, что волнуется за полковника. А сам он был летчик-истребитель.

Первую нашу колонну из фильтрационного лагеря к советской границе отправили пешком. Когда шли по Польше... Шли-то усталые, голодные, мимо деревень, где полно продуктов. А поляки знаешь какие... Выйдут посмотреть, и вместо того, чтобы кусок хлеба вынести, начнут насмешничать. Ну и пошло... Главное — голод. Это надо по-

нимать. А охрана что? В своих же стрелять не будут. После того случая стали отправлять только поездами.

Отправили вскоре и наш эшелон. В Берлине на железнодорожной станции произошла такая история. Когда вышли из вагонов, увидели стоявший рядом вагон-цистерну. На цистерне трафарет — череп с костями. А ребят наших этим не остановишь, полезли разведать, что там. Почти пустая, но на самом дне что-то похожее на спирт. Надо ж знать нашего брата... Нахватали в котелки, во фляжки. Младший лейтенант, ростовчанин, принес и нам с полковником. Я пить не стал: «Ты что, не видел, что там череп с костями нарисован? Немцы зря такой знак не поставят». Он мне: «Не бойся! Вот смотри, горит!» Плеснул этой жидкости в ложку, поднес спичку: «Видишь? Все в порядке! Не сомневайся!» Я все равно пить не стал. А вот другой лейтенант, гвардеец, который тоже ехал с нами, выпил. Он был командиром стрелкового взвода. Попал в плен недавно. Еще и форму не износил. В Германии на пересыльном пункте встретил свою сестру. Ее немцы угнали на работы в Германию, на каторгу. Много нашей молодежи там было. Тоже ехали назад эшелонами. Вот лейтенант-гвардеец и разыскал свою сестру. И вместе с ней ехал домой, в Россию.

И только мы отъехали от Берлина, он мне и говорит: «Что это у меня с брюками?» Я ему: «А что?» — «Да лампасы куда-то делись. Были лампасы, а теперь вот где они? Нету!» И щупает свои галифе. Я смотрю: лампасы-то — на месте. А это у него уже от выпитого началось... Галлюцинации. Тут и другим стало плохо.

Эшелон остановили на ближайшей станции. Человек пятьдесят сдали в госпиталь. Хорошо, там стояла наша воинская часть. А человек пятнадцать уже умерли. Умер и лейтенант-гвардеец. Вот так, ехал-ехал домой... И сестру нашел... Выпил на радостях...

Привезли нас в Вышний Волочек. Снова — на нары. Снова — проверка. Вместе со мной ехал санинструктор. На Днепре в плен попал. Так ему «тройка» сразу зачитала указ:

десять лет лагерей. Что уж там у него было, не знаю. Наши документы приехали в Вышний Волочек раньше нас. А в плену, скажу я тебе, люди вели себя по-разному.

Кто прошел проверку, мог выбирать: хочешь служить, присваивали звание и отправляли в часть, кто сильно ослаб, того отправляли домой.

Я поехал домой, в свою деревню Уваловку под Тарусой. Там жили мои родители.

В Тарусе меня однажды встретил уполномоченный НКВД Максимов: «Зайди. Поговорим». Зашел. Поговорили.

Я устроился на работу. В Тарусском районе после войны начался тиф. Специалистов по санитарному делу не хватало. А я все же был санинструктором стрелковой роты. И хоть там, на фронте, в донской степи, у меня была работа другая, я таскал раненых с поля боя, но и в санитарном деле кое-что понимал. Да и в лагерях приходилось заниматься тифозными больными. Вот и пошел я работать санитарным врачом. Так и остался в тарусской санэпидемстанции, и проработал в ней сорок шесть лет!

Глава 5 **ЦАРИЦА ПОЛЕЙ**

Вряд ли нуждается в каком-либо предисловии или вступлении глава, где читателю представлены рассказы бойцов, сержантов и лейтенантов стрелковых рот и батальонов. Мы привыкли видеть украшенных многочисленными орденами и наградами летчиков, артиллеристов, танкистов. Но если рядовой пехотный возвращается домой с одной-единственной медалью «За отвагу» или «За боевые заслуги», то это и был настоящий герой. Территория не могла считаться захваченной, если ее не заняла пехота. Вот почему в пехоте особо ценились добротные подметки на обуви, саперная лопатка и шинель. Не меньше оружия.

Генералы и маршалы разрабатывали операции в штабах. Авиация и артиллерия проводили тщательную бомбардировку

вражеских позиций. Казалось, там, впереди, за нейтральной полосой, все перепахано бомбами, снарядами и минами. Но нет, туда еще должна уйти пехота. И еще не осела копоть и пыль артподготовки, когда начиналась ее работа. Недаром ей дали такое прозвище. Минометчиков, например, называли «самоварщиками». Штурмовиков Ил-2 — «горбатыми». Артиллеристов-сорокапятчиков ПТО — «прощай, Родина». Кавалерию — «копытниками». И только у пехоты было такое красивое и достойное народное название — «царица полей».

— А знаешь, брат ты мой, какая команда на фронте была самая страшная? Нет? А вот слушай...

Лежим в траншее, жмемся. Знаем уже, что с минуты на минуту подниматься надо, а все равно не верится. Вдруг, думаем, атаку отменяют? Штыки уже примкнуты. Ждем. И вот лейтенант наш пистолет из кобуры потянул — и: «Взво-од! Приготовиться к атаке!» А потом, несколько секунд, тишина. Вот эти несколько секунд, когда уже знаешь: все, сейчас пойдем и сейчас, может, тебя пулей или осколком... Привыкнуть к такому невозможно. Даже сейчас вот... сказал, а по телу — дрожь...

Все мы там дрожали.

— Весной я был уже под Спас-Деменском. Конец мая. Наша 33-я армия наступала на запад. Воевал я в 338-й дивизии. Вскоре ее передали в 10-ю армию.

Помню деревню Старые Стребки. Деревни самой уже не было — угли да печи. Там мы схватились. И своих много потеряли, и немцев повалили.

Вокруг Спас-Деменска местность болотистая.

А как было. Однажды утром мы пошли в наступление. Вышли к Старым Стребкам. Немцы положили нас сильным пулеметным и минометным огнем. Лежим, к земле прилипли. Командиры нас поднять не могут. Кто поднимется, его тут же — пулей. Смотрим, подошли наши «ка-

тюши». Ударили. Мы встали, пошли. Никакого огня. Все тихо. Так, добивали кое-где уцелевших немцев.

Когда мы заняли ту деревню, увидели множество повозок. Повозки у немцев были большие, на мощной оси. В повозках много всякого имущества и добра. А по земле разбросаны куски мяса. «Катюши» били осколочными снарядами. И не разобрать было, то ли человеческое под ногами мясо, то ли конское. Через несколько часов все это запахло.

Скажу вот что: мы, к стыду своему, почти никогда товарищей своих убитых не хоронили. Немцы редко оставляли трупы.

— Личным оружием у меня сперва была длинная винтовка со штыком. Безотказная. Системы Мосина. Ни разу ни осечки не было, ни патрон не перекосило. Потом выдали короткий карабин. Та же мосинская винтовка, только укороченная, и штык на ней крепился удобнее. А когда стал замполитом, был пистолет ТТ. Но в бой все равно ходил с винтовкой. Автоматов у нас в роте не было. Только в конце войны выдали сержантам, командирам отделений и лейтенантам.

— На фронте что самое главное? Дружба. Все солдаты другу другу братья. Иначе нельзя. Иначе гибель всем. Мы тогда не делились, кто какой национальности, кто из какой семьи, кто откуда призван. Все — одна семья. Так и выжили.

А что сейчас?

Поделили все. Передрались. Могилки солдатские стали мешать. Черт знает что!

— Помню, в сорок втором...

Прошли маршем по Калининской области, зашли в Смоленскую. Шли ночами, чтобы не попасть под бомбежку. Днем отсиживались в лесах.

Никогда я не думал, что можно спать на ходу. Идешь и понемногу задремываешь. Ноги передвигаются сами собой, механически. Идешь-идешь так, и вдруг в мокрый сидор идущего впереди ткнешься...

Ночевали где придется. Умыться негде. О бане давно забыли. Белье не меняли. И напали на нас вши. Завелись. Да так завелись, что другой раз снимешь нижнюю рубашу, потрясешь ее, а они так и сыплются оравой. Никогда потом, за всю войну, вшей столько не было, сколько в сорок втором году.

Как-то мы устроили им бой. Попали на ночлег в хату. Хозяйка хорошо протопила русскую печь, выгребла угли. И говорит нам: «Скидайте белье и суйте в печку!» Мы так и сделали: сняли гимнастерки, белье, а под низ, на кирпичи, положили поленья, на те поленья — свое обмундирование. И закрыли печь заслонкой. Вскоре оттуда пошел такой дух, что кто-то из наших в шутку сказал: «Братцы, держите заслонку покрепче, а то они, проклятые, оттуда сейчас вырвутся».

— С ходу ворвались в одну деревню. Деревня почти целая. Пробежали в цепи почти до середины дворов. И тут пошло. Немцы стреляли из пулеметов и орудий. Хорошо, ротный сразу смекнул, что вперед людей гнать — на верную гибель. Начал отводить нас. Но отходили мы грамотно. Перебегали от дома к дому, за сараями, у заборов и отстреливались. Двое-трое из отделения стреляют, а остальные отходят.

Тут и я по-настоящему стрелял по врагу. У меня была винтовка. Лихорадочно передергивал затвор и, иногда прицеливаясь, а иногда так, наобум, лишь бы пальнуть, стрелял в сторону засевших за дворами немцев. Не знаю, попал я там в кого или нет, но я стрелял. Много патронов истратил. Когда стреляешь, азарт появляется.

Вот такие мы солдаты были в сорок втором году. Это ж потом мы опыта поднабрались. А в сорок втором...

Сержант, видя такое дело, помню, кричит нам: «Ребята! Пали в их сторону! А пуля дурака найдет!» Не знаю, нашлись ли там дураки...

Из того периода запомнился еще один эпизод.

— В сентябре 1941 года из своей родной деревни Подберезье, что под Мосальском, я попал в Мордовию. Гонял колхозный скот. Стадо коров, голов девяносто, и немного овец. А погонщиков нас было шесть человек: три девчонки, двое парней и старик. Когда вернулись, немцев из нашей деревни уже прогнали. Возвращались мы на родину по следам наступающих наших частей.

3 марта 1942 года меня призвали в армию. Мой отец был председателем колхоза, и меня он, видимо, пожалел, посылая в эвакуацию со стадом. Но на фронт я все же попал. И очень скоро.

Призывали нас полевые военкоматы.

Переодели, немного позанимались — и на фронт. Тут, недалеко, в Мосальский район. На родину. Фронт стоял в нашем районе. И там меня сразу ранило. Первое ранение.

Мы к тому времени немного продвинулись и держали оборону. Под деревней Алфимово. Слыхали про такую? Это уже ближе к Бярятину. 1094-й стрелковый полк 325-й стрелковой дивизии 50-й армии.

Ранило меня 29 августа. Много я уже забыл, что как было. В то время я был уже младшим сержантом. Ранило тяжело. В госпитале я пролежал шесть месяцев. В городе Сарапуле, в Удмуртии.

А как было...

Утро. Мы сидим в своих окопах. В обороне. И вдруг — немцы! Они шли прямо на нас. То ли разведка боем, то ли наступление. Не понять. Шли без артподготовки. Я лежал со своей винтовкой. Немцы шли быстро, с гвалтом. Лейтенант наш видит, что дело плохо, что так, из окопов, не отобьемся, и поднял нас в контратаку. Я поднялся, сделал

несколько шагов вперед, и тут меня ударило. В грудь. Пуля. А вышла в бок.

Из боя меня выносили. Когда пуля попала в меня, я повалился и сразу потерял сознание. Я не помню даже, как и повалился. А через три дня я был уже в госпитале в Сарапуле. Вот как заботились о раненых! Все было налажено.

После лечения там же, в Сарапуле, я был зачислен в Смоленское пехотное училище. Училище эвакуировалось из Смоленска. Сам-то Смоленск все еще находился под немцем. Недолго я там проучился. Опять на фронт. На этот раз — под Спас-Деменск.

Сперва прибыли в Калугу. А от Калуги маршем двинулись под Спас-Деменск. Шли ночами. Три ночи шли. Быстро. Спешили.

С ходу вступили в бой. И провоевал я там, под Спас-Деменском, три дня. Опять ранило. В руку. Навылет. Пулей. Во время атаки. В атаке ведь как... Вперед! Поднялись, побежали. Бежим все. Кричим тоже все. А там уж кого пуля найдет. Кому какая судьба.

Каждый раз меня убивало, и каждый раз казалось, что вот сейчас убьет до смерти, а все же судьба берегла. Рана тяжелая, но живой.

Война в пехоте... Что в пехоте увидишь? Что вспоминать? Вся война — в окопе, в поле. Когда немец отступает, мы видим его спину. Когда наступает, некогда его разглядывать, успевай стреляй, чтобы он тебя не прихватил. А то ведь всякое бывало...

Народ тоже всякий на фронте попадался. Однажды, в Венгрии уже, стояли мы в обороне. И старшина застрелил солдата. Что-то тот у него упер. А старшина его и прихватил. Но стрелять-то зачем? Человек же! Свой! Виноват? Так пускай бы его судили и отдали в штрафную роту. Но убивать... И тогда мы с другим сержантом отвели того старшину за дворы и хотели тоже... Так он в ногах у нас валялся, прощения просил.

Под Оршей и под Будапештом мы побывали в окружении. Всей дивизией. Выходили с боем. Народу много потеряли.

Под Будапештом меня в третий раз ранило.

К тому времени дивизия наша получила наименование 90-й гвардейской дважды Краснознаменной Витебской.

Победу я встретил в госпитале.

Под Будапештом нашу дивизию на марше прихватил немецкий бронепоезд. В поле, на открытом месте. И шлепал нас как хотел из всех своих орудий. А у нас ни авиации, ни артиллерии. Сразу поднялась паника. Вот там многих побил.

За всю войну, за все мои муки, страдания и победы награжден я одной-единственной медалью — «За отвагу». В пехоте больше не давали.

Вручил мне ее начальник штаба батальона капитан Ионов. Пришел он к землянке: «Мордасов! Ко мне!» Я вышел. Думаю: что такое? Вроде ни в чем таком плохом не участвовал. А он: «Вручаю тебе боевую награду — медаль «За отвагу!» — «Спасибо», — говорю.

Вот так я и получил медаль. Было это в августе 1944 года.

На войне от командиров многое зависело. От больших начальников. От тех, которые находились в штабах армии, дивизии, полка. Как они спланируют операцию, так она и пойдет. Учесть свои возможности и силы противника. Обеспечение. Резервы и управление ими. А лейтенанты воевали вместе с нами. Всегда рядом. В окопах. Одна судьба.

— Окруженные в 1942 году под Вязмой беловцы выходили через позиции нашей дивизии. Выходили они в районе Анновки и Верхней Песочни.

Встретился мне один капитан. Верховом на коне. Конь отощавший. А я тоже верхом. Капитан посмотрел на моего коня и говорит: «Лейтенант, давай махнем не глядя. У тебя конек не очень, а мой — всем коням конь. Боюсь, погублю я его. Он меня несколько раз от смерти спасал. Ты его покорми хорошенько с неделю-другую и не узнаешь! Конь, правду говорю, хороший! Мне его жалко. Попадет в чужие

руки... А тебе — воевать. Вот посмотришь, не раз меня добрым словом помянешь».

Поменялись мы с капитаном конями. И правда, вскоре залоснился мой конь, повеселел. Послушный был, умный. А как он мне помогал! Для связиста ведь конь на фронте — первый помощник и самый надежный напарник. Таких коней я потом никогда не видел. Не обманул меня капитан.

— Наш 1111-й стрелковый полк формировался в Бярятине.

8 сентября 1943 года полк был уже на передовой. Дивизия освобождала Мокрое и окрестности. Шло наступление на Рославльском направлении. Мы прибыли, село было уже очищено от немцев. Догорали дома. Дымились головешки. А Грибовку еще удерживали немцы.

За ночь мы дошли до реки Снопоть. Немцы отступали.

Вооружены мы были плохо. Одна винтовка на двоих. И у нас с товарищем моим тоже была одна старенькая винтовка. Он был постарше, взял винтовку, сказал: «Ладно, Петь, сперва я повоюю. А если убьют, тогда возьмешь винтовку ты».

Когда наша 330-я дивизия форсировала Снопоть, нас почти всех там и положили. Так мы и не обзавелись своими винтовками.

Реку мы форсировали возле Малой Лутны. Это уже в Брянской области. Снопоть там вроде неглубокая, песчаные берега. Мы с ходу ударили, сбили их. Но роту нашу они растрепали. Стреляли по нашим наступающим цепям из пушек и пулеметов.

Перешли мы Снопоть. А роты нашей уже не было. Так, несколько человек. Полк двигался к Десне, на Десне немцы укрепились основательно. Видимо, хотели там удержаться.

Наш батальон поддерживала огнем противотанковая пушка. Но расчет ее почти весь погиб на Снопоти. Осталось всего два человека. И меня забрали в расчет заряжающим.

Подошли к Десне. Начали готовиться к форсированию. Артподготовка была хорошая. Стреляли и мы из своей сокопаятки. Только-только начало светать, мы и ударили. Было это 15 сентября. Часа два крушили немецкую оборону — правый берег.

Нашему расчету вдруг поступила такая команда: немецкая пехота снимается и отходит, надо бить шрапнелью. Смотрим — и правда, наши ребята уже полезли на тот берег. И мы должны были перенести огонь в глубину немецкой обороны, чтобы не побить своих.

Неподалеку от позиции, метрах в пятидесяти, располагался наш оружейный дворик. Мы вдвоем с бойцом Иваном Никулиным побежали туда, взяли в охапку по три снаряда — и обратно. А их наблюдатель, видимо, уже засек нашу пушчонку. Не добежали мы с Никулиным шагов двадцать, смотрю, на нашей позиции снаряд разорвался. Пушка сразу кверху колесами. Ребят, артиллеристов, не видать. Я кинул снаряды, упал. И думаю: а больно я ногой обо что-то ударился, когда падал. Лежу. Нога стала болеть. Я пощупал ее. В шинели дырка. И дырка большая. Отвернул полу, а там у меня все в крови. Сразу в холодный пот бросило: ранен! Я крикнул раза два и потерял сознание.

Образумился. Смотрю: вокруг меня санитары. Перевязали, чтобы кровью не истек. Куда-то поволокли. Положили в траншею. Валялся я там часа три. Сам-то идти уже не мог. Вот и лежал, ждал, какая мне участь выпадет.

И вот вижу: подошел ко мне какой-то офицер. Спросил, куда меня ранило. Я показал на бинты. «А почему тебя не забирают в тыл?» — «Не знаю».

Тут откуда ни возьмись — ездые. Офицер к ним: «Заберите раненого». — «Да вы что! Тут все простреливается. Мы сейчас погоним в галоп, а он тяжелый. Не выдержит». — «Я вам приказываю! Сейчас же грузите! И в тыл!»

Тогда они увидели, что офицер не отступит, взяли меня за руки, за ноги и кинули в повозку. Повезли. Ну, думаю, слава тебе господи, может, еще и живой останусь.

Неподалеку, в лесочке, санбат. Привезли меня туда. Там натянута большая, метров в двадцать, палатка, и по обе стороны рядами лежат раненые. Все наш брат солдат. Положили и меня.

Подошла санитарка. Обработала рану. Перевязала. Сказала: «Ждите. Вас повезут в Фаянсовую».

Фаянсовая — это под Кировом.

На Фаянсовой нас выгрузили в сосновом лесу. А оттуда развозили уже кого куда. Я попал в Калугу. В госпиталь. В Калуге сразу положили на операционный стол.

Слепое осколочное ранение. Меня, наверное, убило б. Осколок был большой. Но он сперва попал в снаряд, который я нес. Меня он задел уже рикошетом.

В Калуге осколок мой не нашли. Глубоко вошел. И отправили в город Боровичи под Ленинградом. Рана стала гноиться.

Однажды я попытался встать, пройтись по палате. Сделал несколько шагов и упал. Нога моя почернела. Слышу, санитары говорят: «Гангрена». Положили меня на койку. Несколько дней лежал, пока температура не спала. Положили меня на операцию и на этот раз осколок нашли.

Хирург после операции показал мне мой осколок и говорит: «Пойдешь на фронт — отомстишь за свою рану». Осколок большой, где-то два на три сантиметра. Плоский, острый.

Два месяца я пролежал в госпитале, и меня перевели в палату выздоравливающих. Выдали гимнастерки, другую одежду. Все плохонькое, бывшее в употреблении. А рана моя еще течет... Чуть погода направили в маршевую роту. Однажды слышу, главврач говорит другому хирургу: «Сейчас отправят на передовую, а там два-три дня — и либо убьют, либо, если повезет, снова к нам привезут».

— Самыми ненадежными на фронте были казахи. Если их один-два во взводе, то ничего, воевали как все. А если их целый взвод — беда. Их частенько обыскивали, и в карманах всегда находили немецкие листовки: переходите к

нам, у нас хорошие условия, настоящая листовка является пропуском...

Узбеки воевали храбро. Туркмены тоже. Татары хорошо воевали. Башкиры — отчаянные ребята, стойкие. И мордва были надежными солдатами.

А вот киргизы тоже не очень...

Всех национальностей у нас солдаты были.

— Вспоминаю свой первый бой. Первую атаку. Там я потерял своего друга и земляка младшего сержанта Власенкова. Я командовал первым отделением, а он — вторым.

Развернули мы свои отделения и пошли цепью. Идем. Снаряд то там упадет, то там. Немцев не видать. А тут начали бить минометы. Прошли с километр. Стало смеркаться. По цепи передали приказ: наступление прекратить, окапываться по обрезу речки. И только мы остановились, вздохнули с облегчением, что без потерь обошлось, мина ударила. И осколком зацепило Власенкова. Я подбежал, смотрю: лежит, земляк, живот распорот и кишки выбросило на куст. Глаза открыты, но уже неживые. Голова запрокинута. Вот тебе и судьба. В первом же бою.

Похоронили мы его на опушке леса. Родом он был из Верхних Барсуков.

После войны я навестил его мать. Похоронка ей сразу пришла. А я ей рассказал, как случилось все, где мы его похоронили.

Часто вспоминаю их, оставшихся на войне своих товарищей. Мы-то вот пожилы, состарились. Детей народили. Бабы любили. И нас бабы любили. Пожили. А они остались там, в полях, в окопах да на опушках. Молодые, красивые люди...

— Когда я вспоминаю бои на «голубой линии», меня начинает преследовать трупный запах.

Лето сорок третьего. Жара. В некоторые дни — 35 градусов. Трупы за несколько часов неимоверно раздувает. Ло-

пается одежда. Не продохнуть. В голове начинается шум, гул. Перед глазами летают мушки. Тошнит.

А однажды, помню, нас с передовой отвели на отдых, в тыл. Отошли километра на три. Солдаты начали пошатываться. А чуть погода и вовсе пошла как пьяные. Так действовал свежий воздух.

В то время я был уже сержантом, командиром отделения. Воевал в составе Отдельной Приморской армии, в 1137-м стрелковом полку 339-й стрелковой дивизии.

Стояли мы под хуторами Русскими на северной оконечности Таманского полуострова. И нас поддерживал женский авиационный полк ночных бомбардировщиков. Позади нас был Темрюк, за проливом — Тамань. Ночные бомбардировщики помогали нам форсировать Керченский пролив. Высадились мы в поселке Опасное.

Вскоре все затихло. У немцев была оборона мощная. Нас они дальше не пропустили. Командный пункт и НП артиллерии они оборудовали на горе Митридат — оттуда хорошо просматривались наши позиции. Время от времени вели обстрелы. Недостатка в снарядах у них, видимо, пока не было.

Мы окопались. Заняли оборону на случай контратаки.

Однажды, когда я дежурил в траншее нашего взвода, к нам на передний край пришли связисты и офицеры из штаба дивизии. Дело было ночью. Установили рацию. Сидят наблюдают. Смотрю; стали проявлять нетерпение. Говорят: «Когда же они появятся?» — «Кто?» — спрашиваю. «Кто... Наши У-2. Девчата-корректировщики».

Оказывается, наша тяжелая артиллерия вышла на позиции и готовилась обстреливать немецкую оборону. Для точной стрельбы батареям нужны были более точные координаты.

Я им тогда и говорю: «А вы знаете, что через каждые двадцать минут наши позиции облетает «ночник»?» Это у немцев был такой ночной истребитель, двухмоторный «Мессершмитт». «Ну и что?» — «Как, — говорю, — что?!» Посмотрел на меня один из офицеров и говорит: «Ты, сер-

жант, делай свое дело. Наблюдай за немецкими траншеями и помалкивай. А тут дело не твоего ума».

И вот что получилось.

Появляются наши девчонки. Покачали нам крыльями. Полетели. Пошел самолет в немецкую сторону. И вдруг — сзади! — появился мессер. Этот ночной истребитель не гудел, как другие самолеты, а свистел. Как будто у него там не моторы вставлены, а свистки. «Ну, товарищи офицеры, вот вам и немец!» — говорю. Молчат. Молча наблюдают, ждут, что будет. А я-то уже знаю, что сейчас будет! «Передайте, — говорю, — девчатам, чтобы знали, что у них мессер на хвосте!» Связь у них с самолетом была, и по радиации они уже переговаривались.

До Крыма я таких истребителей ни разу не видел. Летали они со страшной скоростью, ну прямо сумасшедшей! Ага, зашел, смотрю, трасса от него пошла в сторону наших девчат. Прошло с минуту. Мотор нашего У-2 слышен. Тарахтит. Но в небе начало краснеть. Это мы уже знали: когда ночью самолет загорается, небо становится багровым.

Офицерам я и говорю: «Вот и все». Они молчат. О чем-то только между собой переговариваются.

Но это было еще не все.

А девчата наши, смотрим, тянут, тянут назад. В тылу у немцев садиться не хотят. Самолет горит. Прямо весь пылает. Горящие куски от него отваливаются, вниз падают. Им бы надо уже выпрыгивать. Но у них, как потом выяснилось, и парашютов-то не было. И совсем чуть-чуть не дотянули, упали метрах в тридцати от нашей траншеи, на нейтральной полосе. Самолет продолжал гореть.

Тут все наши ребята вскочили: что такое? Стали смотреть. Я полез на бруствер, а ротный мне: «Куда ты?» — «Туда. К ним». — «А тебе кто-нибудь разрешал?» — «Нет. Но может быть, там кто-то еще жив». — «Если бы были живы, уже приползли бы. Ты что, видел парашюты? Нет там уже никого».

Слушаю я командира роты и вижу, что он и сам сильно нервничает. «Или ты слепой?» — кричит мне. «Нет, не

слепой, но надо ж посмотреть, что там...» — «Нет! Ты должен быть здесь! В траншее!» И как запустил матюжиной на ребят! Они тоже бруствер облепили. Поддал ногой чей-то котелок и ушел. А сроду матом не ругался, слова матерного мы от нашего ротного не слышали. Старшина — да, тот, бывало, всех нас перекрестит по матушке и по батюшке. А старший лейтенант был человек сдержанный, из учителей.

Девчат жалко. Никто не приполз. Тихо все. Только самолет догорает, трещит. Ребята молчат. Ребята им, девчатам, на аэродром каждое утро цветы носили. В благодарность за поддержку. Как отчаянно они нас во время форсирования пролива с воздуха поддерживали, как колошматили немцев, это ж... я не знаю.

Прошло минут двадцать. И слышим, тарахтит, летит еще одна «уточка». Все как будто повторяется. Все как во сне. Пролетели девчата нейтральную полосу. И снова — вот он! — ночной истребитель перехватил их. Заработали его пулеметы. И опять небо покраснело. Самолет упал на немецкой территории.

Сидим в траншее, молчим. Никто уже не спит. Тут проснулся и наш старшина. Стал материться. И матерится вроде на кого-то из бойцов наших, а прислушаешься — на офицеров штабных, на дурость нашу всеобщую.

А мы сидим тихо. Ждем. Третий наш самолет летит! И вот опять думаем «ночник» появится. Слушаем: не свистит ли, проклятый? Нет, тихо. Пролетели девчата в глубину немецкой обороны. Тут зашевелились штабные офицеры.

Но на этот раз произошло вот что. Немцы пропустили нашу «уточку» через линию фронта. Но недалеко она залетела. Слышим, зенитки заработали. А зенитные расчеты у них действовали умело. Они включили прожектора, сразу перехватили девчат и начали прицельно стрелять. И вскоре сбили и третий самолет.

Час прошел — трех наших экипажей нет.

Уже и офицеры-артиллеристы говорят: «Неужели еще пошлют?» Возле рации собрались все офицеры. Пришел командир нашего полка. Хороший был дядька. Пришел

он, посмотрел на солдат. Те охают, ахают. Ну как такое пережить?! Все смотрят на часы. Одно дело, когда мужики гибнут, солдаты. Мы уже как-то привыкли к этому. Война — солдаты и должны гибнуть. Не сегодня завтра любого из нас... А когда женщины гибнут... Тут не всякое сердце это перенесет. Да. И что вы думаете? Прошло двадцать минут — летят. Ох ты ж, мамушки мои! Ну, думаю, что ж теперь-то будет? Им-то какая смерть?

Только они перелетели через нейтральную полосу, слышим, засвистел мессер. На этот раз он от моря залетел. Пристроился в хвост, дал очередь. Загорелась и эта «уточка».

Корректировщики ушли. И наши офицеры ушли. Солдаты тоже разошлись по траншее и улеглись. Но какой там сон? Насмотрелись...

А я себе думаю: пойду-ка все же схожу, пока не рассвело. Вылез из траншеи, пошел. Кукурузное поле. Самолет уже догорал. Девчата лежали неподалеку.

Их выбросило. Лежат без парашютов. Одна в серой шинели — младший лейтенант. У нее при ударе о землю лодыжка лопнула до кости. Или так резануло чем. Я поднял сперва ее. Взял на руки, отнес от самолета. Пока, думаю, прохладно. А то солнце взойдет, трупы разнесет. У другой горели ноги. Тлели. Одета она была в кожаную куртку. На куртке погоны — старший лейтенант. Я затушил ее ноги. Нашел какую-то ветошь, накинул на ноги. Оттащил и ее в сторонку, в кукурузу. Светать стало. А я знал: по утрам начинают свою охоту снайперы — надо было уходить. Но раз, думаю, пришел, заберу документы. Так положено. Документы, награды. Старший лейтенант была награждена двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и, по-моему, Александра Невского. И медалью «За отвагу». У нее в кармане я нашел носовой платочек. Расстелил на земле тот ее платочек, все в него сложил: орден, документы, письма. А другая, младший лейтенант, как я уже сказал, в обыкновенной серой шинели. Не в летном. Правда, шинель офицерская. У нее было две Красных Звезды и один орден Отечественной войны.

Положил я их рядом. Как сестер. Наломал кукурузы и прикрыл сверху. Чтобы мухи сильно не лезли и солнцем не так палило.

Пополз назад. Приполз. Навстречу командир взвода: «Ты куда ходил?» Я и говорю: «К самолету». — «Ну? Что там?» — «Принес документы». — «Тебе что командир роты сказал? Попадет тебе, сержант». — «Ну, попадет так попадет». — «С одной стороны, ты, сержант, конечно, правильно поступил. Но с другой...» Прочитал мне взводный свою мораль, посмотрел в глаза и говорит: «Эх, как жалко девчат! Ладно, неси все это в штаб полка».

До штаба полка три километра с лишним. Прихожу. Доложил. Начальник штаба полка майор Кадушкин: «Ты, товарищ сержант, зачем пришел?» — «Я ходил к самолету». Смотрит на меня, ждет, что я дальше скажу. А уже про сбитые ночью самолеты весь полк знает. Наверное, тоже, как и я, всю ночь не спали, переживали. «Вот, — говорю, — принес». И кладу на стол узелок. Он развязал его, смотрит. Перебирает ордена, читает документы, молчит. Вздыхает. Отворачивается. Тут входит комполка полковник Полевик. Посмотрел он на меня, на документы. Сел на лавку. И говорит: «Где летчицы?» — «Там, — говорю, — лежат в поле». — «Не похоронил?» — «Нет, — говорю, — не успел, рассветать стало». — «Иди обратно и похорони их. Об исполнении доложишь».

Пошел я обратно. В траншее взял лопату. Пополз на нейтральную полосу. Вскоре добрался до своих девчат. Сердце мое задрожало. По документам я понял, что младший лейтенант — украинка. А старший лейтенант — русская. Ее звали Галиной. Фамилии их не могу вспомнить.

Земля твердая как камень. Попробовал я ее лопатой. Э, думаю, тут я до вечера провожусь и трупы совсем разнесет. Только я это подумал, над головой прошуршал тяжелый снаряд и упал неподалеку. Подождал я, когда осколки опадут, пополз к воронке. Снаряд упал хорошо. Метрах в пяти от дороги. Дорога — на хутора Русские. Расширил я эту воронку лопатой. А перед этим, когда я

только в воронку полез, пуля мне по сапогу так и стеганула. Ага, думаю, снайпер меня засек. Теперь будет караулить.

Ладно. А как же теперь мне сюда девчат перетащить под огнем-то снайпера? Тела уже запахла. У той, у которой нога до кости разошлась, черви уже пошли. А снайпер стреляет — головы не поднять. Нашел я провод. Обвязал этим проводом сперва одну и оттащил ее в воронку. Потом другую. Прикопал. Но полностью могилку закопать не удалось. Это ж надо было подняться, хоть на колени встать. А попробуй поднимись на нейтральной полосе. Снайпер твою голову так и ждет...

Приполз я в свою траншею. Пошел в штаб полка. Указал на карте то место, где их похоронил. И мне приказали закопать могилу как следует. А я туда все равно бы пошел, даже если бы и не приказали. Потому что работу свою я не доделал.

Наступила ночь. Мы по-прежнему стояли в обороне. И я опять пошел к сгоревшему самолету. На этот раз никто мне не мешал. Могилку я сделал хорошую. Обложил холмик камнями. Насобираю камней возле дороги и обложил ими кругом. Чтобы было красиво и приметно.

Утром вернулся в штаб, доложил. И начальник штаба мне вдруг говорит: «Пойдешь туда еще раз». — «А теперь-то зачем?» — спрашиваю. Майор позвал офицера, кого-то из своих помощников, дал ему карту и приказал нанести могилку на карту.

Пошли. Офицер сделал точную привязку. Пометил на карте.

Я часто вспоминаю тот случай. Как хоронил сестричек своих. Как закапывал их. Как снайпера обманывал.

Да, брат ты мой, вот такая история. Когда видишь, как мужиков на войне убивают, — это одно. Я скольких товарищей своих похоронил! А не запомнились вот так, как эти две летчицы. Сердце и сейчас о них дрожит.

И вот не знаю, цела ли теперь их могилка? Ухаживают ли за ней? Не знаю.

— На фронт я прибыл в ноябре 1943 года. 3-й Украинский. 46-я армия генерала Василия Васильевича Глаголева. 4-я гвардейская, бывшая 161-я, стрелковая дивизия. Потом она получила наименование Апостольско-Венской Краснознаменной. Мощная была дивизия. Дрались мы отчаянно.

В памяти всплывает первый бой. Произошло это под Кривым Рогом. Шел 1944 год.

По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования войска 3-го и 4-го Украинских фронтов должны были сбить противника с плацдарма на левом берегу Днепра, ликвидировать Никопольско-Криворожский выступ и выровнять линию фронта для дальнейшего наступления. Ведущая роль в этой наступательной операции возлагалась на 8-ю гвардейскую и нашу 46-ю армии. Наступление шло успешно. Мы постоянно продвигались с боями вперед. К середине февраля нас с западного направления неожиданно перебросили на юго-восточное.

Это произошло 17 февраля 1944 года. Я вел кое-какие записи, и поэтому все могу так точно воспроизвести.

Второй стрелковый батальон с рассветом начал марш в направлении к Кривому Рогу. Внезапно подул резкий ветер и пошел снег с дождем. Поддерживающая артиллерия увязла в бездорожье, отстала. К вечеру похолодало, снег повалил хлопьями. Шинели на наших спинах набухли, покрылись ледяной коркой.

Уже к ночи вышли в поле. Я остановил свой взвод у скирды соломы. Стоим ждем приказа, куда двигаться дальше. Вокруг тишина. Выстрелов не слышно. Весь наш переход проходит в какой-то секретно-таинственной атмосфере. Командиры и замполиты молчат. Бывалые солдаты подошли к скирде и начали дергать солому, связывать небольшие снопы, которые можно унести под мышкой. Снег продолжал лепить. Послышались, наконец, хлопки одиночных выстрелов. Солдаты сразу оживились: кажется, вышли к передовой. Слышу, разговаривают: «Скорее бы в окопы. Покурить. Погреться».

Где ж там, думаю, греться? Какая в окопе для этого возможность? Холодная, промокшая, промозглая земля... Тогда я еще не был солдатом и многого не понимал, не знал, не прочувствовал.

Нас, командиров взводов, вызвали к командиру роты.

Мой третий стрелковый взвод получил боевую задачу: выйти на левый фланг первого и занять оборону.

Первый взвод занял готовую траншею на склоне невысокого кургана на свекловичном поле. Траншею до нас тут занимало небольшое подразделение, насколько мне помнится, 105-го стрелкового полка. Те, кого мы меняли, быстро покинули свои окопы и исчезли в темноте в тылу. Их было совсем немного, может, всего взвод. И мы тут же подумали: вот и от нашей роты, может, столько же останется через несколько дней, и тогда настанет время и нас менять.

Первому взводу, как всегда, везло. Готовая траншея — это не одиночные окопы в поле. Правда, дело было вовсе не в везении. С первым взводом всегда был командир роты.

Я разыскал командира первого взвода лейтенанта Галустьяна, спросил, где его левый фланг. В ответ услышал довольно грубое: «Сам найдешь».

Замечу, что при формировании наших взводов ротный лучших солдат определял в первый взвод. В первый же взвод шло все лучшее: как правило, новое оружие, снаряжение и обмундирование. Иногда это касалось и продовольствия. Солдаты этого взвода держались особняком, сторонились нас. Чувствовали свою избранность.

Делать нечего, взял я несколько солдат и пошел определять позиции для своих отделений.

Когда мы шли от стога к кургану в свекловичном поле, немцы прекратили стрельбу. Видимо, услышали наше передвижение и старались понять, что же у нас происходит. Слушали. Мы прошли шагов двадцать. Нашли пустой пулеметный окоп. Видимо, эта позиция прикрывала левый фланг траншеи, контролировала разрыв между подразделениями. Остановились. Спрыгнули в окоп. Он был напо-

ловину заметен рыхлым снегом. Прислушались. Противник по-прежнему молчал.

Я приказал очистить от снега пулеметный окоп. Двоих оставил здесь. С третьим пошел дальше. Прошли еще шагов двадцать. Присели, прислушались. И тут немцы начали постреливать одиночными. Видимо, стреляли на звуки, шорохи, голоса.

Солдату, бывшему со мной, я приказал вернуться по нашему следу к кургану и привести сюда первое отделение. Сам залег в сторону выстрелов и приготовил автомат.

Через несколько минут пришло первое отделение и расположилось фронтом на север. Начали отрывать окопы. Окапываться я приказал попарно: два солдата в один окоп. Такой окоп был немного шире одиночного. Этому меня научили бывальцы, старые солдаты, которые успели повоевать и под Минском, и на Волхове. В одиночных окопах солдата легко и бесшумно брала немецкая разведка. Особенно ночью. Я опасался за своих бойцов. Все устали и буквально валились с ног. А когда в одном окопе сидят двое, то они могут по очереди бодрствовать, слушать врага, следить за тем, что происходит на передовой. К тому же при артиллерийско-минометном налете поражаемость таких окопов, расположенных, как правило, в пятнадцати—шестнадцати шагах один от другого, была значительно меньшей.

Вскоре подошли второе и третье отделения, стали окапываться левее.

Мы были последними. Левее нас — уже никого. Конечно, это плохо. Фланг оставался оголенным. Первому взводу опять везло: с флангов их прикрывали мы и второй взвод.

Я ждал, что придет ротный. Обычно он обходил позиции. Всю ночь глаз не смыкал. Но он так и не пришел.

Я делал то, что предписывал боевой устав пехоты: отделения окапывались по фронту; окопы каждого отделения закрывали 50—60 метров фронта; каждый командир отделения окапывался вместе со своим помощником, а рядом с сержантами отрывали ячейки пулеметчики со своими вто-

рыми номерами. В бою командиры отделений должны руководить огнем пулеметчиков. Фронт моего взвода, таким образом, составлял 120—150 метров.

Ночью немцы вели огонь из винтовок, редко и пассивно. Постреливали для остротки.

Мои солдаты отрыли окопы. Залегли на отдых. Счастье наше, что земля оказалась не промерзшей, поддавалась легко.

Снег все шел и шел.

Днища окопов солдаты застелили соломой. Сверху закрылись плащ-палатками. Вот тебе и солдатский блиндаж.

Утром, чуть рассвело, я выглянул из блиндажа и не увидел позиций своего взвода — ночной снег надежно замаскировал всю линию окопов. Она абсолютно не просматривалась. Немцы, видимо, так ничего толком и не поняли, что произошло перед их обороной ночью.

Они занимали траншею в 200—250 метрах перед нами по фронту. Траншею я увидел сразу. А вот где их боевое охранение?

На рассвете снег стал редеть и вскоре почти совсем прекратился. Сразу прояснилось. И в это время прямо напротив нашего пулеметного окопа шагах в восьмидесяти я заметил над бруствером две немецкие каски. Это и было их боевое охранение. Я взял ручной пулемет. Пулеметчик спал. Была моя очередь бодрствовать. Затворная рама РПД была покрыта коркой льда. Это было конечно же оплошностью с моей стороны: надо было приказать солдатам и сержантам осмотреть и почистить оружие, приготовить его к бою, как бы они ни устали и ни продрогли на марше. Значит, подумал я, и другие два пулемета в таком же состоянии. Если немцы вздумают атаковать, с такой подготовкой к бою нам не удержаться, тем более с оголенным флангом.

Немцы наблюдали за нами в бинокль и, должно быть, увидели, что я прилаживаю на бруствере пулемет. Послышался хлопок. И тут же оттуда прилетела граната. Выпущена она была из винтовочного гранатомета. Немец вы-

стрелил очень точно. Возможно, пулеметный окоп, который мы заняли ночью, был пристрелян ими еще накануне. Граната описала траекторию, упала прямо на спину пулеметчику и разорвалась. Тот упал на дно окопа, застонал. «Займись раненым», — приказал я второму номеру, а сам взял у связного Петра Марковича винтовку, зарядил бронбойно-зажигательным, выставил прицел и подвел мушку под одну из касок. Я боялся вот чего: удачно выпустив первую гранату, они, чего доброго, всех нас забросают гранатами. Немец, пустивший гранату, привстал над бруствером. Ему, видимо, хотелось точно узнать, попал ли он. Я плавно нажал на спуск. И увидел вспышку прямо на каске. Немец рухнул в снег. К нему бросился его товарищ. Я отчетливо видел его каску и плечо. И снова выстрелил. Вспышка — в плече. И второй немец исчез в снегу. Я опустился в окоп и достал свой перевязочный пакет.

Офицерские индивидуальные медицинские пакеты были побольше солдатских. И бинта в них побольше, и марлевый тампон понадежнее.

Я перевернул раненого. Граната разворотила всю его левую лопатку. Я с ужасом увидел, как в глубине раны трепещут легкие. Края раны были обожжены, обметаны копотью. Я наложил на рану тампон, протолкнул его пальцем поглубже, закрыл, таким образом, легкое. Сделал ножом надрезы на шинели и перевязал солдата. Израсходовал и его перевязочный пакет, и свой. Рана была большая. Прибежали солдаты из соседнего окопа, положили раненого на плащ-палатку, потащили в тыл. Там, возле скирды, стояла санитарная подвода. Я приказал солдатам, чтобы торопились.

Раненого утащили, а я продолжил наблюдение. И в это время из бурьяна на краю поля встал еще один немец и побежал прямо на наши окопы. Видимо, он их не видел. Я прицелился в середину фигуры и выстрелил. Немец взмахнул руками, выронил винтовку и упал.

Один из немцев, в которых я стрелял вначале, был, видимо, ранен. Вскоре он выполз из окопа и медленно, час-

то отдыхая, уткнувшись в снег, пополз в сторону своей траншеи. Я наблюдал за ним, ждал, когда он выползет на бугор. Заснеженный бугор белел перед ним, и он никак не мог миновать его. Под снегом грядой лежала сваленная во время уборки свекольная ботва. Немец полз без оружия. В какое-то мгновение я подумал: может, пусть уползает, черт с ним. Но вспомнил о своем пулеметчике. Живой он или нет? Довезут его до медсанбата или в дороге он умрет? Нет, идет война, и тут не место для жалости. Я ждал. Напряженно следил за движениями ползущего и держал палец на спусковой скобе. Я выстрелил дважды. Немец так и остался лежать на гряде. На войне как на войне. Любой из нас мог оказаться на месте этого немца. Старые солдаты, те, кто побывал в окружении, кто отступал в сорок первом и сорок втором, рассказывали, как расстреливали их на лесных дорогах и в полях немецкие мотоциклисты.

Магазин моей винтовки был пуст. Я отдал ее Петру Марковичу.

Боевое охранение немцев стало отходить к своей траншее. Ветра не было, но я видел, как ходуном ходил бурьян на краю поля и с него осыпался снег. Нервы у немцев не выдержали. Наши стали просыпаться. Послышались выстрелы. Вот этого я и ждал. Немцы встали и побежали. Помню, как они бежали и на их поясах болтались круглые металлические коробки противогазов.

Мой взвод наполовину еще спал. Хотя я строго-настро-го приказал пулеметчикам не смыкать глаз. Но, судя по тому, что они не стреляли, я понял, что и их сморило. Или пулеметы были не в порядке. Это было для меня уроком.

Из немецкой траншеи виднелись сваленные штабелем бревна. Видимо, немцы не успели как следует укрепиться. Даже блиндажи не достроили. Бревна накатника торчали вверх наподобие мишеней и, видимо, мешали немцам вести огонь из траншей. Я заметил, что трое немцев забрались на бревна и начали беспорядочно стрелять в мою сторону и по окопам взвода. Справа и слева от меня пули начали подбрасывать фонтанчики снега и грязи.

Когда мы потом атаковали их и выбили из траншеи, я поднялся на бревна, осмотрел убитых и взглянул на наши окопы — оттуда наши позиции были видны как на ладони и прекрасно простреливались.

Винтовку системы Мосина образца 1891—1930 годов считаю лучшей в мире. Она проста по устройству, практична и удобна в бою. Главное — оберегать прицельную планку и мушку, чтобы не сбить прицела. Я благодарен рабочим Ижевского завода, которые разработали и производили всю войну эту винтовку. Во время формирования рот и взводов нашего батальона в ноябре—декабре 1943 года под Мелитополем поступило новое оружие — винтовки, автоматы, ручные пулеметы. Сделаны они были очень качественно, хорошо пристреляны. Бери и иди в бой.

Эту винтовку, из которой я стрелял по немцам на свекловичном поле, я носил вместо автомата до самого ранения 19 февраля 1944 года.

Вернусь назад и расскажу, как проснулся мой взвод. Стрельба насторожила всех. Я посмотрел по сторонам: из всех окопов торчат каски. Я приказал пулеметчикам открыть огонь.

Шагах в десяти от бревен из траншеи выскочил немец, поднял руку и начал энергично жестикулировать, поднимая солдат в атаку. Я прицелился в середину фигуры и выстрелил. Офицер упал в снег, и больше я его в цепи не видел.

Потом, после атаки, я рассмотрел его документы. Это был обер-лейтенант. Из тех же документов следовало, что он принимал участие в боях под городом Нарвиком в Норвегии.

Немцы пытались организовать атаку. Самый лучший способ отразить атаку противника — начать свою. Если, конечно, для этого есть силы и средства.

Над бруствером траншеи густо чернели их каски. Мой взвод уже окончательно проснулся. Наш огонь резал по гребню бруствера немецкой траншеи. Я радовался: взвод стрелял хорошо, прицельно, оружие работало исправно.

Стрельба шла и в первом взводе. Весь фронт гудел.

От командира роты, наконец, прибыл связной. Он сообщил, что по сигналу «зеленая ракета» рота поднимается в атаку. Задача взвода — атаковать часть немецкой траншеи перед своим фронтом.

Никакой артподготовки не проводилось. Артиллеристы так и не подтянулись за ночь.

И вот взлетела зеленая ракета.

Мы встали. Пошли. Смотрю, сержанты подняли всех до одного. Немного пройдя, побежали. На бегу продолжали вести огонь. Немцы не выдержали, стали отходить.

Я вышел на убитого мной обер-лейтенанта. Забрал у него полевую сумку и пистолет «парабеллум». Это был хороший трофей. Бегло осмотрел и бревна. На них лежало три трупа. Ребята постарались. Бросилась в глаза необычная одежда немцев. Теплые длинные куртки из непромокаемой серо-стальной толстой материи и такие же теплые брюки навывпуск поверх ботинок. Видимо, это была какая-то особая часть, совсем недавно переброшенная сюда.

В блиндаже, где лежал офицер, стоял телефонный аппарат. Связные собрали трофейное оружие и документы. Нам было интересно узнать, с кем же мы схватились. Документы свидетельствовали о том, что оборону здесь держала часть 16-й моторизованной дивизии 6-й армии, входящей в группу «Юг». С начала февраля она именовалась группа армий «А».

Когда мы сбили немцев с этого участка и закрепились в их траншее, подошла наша артиллерия. «Студебеккеры» тащили тяжелые дивизионные пушки.

И в это время ко мне подбежал солдат из моего взвода и умоляюще стал просить отпустить его в артиллерию. Он и раньше говорил мне, что воевал артиллеристом и дело свое хорошо знает. Был ранен. После ранения — в запасной полк. И вот попал в пехоту. Я его хорошо понимал. Потому что и сам не был пехотинцем. Закончил Ташкентское военное пулеметное училище. Но зачислили в пехоту, потому что, когда формировали полк, вакансии командира пулеметного взвода не оставалось.

Я отпустил его. Ну как я мог его удержать? Когда мимо нас тягачи потащили гаубицы, тот солдат был похож на сироту, который вдруг увидел свою родню. Но предупредил его, чтобы из артиллерийской части, куда он уходил, пришло подтверждение, что он зачислен в штат.

Прошло почти полгода. Мы готовились к Яско-Кишиневской операции. Однажды на учениях возле нас появились артиллеристы. «Студебеккер», тащивший 76-миллиметровую дивизионную пушку ЗИС-3, остановился. Из машины выскочил солдат, подбежал ко мне. Я сразу узнал его. Высокий такой парняга, стройный, красивый. «Спасибо, товарищ лейтенант, что отпустили меня к своим! Теперь я наводчик орудия». И он указал на зачехленную пушку, прицепленную к «Студебеккеру». Я ему и говорю: «Командир роты меня крепко ругал за самоуправство. Хорошо, что в штаб полка пришла выписка о твоём зачислении в штат артдивизиона. Так что спасибо и тебе». И попрощались. Прощались мы как старые друзья.

Не раз он потом помогал нам в атаках, ведь сам хорошо знал, каково матушке пехоте идти вперед без надежной артиллерийской поддержки.

Фамилию того артиллериста я не запомнил. Может, еще жив бывший наводчик 76-миллиметрового орудия 4-й гвардейской. Если жив, то дай ему Бог здоровья.

— В тот день мы преследовали немцев еще три-четыре километра. Вскоре поступил приказ остановиться и занять оборону.

Наступила ночь, а солдаты второй день без горячей пищи. То артиллеристы где-то застряли, то теперь кухня. Что плохо в наступлении — никогда не поспевала за нашим наступлением кухня. Так и пришлось заночевать на голодный желудок. Утром пришла кухня. Поели вволю, сразу прибавилось сил и здоровья. Построились в походную колонну и пошли по направлению к населенному пункту Новая Ивановка.

Настроение у меня было хорошее. Убитыми взвод никого не потерял. Только жаль было пулеметчика. Не знаю, выжил ли он или умер от тяжелой раны. Страшно подумать — легкое видно было. Но если от скирды его вовремя довели до полковой санчасти, то там его могли спасти. В полковой санчасти служили очень хорошие хирурги. Я шел и мысленно желал своему пулеметчику выжить. Может, он и выжил. Но сомневаюсь. Рана была тяжелая.

Каждый из нас хотел выжить на этой войне. Каждый хотел дожить до победы, посмотреть, какой она будет, пожить хорошей, мирной жизнью. Но каждый из нас знал, что в любую минуту может быть убит.

Мы шли на Новую Ивановку. Деревня эта находилась в семи километрах от Кривого Рога и в четырех — от железнодорожной станции Червонная. Это я знал по карте. И вот пришли в Малую Ивановку.

Моему взводу приказано было расположиться на правой стороне деревни. Мы заняли крестьянскую избу. Хозяева — старик со старухой — с радостью приняли нас. И мы были рады: наконец-то в тепле. Обсушились, почистили оружие, согрелись. Настелили на полу соломы, легли. Выставили часовых.

Я просыпался всегда рано. С самого первого дня на фронте выработал в себе такую привычку — вставать неурочно, потому как мало ли что... Вот и в этот раз встал в три часа. Хватит. Поспал. В четыре поднял взвод.

С печи слезла старуха. Сказала: «Сейчас я вас, сыночки, оладьями накормлю». Стала разводить в печи огонь. Вот этот ранний огонек немцы, видать, и заметили. И вдруг — грохот на улице! Снаряд взорвался прямо возле хаты. Взрывом подняло соломенную крышу, и она сразу запылала. Я подал команду, чтобы хватали оружие, шинели — и на огороды. «Не выбегать на улицу!» Взвод в считанные секунды выполнил приказ. И тут я снова не потерял ни одного человека.

А немецкие танки уже атаквали. Они шли по улице Новой Ивановки и вели огонь из пушек и пулеметов. Тут

заработали наши ПТО. Танки остановились, стали пятиться. Но автоматчики еще сидели в крайних домах.

Мы заняли круговую оборону и ждали приказа. Еще неясно было, что происходит в самой деревне. Немного погодя я пошел посмотреть, не обошел ли нас немец вдоль реки Ингулец, не ударит ли нам в тыл или во фланг? И вот когда я перебежал улицу, послышалась автоматная очередь. Почувствовал удар в плечо. Плечо как будто обожгло. Потрогал — порвана шинель. Дорогу я все же перебежал. Прошел дворами к реке — немцев там не было. Вдоль забора, выложенного из дикого камня, поднялся обратно. Встретил командира роты. Тот спросил: «Где взвод?» Я ответил, что взвод там, на правой стороне деревни, залег в огородах. Доложил, что ранен, и пошел к своему взводу. Позвал помкомвзвода, сказал, что он остается за взводного, потому что, говорю, кажется, я ранен.

Ранение оказалось пустячным: пуля вошла в лопатку, в мякоть. Хирург ее тут же нащупал пинцетом и вытащил. Но потом началось какое-то осложнение. Рана загноилась. Словом, пролежал я в госпитале две недели и полк свой пришлось догонять. Наши быстро продвигались вперед.

Комбат наш тоже только что вернулся из госпиталя. Начал формировать новый батальон. Полк усиливали. Подбирал офицеров. Роты сформировали по 40 человек, некомплектные. Я был назначен командиром автоматного взвода. Взводу выдали старые, хорошенько побывшие в употреблении ППШ.

Через два-три дня выступили. Перебрасывали нас к Днестру. Шли ночами. Впереди нас быстро продвигалась конно-механизированная группа генерала Плиева. Нашим первым стрелковым батальоном командовал капитан Лудильщиков.

Ранним утром мы подошли к левому берегу Днестра. На правом были слышны разрывы мин и снарядов — там шел бой. Наши на том берегу захватили небольшой плацдарм и пытались его расширить, укрепиться на выгодных позициях, чтобы потом воспользоваться ими для развития даль-

нейшего наступления. Вот для чего, в сущности, и захватывались плацдармы.

Было уже за полдень, когда первая стрелковая рота на надувных лодках и пароме переправилась через Днестр. Наша рота была малочисленной, всего 45 человек — два взвода. Но на самом деле — один усиленный взвод.

Пойма в устьях реки Турунчук, в том месте, где она впадает в Днестр, еще не была затоплена. Там, в междуречье, стояли наши артиллерийские батареи. Оттуда они вели огонь, поддерживая нашу пехоту на плацдарме. Орудия были хорошо замаскированы.

Правый берег Днестра некрутой, пологий, покрытый лесом. Мы шли километра полтора, и все время — вверх, вверх. Вышли на опушку леса. Дальше перед нами открывалось чистое поле. Немного правее виднелась деревня. Это были Чобручи. Две ветряные мельницы стояли среди разбросанных домов.

Наши пехотинцы, захватившие этот плацдарм и пытавшиеся наступать в глубину, но остановленные здесь, окопались по опушке леса. Изредка постреливали в сторону Чобручей. Мы должны были их сменить. Но они этого еще не знали.

Проводник, офицер, вывел нас на позиции. Командир взвода, которого я сменял, рассказал мне что и как, показал особо опасные места.

Мой автоматный взвод — 20 человек, два отделения. Два ручных пулемета Дегтярева и 18 автоматов. Двоих автоматчиков я сразу назначил связными к командиру роты старшему лейтенанту Макарову. Одного автоматчика взял связным себе. Занял с ним окоп на стыке отделений, в центре. Между моим взводом и вторым стрелковым взводом образовался разрыв в 40—50 метров. Ручной пулемет нашего взвода и ручной пулемет стрелков прикрывали этот разрыв.

Я оглядел свой фронт: мы закрывали примерно 120—130 метров. Расстояние между окопами было не больше 15 метров. Пулеметный окоп находился рядом с моим, по левую руку.

Как только заняли окопы, я приказал почистить и привести в порядок оружие. Сам занялся своим трофеем — офицерским «парабеллумом». В батальоне о нем уже слух разошелся. Нашлось много охотников выменять его у меня на что-нибудь. Но мне с ним расставаться не хотелось.

Надо заметить, что наш батальон, сформированный в городе Новая Одесса Николаевской области, был укомплектован по новому штату. Роты состояли из трех взводов. Первый — автоматный. Второй и третий — стрелковые. Батальон состоял из трех стрелковых рот. Каждую роту удалось укомплектовать только наполовину. Старшиной у нас в первой роте был Серебряков. Писарем назначили прибывшего из госпиталя после второго ранения Виктора Петровича Штаня, бывшего горного инженера. Пополнять роты было уже некем. И поэтому решено было сделать их двухвзводными. Тем более что и лейтенантов не хватало. Так вместо усиления у нас получилось уплотнение. Оружие получили старое, из оружейной мастерской, не пристрелянное. Формировались спешно — четыре дня, и уже на марше. Шли к станции Раздельная Одесской области.

Ночью командир роты вызвал к себе на НП. Кроме командиров взводов, к ротному прибыл первый номер пулеметного расчета «максим» сержант Кизелько. Ротный отдал приказ: в четыре часа ночи атаковать немцев, находящихся в 150—160 метрах по фронту. Надо было выбить их из окопов и закрепиться там. Сигнал к началу атаки — стук малой саперной лопатой о лопату. Предполагалось выйти из окопов бесшумно, тихо миновать основное расстояние, отделявшее нас от противника, а уже перед окопами открыть огонь на поражение. Котелки, кружки, все хозяйственные предметы уложить в вещмешки так, чтобы во время атаки не было ни одного постороннего звука.

Я обошел окопы своего взвода. Задача непростая, людей надо подготовить, в том числе и морально. Приказал осмотреть и приготовить к бою автоматы и пулеметы. Заранее проверил наличие саперных лопат. Выяснил, все ли знают, как применять в бою гранаты РГ-42 и Ф-1. Когда

обходил солдат, спрашивал, сколько у кого на счету убитых немцев. В основном слышал такие ответы: убитых немцев на личном счету нет, а сам ранен был. Солдат-то мы набирали из числа прибывших из госпиталей. Не все знали, как надо бросать гранаты, чтобы при этом не ранить себя и своих товарищей. Не все понимали разницу между наступательной РГ-42 и оборонительной Ф-1. Всех предупредил, чтобы гранат не боялись, чтобы действовали по инструкции. Сказал: «Все гранаты уложить в гранатные сумки. Там, в бою, все пригодится. Не тебе, так товарищу». Знал, что некоторые, боясь гранат, оставляли их в окопах.

Солдаты стали укладывать вещмешки. Трясли их, проверяли, не гремит ли что. Готовились основательно. Нескольким человек я поставил на прослушку: что там немец?

Перед началом атаки с НП прибыли связные. Предупредили: приготовиться, скоро подниматься.

Мы замерли. Ждем.

И вот послышались характерные удары. Пора. Все сразу поднялись из своих окопов. Пошли. Когда ждешь начала атаки, страшно. Некоторых колотит. Смотришь: вроде смелый был боец и показал себя в предыдущих боях, а тут трясет, даже зубы стучат. А когда уже встали, все разом проходит. Шли ускоренным шагом. Бесшумно. Я радовался за свой взвод. Все делали правильно. Никакой расхлябанности. Первую половину пути прошли — немцы молчали. Но вскоре солдаты не выдержали, побежали на немецкие окопы бегом. Появилась возможность застать противника врасплох. Это прибавило сил, появился азарт. Перед окопами открыли стрельбу. Закричали: «Ура!»

Атака удалась. Немцы почти без боя уступили нам первую линию окопов. Ушли. Ни убитых, ни раненых в окопах и возле них мы в темноте не обнаружили. Сплошной траншеи у них здесь тоже не было. Не успели отрыть.

Их окопы мы занимать не стали. Знали: все может быть пристреляно минометами. Мои автоматчики проползли вперед еще шагов тридцать—сорок и начали спешно отры-

вать окопы. До рассвета все было уже готово. Взвод окопался на новой линии.

Сразу же, ночью, контратаковать немцы не решились, а к утру, пока они готовились, мы зарылись в землю основательно. Наши минометчики произвели пристрелку рубежа перед нашими окопами. Вот теперь — идите!

Когда рассвело, на рубеже взвода мы обнаружили четыре немецких трупa. Нашли один брошенный пулемет чехословацкого производства. Магазин насаживался сверху, возле прицельной планки. Еще мы захватили четыре винтовки, три автомата, много патронов. А самое главное и, как потом оказалось, ценное: мы нашли ракетницу и набор разноцветных ракет. Ракетница и ракеты были упакованы в специальный брезентовый чехол. Ее я оставил себе. Приказал связному беречь ее и никому о ней пока не говорить. Все трофейное оружие, патроны к нему на всякий случай сволокли в один окоп. Потом мы все это перенесли в свои окопы на опушке леса.

На рассвете немцы контратаковали нас. Вначале открыли плотный орудийно-минометный огонь. Снаряды и мины в основном накрыли линию немецких окопов. Как мы и знали. Минут через десять—пятнадцать обстрел затих. Мы выглянули наружу. Копоть и дым осели, и стало видно, как немецкие автоматчики плотной цепью шли прямо на нас. Шли они в расстегнутых шинелях. Ветер раздувал полы. В широких голенищах сапог торчали запасные рожки для автоматов, за ремнями — гранаты с длинными ручками. Слышно было, как офицеры подали команду: «Фойер!» И сразу — лавина огня. Слышна была ругань. Немцы кричали: «Сакрамент!» Мы тоже открыли огонь. Мы тоже были злые. Мои автоматчики стреляли короткими очередями. Прицельно, осмысленно. Самый эффективный огонь. Так стреляют солдаты, которые не боятся противника. Работали оба пулемета. Черта с два они нас взяли. Вскоре не выдержали нашего огня, залегли. Видимо, у них уже было много раненых и убитых. Цепь нарушилась, стала откатываться. Тут ударили наши миноме-

ты. Раненые немцы уползали. В поле перед нашими окопами осталось лежать семь трупов. Это были убитые моим взводом и нашими минометчиками. Весь день они пролежали там. А ночью немцы пришли за ними и утащили к себе. Они всегда так делали.

Убитых же накануне, во время захвата окопов, мои автоматчики сбросили в окоп и наспех прикопали. Чтобы не запахла. Мало ли сколько времени придется сидеть здесь, на этом рубеже. Позиция была неплохая.

Ночь снова прошла тихо. На другой день немцы провели кратковременный обстрел наших окопов из орудий. Но в атаку не пошли. Мы поняли, что это пристрелка. За ночь мы пополнили свои боекомплекты. Каждому автоматчику выдали еще по две оборонительных гранаты. Потому что многие использовали свои во время захвата траншеи.

На третий и четвертый день было тоже тихо. Мои автоматчики поправляли свои окопы. По ночам оборудовали брустверы, прокапывали соединительную траншею. Днем отдыхали. Набирались сил. Во взводе прибавилось еще два ручных пулемета. В тылу, где-то у парома, работали наши оружейники, ремонтировали побывавшее в бою стрелковое оружие. Вот и подбросили нам из своих мастерских еще два дегтяря. Я их взял в свой окоп. Один — для себя. Другой поручил связному Петру Марковичу. Пулеметчика, который находился слева от меня, я переместил дальше на фланг. Вместе с пулеметами принесли шесть дисков. Арсенал наш пополнился.

Когда мы стояли в обороне, я сам чистил и смазывал свой пулемет, заряжал диски.

В 50—60 метрах в тылу за нашими окопами расположился расчет станкового пулемета «максим». Командовал расчетом сержант Кизелько. Окоп свой пулеметчики копали ночью. Где-то раздобыли большие саперные лопаты, видимо у минометчиков, и отрыли окоп довольно быстро. «Максим» стоял на дне окопа, накрытый плащ-палаткой. Кизелько должен был прикрывать не столько нас, сколько минометчиков, которые расположились за опушкой леса в

небольшой впадине среди кустарника, в случае если немцы прорвутся через наши окопы.

Минометчики накапливали запас мин. Днестр уже разлился, разошелся широко по своим поймам и рукавам. Мины подвозили на лодках. А это — 10—12 километров опасного пути. Мины доставляли в основном ночью.

Как оказалось, сигнал для атаки — стук лопаты о лопату — оказался удачным. Ракета, брось мы ее в ночное небо, показала бы и немцам, что мы атакуем. И они конечно же успели бы приготовиться и встретили нас огнем. А стук саперных лопат показался им обыденным звуком. Немцы подумали, что мы окапываемся, а значит, атаковать не собираемся. Когда же, незаметно для них, мы подбежали вплотную и закричали «ура!», тут и вовсе их покинуло самообладание. Они почти не ответили на нашу стрельбу. Видимо, уже спали. И когда услышали наши крики и автоматную стрельбу, вскочили и побежали, чтобы не попасть в плен. Три трупа лежали на участке первого отделения. Один — на левом фланге, где наступало второе отделение. В центре трупов не оказалось. Я со связным шел в центре. После боя я и говорю своему связному: «Петр Маркович, что-то ты плохо стрелял. Ни одного немца нет убитого». А он только усмехнулся и говорит: «Наши с вами, товарищ лейтенант, умирать уползли».

Мои автоматчики потом говорили, что ни разу не были в ночных атаках. Только в дневных. И вспоминали: когда наступаешь днем, всегда потери. А тут мы запрыгнули в их окопы без потерь. А их немного все же потрепали.

9 или 10 апреля 1944 года рано утром с НП командира роты приполз связной: «Ротный приказал срочно явиться к нему». Я — следом за связным. Приполз, докладываю. Смотрю, на НП сидит еще один старший лейтенант. Это был комсорг полка. Он мне и говорит: «Ты должен поднять свой взвод в атаку, выбить немцев из их окопов и наступать до ветряных мельниц». Я выслушал его и подумал: это уже что-то новенькое в нашей роте, когда в присутствии командира роты приказ отдает почти незнакомый

офицер. И сказал, что ветряные мельницы находятся правее моего взвода и, чтобы атаковать их, мои автоматчики должны развернуться фронтом вправо и, таким образом, подставить свой незащищенный левый фланг под вероятный огонь противника, который этим не замедлит воспользоваться. «Мало того что подставим свой фланг под огонь, — сказал я, — но еще и откроем свой участок, за которым позиции минометчиков». Меня уязвило, что боевой приказ мне отдает не мой ротный командир, а комсорг, которого мы ни разу не видели не только в атаке, но и вообще в бою. Я посмотрел на старшего лейтенанта Макарова. Тот молчал. Комсорг между тем, как будто и не слышал моих возражений, продолжал: «По сигналу «красная ракета» атаковать противника». Я опять посмотрел на ротного. Тот подтвердил приказ и направление — две мельницы в центре села.

Как потом выяснилось, командир полка, застав политработника за каким-то занятием, далеким от военного, послал того возглавить атаку с целью выхода на новый рубеж. Этим рубежом были два ветряка.

Приказ есть приказ. Его надо выполнять. И я пополз в свой взвод. Ползу и думаю: как мы будем наступать? Артиллерийской поддержки нет. Полковая и дивизионная артиллерия находилась в плавнях, в пойме, и их позиции залило разлившимися водами Днестра и Турунчука. Возможности минометчиков ограничены. Да и не сказали они мне на НП ничего о поддержке минометами.

Приполз я в свой взвод. Меня встретил в окопе мой связной Петр Маркович. Сразу спросил: «Ну что?» Солдатское сердце все чувствует. Петр Маркович был пожилым бойцом, лет под сорок. Такие нам, двадцатилетним, на фронте казались стариками, и мы иногда думали: ну зачем их, таких старых, в армию призвали? Но они были опытнее нас. И в бою очень стойкие. Я своего Петра Марковича уважал, звал по имени и отчеству. У него была большая семья, четверо детей. Я ему рассказал, что за разговор у меня состоялся с начальством на НП командира роты. А Петр Маркович

и говорит: «Вот он, этот комсорг, и должен первым в атаку идти. Если им так захотелось атаковать днем».

Стал я думать. Да, думаю, кому-то захотелось отличиться перед начальством, показать: вот-де мы малыыми силами и без артподготовки можем делать большие дела...

Послал я связных в отделения: «Наступаем по сигналу «красная ракета». Всем приготовиться к атаке».

Лежим. Ждем. Сердце колотится. Через несколько минут над окопами с треском взвилась красная ракета — наша гибель. Видать, сам комсорг ее в небо запустил. Ему ведь атаку поручили... Мы поднялись, без стрельбы и шума бросились в поле. Перед атакой я отдал приказ: огня пока не открывать, не привлекать к себе внимание немцев. Бежим. Добежали так, без выстрелов, до земляной межи. Порядочно, метров сто отбежали. И тут немцы открыли пулеметный и автоматный огонь. Мы залегли на меже и сразу стали окапываться. Немецкие пулеметы били длинными очередями. Головы не поднимать. Свои пулеметные расчеты я оставил в старых окопах. Они огнем прикрывали наш бессмысленный бросок. Я рассчитывал, что хоть так удастся сократить потери. Ни артиллерии ведь, ни минометов... И вышло, что правильно я рассчитал: немцы, видя, что пулеметы плотно прикрывают нас, не решились контратаковать.

А теперь я и думаю: а ведь точно так же бросали в бой и полки, и дивизии. Без разведки. Без артподготовки. Если бы люди погибли, некому было бы удерживать плацдарм. Подкрепление нам тогда не присылали. Все потеряли бы. Роты половинного состава... Легкое стрелковое вооружение... С кем и чем было расширять плацдарм? А вот сунули же — идите.

Оказавшись на меже под пулеметно-автоматным огнем противника, мы поняли, что попали в настоящую западню. Если немцы не контратакуют нас до вечера, мы под прикрытием темноты еще сможем выползти назад и занять свои окопы. А если надумают контратаковать немедленно...

Внезапной атаки у нас и не могло получиться. Чего стоила одна только красная ракета. Зато земли под носом у

немцев мы накопили порядочно. Сначала отрыли окопчики для стрельбы лежа. Потом — для стрельбы с колена. И так усердно мы углублялись в землю, что нервы у немцев — а они, видимо, все время вели за нашими действиями пристальное наблюдение — не выдержали. Они решили, что мы основательно осваиваемся на меже. И вскоре открыли огонь сперва из пулеметов, а потом и из минометов. Мины ложились так плотно, что осколки повредили несколько автоматных дисков. Я приказал убрать оружие с брустверов. Во время обстрела один солдат по фамилии Зипа покинул свой окоп и был ранен.

Перед сумерками немцы прекратили стрельбу. И тут с нашего НП приполз связной и передал приказ командира роты: отойти на линию своих прежних позиций. Но уходить, пока не стемнело, было нельзя. Надо было ждать наступления темноты.

И вот, наконец, стало смеркаться. Немцы вяло постреливали в нашу сторону. Мы начали отход. Уползали парами. Начало отход второе отделение. Первая пара забрала раненого Зипу.

Связной, отправляясь к нам, предусмотрительно предупредил расчеты ручных пулеметов и сержанта Кизелько, что взвод будет отходить с межи в свои окопы и чтобы они не перестреляли нас в темноте, приняв за немцев. По очереди мы уползали вдоль межи по неглубокой лощинке. Те, кто оставался на меже, стреляли в сторону деревни короткими очередями. Они, таким образом, давали противнику понять, что взвод находится на захваченной позиции и не собирается ее покидать. Мимо моего окопа благополучно проползло первое отделение. Когда исчез в темноте последний солдат, мы с Петром Марковичем дали в сторону немецкой траншеи короткие очереди из автоматов и поползли следом.

И вот мы в своих окопах. Солдаты, слышу, смеются. Рады, что вернулись живые. Я вылез из окопа и короткими перебежками и на четвереньках обошел взвод. Навес-

тил пулеметчиков. Надо было убедиться, все ли вернулись, все ли на месте.

Раненого отправили на НП командира роты. Там дежурил санинструктор старший сержант Бугров. Он осмотрел Зипу, наложил вторую повязку. Ночью на носилках его понесли к парому.

Рядового Зипу (фамилия странная, редкая, потому и запомнил) ранило так: во время обстрела он выполз из окопа и решил в меже по-быстрому справить нужду. Кончил свое дело, натянул штаны, а тут как раз рядом, в нескольких шагах, разорвалась мина. Осколок угодил прямо в мягкое место.

Всю ночь немцы беспокойно стреляли по меже, откуда мы еще в сумерках незаметно ускользнули. Только утром они обнаружили, что нас там нет.

Старшина Серебряков раз в сутки с подручным солдатом или ротным писарем Штанем по ночам на лодке доставляли нам на плацдарм горячую пищу. Свои термосы они довозили до парома, там перегружали на паром. А потом таскали к нам в окопы. Вместе с термосами с парома они приносили и боеприпасы. Ящики с боеприпасами они тоже возили на своей лодке.

Надо сказать, что на войне должность старшины роты была хлопотная и опасная.

Возле населенного пункта Глинное река Турунчук вышла из берегов и слилась с водами тоже вылившегося из берегов Днестра. Вся пойма была затоплена. Море! От парома старшине и писарю нужно было грести до берега еще километров восемь. Немцы часто обстреливали пойму. Они знали, как и кто обеспечивает плацдарм, и старались нарушить связь на маршруте левый берег — плацдарм. Старшина с термосами и ящиками, в которых были патроны и гранаты, буквально пробирался по пойме, держась незатопленных кустов и одиноких деревьев. Когда вдруг начинали рваться тяжелые снаряды, причаливал лодку к какому-нибудь дереву. Привязывал лодку веревкой к дереву,

чтобы не захлестнуло волной и его перегруженное до крайности суденышко не опрокинулось. Так и переживал обстрел, чтобы потом терпеливо и бесстрашно грести дальше.

Мы всегда ждали его прибытия как бога и никогда не спрашивали, какую кашу он привез. Какая разница — что привез, то и привез. Ели все подряд. Кашу он умудрялся привозить горячей. Вот за это мы были ему от души благодарны. Бывало, лежим, слышим: тащит наш старшина свои термосы. Хлеб, каша, патроны, гранаты, диски... Что еще нужно солдату, чтобы он держался на своей позиции? Курево! Нужен был еще и табак. Но нашу «моршанку» где-то задерживали. Что-то там, за Днестром, мудрили наши интенданты. Мы просили старшину, чтобы наш солдатский хлеб он обменял у окрестного населения на самосад.

Термосы с горячей пищей старшина доставлял прямо к окопу командира отделения. Отделенный ложкой накладывал кашу в каждый котелок.

Воду ночью носили из Днестра в котелках. Этой же водой мыли сами котелки и ложки.

После приема пищи пустые термосы старшина грузил на паром. Ему всегда помогал кто-нибудь из наших бойцов. Если были раненые, туда же носили и раненых.

Паром стоял в небольшом укромном затоне. Рядом с ним саперы отрыли окопы. Для боеприпасов — отдельно, для раненых — отдельно. Всех раненых старшины рот с парома потом перегружали в свои лодки. Укладывали поудобнее лежачих, укрывали их шинелями. Так и везли их в Глинное, к мосту через Турунчук. Возле моста раненых встречали дежурные фельдшеры и врачи. Дальше распоряжались уже они. Так что раненым на плацдарме надо было еще выжить, не попасть под обстрел при транспортировке их через разлив.

И так — двадцать пять суток. День за днем. Ночь за ночью. Непростая работа была у нашего старшины Серебрякова. Спасибо ему за ту работу и заботу о нас.

11 или 12 апреля над позициями нашего батальона показались немецкие штурмовики U-87. Солдаты называли их

«костылями» из-за неубирающихся шасси. «Костыли» шли четырьмя эскадрильями по 12 самолетов в каждой. Первая эскадрилья сделала разворот над окопами второй и третьей рот. Самолеты спикировали. Посыпались бомбы. Пикировали «костыли» с высоты примерно 700—800 метров. Никто им не мешал крушить наши окопы. Зениток у нас на плацдарме не было. Истребители тоже не прилетали.

И вот во время заходов «костылей» на бомбежку мы заметили, как из немецких окопов взлетели спаренные зеленые ракеты — в нашу сторону. Смекнули: это ж они обозначают свой передний край и указывают направление к нашим окопам. Задрожала, запрыгала земля. Бомбежка — это уже посерьезнее минометов. Окопы стали осыпаться. Я крикнул своему связному: «Петр Маркович! Быстро давай две зеленые ракеты! Стреляй в сторону немцев!» Петр Маркович не мешкая исполнил то, что я ему приказал. В небо пошли одна за другой две зеленые ракеты. Что теперь будет? Наблюдаем. Ждем. Хуже в любом случае не будет.

И вот зашла очередная эскадрилья, перед которой мы запустили свои ракеты. «Костыли» пролетели мимо нас и сгрузились в лесу, позади минометной роты. Наши окопы затянуло сплошной пеленой пыли и гари. Казалось, солнце падает в тучах... Другая эскадрилья сбросила бомбы на позиции второй роты. Несколько бомб разорвалось неподалеку от окопов моего взвода. Следующая эскадрилья спикировала на немецкие окопы и на наши, брошенные накануне на меже.

«Костыли» начали заходить снова. И на этот раз они сбросили бомбы на немецкие позиции. Часть бомб разорвалась на нейтральной полосе. Часть — на наших позициях. Бомбили всех подряд!

Мы выглянули из окопов. Над немецкими позициями стояла черная завеса. Вот когда можно было атаковать их. Жаль, что с нами в окопах не было нашего полкового комсорга...

Еще один заход «Юнкерсы» сделали над лесом и разгрузились там, в нашем тылу.

Немецкие штурмовики отбомбились так «удачно», что больше на плацдарме не появлялись.

Мы нарыли на плацдарме столько окопов, создали столько линий обороны, что немецкие летчики так и не разобрались, где свои, а где противник. Если бы нам, к примеру, дали приказ создать под огнем противника ложные позиции взвода и дали бы на это два-три дня, то ничего подобного сделать, пожалуй, мы бы не смогли. А тут, маневрируя, атакуя и отходя, мы нарыли столько ямок и ходов. К тому же Петр Маркович подпустил им зеленых ракет, и они вовсе запутались.

14 или 15 апреля 1944 года рано утром из балки, примыкавшей к лесу, где держал оборону взвод полковой разведки и расчет пулемета «максим», немцы неожиданно вышли на правый фланг нашей роты. Балка тянулась к деревне, к двум ветрякам. По этой балке несколько дней назад мы как раз и выбирались с межи.

Уже после боя стали выяснять, каким образом у нас на фланге появились немцы. Ведь балка простреливалась соседями. Разные ходили разговоры. Но толком так никто и не узнал, что же на самом деле произошло. Или, скорее всего, замяли разбирательство. Кто-нибудь наверняка проспал. Саперы потом рассказывали, что немцы, просочившиеся по балке, прошли берегом Днестра, прямо по урезу воды, в глубину нашей обороны, установили пулемет МГ-42 и начали обстреливать паром, когда он причаливал. Им нужно было лишить нас подвоза снабжения. Нарушить коммуникации. Хорошо, что тут вовремя спохватились, не растерялись, не бросили паром, завели его в затон, замаскировали. Но если бы немцев из балки не выбили, они бы парализовали действия наших подразделений, оборонявших плацдарм. Разрезали бы нашу оборону на две части. Стало бы невозможно эвакуировать раненых. Не поступали бы с того берега боеприпасы. Подкараулили бы они и нашего старшину.

В то утро, еще только рассвело, я пополз на правый фланг первого отделения. Хотел разобраться, почему вто-

рой стрелковый взвод не стрелял. Это были наши соседи. Расспрашивал своих автоматчиков, стрелял ли кто ночью во втором взводе. Мои автоматчики толком тоже ничего не сказали. В это время неожиданно появились немецкие пулеметчики и начали устанавливать пулемет для стрельбы во фланг второму стрелковому взводу.

Минувшей ночью я не сомкнул глаз. Ходил по траншее и время от времени бросал за бруствер гранаты Ф-1. Ночью немецкая разведка могла незаметно подкрасться к нашим позициям и захватить любого из моих спящих автоматчиков. Вот чтобы этого не случилось, я с вечера разложил в нишах в нескольких местах по всей траншее около тридцати гранат. За ночь их все расходовал. Может, поэтому они к нам и не сунулись. А во втором взводе ночью было тихо. Видимо, спали.

Немцы возились с пулеметом. Я видел, как они ловко высвобождают свой МГ-42 из плащ-палатки и торопливо устанавливают на сошки. Нам стрелять по ним было невозможно — мешала высокая насыпь бруствера, насыпанного как раз в ту сторону. Тогда я закричал сержанту Кизелько.

Сержант Кизелько был хорошим пулеметчиком. Войну закончил с орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалью «За отвагу». Он и в этот раз не сплеховал. Смотрю, он тут же поднял со своими бойцами со дна своего окопа «максим» без щитка. А немцы тем временем уже закладывали ленту в приемник. Кто же опередит? «Максим» заработал первым. Короткая очередь, другая — и немцы уткнулись в землю. Да, Кизелько был хорошим пулеметчиком.

Полковые разведчики потом рассказывали, что первому номеру пуля Кизелько попала в голову. Он так и лежал возле своего пулемета. Второму достались две пули: в грудь и под правую ключицу. Разведчики обороняли опушку леса перед балкой. Они-то и пропустили первый пулемет к парому. Теперь не спали. Они забрали пулемет с заправленной лентой и несколько коробок с запасными лентами, на-

битыми патронами. У немцев пулеметные ленты были металлические. Тем временем «максим» разведчиков вел огонь по немецким автоматчикам, которые шли на них по балке.

Кизелько же отстрелялся и опустил на дно свой пулемет. Нельзя было ему демаскировать себя, потому что немецкие минометы тут же открыли огонь по пулемету разведчиков. Разорвались первые пристрелочные мины. Но атаку автоматчиков разведчики уже отбили. Я хорошо видел, как они быстро снялись со своей позиции и ушли. Ушли на другую позицию. И тут их окоп накрыло серией мин. Весь окоп смешало с землей.

Пулемет Кизелько немцы засечь не смогли.

Когда немцев отбили от парома и выбили из балки, они, отступая, пытались утащить своих убитых пулеметчиков. Но разведчики их отогнали. А тут еще и наши минометчики им подсыпали. Уходили они уже по разрывам мин.

Я пополз к разведчикам. Они показали мне немецкую плащ-палатку, в которую был завернут пулемет. Плащ-палатка была в пятнах крови и ружейного масла. Рядом на сошках стоял пулемет МГ-42 и плоские коробки с целехонькими лентами. Сказали: «Бери, лейтенант, это ваши трофеи». Но я отказался. У нас были свои пулеметы, и работали они исправно. «Тогда передайте нашу благодарность вашему станкачу», — сказали разведчики. «Благодарность я передам. Но и ваш «максим» поработал хорошо».

Разведчики рассказали, что, когда немцы поднялись со дна балки и бросились в атаку, их «максим», замаскированный на опушке леса, ударил по ним кинжальным огнем. Для немцев это было неожиданностью. Пулемет они до начала атаки не обнаружили.

Я выглянул в балку. На дне ее лежало пять трупов немцев. Еще семь на подьеме, как раз напротив старой позиции пулеметчиков, и два возле кустарника, уже вверху. Эти двое почти добежали до окопа «максима». Смелая была атака. Тут врагу надо отдать должное.

Нужно заметить, что основу стрелковых взводов, пулеметных рот составляли, как правило, стойкие солдаты, бывалые, по нескольку раз раненные в боях и очень скромные русские люди. Ядро моего автоматного взвода состояло именно из таких храбрых людей. Я знал, что они ценят свою принадлежность к автоматному взводу.

Я спросил у сержанта-разведчика: «А вы никого не потеряли?» — «Мы пьяные на передовой не бываем и глупых потерь из-за этого не несем». Ответ разведчика многое прояснил мне о ночном происшествии.

На плацдарме нас никто, кроме 82-миллиметровых минометов, не поддерживал. Артиллерия, как я уже сказал, молчала. Авиации тоже не было. А минометчики всегда были рядом. Спасибо им! Они хорошо нас поддерживали в трудные минуты, стреляли точно.

После первой неудачи немцы не оставили надежду сбросить наши роты в разлившиеся воды Днестра.

Дело в том, что вода прибывала с каждым днем. Она сокращала тот клочок суши, который мы отбили и заняли. Немцы же держались на прежних позициях. Мы оказались между огнем и водой.

И вот они снова пошли на наш батальон. Без артподготовки встали и цепью пошли на нас. Потом побежали. Расстояние между их цепью и нашими окопами стало стремительно сокращаться. Уже было видно, как они начали выдергивать из-за поясных ремней и из голенищ сапог длинные штоковые гранаты. Такие гранаты можно легко метать на 40—45 метров. А когда началась атака, я приказал своим бойцам вставить запалы в гранаты Ф-1. Расчеты ручных пулеметов уже вели прицельный огонь. Автоматчики пока не стреляли, терпеливо ждали моей команды. И тут нас опередили наши минометчики. Они дали точный залп и буквально накрыли наступающие цепи. Видимо, они заранее пристреляли какой-то рубеж и, когда немцы подошли к нему, открыли беглый огонь из всех стволов. Тут подал команду открыть огонь и я. Немцы сразу залегли.

Они залегли возле межи, почти на том месте, где мы несколько дней назад оставили наспех отрытые окопы. Они их, видимо, заметили, потому что начали перебегать ближе к меже. Автоматчики стерегли их: как только кто-нибудь вставал, тотчас открывали прицельный огонь.

Видно было, как легко раненные немецкие автоматчики уползали к своим окопам. Чтобы хоть как-то выручить свою пехоту, залегшую на нейтральной полосе, немцы усилили артиллерийский и минометный огонь. Нам пришлось на время убрать с брустверов автоматы и пулеметы. Немцы воспользовались паузой, поднялись и начали отходить. Сперва они уводили раненых. Потом на плащ-палатках стали утаскивать убитых.

Наши минометчики не прекращали обстрела. Кидали мины точно, плотно накрывая площадь. Командовал ротой минометчиков, которая помогала нам на нашем плацдарме, старший лейтенант Ксенофонтов. Запомнил я и фамилию командира одного из минометных взводов — лейтенант Соломатин.

Наши минометчики своим своевременным, точным и согласованным огнем избавили нас от потерь, не допустили рукопашной схватки. Если бы немцы ворвались в нашу траншею, потери могли бы быть большими.

Когда огонь первого отделения немного ослаб, а немцы стали откатываться, я пополз по траншее. Траншея полностью еще не была отрыта. Да и заглубить ее еще не успели как следует. Добрался до командира отделения. Спросил: «Почему ослабил огонь?» — «Патроны бережем. Сейчас снова полезут», — ответил сержант. Сказал-то мне сержант одно, а отделение занималось другим. Солдаты, воспользовавшись паузой, выносили из окопов убитых и раненых. Раненых уводили к парому. Солдаты у меня были, как я уже говорил, опытные. Они и сами уже хорошо знали, что надо делать в ту или иную минуту.

Мы сидели в окопе, наблюдали за противником. Сержант покрутил головой и сказал: «Немцы завоняли. Особенно ночью сильно воняют, когда ветер утихает. Кашу Серебря-

кова есть невозможно. Как назло. Старшина термосы привозит, а тут ветер утихает...» — «Да, — сказал я, — впереди трупы, позади трупы... Ночью пошлите своих солдат. Пусть закопают их как следует. Чтобы было понятно, что это могилы и какие солдаты там зарыты, насыпьте холмики и положите сверху их каски». — «В их касках наши ребята воду носят из Днестра». — «Воду принесете в котелках. Каски положите на могилы. Таков порядок». — «Кто его заводил, этот порядок? Что-то не слышал». — «Мы». — «Хорошо», — наконец согласился сержант. Я знал, что он выполнит то, с чем согласился. «Сколько немцев уничтожило отделение?» — спросил я сержанта.

Подсчеты уничтоженного противника мы вели. Но бывали периоды боев, когда сделать это было практически невозможно. «Тут, товарищ лейтенант, не разберешь теперь, чьи лежат. И наши, и минометчиков. Все в куче. Вон они. Надо бы, конечно, сосчитать. И поделить поровну. Чтобы никому необидно было. А пока не считал. Некогда было».

Ночью солдаты первого отделения ползком добрались до окопов, которые находились метрах в сорока в нашем тылу и которые мы отбили во время ночной атаки. Завалили землей окопы с трупами немцев. Сделали небольшие холмики и сверху положили каски. Приказ мой исполнили в точности.

После этого немцы не предпринимали никаких решительных действий до 28 апреля, до нашей замены.

Наш сосед, вторая стрелковая рота, понес большие потери от бомбардировки и артиллерийско-минометного огня. Потери нашей роты были значительно меньшими.

Однажды ночью саперной лопатой я нарезал дерна и на бруствере своего окопа соорудил амбразуру. Работой своей был доволен: можно было свободно встать и оставаться при этом незамеченным, можно было свободно наблюдать за противником. Но и за мной, оказывается, началось усиленное наблюдение. Немецкий снайпер, появившийся на участке нашего фронта, обратил внимание на необыч-

ное сооружение. Голько я выглянул в свою амбразуру, повернул голову вправо, как раздался взрыв. Не выстрел, а именно взрыв. В глаза ударило землей. Еще не зная, что со мной, я опустился на дно окопа. «Петр Маркович, — позвал я своего связного, — посмотри, что у меня с глазами. Ничего не вижу». Петр Маркович наклонился ко мне, осмотрел глаза и говорит: «Глаза, слава богу, целы. Только забиты землей».

Я почти на ощупь достал перевязочный пакет. Разрезал бинт на части. Петр Маркович взял фляжку с водой и этими тампонами стал промывать, прочищать мне глаза. Выворачивает мне веки и приговаривает: «Это снайпер. Не даст он нам покоя. Головы не поднимешь. Он понял, кто тут находится. Охотиться теперь будет. Надо менять окоп. И зачем вы, товарищ лейтенант, этот дзот сгородили? До него все было тихо». — «Ладно, Петр Маркович, хватит тебе стонать. Скажи ребятам, чтобы голову убрали. Снайпер работает».

Снайпер стрелял с одной из мельниц. Стрелял не прямо по фронту, а под углом 45 градусов. Одна из мельниц как раз и стояла под этим углом к нашему окопу.

Глаза сильно болели. Петр Маркович — не медсестра. Медсестра, может, своими пальчиками сделала бы промывку и прочистку бережнее. А Петр Маркович незнакомую ему работу делал как мог, выскабливал грязь из моих глаз, как из лошадиного копыта. Ну да спасибо ему и за это. Прочистил, промыл. Намучил, конечно. Зрение вначале было неважное. «Ты мне, — говорю связному, — наверное, весь фарфор стер». А Петр Маркович только смеется и табачок свой покуривает. «Ничего, — говорит, — скоро видеть будешь лучше, чем до этого». И правда, радуга постепенно из глаз исчезла, видеть стал по-прежнему хорошо.

В нашем окопе лежали два накрытых плащ-палаткой пулемета. Как раз перед злополучным выстрелом снайпера я смазал затворные рамы, прочистил газовые камеры, почистил и смазал диски. И теперь зарядил их бронебойно-

зажигательными. Не нравились мне эти ветряки. На них наверняка прятались немецкие корректировщики и передавали точные данные для минометчиков и артиллеристов. Потому-то они так точно лупили по нашим окопам. А теперь вот еще и снайпер появился...

Ночью мы с Петром Марковичем все же сменили окоп. Теперь я находился в центре второго отделения нашего взвода.

Утром начали высматривать, в какой же из двух мельниц может сидеть снайпер. Мы уже более или менее знали их повадки. Обычно они выбирались на огневую и начинали свою охоту до начала перестрелки. Сонные солдаты теряют осторожность, внимание и становятся их легкой добычей.

Я взял один из пулеметов, установил прицел. До мельницы было 450—500 метров. Самая дистанция для снайпера. И начал стрелять короткими очередями. Я надеялся подстрелить немца в тот момент, когда он станет взбираться на свою огневую. Так и выпустил первый диск целиком — 49 патронов как один. Вначале обстрелял одну мельницу, потом другую. Мне хотелось поджечь ветряки. Один за другим. Возможно, снайпер прятался за каменными жерновами. Просто так его было взять трудно. Мой первый и второй диски были заряжены так: через каждые десять бронезажигательных патронов я заряжал по пять зажигательных. Я обстреливал мельницы целый день. И три раза при этом менял окоп. Так продолжалось до 20 апреля, целых три дня. Днем я готовил ручные пулеметы, чистил, смазывал, заряжал диски. Ночью менял окоп. А рано утром, каждый раз смещая время на десять—пятнадцать минут, начинал обстрел мельниц.

Солдаты сидели в окопах. Все были целы. Я предупредил их: голову не высовывать — снайпер! Не знаю, достал ли я его одной из очередей, или он понял, что за ним тоже началась охота, но снайпер с участка нашего фронта исчез. А выжил я его или подстрелил — это уже дело второе.

Стрелял немец разрывными. Свойство разрывной пули таково: при попадании в тело человека она, как и обычная

пуля, входит в мякоть, но при столкновении с твердым, с костью например, мгновенно взрывается. Образуется большая рваная рана. Обычная пуля и на выходе так сильно мышцы не рвет. Какой вход, такой почти и выход. Разрывная же на выходе делает огромную дыру. Разрывная есть разрывная. И если уж такую поймал, то уж точно — либо покойник, либо калека.

Я продолжал обстреливать ветряки бронезажигательными и зажигательными пулями. Снайпер молчал. Мельницы не загорались. Стрелял то с одной позиции, то с другой. Брал то один пулемет, то другой. Петр Маркович тут же заряжал диски. Когда ты чувствуешь, что за тобой охотятся, мгновенно, инстинктивно, стремишься сам стать охотником. Но для этого нужно перехватить инициативу. Я жалел о том, что у меня нет снайперской винтовки.

Всю войну я искал немецкую снайперскую винтовку. Мне хотелось добыть не столько винтовку, сколько цейсовский оптический прицел. Один раз, тогда мы уже шли по Югославии, мои автоматчики среди брошенного отступающими немцами имущества и оружия нашли снайперскую винтовку. На ней остался крепеж для оптики, но самой оптики не было. В городе Петровград мы захватили огромные склады с оружием и снаряжением. Там были и снайперские винтовки с оптическими прицелами. Но буквально по нашим пятам шли югославские партизаны Тито. Они тут же взяли под усиленную охрану все захваченные нами склады. Там было и продовольствие, и одежда. Так что и братья славяне не особенно-то хотели с нами делиться. Даже оружием.

Что касается одежды, то переодеться в новое, добротное, меховое обмундирование мой взвод все же успел. Когда мы ворвались на меховой склад, увидели новенькие регланы. А мои автоматчики все оборванные донельзя. Прямо орда. За войну обносились. И тогда я приказал старшине взять для моих окопных тружеников 33 реглана. На этот трофей мы имели полное право. Старшина конечно же взял больше.

На плацдарме мы постоянно окапывались. Меняли ячейки. Нельзя было немцам позволить присмотреться к нам, пристрелять наши позиции. Да и снайпер тот, чуяло-таки мое сердце, не насовсем ушел...

21 апреля, еще не рассвело как следует, я отправился к командиру роты на его командно-наблюдательный пункт. Там же я застал связного из штаба батальона. Ротный мне сказал, что меня срочно вызывает к себе комбат Лудильщиков. «Зачем?» — спросил я. «Во второй роте все офицеры ранены. Я рекомендовал тебя», — сказал старший лейтенант Макаров.

Комбат сперва спросил о взводе. Я доложил: 18 солдат автоматчиков, в том числе два сержанта, все в строю, четыре исправных пулемета, 19 автоматов. Ранен, говорю, только один автоматчик во время нелепой атаки направлением на ветряки. Раненого отправили за Днестр. Доложил и о немецком снайпере. Поинтересовался он и тем, кто отдавал приказ на атаку ветряков. Выслушал и, ничего в ответ не сказав, только выругался. И сказал уже доброжелательно: «Принимай роту. С наличием огневых средств разберешься на месте. Возможно, там у них в роте пулеметов меньше, чем у тебя во взводе. Но воевать надо. Задача: не допустить прорыва немцев через свои позиции. Иди. В роте уже вторые сутки нет офицеров».

Сначала я со связным отправился в свой взвод, назначил за себя командовать взводом одного из сержантов. Потом пополз в первый взвод второй роты. Взводом командовал сержант. Он тут же доложил: во взводе 21 человек, вооружены винтовками, патронов достаточно. Взводный, сказал он, младший лейтенант, вчера был ранен и отправлен на паром, а кроме лейтенанта, трое раненых и двое убитых. «В строю осталось 16 человек, — подытожил сержант. — Два ручных пулемета, два автомата, 12 винтовок. Гранат достаточно».

Я осмотрел их позиции, окопы. И тут же приказал сержанту, чтобы взвод отрыл новые окопы. «Даю вам тридцать минут. Оружие держать при себе. Ячейки отрывать конус-

ные, а не такие могилы, какие вы тут себе накопили. В стенах — никаких нор. При артобстреле завалит, похоронит заживо. Действуйте».

В первых двух окопах солдаты заворчали. Они слышали наш разговор. Не хотелось им покидать свои просторные, обжитые окопы. Тогда я сказал, чтобы слышали все: «Я плохого вам не желаю. Это приказ. Выполняйте».

С наступлением темноты на позициях первого взвода застучали саперные лопаты. К середине ночи новые окопы были открыты. Взвод затих. Сердце мое успокоилось.

Со связным я отправился во второй взвод. Там были открыты нормальные окопы, а не могильники, как в первом взводе. Здесь тоже командовал сержант. Командир взвода, лейтенант, был ранен осколком мины в первом же бою. Здесь по списку числилось 22 человека, но за время боев было ранено пятеро солдат, двое убиты. В строю оставалось 14 человек. Один ручной пулемет, три автомата и 10 винтовок. В 15—20 метрах позади взвода находилась позиция станкового пулемета «максим».

Мы поползли к пулеметчикам. Позиция у них была хорошая. Они полностью контролировали подходы к опушке леса. Окоп отрыли правильно. «Максим», укрытый плащпалаткой, стоял на дне окопа. Первый и второй номера сидели тут же, набивали пустые ленты патронами. Запас лент они приготовили хороший. «Запасная позиция есть?» — спросил я. «Есть. Вот там». И первый номер указал на ивовый куст метрах в сорока от нас. Позиция «максима» находилась на стыке второй и третьей стрелковых рот.

Утром я отправил комбату донесение о численности роты, наличии оружия и боеспособности личного состава.

Немцы молчали. Только несколько артиллерийских снарядов прилетело с той стороны и упало на позициях второй стрелковой роты. Никто не пострадал.

Я приказал роте почистить оружие, особенно пулеметы. Чистое, смазанное оружие никогда не подведет солдата. А между тем, обходя роту, я заметил, что у некоторых солдат на винтовках уже появился налет ржавчины. Тако-

го в моем взводе никогда не было. Я тут же сделал замечания.

Вечером немцы открыли огонь по позициям второй и третьей рот. Обошлось без потерь. Когда солдат в окопе, который правильно отрыт и тщательным образом замаскирован, его просто так не возьмешь.

Я сидел в окопе рядом с пулеметчиком и думал о своем взводе. Как они там?

Ночью старшина принес горячую пищу, ящики с патронами и гранатами.

Я ел кашус хлебом и разговаривал со старшиной. Спросил его, почему первый взвод вооружен винтовками, а не автоматами. «На формировке говорили, что первые взвода все будут автоматными, — сказал я старшине. — А у нас — винтовки. С автоматами только сержанты». — «Так автоматов на складе не оказалось, — ответил старшина. — Раздали что было. Винтовки, между прочим, хорошие. Подобранные на поле боя, отремонтированные».

Задавать подобные вопросы надо было конечно же не старшине. Но старшина многое знал и отвечал откровенно.

Весь следующий день немцы долбили оборону второй стрелковой роты из орудий и минометов. Они хотели расколоть оборону батальона на две части и затем уничтожить нас по отдельности, таким образом ликвидировав плацдарм. Особенно сильным был обстрел вечером 22 апреля. Немцы пытались атаковать. Но их атаки тут же прерывали наши пулеметчики. Солдаты стреляли из винтовок. А когда цепи приблизились на угрожающее расстояние, в дело вступили минометчики.

На ночь пулеметчики пристреливали свои пулеметы «под колышек». Что это такое? У пулемета Дегтярева внизу в прикладе есть небольшое округлое отверстие. Так вот днем пулеметчики заранее пристреливают цели, одновременно вбивают колышки и вставляют их в отверстие в прикладе таким образом, чтобы прицел при этом контролировал нужный сектор. Ночью, к примеру, зашевелились возле какого-нибудь дома, где у них установлен пулемет, сразу

перевел приклад на нужный колышек и дал очередь. Таким образом пулеметчики время от времени вели ночной огонь, стреляя вовсе не вслепую, как могло показаться неопытному и неискушенному человеку, а по конкретным целям. Так и контролировали весь фронт перед собой. Пристреливали и нейтральную полосу, и полосу заграждений.

А я опять ползал всю ночь от окопа к окопу и бросал гранаты Ф-1.

Утром 23 апреля я отбыл в свой автоматный взвод. Во второй роте меня заменил старший лейтенант Сурин.

Командир батальона капитан Лудильщиков поблагодарил меня за то, что вверенная мне рота в эти дни держалась стойко и не потеряла ни одного человека. Сказал, что представляет меня к ордену Красной Звезды. Но награду эту мне получить было не суждено.

Вода в Днестре тем временем пошла на убыль. Это была хорошая новость. Принес ее старшина Серебряков вместе с очередным горячим обедом. Старшина наш за эти дни стал настоящим матросом, «речным днестровским волком», как мы в шутку его называли тогда.

Я прибыл во взвод вместе с сопровождавшим меня ротным связным. Ребята мои обрадовались, увидев меня живым и здоровым. Видели, как немец долбил вторую роту из орудий. «Какая тут обстановка?» — спросил замешавшего меня сержанта. Тот все подробно рассказал. «А снайпер?» — спросил я. «Снайпер молчит».

Днем из нескольких окопов, достаточно удаленных один от другого, я возобновил обстрел мельниц. Пусть, думаю, наносят на свои схемы наши «пулеметные гнезда». Запутают их и тут.

Кизелько тем временем дежурил возле своего «максима», прикрытого сверху плащ-палаткой. Наблюдал за передовой. Второй его номер ушел к Днестру: нужно было пополнить запас воды. Для продолжительного боя «максиму» нужно четыре-пять литров воды. Вот такой он был водохлеб, наш верный максимка. Все мы, и пулеметчики в том числе, ожидали новой атаки немцев.

27 апреля ночью пошел дождь.

Немцы особенно не беспокоили нас. Даже обстрелы прекратили. «Не к добру все это, товарищ лейтенант. Ну чего они замолчали?» — ворчал Петр Маркович, набивая патронами очередной пулеметный диск. И тут он так разнервничался, что и мне упрек сделал: «Больно много вы, товарищ лейтенант, патронов тратите. Этот хренов снайпер столько и не стоит, сколько мы на него патронов пожгли».

А дело-то было вовсе и не в снайпере. Затишье всех обеспокоило. Стало понятно: немцы производят частичную перегруппировку, накапливают силы для основательной атаки, чтобы сбросить нас в Днестр. Плацдарм им нужно было ликвидировать во что бы то ни стало.

Я предупредил всех своих автоматчиков: днем отдыхать, а ночью глаз не смыкать, вести прослушивание и метать гранаты Ф-1 в сторону нейтральной полосы.

В ночь на 28-е нас сменила другая часть.

Перед самой сменой у нас ранило санинструктора роты сержанта Бугрова. Осколком мины в руку. Он перевязывал комсорга батальона, женщину, раненную на тропе к парому. Мы уже уходили. Санинструктор наш из бывалых людей. Высокий ростом, крепкий. Богатырь. Раненых он переносил так: перевязывал, поднимал на плечи и нес. Особого напряжения при этом не было заметно. Нес легко, быстро, бережно. Многим из наших раненых он спас жизнь, уберег руки и ноги от неминуемой ампутации. Ведь из-за чего чаще всего в госпиталях кромсали руки и ноги? Из-за того, что неправильно сделана перевязка и плохо обработана рана первоначально, что долго где-нибудь лежал, истекал кровью, что не вовремя доставили...

Мы передавали свои позиции взводу автоматчиков. Командиру взвода младшему лейтенанту я рассказал, как ведет себя противник днем и как ночью. Какие меры предосторожности необходимо принимать в первую очередь. Все я ему рассказал. Предупредил, что в последнее время немцы как-то подозрительно затихли. «Видимо, готовятся

к основательному штурму. Так что вы готовьтесь. Ночью не спите. А днем не высовывайте голову, снайпер бьет». И я указал ему на ветряные мельницы. «Но если по мельницам постреливать из пулемета, то снайпер остережется выходить на эту огневую». Рассказал я младшему лейтенанту и о позиции станкового пулемета. «С пулеметчиками веди постоянную связь. В трудную минуту они — единственная поддержка. И пусть не пренебрегают запасной огневой». Рассказал, что между окопами частично прорыта соединительная траншея. Показал немецкую могилу.

Наши сменщики установили пулеметы. Стали устраиваться в окопах. Мои автоматчики один за другим покидали позиции.

«Смотри, — сказал я младшему лейтенанту напоследок, — советую тебе сменить окоп. Снайпер начинает охоту ранним утром. Отпугивайте его пулеметным огнем». Мы попрощались. Мы со связным поползли к тропе. Пошел мелкий дождь. Ползти стало тяжелее и противнее. Гребешь на себя грязь, тащишь ее на шинели...

Вместе с нами покидал плацдарм и пулеметный расчет Кизелько.

На НП я доложил командиру роты, что взвод передал позиции сменщикам.

Затем мы отошли к парому. Там, на краю оврага, окопались. Нужно было ожидать очереди на паром.

Рассветало. Я сидел возле своего окопа и курил. Старшина Серебряков наконец-то привез полученную на складе «моршанку». Солдаты истосковались по куреву. Курили, радовались. Радовались, что курева много (накопилось за столько-то дней), что, наконец, нас сменили, что скоро будем на том берегу и спать ляжем уже не в окопах.

На передовой тем временем ударило несколько снарядов и затихло. Мои автоматчики, ни слова друг другу не говоря, сразу умолкли, стали прислушиваться, что там происходит. Тишина на фронте дело такое... Всякое может означать. Когда, например, происходит прорыв, тоже вначале тихо.

На тропе неподалеку остановился солдат с двумя котелками. В котелках днестровская вода. Я узнал его. Это был связной командира первого взвода стрелковой роты, сменившей нас вчера. Мы с Петром Марковичем несколько часов назад оставили ему и его командиру, младшему лейтенанту, свой окоп. Я окликнул его. А он уже и так видит меня, смотрит и не уходит, будто что-то хочет сказать. Я опять махнул ему, передал привет младшему лейтенанту. И вдруг он говорит: «А нашего младшего лейтенанта убило». — «Как убило?!» — «Убило, — говорит и голову опустил. — Разрывной пулей. Прямо в голову. Снайпер».

Я некоторое время не мог произнести ни слова. Так эта весть меня поразила. Я же его предупреждал: остерегайся снайпера, не давай ему подняться на мельницу. Несколько раз повторил.

Видимо, немцы обнаружили изменения в нашей обороне. Еще когда мы уходили, я обратил внимание на то, что стрелки беспечно выложили винтовки и автоматы на брустверы. У нас они всегда были внизу. Конечно, утром с той стороны глянули и сразу поняли — перед ними другие. Вот и начали шелкать новеньких.

Ночью 29 апреля нас подняли из окопов. Гуськом по тропе мы быстро спустились к парому. Я нес ручной пулемет без магазина, автомат и вещевой мешок, наполненный патронами и гранатами без запала. Запалы я приказал вывинтить, завернуть в непромокаемую бумагу и положить в сумки отдельно. Диски для пулеметов несли солдаты.

Все. Вахта наша на плацдарме закончилась.

— Стояли мы под Могилевом. Перед этим наступали. Несколько дней шли и шли вперед. Бои, бои, бои... Ну и подвыбили наш батальон. Отвели во второй эшелон, на отдых. Помыться да обмундирование заштопать. Обносились. В бою ведь как: на локтях да на коленках все до дырок протираешь, ползаешь, как змея... Пополнение получили. Молодых совсем ребят, 1926 года рождения.

Наше отделение хату заняло. Устроились хорошо. Печку топим. Живем не тужим. Жителей-то немцы из деревни угнали к Витебску. Хаты поджечь не успели. Команду факельщиков местные партизаны возле речки на мосту перехватили — три мотоцикла, — всех там и положили. Факельщиков в плен не брали.

Ночами начали летать немецкие самолеты. У них тоже ночные бомбардировщики были.

Однажды утром просыпаемся от холода. Что такое? К теплу-то уже привыкли. Ребята: «Кто дверку расшихатил?» Молодых принялись бранить, они у нас все по ночам на двор бегали... Но глаза продрали, а посреди горницы — мать честная! — в полу бомба торчит стабилизатором вверх. Бо-ольшущая чушка! В потолке дыра, и небо через ту дыру светится.

Ночью прилетела, зараза. А мы и не услышали, когда ее к нам занесло.

Мы походили вокруг нее. Умылись. Молодых предупредили, чтобы бомбу не трогали. С кухни принесли котелки с горячей кашей. Сели вокруг бомбы и позавтракали.

Вскоре пришли саперы. Выкрутили взрыватели. Вытащили через окно ту бомбу. Пятисоткилограммовая. Как они ее выволакивали?

А ребята рядом спали. Она у них в ногах пол проломила. Нижний взрыватель бракованный был. Судьба.

— Первый мой бой был под Ковелем. Наши там делали прорыв. Подвели и нас. 22 июня 1944 года. Навсегда запомнил я этот день.

Перед боем старшина роты, уже бывалый солдат, имевший ранение, сказал нам: «Ребята, не бойтесь. Атака — дело обычное. Хотя, конечно, кого-то убьют». И так больно резанули мне по сердцу его слова, что даже во рту пересохло. Кого-то, говорит, убьют... Может, и меня...

Шли цепью. Немцы стреляли как-то вяло. Там снаряд упадет, там... Они по фронту установили репродукторы

и вот передают: «Ну, 62-я попробовала? А теперь давай 8-я начинай!»

До нас на этом участке пыталась делать прорыв 62-я армия. В поле впереди стояли наши сгоревшие «тридцатьчетверки». Много. Немцы несколько раз повторили в репродукторы. Наша оборона молчит. Ни голоса, ни выстрела.

Прошли мы до танков и залегли.

Ротный мне: «Сходи посмотри справа, не оторвалась ли наша рота от соседней. А то беда будет». Дал мне в подчинение разведчика. А уже стемнело. Идем. Шли-шли, слышим, уже где-то рядом немецкая речь слышалась. Нас обстреляли. Но так, вслепую, не прицельно. Если бы не обстреляли, то точно бы зашли к немцам. Пошли назад. И тут наткнулись на бойцов соседней роты. Это были штрафники. Тоже готовились к атаке. Помню, окопы у них были вырыты глубокие. Вылезать из них можно было только в определенном месте. Они указали нам телефонный провод: «Держитесь провода и выйдете на свой НП».

Наша рота начала окапываться. Земля под Ковелем тяжелая. Какая-то сплошная белая глина. Некоторые ребята окопались плохо. И во время первого артналета многих из них сразу побил осколками. Так что мы сразу поняли: окапываться на передовой надо основательно. На рытье окопа ни сил, ни времени не жалей. Я вспомнил, как окопались штрафники. А ведь все они уже пороха понюхали.

Перед атакой была проведена артподготовка. Наша артиллерия билась по немецкой обороне часа два. Там, казалось, все смешали с землей. На месте блиндажей и дотов торчали только торцы бревен.

Артиллеристы подкатили к моему окопу сорокапятку и начали стрелять из нее прямо через мой окоп. Как даст, так у меня аж уши режет.

Стреляли из пушек и минометов и немцы. Один их снаряд не долетел метров двух до бруствера моего окопа, разорвался, и меня засыпало глиной. Стреляли конечно же не по мне, а по сорокапятке. Вот уж действительно: «прощай, Родина».

Ротный у нас был большой любитель выпить. И наши гвардейские 100 граммов иногда зажимал, а сам напивался. В этот раз произошло именно так. Набрался хорошо. И ему уже все нипочем, дай только отличиться. Еще не закончилась артподготовка, поднял нас в атаку. Все еще лежат, комбат команды атаковать не подавал. Мы и пошли. Он, правда, тоже с нами. Идет с пистолетом, пистолет на отлете держит, как стакан... Смело идет, даже головы не гнет. Пример подает. А команда роте была такая: как только зайдем первую линию немецких окопов, так сразу должны обозначить себя ракетой. Чтобы наша артиллерия перенесла огонь глубже. Ракетника же нашего убило во время атаки. Добежали мы до немецкой траншеи, выбили их. Где ракета? Нет ракеты! И по проводной связи никто в батарее не сообщит, что мы в траншее. Проводную связь еще не наладили. И наша артиллерия бьет и бьет. Вот тут и начались потери. Ввалились мы в их ходы сообщения. Снаряды рвутся. Много наших полегло во время атаки, а тут еще больше народу побило. Из 80 человек в нашей автоматной роте в строю после этой атаки осталось только 13.

На войне это часто случалось: свои по своим. Я помню, когда мы были в оккупации, произошел такой случай. Летом 1942 года из-под Спас-Деменска на Киров выходили из окружения группы кавалерийского корпуса генерала Белова. Одна из них выходила лесами между Крайчиками и Шиловкой. Это недалеко от моей Дубровки. Из Шиловки немцы стали уходить, не принимая боя. Шли на Дубровку. А из Дубровки их встретили огнем свои же, немцы. И долго шел бой. И те и другие, видимо, были уверены, что бьются с беловцами.

Поредела наша рота. Но оборону немцев мы все же прорвали. Пошли вперед с боями до Западного Буга. Буг форсировали с ходу. Наши самолеты летали над Бугом и пускали ракеты, что означало: противник не остановился, противоположный берег не обороняется. Так шли до самой Вислы. Мы уже молили Бога, чтобы нас остановили.

По 70 километров в сутки проходили. Очень были измотаны. Все время — пешком.

Помню, кухня нас догнала перед Бугом. А мы ведь, в азарте, все побросали: и котелки, и даже сидора свои. По неопытности. Повар котел открыл, кашей запахло. Повар: «Подходи, ребята!» А во что накладывать? Тогда мы с другом каски сняли, внутренности из них вынули: «Накладывай!» И нам он наложил каши в каски. Поели, каски помыли, вставили амортизаторы на место — и в колонну. Вперед!

Перед Вислой нас обогнала моторизованная часть. Свежая. Ее вводили для развития удара.

Мы форсировали реку Пилицу. Немцы нас там контратаковали. То все отходили, даже бежали, а вдруг поднялись собранно, правильной цепью, и пошли на нас, пьяные, с руганью. Подошли к нашим окопам близко, на 30—40 шагов. Нас из роты осталось уже человек восемь. Окопы рыть нельзя. Где-то в верховьях они взорвали дамбу, и нас затопило. Мы понаделали «печки» — невысокие брустверы перед собой насыпали. А штаб наш был под берегом. В бинокль оттуда хорошо видно, как нас атаковали. Должно быть, наши командиры посчитали, что нас уже перебили. Ротный, видать, опять хорошенько залил. Штабная группа защищала свою позицию. И лупили из станкача не только по немецкой цепи, но и по нашим «печкам». Вот тут-то нашего старшину разрывной пулей... Мы потом гадали: как же это так, если выходное отверстие в спине, то впереди должно быть входное. А входного нет. Значит, в спину, разрывной. Наши попали. Я помню, один немец забежал вперед, за дерево, вскинул автомат, прицелился в старшину, но я его срезал раньше, чем он успел выстрелить. Старшину мы защищали. Он был наш командир. В атаку водил.

Тут подошли «Фердинанды», начали обстреливать наши позиции. Слава богу, поступил приказ: отойти за Пилицу. Мы отошли. И дня три стояли на другом берегу Пилицы. Отрыли окопы. Ждали смены. Потому что воевать было уже некому. Да и нечем.

— Нас, юго-запад нынешней Калужской области, освободили в начале осени 1943 года, когда началось наступление на Вязьму и Рославль.

Из Мокрого, из райцентра, прибыли офицеры военкомата. Стариков — сразу на фронт. Тут и отец мой ушел. А нас, молодежь, — до особого распоряжения.

Однажды из сельсовета сообщили: «Завтра в полк». За ночь мать испекла мне хлеба и насушила сухарей.

От Мокрого до железнодорожной станции Бетлица — пешком.

23-й учебный полк 18-й стрелковой дивизии стоял между Жилином и Кировом.

Нам выдали винтовки старого образца. Винтовка даже без штыка была выше меня. А когда приказали примкнуть штык, то я стоял в строю как с копьем.

Спустя некоторое время меня перевели в автоматную роту. В батальонах стали формировать автоматные роты, в ротах — взводы. Промышленность начала давать фронту новое стрелковое оружие. Вначале автоматные роты были вооружены двумя-тремя автоматами ППД и десятком винтовок СВТ, которые тоже могли стрелять очередями. Но нам выдали новенькие ППШ. Хороший автомат, надежный. Не хуже немецкого.

И вот в июле 1944 года наш полк был уже под Пинском, в белорусских болотах. Помню, вода кругом, комарье. От Давыд-Городка на Пинск шла всего одна дорога, построенная немцами. Конечно, не немцами, а нашими военнопленными. Все сообщение и подвоз — по каналам, по рукавам, на лодках.

Там, в Пинских болотах, и ранило меня первый раз. Однажды вышли к деревне. Развернулись в цепь. Смотрим, немцы выскакивают из домов. Мы — за ними. Ходу прибавили, побежали, кричим. Началась стрельба. И мы стреляем, и они. Одна из автоматных очередей хлестанула меня по ногам. Немцы стреляли издали, и пули мне достались уже на излете. Пробили обмотки, ботинки.

Врачи потом вытащили их легко. Три или четыре, уже не помню. Метко немец мне вlepил.

В свою часть я вернулся уже за Вислой.

— Уже весна стояла. Снег сошел, пригревало. Но для пехоты это время самое паршивое. Везде вода. В землянках, если они не залиты, сыро. По стенкам течет. Стенки обваливаются. Солдат начинает валять малярия.

Однажды, когда мы стояли где-то за Оршей или дальше к границе, к нам в батальон прибыл заместитель начальника оперативного отдела штаба армии. Готовилось наступление. И штабные операторы объезжали и обходили передовую, намечали места прорыва, наносили на карты огневые точки и районы скопления противника. Словом, выполняли свою штабную работу. Я в тот день зачем-то прибыл на НП батальона. Комбат и говорит незнакомому мне майору: «Вот, товарищ майор, лейтенант такой-то, командир взвода второй роты. Взвод занимает оборону как раз по обрезу той самой реки, которая вас интересует». Майор подал руку и говорит: «Не могли бы вы, товарищ лейтенант, проводить меня в расположение своего взвода и ознакомить с обстановкой на месте?»

Вот я его и повел к своей траншее. Только когда выходили из землянки комбата, я попросил знакомого связиста, лейтенанта, чтобы тот на время дал мне свой котелок. Котелка у него своего не оказалось, и он начал спрашивать своих подчиненных: «Котелок! Котелок!» Комбат услышал и погрозил мне кулаком. Взял я котелок, сунул в сидор. Туда же еще одну плащ-палатку.

Идем. Вскоре вышли к передовой. Пошли от НП командира роты к моему взводу. Вначале шли по траншее. Была у нас прорыта основательная, глубокая траншея, отводная, ход сообщения в тыл. Но вскоре идти по траншее стало невозможно. Началась грязь. Но мы идем. Майор, слышу, кричит, чертыхается. Сапоги у него хорошие, ко-

нечно, жалко таких сапог. Дальше — еще хуже. Вода пошла. И уже идем, едва не зачерпывая в голенища. А рядом, по грядке бруствера, виднеется хорошо натоптанная тропинка. Местность там была песчаная. Песочек на бруствере уже просох. Смотрю, майор косится на эту стежку. Погодя говорит: «А что это у вас тут? Стежка, что ли?» — «Бойцы ходят», — говорю. «А может, — говорит, — и нам пойти по стежке, а не по этой чертовой грязи?» — «Стреляют», — говорю. А правда, время от времени то там, то там слышны выстрелы. «Но если надеть плащ-палатки, то немцы примут нас за простых солдат и мы, пожалуй, пройдем», — говорю я ему. И он сразу понял, зачем я у связистов взял еще одну плащ-палатку. «Давайте, — говорит, — ваш камуфляж. Сами-то сюда шли по стежку?» — «По стежке». Вылезли мы из траншеи. Я майору еще в руки котелок дал. «А это еще зачем?» — «Надо так. Здесь рядом река. Бойцы туда ходят воду набирать». Поворчал оператор, но котелок взял. И прошли мы благополучно. Хотя пули посвистывали. Но прицельно в нас никто не стрелял.

Стали мы обходить позиции взвода. Вначале ему все вроде бы нравилось. А у нас, правда, оборудовано было все хорошо. Правильно. Земли перелопатили много. А когда вышли в третье отделение, где траншеи проходили по самому обрезу берега, он увидел, как с той стороны к реке спускается немец со связкой котелков. А мы этого немца уже знали. Идет наш немец, котелками своими болтает, гремит, насвистывает что-то. Майор до этого внимательно осматривал в бинокль немецкую траншею левее, которая тоже проходила по обрыву берега. И когда немец котелками загремел, повернул бинокль и смотрел на него не отрываясь. Смотрю, лицо майора каменеет. А тут немец тот возьми и рукой помаши. Наши тоже открыто ходят, не прячутся. Мы уже зиму тут простояли, привыкли друг к другу.

А когда мы шли сюда, проходили мимо позиции снайпера. У меня во взводе было два снайпера. Сержант Блохин и я. Блохин в тот день дежурил в ячейке. Расхлябанно-

сти-то у меня во взводе не было. Ни пьянок, ни сонного царства. Но оборона есть оборона. Попусту-то что толку друг в друга пулять? И вот майор мне и говорит: «Вот что, лейтенант, прикажите снайперу сейчас же снять этого немца!» Что ты тут будешь делать?! «Иначе, — говорит, — если вы сейчас же не прекратите это непонятное братание с немецкими фашистами, я вынужден буду доложить о вас в штабе армии. А там вами займутся соответствующие товарищи». Позвал Блохина. Сержант, смотрю, даже в лице переменялся. Но вскинул винтовку и выстрелил. Немец с котелками полетел под обрыв. И что тут началось...

Немцы открыли такую стрельбу, что некоторые мои бойцы схватились за саперные лопатки, как будто окопы им сразу показались открыты недостаточно глубоко.

А майора я волок назад по траншее, почти до краев залитой водой. Шел, чертыхался. Весь продрог. И обо мне в штабе все же доложил. Приходил потом особняк, интересовался подробностями. Записывать, правда, ничего не стал, порасспрашивал бойцов, сержантов, усмехнулся и ушел.

А уходил знаете как? Накинул плащ-палатку, взял в руку котелок и пошел по бровке траншеи.

— На Одере... Там были страшные бои. Форсировали Одер. Начался уже 1945 год. Весна. Немцы взорвали шлюзы, пустили воду, и нас затопило.

К Одеру мы подошли, смотрим: весь берег и у берега, на мели, лежат трупы. Много трупов наших солдат. Это до нас какая-то часть уже пыталась форсировать Одер. Лежали уже распухшие, как коровы. Одеги были в новые американские шинели, желтоватые такие, песочного цвета. Трупы не убраны... Это сразу плохо подействовало... Я вот думаю теперь: неужели командование не понимало, что так вот, по телам своих товарищей, в бой посылать нельзя? А может, и не понимало...

Сунули и нас.

Подошли мы к берегу. Лодки уже приготовлены. В нашу лодку поставили пулемет. Поплыли. Немец сразу ударил шрапнелью. А течение сильное, так и сносит. Помню, как дала шрапнель! Сразу нос лодки разбило, и погиб весь расчет станкового пулемета. Вторым снарядом расщепило корму, и лодка пошла на дно. Меня ранило. Спас меня командир второго отделения сержант Новиков. Тоже земляк, с самого Закрутого мы с ним вместе были. Родом он из Кожелуповки, нашего Закрутовского сельсовета. Он увидел, что я тону, подхватил меня, подтащил к обломку лодки: «Хватайся! Держись!»

Тут пошли наши катера с крупнокалиберными пулеметами. Катера сразу и прорвались. Надо было их немедленно посылать.

Стали собирать нас, раненых. Вместе с нами Одер форсировал какой-то отдельный батальон. Гвардейцы. Комбат отдал нам свой джип: «Везите раненых!»

И пошел я по госпиталям. Город Павловск на Оке. Потом Горький. Война закончилась без меня. И германская, и японская.

— Мы шли по Германии. Наступали мы так быстро, что наша артиллерия иногда не успевала перенести огонь в глубину немецкой обороны и попадала по нашим атакующим цепям. Помню, заняли мы немецкую конюшню. Расположились в ней. И тут — залп «катюш». Кругом все загорелось. Только отстрелялись наши реактивные минометы, немецкие орудия начали бить. Бьют прицельно, снаряды ложатся все точнее и точнее. Тут мы смекнули, что из конюшни надо уходить. Пристреляли — сейчас накроют. Выскочили. Рассыпались в цепь. Прочесали поле, стали переходить ручей. И в одной из промоин поймали затаившегося немца. У него рация, листок с таблицами расчетов. Корректировщик! Это ж он нас выкурил из конюшни! Лицо и руки его были вымазаны илом и какой-то зеленью вроде краски. Когда его прихватили, он тут же стал показывать на пальцах:

«Драй!.. Драй киндер! Драй киндер!» Ребята: «А кто же пожалел наших детей?» И — из автомата его, прямо там, в яме.

Прошли мы еще немного. Нас догнала самоходка ИСУ-152. Тяжелый калибр. Остановилась. Командир вылез из люка: «Садись, пехота!» Мы сели. Нам, пехоте, наступать с артиллерией, да еще у нее на закорках, легче. И им с пехотой — тоже. Командир самоходки нам и говорит: «Увидите пулемет или орудие, стреляйте туда трасирующими. А мы уже по вашим трассам...»

Едем. Вроде все хорошо. Удобно. Наступаем быстро, даже с комфортом. Не пешком все же... Смотрим, немецкий пулемет заработал. Мы стали стрелять по нему. Постучали по броне. Самоходка остановилась, немного развернулась, опустила ствол и как даст по тому пулемету — мы сразу с брони все и попадали. Ну ее к чертовой матери, эту самоходку! Все задницы нам поотбивало. Пошли в наступление пешком. Дело привычное. Для пехоты лучший транспорт — ноги.

— Однажды наши артиллеристы подбили немецкий танк. Стоял он, подбитый, на нейтральной полосе. Я со снайперской винтовкой выполз вперед, затаился. Веду наблюдение. Гляжу, один высунулся из башенного люка. В комбинезоне, в шлеме — танкист. Уже по пояс вылез. Я прицелился — шелк! — он сразу и провалился в люк. И я потом целый день лежал и ждал, не высунется ли еще кто. А у них же там нижний, десантный люк...

Стрелял я и еще, как говорят, «по движущимся предметам». Попадал или нет, кто знает. Дело прошлое, да простит мне Господь, что я стрелял в людей. А стрелял я хорошо. Видимо, попадал...

Я был против того, чтобы мстить им тем же, что они у нас натворили. Помню, было... Заскочат наши в дом и из автоматов — по зеркалам! На столах, прости ты... нагадят. Ну что это, к чему? Вроде как им уподоблялись. Когда они к нам в сорок первом пришли, наглые, сытые, в соседней

деревне за дворами вырыли траншею для туалета, настелили жердей и после обеда садятся задницами к деревне. Всей ротой. И сидят, гогочут... Тьфу! Разве ж это люди были?

— Война для нас, молодых солдат и сержантов, закончилась в феврале сорок пятого. В полку собрали весь двадцать шестой год, у кого образование было не меньше семи классов, и отправили в Казань, в высшее танковое училище.

Ехали мы отдельным эшелоном. А трофеев набрали столько, что за 100 километров вперед народ уже знал: едет очень богатый поезд. На станциях нас уже встречают. Тогда ведь как было: где станция, где скопление народа, там и базар. Мы везли и обувь, и белье, и отрезы материи, и разные безделушки. На пристанционных базарчиках все это добро меняли на продукты. Помню, как выйдем где, так весь базар и скупаем!

Был такой эпизод. В нашем вагоне ребята банку тушенки ровненько срезали, содержимое вытряхнули, съели, в банку насыпали шлаку и так же ровненько закрыли. Так закрыли, что ни шва, ни вмятинки. Солидолом обмазали — полная! Подошел к вагону цыган. А дело было в Польше. Вот ему-то эту банку и запродали. Чуть погодя цыган тот возвращается и говорит: «Ребята, кто же это сделал?» А кто? Кто ж теперь признается? Дело сделано. Мясо съедено. Банка продана. Тогда он: «Да я пришел вас поблагодарить. Ну молодцы! До чего же ловко сделали! В первый раз меня, цыгана, обманули!»

Глава 6

КАВАЛЕРИЯ

Конница в годы Великой Отечественной войны была очень эффективным подвижным родом войск. С начала войны действовали кавалерийские дивизии и корпуса. Конница применялась в качестве мобильного резерва, для прикрытия флан-

гов, а также для развития наступления после прорыва обороны противника, успешно действовала в тылу. В историю войны вошли два героических рейда: 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова и 2-го гвардейского корпуса генерала Доватора. Применялась конница для преследования отступающего противника. Боевые действия кавалеристы вели в спешных порядках, как пехота.

Наиболее успешно кавалерия действовала совместно с танковыми и механизированными соединениями. Обладая возможностью быстрой переброски с одного участка на другой, использовалась для замыкания котлов вокруг окруженных частей противника. Но она была уязвима в случае авианалетов и действия танков противника. Немцы тоже применяли кавалерию. И не зря генерал Гудериан, когда настали тяжелые дни битвы под Москвой и его 2-я танковая армия несла большие потери, требуя у Гитлера резервы, просил, прежде всего, прислать моторы для танков и хотя бы одну кавалерийскую дивизию...

— Иногда посмеиваются: как это конница воевала против танков?

Да, в дни зимних боев под Москвой именно конница имела преимущества в боях с танковыми соединениями противника. Маневренность, возможность быстро перебросить в тот или иной участок боя орудия и живую силу. В бой кавалеристы шли как пехота. С винтовками и автоматами. А не с шашками наголо, как это иногда пытаются изобразить. Сабельные атаки были чрезвычайно редкими. А немцы сильно оторвались от тылов. Танки стояли без горючего. Если танк простоял ночь при тридцатиградусном морозе, утром его не завести.

В Сталиногорске мы впервые увидели виселицы. Вошли в город, смотрим: три виселицы на площади. На веревках мерзлые трупы.

Под Козельском мы схватились с немецким бронепоездом.

Там же, под Козельском, на марше после боя попали под сильную бомбежку. Потрепали они там наш полк основательно. И людей много побило, и коней. Их самолетам никто не препятствовал. наших самолетов в сорок первом году в небе я не видел. И что, помню, делали: сбросят бомбы, отстреляются из пулеметов и снова пикируют. Смотришь, пилот высовывает из кабины руку с пистолетом и стреляет.

Обидно было до слез, что наших самолетов в небе не было.

Прошли мимо Сухиничей.

Однажды построили нас и зачитали приказ: переходим через Варшавское шоссе, в тыл противника.

Входили без тяжелого вооружения, без артиллерии, без тылов. Правда, артиллерию впоследствии быстро собрали. В лесах было много брошенных наших орудий, снарядов. Были даже целые склады, которые мы и разбирали.

Входили мы где-то между Мосальском и Кировом. Шесть суток шли лесами. Когда входили, в лесу погибло много людей. Шел непрерывный бой. Немцы контролировали дорогу. Мы ее перерезали. Но они начали отовсюду подтягивать резервы, артиллерию. Били по нашим колоннам непрерывно. А мы в бой не вступали, старались поскорее пройти, уйти подальше от дороги. Стоял сильный мороз. А на морозе как? Конь погиб, считай, и человек замерз. Шагов триста пройдет, сядет и уже не встает.

Мне достался хороший конь, сибирский. Выносливый, неприхотливый. Ел все подряд. Снег, бывало, разгребу, он и хватает сухую траву, бурьян, листву. А когда этого нет, я ему клинком веток нарублю, он и ест. Он меня и вынес из-под обстрела во время перехода через Варшавку.

Стоял конец января. Самые морозы.

— Когда вошли в прорыв, нас переформировали — по эскадронам.

Однажды приходит командир эскадрона, капитан, и говорит: «Хлопцы, нам приказ — взять языка».

Что ж, приказ получен. Стали собираться. Определили группу захвата, группу прикрытия, группы прикрытия флангов, саперную группу. Взять языка — дело непростое. Это целая операция.

Группой захвата руководил один сибиряк, здоровенный такой сержант. Когда собрались, он первый поднялся, посмотрел на нас и очень уверенно сказал: «Ладно, хватит сидеть, пошли возьмем».

Вскоре саперы сделали в проволочных заграждениях проход. Подали условный сигнал. Мы поползли.

Захватили немца. Поволокли. Немец стал кричать и брыкаться. Сержант его и придушил немного, чтобы легче было тащить. Но видать, перестарался сибирячок, немца мы притащили уже мертвого. Вернулись. Докладываем командиру эскадрона: так, мол, и так, вот он, немец, а у нас потерь нет. А командир эскадрона и говорит: «Вы мне живого дайте! Что вы принесли? На нейтралке подобрали мертвого... Немедленно отправляйтесь назад и приведите живого!»

Опять пошли. Но теперь уже переходили немного правее. Ворвались в немецкую траншею. Добежали до ближайшего блиндажа. Дверь открыли, бросили две гранаты. Только гранаты ухнули, полезли туда сами. Смотрим: немцы все в крови, все убитые. Только один раненый копшился. Его и схватили. Пока тащили, он кровью истек. Помер. Тут уж и сами мы потеряли двоих убитыми, а одного в плащ-палатке приволокли с перебитой ногой.

Командир эскадрона пришел, посмотрел на нас. Кричать не стал. Но сказал: «А немца, хлопцы, притащить все же надо — живого. До утра вам время. Как хотите».

В третий раз пошли перед рассветом. Немцы не ждали. В третий раз за одну ночь!.. Пурга поднялась. Темно! Снег крутит! Вытянутых рук не видать. А нам только этого и надо. Немцы постреляли-постреляли из пулеметов и в блиндажи попрятались. Одних часовых оставили. Вот мы часового и взяли. Выползли прямо на него. Навалились сразу, подмяли, скрутили. Снега ему в рот, чтобы не закричал. Получи-

лось без шума. Ташим. Сержант кричит: «Осторожнее тащите проклятого. Не задушите! Пусть орет, если захочет, только не души!» Притащили. Командир эскадрона рад. Немца осмотрел, даже обнял его. Немец ему понравился. Позвал старшину и тут же приказал в качестве благодарности выдать нам по 100 граммов водки и по куску моржового сала. Никогда я больше не ел моржовое сало. Только на фронте. Желтое такое, вкусное.

— Когда нам принесли наградную водку, вышла вот какая история.

Настроение у всех хорошее. Немец в штабе. Водка — вот она. Ребята сало режут.

А был у нас в разведгруппе красноармеец Галкин. Веселый такой, находчивый. Первого немца он брал. Пулеметчика. Шинель свою ему на голову накинул и завалил. А сержант второго номера прикладом забил. Потом жалел: «Надо было, братцы, обоих тащить». И говорит этот Галкин, а сам глаз от водки не отводит: «Братцы! Давайте на спор! На литр водки! Я зубами перекушу детонатор!» И вытаскивает из кармана запал от гранаты Ф-1. «Не перекусишь!» — «Перекушу!» И поспорили. Как это — запал перекусить?! Не может такого быть! Некоторые даже легли и шинелями укрылись — от осколков. А Галкин, видать, знал, где надо кусать. И что ты думаешь! Перекусил! Хряп — и дело готово! Перекусил в том месте, где идет пороховая мякоть для замедления. Вот где шуму было! Проспорили мы Галкину свой наградной фонд.

Но правда, водку все же разделили. «Галкин! Куда ж тебе столько?» Он посмотрел, согласился, что да, многовато. «Ладно, — говорит, — вот моя кружка, наливайте до краев, а остальное — ваше!» Водку поделили по-братски.

Но на этом дело не кончилось. На другой день нас, всю разведгруппу, поволокли в особый отдел: «Что? Кусаете детонаторы?» Кто-то доложил. Нагоняй был хороший. Но ничего, обошлось. Никого не арестовали.

— Второй раз меня ранило в Польше. Я тогда воевал уже в кавалерии. В бой мы ходили как пехота. Оставляли лошадей коноводам, а сами — вперед. Вооружены были автоматами ППШ. А передвигались на лошадях. Переходы делали большие и довольно быстро. Поэтому кавалерийские части были очень маневренными. Часто именно мы замыкали котлы.

В тот день мы атаковали польский город Радом. Наша цепь шла по окраине города, по огородам. Впереди уже показались какие-то строения, где можно было укрыться. И тут ударил их миномет. Один разрыв, другой, третий... А мы на открытом пространстве. Чувствую, в живот толкнуло.

Упал. Лежу. Потрогал живот — кровь. Думаю: в живот ранило — плохо. Ребята подхватили, поволокли...

Потом, в госпитале, на операционном столе, лежал и наблюдал в отражатель лампы, как хирург перебирал через руку мои кишки. Операцию делали без наркоза. Сунули мне в рот кляп, чтобы зубы не подробил, и начали резать и вычищать.

В Польше немец был уже не тот. Под Сталинградом он дрался не на жизнь, а на смерть.

— Довелось нам, кавалеристам, и в Берлин войти.

В госпитале задержался я недолго. После излечения отправили в свою часть.

Но прежде, чем попасть в полк, пришлось пройти через фильтрационный пункт. Подождать, пока придет из части подтверждение на мое имя. Туда дали запрос, и я ждал подтверждения на него. Отфильтровывали полицаев и дезертиров, которые ушли с немцами. Так что недельку пришлось посидеть за перегородкой...

Полк уже стоял в 50 километрах от Берлина. Готовились к общему штурму. Но нас, кавалерию, послали в обход. Нам другую задачу поставили.

Когда шли вдоль моря, попали под обстрел немецких кораблей. Мы вначале и не поняли, что вышли к морю.

Едем, чувствуем, что холодом веет откуда-то. Холодом и влагой. И думаем себе: черт возьми, наверное, опять реку форсировать!.. А это — Балтика.

Потом повернули на Берлин.

Когда шли на Берлин, мне, как бывалому солдату, преподнесли подарок — новенький ручной пулемет Дегтярева. Тяжелая железяка. Ну, думаю, от Сталинграда прошел, а тут, видимо... По пулеметчикам, как известно, весь огонь.

Но в Берлине повоевать нам не пришлось. В город мы вошли по развалинам. Повсюду валялись трупы. Огонь. Возле Бранденбургских ворот нас остановили и приказали занять оборону.

Вот почему наш корпус получил название 70-го гвардейского Бранденбургского. А я воевал в 3-м эскадроне 57-го гвардейского кавалерийского полка 15-й кавалерийской Мозырской дивизии.

Глава 7

ПОД МОСКВОЙ

Так называемое второе наступление на Москву вермахт начал в конце сентября, устремив группу армий «Центр» из-под Рославля и Ярцева на Вязьму. Одновременно шло наступление из-под Брянска и севернее, под Калинином — на Клин. Началась операция «Тайфун». Никогда еще противостоящие стороны не бросали в бой такое количество войск и вооружения. В октябре немцы замкнули два гигантских котла под Вязьмой и Брянском. В них, по данным историков, оказались 7 из 15 полевых управлений армий, 64 дивизии из 95, действовавших на этом направлении к началу битвы, 11 танковых бригад из 13, 50 арtpолков РК из 62. Многие дивизии и части вырвались из окружения и заняли новые позиции вокруг Москвы. В это время свой подвиг совершили курсанты Подольских артиллерийского и пехотно-пулеметного училищ, остановившие танки 57-го моторизованного корпуса противника под Малоярославцем. Храбро дралась 33-я армия ге-

нерала М.Г. Ефремова, 16-я армия генерала К.К. Рокоссовского, 20-я — генерала А.А. Власова. Немецкая разведка фактически проморгала крупные переброски войск с востока СССР. Сибиряки и московские ополченцы, стрелки и танкисты, минометчики и танкисты, летчики и артиллеристы — все они своим совокупным ударом нанесли первый значительный урон германским войскам. Не зря в ежедневных записях генерал-полковника Гальдера 7 декабря 1941 года появилась такая: «События этого дня опять ужасающи и постыдны».

— Нашему 1-му дальнеразведочному авиационному полку была поставлена задача: вести непрерывное наблюдение за продвижением немецких войск юго-западнее Москвы. Немцы наступали.

Наш полк базировался на аэродроме Дягилево под Рязанью.

В Москву в главный штаб ВВС мы должны были регулярно доставлять свежие данные аэрофотосъемки.

Экипажам приходилось летать на малых высотах. Фотоаппараты были несовершенными. Чтобы сделать качественный снимок, нужно было снижаться до 1000, а иногда и до 600 метров. Полк нес большие потери.

10 ноября 1941 года поступил приказ: сфотографировать участок дороги Малоярославец—Рославль. На задание улетел один экипаж — не вернулся. Другой — тоже не вернулся. Мне комполка: «Ну, Соколов, твоя очередь. Ты-то хоть, военком, вернись».

Скоростной бомбардировщик — машина хорошая. Экипаж мой тоже надежный. Штурман Володя Юдин. Стрелок-радист Зайченко. Вылетели во второй половине дня. Погода пасмурная. Облачность — 500—700 метров. Видимость хорошая, до 10 километров. Мы со штурманом переговорили: мол, погода самая подходящая, если что, нырнем в облака — и ищи нас.

Летим. Все спокойно. Перелетаем линию фронта. Немного западнее Серпухова. И тут нас обстреляли из зени-

ток. Я вниз посмотрел: вся батарея палит по нашему самолету. Но ничего, пролетели благополучно. Вскоре вышли на нужный нам объект. Внизу шоссе и железная дорога. По шоссе движется техника. К Москве. Начинаем фотографирование. Дошли до Рославля. Там снова попали под зенитный огонь. Но и на этот раз Бог миловал. Развернулись и легли на обратный курс.

Все, думаю, задание выполнено. Теперь только бы до дому долететь. Слышу, Володя запел — от удовольствия. Он очень хорошо пел, играл на баяне. Ну прямо артист!

Летим. И вдруг рядом, борт к борту, проскочил немецкий истребитель «Мессершмитт-109». Он пролетел так близко, что от его струи сильно трянуло наш самолет. Штурман и радист одновременно закричали: «Фриц!» Я крикнул им: «Стреляйте!» Пулеметы только у них. У меня, кроме штурвала, ничего. Фрица и след простыл. У него скорость в полтора раза выше нашей.

Я смотрю — облака редеют. Так, думаю, попались... Через три-четыре минуты полета облачность оборвалась, и мы оказались под чистым небом. Главного гаранта нашей безопасности не стало. И в это время сбоку, немного сзади вновь появился немец. Он зашел так, как обычно заходят для атаки. «Стреляйте, черт бы вас побрал!» — закричал я экипажу. Никто, ни стрелок-радист, ни штурман, огня не открыл. Я маневрировал как мог: не дать немцу точно прицелиться, чтобы он не срезал нас первой же очередью. Но и месс огня не открыл. Он стал рядом, крыло в крыло, и начал подавать рукой знак, чтобы мы развернулись и шли за ним. Так вот оно что: сбивать нас ему было неинтересно, взять в плен, привести на свою базу русский самолет...

Надо было скорее тянуть к линии фронта. Я и начал маневрировать и за счет потери высоты набирать скорость.

На мой маневр немец ответил своим. Он отвалил в сторону, сделал поворот через крыло и стал заходить в атаку. «Стреляйте!» — снова закричал я экипажу. Было совершенно ясно, что теперь-то уж немец атаковал по-настоящему. Впереди линия фронта, и упускать нас ему конечно же не

хотелось. А летчик он был хороший, мы в этом убедились. А теперь наступала минута, когда он хотел продемонстрировать нам, какой он стрелок. «Огонь, мать-перемать!..» Тут уж выражений не выбираешь. Два экипажа не вернулись, вот и нам, думаю, та же судьба... А ребята мои молчат, не стреляют. Ни единого выстрела с нашего борта.

И тут за немцем — откуда ни возьмись — увязался наш одиночный истребитель. Немец сразу прервал атаку, сделал необходимый маневр, чтобы уйти от трассы, выпущенной нашим истребителем. Они завертелись в небе, завязали свой бой. И когда мы были уже на довольно большом расстоянии, стрелок закричал: «Сбил! Дымит! Падает!» Я спросил: «Кто кого?» Он ответил: «Понять трудно».

Вот и наш аэродром. Садимся.

На земле сразу начали разбираться, почему не стреляли пулеметы. И что оказалось! Оружейники так густо смазали подвижные части пулеметов, что они едва двигались. Дело чуть не до драки дошло. Комполка тут же приказал привести в порядок пулеметы на всех машинах и сказал, чтобы помалкивали, потому что, если о случившемся станет известно в особом отделе, оружейников ему придется подбирать новых...

Вечером во время ужина к нашему столу подошел молодой лейтенант в летной кожаной куртке. Спросил, не мы ли сегодня были на самолете СБ в районе Серпухов—Медынь—Мятлево? «Мы», — говорю я, а сам думаю: на особняка вроде не похож... Тогда он представился: «Младший лейтенант Женя Григорьев!» Так и сказал: «Женя Григорьев!» Попросил нас всех, весь экипаж, зайти в штаб истребительного полка и подтвердить, что он вел бой с немецким истребителем и сбил его. Мы все трое обняли его, нашего спасителя. Забыли про ужин. Пошли в штаб истребительного полка. Он был тут же, неподалеку. Написали рапорты: да, наблюдали воздушный бой, да, мессер задымил и завалился.

В августе 1942 года я неожиданно получил письмо от своего брата Виктора. Виктор воевал в штурмовой авиации.

Он писал, что недавно, мол, в своем полку встретил старшего лейтенанта Женю Григорьева, что тот рассказал ему о нашей встрече на аэродроме Дягилево. Витя намекнул в том письме, что находится в районе Сталинграда.

Это было первое и последнее письмо от него. Написано оно было наспех. Витя даже забыл впопыхах указать обратный адрес, номер полевой почты.

И вот в 1975 году, когда отмечалось 30-летие Победы, меня пригласили земляки на родину, в школу, где мы до войны учились. Моя родина — Россось Воронежской области. И там, на родине, я встретил полковника Алексея Григорьевича Емельянова, бывшего штурмовика. Он воевал с моим братом Виктором в одной эскадрилье. Он-то мне и рассказал, когда и как погиб брат: 28 ноября 1942 года на сталинградском участке фронта. Цель, по которой они работали, именовалась Питомник. Виктор повторил подвиг капитана Гастелло. О нем писали газеты.

Алексей Григорьевич рассказал, что да, действительно, их полк прикрывали истребители, и среди них был Женя Григорьев. Он всем запомнился постоянной жаждой летать и драться. Запомнился он и тем, что первым в истребительном полку погиб в воздушном бою над Сталинградом.

И я запомнил его. Они оба, брат Виктор и истребитель Женя Григорьев, в моей памяти рядом. Они мне оба братья.

— Зимой, под Наро-Фоминском, неподалеку от Петухов или Петушков, не помню в точности название той деревни, готовились мы к наступлению. Подошли к нам моряки. На усиление. На прорыв. И откуда их прислали? Все в черных бушлатах. Пошли в атаку. И как вылезли на снег, черные на белое поле, так их немец всех и положил. Шрапнелью начал бить. И бил, и бил. Потери и у нас были большие. А моряки если кто и выжил, то только раненые, которых вынесли санитары.

— В период боев под Москвой наша 112-я танковая дивизия некоторое время держала оборону под Серпуховом. Потом нас перебросили на другой участок фронта, под Тулу.

11 декабря 1941 года стрелковый полк нашей дивизии вел ожесточенный бой за деревню Струково. В этот день мы с Гавриленко получили приказ: на двух машинах срочно доставить в Струково боеприпасы. Лейтенанту Москаленко было поручено возглавить и провести доставку.

По основной дороге проехать к Струкову было невозможно: проселок простреливался немецкой артиллерией и минометами. Приказано было ехать другим путем. Но и другая дорога была небезопасной. Мы знали, что на выезде из Тулы нам предстоит перебраться через минно-противотанковую полосу. И это было первым испытанием.

Я ехал впереди. За мною держался Гавриленко. Вначале мы ехали по шоссе, потом свернули на проселок. Вскоре догнали колонну, тоже из двух машин. ЗИС-5 тащил на прицепе походную кухню. За кухней, вплотную, шел ГАЗ-АА.

Мы знали примерный ориентир безопасного прохода через минное поле: от окраины Тулы — в лес, а там — по льду замерзшей речушки. И так, по льду той речушки, и ехать до самого Струкова. Но смотрим, не доезжая ориентира, впереди идущие машины свернули прямо в поле и смело, напрямиком, дунули к лесу. Я обрадовался: должно быть, думаю, новый проход сделан в минном поле и водители его уже знают. Зарулил я в их колеи и потянулся за впереди идущими машинами. Но не проехали мы и 100 метров, как впереди, в колонне, раздался сильный взрыв. Высокий серый клуб дыма и гари, куски мерзлой земли и автомобильной обшивки... ЗИС-5 напоролся на противотанковую мину. Шедший следом ГАЗ-АА тут же свернул влево и ринулся вперед. Но буквально через несколько секунд прогремел второй взрыв.

Я остановил свою машину. Остановился и Гавриленко. Мы выскочили из кабин и побежали к месту взрывов. У машин оторвало задние мосты. У ГАЗ-АА кузов раски-

дало по щепочкам, раму выгнуло так, что кабину развернуло под углом. Кухню оторвало и отбросило в поле. Водители и люди, сидевшие в кабинах, были кто контужен, кто легко ранен.

Мы поняли, что разворачиваться нам нельзя, кругом минное поле и мы находимся в его центре, вернее, на выезде. Лейтенант Москаленко сделал расчет и сказал: «Там есть еще одна мина. И если мы поедem впритирку мимо разбитых машин, она должна остаться как раз между нашими колесами. Давай, Кареев, дуй вперед! Полк ждет боеприпасы!»

Вперед так вперед. Такова судьба фронтового шофера. Сел я за руль своей машины, включил передачу. Мне крикнули: «Держи скорость!» Я напряженно смотрел вперед. То, что я тогда чувствовал, может понять только тот, кто хоть раз ездил по минному полю.

Разбитые машины стояли очень плотно. Проскочить между ними, да еще на скорости, можно было только впритирку. В голове: а вдруг ударюсь бортом в одну из машин и меня занесет? Или, хуже того, зацеплюсь, развернет... Во-первых, могу налететь на ту, третью мину, которую Москаленко определил как последнюю. Во-вторых, а вдруг эта, третья, не последняя? А в-третьих, в кузове от удара могут сдетонировать снаряды и мины для ротных минометов, и тогда уж точно — прощай, мать родная... Успел подумать я и о том, что ту, третью, будь она и вправду последней, по небрежности или специально, саперы могли поставить не по правилам, которыми при расчете руководствовался лейтенант Москаленко, кое-что смысливший в саперном деле. Вот тебе и один шанс против четырех...

Я разогнал машину насколько мог. Педаль газа на всю катушку! Руль держал так, что потом пальцы едва разжал. Опомился, лишь когда машины остались далеко позади. Лес рядом. Мчался к нему и все ждал взрыва. Но Бог милывал. За мною ехал Гавриленко с лейтенантом. В лесочке остановились. Покурили. Посмеялись. Посмотрели на свой след в поле. Перестроились: Гавриленко поехал первым.

Вскоре нашли съезд на лед замерзшей речки. Речушка была узкой, русло порой круто поворачивало то влево, то вправо, то почти в обратную сторону, а потом опять назад. Мы старались держать предельную скорость. Давалось это непросто. На поворотах нас так заносило, что бортами мы цепляли берега. У меня аж дух перехватывало. Никогда прежде я так лихо не ездил. А тут еще с таким грузом. Я смотрел на идущую впереди машину, на то, как о мерзлые берега бились ее борта, и думал с ужасом, что вот-вот рванет. В кузове Гавриленко были мины для ротных минометов и пехотные гранаты. Мины были полностью готовы к стрельбе: со взрывателей были сняты предохранительные колпачки. Иногда приходилось тормозить, но машины волокло прямо в береговые обрывы. Я боялся пробить радиатор. Вскоре лес кончился, и мы выехали в поле.

В поле слышались взрывы, стрельба. Впереди поднимался черный дым. Иногда снаряды залетали к речке и рвались неподалеку. То справа, то слева. И все же до деревни мы добрались благополучно. Остановились под крутым обрывистым берегом. Берег скрывал нас от противника. Снаряды время от времени рвались совсем рядом. Шипели осколки, иногда, на излете, падали прямо под ноги.

Сразу же, не мешкая, начали разгружать боеприпасы. Бойцы нас давно уже ждали и ящики с минами уносили сразу на огневые. Заработала и наша артиллерия. Орудия до нашего приезда молчали без снарядов. Немцы, видимо, заметили, как мы проскочили к деревне по льду речушки, и усилили огонь. Тогда было решено выгрузить мины и снаряды в выемку прямо под берегом.

Пока разгружались, к машинам начали подтаскивать раненых. Некоторые сами ползли к речке. Невдалеке стояли два стога сена. Там был оборудован пункт первой медицинской помощи. Мы и оттуда забрали всех раненых.

Погрузили мы людей, стали думать, как же теперь отсюда выбраться? Немцы ведут усиленный огонь, ждут, когда наши машины снова появятся на открытом пространстве поля. В поле берега речки не такие глубокие. Москаленко

говорит: «По льду не проскочим, очень крутые повороты, они гасят скорость». Поднялись на берег, стали прикидывать, где бы проехать более скрытно. И тут вокруг нас стали рваться мины. Мы залегли, поползли к речке, скатились вниз, огляделись. Вверху все еще рвались мины. Делать нечего, решили ехать по льду. Оставалось одно: набрать побольше скорость и как можно быстрее проскочить эти два-три километра, которые немцы простреливали особенно сильно.

Выскочили на открытое место. И тут же вокруг моей машины стали рваться мины. Из всех сил я давил на педаль газа. Мины порой ложились совсем рядом. Скорость держал под восемьдесят, но казалось, что машина движется очень медленно и что мы прекрасная добыча для немецких минометчиков, которую они уже не упустят. Мчавшаяся впереди машина Гавриленко засыпала мое лобовое стекло снежной пылью. Иногда я все же не успевал выворачивать, передние колеса натывались на берег, и машину подбрасывало так, что я не только головой, но и спиной бился о потолок кабины. Мы мчались и мчались, и конца этой гонке, казалось, не было. И вдруг заметил: разрывы мин постепенно стали отставать, а вскоре и вовсе остались позади.

Я разогнал свою машину так, что вскоре обогнал Гавриленко. Въехал в лесок, затормозил. Стал поджидать его. Мне было хорошо видно, как Гавриленко мчится по ледяной извилистой дороге и его преследуют разрывы мин. Теперь весь огонь они сосредоточили на нем.

Но и напарника моего они не достали. Гавриленко подъехал ко мне, затормозил. Лобовое стекло его машины было пробито осколком. Осколок прошел между Гавриленко и лейтенантом и застрял в спинке сиденья. Часть правого борта была расщеплена, а задний тащился на одной петле. Тент тоже наполовину сорвало, он держался на передних стойках и тащился сзади по льду. Раненые, лежавшие в кузове, почти все были переранены вторично. Мы начали перевязывать их, чтобы не истекли кровью. Мои раненые

были все целы. Машина тоже почти не пострадала. Был только пробит в одном месте капот и осколком оторвало переходную коробку проводов катушки зажигания. К счастью, провода оказались неповрежденными. Заглохни я в поле, страшно подумать, что было бы со мной и ранеными.

Раненых мы привезли в Тулу и сдали по назначению.

Мне еще раз пришлось возить снаряды в Струково, а обратно — раненых. Но уже в дороге нас так прицельно не обстреливали. В тот же день я узнал, что тяжело ранен бывший мой командир 8-й роты лейтенант Сосункевич. Уже будучи раненым, он несколько часов руководил боем и не покинул своего окопа, пока окончательно не стало ясно, что немцы отступили от Струкова.

После освобождения Косой Горы разведка донесла, что немцы готовятся поджечь Ясную Поляну — усадьбу Льва Николаевича Толстого.

Чтобы не вести боя в Ясной Поляне и сохранить ее для потомков, командование нашей 50-й армии решило обойти ее с флангов танковыми частями. Справа наступал отряд в составе 32-й танковой бригады и 124-го танкового полка. Слева действовала 112-я танковая дивизия, поддержанная, кроме того, двумя артиллерийскими батареями 447-го корпуса, двумя батареями 732-го зенитно-артиллерийского полка, 37-м батальоном гвардейских минометов и бронепоездом № 16. Обо всем этом я вычитал потом в мемуарах моих генералов.

Сопровождать, то есть везти снаряды для полковой батареи и минометчиков нашего стрелкового полка направлены были на одной машине ГАЗ-АА я, а на другой — рядовой Шабалаев, призванный из Улан-Удэ. Согласно инструкции, мы вместе с полком должны были скрытно пройти по лесным дорогам в расположение немцев. Полк должен был поддерживать атаку танков 112-й танковой дивизии.

В тот день, помню, до полудня шел небольшой снег. В полдень снегопад усилился, подул ветер, началась метель. Пробирались мы разными лесными дорогами. Потом выбрались на один большак. Ехали мимо сожженных де-

ревень. Отступая, немцы сожгли все, что только можно сжечь. От деревень и сел остались одни печи да колодцы-журавли.

Вскоре выехали на большак. Дорога была занесена. Машины стали буксовать. И тут начался обстрел. Снаряды рвались совсем рядом. Но это продолжалось недолго. Через минуту-другую все стихло. Мы часто снимали с себя шинели и бросали их под колеса. Затем, когда машины выскакивали из снежных заносов, отряхивали свои шинели и надевали их. Постепенно шинели одеревенели, заледенели.

Стрелковые части ушли от нас далеко вперед, и, когда я в очередной раз вызволил машину из кювета и вырулил на дорогу, увидел, что идущая впереди машина Шабалаева исчезла. Я взял винтовку и пошел вперед проверить дорогу. Оказывается, головная машина застряла в кювете в 400—500 метрах впереди. Пока мы ее вытаскивали, совсем рассвело.

Вскоре мы узнали, что немцы в Ясной Поляне все же не приняли боя, отступили. Мы стали догонять свой 112-й стрелковый полк, который был уже в районе Воскресенска.

Я был фронтовым шофером. В боях под Серпуховом, под Каширой, под Тулой и Калугой врукопашную не ходил, из винтовки даже не стрелял. Не привелось. Но мне приходилось выполнять непростые задания. И я выполнял приказы своих командиров в опасных условиях. Я рад, что свой долг выполнил честно. В окончательной победе над немецким фашизмом есть доля и моей войны.

— Это село мне запомнилось особо. Слизнево. Под Наро-Фоминском. Здесь погиб мой друг Вася Ковалев. Пулеметчик, командир пулеметного расчета.

А было как...

Мы не раз уже атаковали Слизнево. 33-я армия, как и все армии Западного фронта, начала наступление. Декабрь. И вот к нам в помощь подвели курсантов офицерского училища из Моршанска. Все рослые красавцы. С винтовками.

Штыки примкнуты, блестят на солнце. Подошли и говорят: «Мы их сейчас из этой деревни штыками выгоним». И как пошли...

Надо было преодолеть лошину. Там, за лошиной, уже начинались огороды. За огородами дворы. И вот в этой лошине столько полегло курсантов, что весь снег казался красным. Мы, остатки 1138-го стрелкового полка 338-й дивизии, поднялись вместе с курсантами. Мы успели перебежать лошину. Все же опыт кое-какой уже был. Мы уже не раз бегали через эту проклятую лошину туда-сюда под немецкими пулями. Залегли на той стороне под обрывом. Тут уже он нас пулеметами не достает. Но носа высунуть нельзя — сплошная стена огня. Вот это они умели создавать.

В это время расчетам станковых пулеметов было приказано выдвинуться вперед, на фланги, и, когда полк и курсанты поднимутся, поддерживать нас своим огнем.

Командиры подали команду. Мы поднялись. «Максимы» поддержки заработали. Хорошо били, длинными очередями. Но пробежали мы вперед недалеко. Разом, как по команде, шарахнули по нашей цепи и их пулеметы. Тут сразу — кто ранен, кто убит, а кто, счастливый, залег. Залег и я. Стали отползать назад. Раненых потащили. За убитыми прячемся. Примерно прикинешь, откуда пули летят в твою сторону, отползешь, чтобы убитый тебя от этой трассы прикрывал, и — ходу на пузе. Немцы начали кидать мины. Тут и вовсе лихо стало. Доползли до лошины — и бегом к своей траншее.

Прибежал и я. Лежим смотрим. Впереди вся лошина трупами курсантов завалена. Их особенно много побило. Наших меньше. Мы-то отошли, а Вася Ковалев продолжает стрелять из своего «максима»! Комбат следит за его действиями в бинокль. Смотрел-смотрел, а потом и говорит: «Все. Конец. Убит». И правда, «максим» замолчал. Только пар от кожуха поднимается за лошиной. День стоял морозный.

Немного погода комбат мне и говорит: «Ковалев твой друг?» — «Да», — говорю. «Тогда вот что: ползи к нему и,

если он живой, тащи его сюда. А ребята тогда за пулеметом поползут. Если он мертвый — вытаскивай пулемет. Пулемет — в любом случае». Я комбату и говорю: «Я один ни его, ни пулемет не вытащу. Прикажете еще двоим со мной идти».

Приползли мы к Васе. А он стоит на коленях перед «максимом» и за гашетки держится. Как живой. И глаза открыты. На щеках замерзшие дорожки слез. Пуля ему попала прямо в лоб. Пулемет был установлен повыше, над обрывом оврага, а Вася стоял на коленях ниже, на стежке, которую, видать, там пробили летом коровы. И он со своим «максимом» был как памятник. Он уже застыл. Пальцы так крепко держали гашетки пулемета, что мы еле разжали их. Вытащили. И пулемет, и Васю.

Вася прикрывал нас до конца. Вот это друг был. Боевой товарищ. Мы-то побежали, а он продолжал стрелять, чтобы мы ушли, добежали до своей траншеи. Век не забуду его.

Глава 8

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАЛУГИ

Город Калуга и значительная часть Калужской земли были освобождены в ходе битвы за Москву. 17 декабря 1941 года войска 49-й, 50-й армий и 1-го гвардейского корпуса начали Калужскую наступательную операцию. 30 декабря Калуга была полностью очищена от противника. Сержант 290-й стрелковой дивизии С.П. Андреев поднял над железнодорожным зданием красное знамя. Именно железнодорожный вокзал удерживался немцами особенно упорно. Оборону здесь держало подразделение СС. Дело в том, что на путях в тупиках стояли подготовленные к отправке вагоны с ценными грузами. Отступающие так и не успели их вывезти. В боях за Калугу было уничтожено более 5000 фашистов. Захвачено 38 паровозов, 300 вагонов, 282 грузовые машины, 25 танков, 70 мотоциклов, 39 орудий. Особенно отличились 154-я и 258-я стрелковые дивизии, 112-я танковая дивизия, 885-й стрелко-

вый полк 290-й стрелковой дивизии. После освобождения Калуги 50-я армия вошла в глубокий прорыв, нарушая противнику тыловые коммуникации и сковывая действия его частей, оперировавших по оси Варшавского и Киевского шоссе. Противник был отброшен к Юхнову, на 200 километров от Москвы.

— Как мы шли на Калугу.

2-я танковая армия Гудериана дрогнула и стала медленно отступать к Оке. В обороне противника образовалась брешь. Вот в нее-то и устремил свою ударную подвижную группу генерал-майор Попов.

Наша вторая рота второго батальона 124-го танкового полка 112-й танковой дивизии вышла из Тулы по следующему маршруту: Косая Гора — Дубна — Ханино — Зябки — Большие и Малые Козлы.

Шли с боями. Но бои до самой Калуги были небольшие. Уничтожали немногочисленные немецкие гарнизоны в деревнях. Похоже, о нашем прорыве они пока не знали.

Помню бой в Больших Козлах.

Ночь крошечная. Сильная метель навстречу. Видимость плохая. Наш танк шел первым в колонне. Выехали к деревне, остановились у крайнего дома. Мы с лейтенантом Власовым вышли из танка. Подбежали пехотинцы. Постучались в окно. Хозяин сказал, что в деревне немцы и что ночуют они в школе.

Школа в середине села, немного правее по ходу движения.

Власов тут же распорядился, кому как действовать, и скомандовал: «В атаку!»

В глубине села взлетали ракеты. Часовой освещал ночь. Но где там что увидишь в такую прорву? Да и гула наших моторов он наверняка не слышал. Ветер-то рвал в нашу сторону.

Перед самой школой пехота соскочила с брони. Мы ударили из орудий и пулеметов. Пехотинцы добивали последних, кто выскакивал наружу. Вскоре все было кончено.

На рассвете 21 декабря мы увидели впереди отблески пожаров — горела Калуга.

Тут мы столкнулись с немецкими артиллеристами. Видимо, они уже нас встречали. Но на наше счастье, или они малость замешкались, или мы оказались проворнее.

Механиком-водителем у нас в экипаже был сержант Подъяблонский. Поляк. Впереди дорога. И там, на дороге, Подъяблонский увидел, как немцы торопливо отцепляли от грузовиков и уже разворачивали 37-миллиметровые противотанковые пушки. Но мы первыми открыли огонь. Стреляли осколочными. Я видел, как первый наш снаряд разорвался с недолетом, перед самыми пушками. Второй — между двумя машинами. Третьим снарядом разбило и опрокинуло одно орудие. Следующий угодил прямо в кабину одной из машин. Этим снарядом были убиты офицер и водитель. Мы их потом видели. А артиллеристов почти всех перебили из пулеметов.

Мы проехали мимо разбитой противотанковой батареи, повернули влево и вскоре выскочили на Перемышльское шоссе. Проскочили мимо трех горящих немецких машин. Их подбили другие экипажи. Машины были загружены чемоданами и ящиками. Видимо, калужские трофеи немцев.

На шоссе мы перестроились: колонну возглавил тяжёлый КВ. За ним шли два «Валентайна». И наши легкие Т-26.

Перед переправой на нашу колонну налетели немецкие самолеты. Однако бомбили они нас как-то торопливо, как следует не заходя в атаку, а так, кидали бомбы как попало. Были ранены только двое танкистов, которые во время бомбежки выскочили из машин. Прямых попаданий не было. Самолеты улетели. Мы открыли люки, осмотрелись. Вся колонна была забросана снегом, землей, срезанными осколками деревьями и сучьями.

Впереди была понтонная немецкая переправа. Понтоны намертво вмерзли в толстый лед и держали хорошо. КВ пошел вперед. Только он отошел от нашего берега, спра-

ва, со стороны Ромоданова, ударили немецкие противотанковые пушки. Сразу загорелись два «Валентайна».

Мы развернулись и начали стрелять в сторону немецких артиллерийских позиций.

«Валентайны» горели. Они перекрыли нам дорогу вперед. И это, быть может, нас спасло. Потому что на переправе, когда бы мы выстроились в цепочку, как в тире, они нас всех бы пожгли, одного за другим. А КВ тем временем прорвался в город и крушил все на своем пути. Вскоре, к нашему изумлению, он снова показался на противоположном берегу. Орудие его уже молчало. Как потом выяснилось, кончились снаряды. Он выполз на понтоны и пошел в нашу сторону. Мы поддержали его своими башенными орудиями.

360 попаданий немецких снарядов насчитали мы на его броне, но ни один не проломил толстых стенок тяжелого танка.

Первым в Калугу ворвался батальон капитана Трефилова. Атакуя город, мы знали, что где-то там, окруженные со всех сторон, дерутся наши пехотинцы и кавалеристы. Мы спешили им на подмогу.

— Кто воевал в сорок первом и сорок втором, тот знает, что потом была другая война. В сорок третьем, сорок четвертом, сорок пятом — другая. А вначале...

В Калугу мы ворвались без артподготовки. По льду со стороны Ромоданова. Прямо с марша — в бой.

Во дворе тюрьмы захватили немецкую кухню с готовым завтраком. Ребята все голодные. Сразу налетели, расхватали по котелкам, кто сколько смог. Подфартило нам хорошо: лапша с мясом — горячая, наваристая. Хорошо немцев под Москвой кормили. Это теперь они жалуются, что плохо им тут было, голодно да зябко... Пока мы приканчивали трофей, немцы опомнились. Видно, выслали разведку, та все вынюхала: нас прорвалось на этот берег мало, вооружены мы только легким стрелковым оружием, ни пушек, ни

минометов. Тут же пошли в контратаку. И вскоре оттеснили нас к Оке.

Мы там, в предместьях города, оказались из разных частей. Пехота и кавалеристы. Объединились в одну группировку. Командовал нами майор Балбачан.

Вскоре немцы усилились и от Оки нас отрезали. Теперь мы дрались в окружении. Из города сперва уходить мы не хотели, а теперь уже и не могли. Нас постепенно истребляли.

Наше подразделение держало здание машзавода. Возле каждого оконного проема сидел стрелок и вел огонь. Но потери наши были так многочисленны, что чуть погодя все оконные проемы закрыть мы уже не могли. И немцы обнаглели. В атаку они ходили под прикрытием танка. Танк ползет, стреляет из орудия, а они прячутся за ним. Мы их достать не можем. Танк поджечь тоже нечем — ни одной гранаты не осталось. Но и к танку мы вскоре привыкли. В цех-то он не заедет! Постреляет-постреляет, боезапас израсходуется и назад пятится, уходит. И автоматчиков уводит. Только раз из-за него выбежал офицер и, видимо показывая пример своим солдатам, кинулся к дверному проему. Но что он с пистолетом против штыка? Там в проеме его и закололи. И немцы опять отступили.

Рядом, помню, была какая-то лесопильня. Там оборонялись кавалеристы. За ними, чуть дальше, пехотинцы из полка Краснопивцева. Так и дрались. На нас нажмут, кавалеристы и ребята Краснопивцева к нам на подмогу спешат. Примутся за них — мы им помогаем.

— Вскоре мы пробились к Оке. Но уходить не стали. Наладили худо-бедно связь с правым берегом. Ночами ходили туда за боеприпасами и продуктами. Я был молодой, и меня посылали на тот берег почти каждую ночь. За девять суток боев на плацдарме на правый берег я сходил семь раз.

Ночи стояли морозные. Небо ясное. Полная луна. Звезды яркие. Лед на реке как стеклышко. Промерзшие вален-

ки скользят. А нужно бежать и бежать без остановки! Особенно тяжело было бежать с грузом на плечах. Трассирующие пули визжат, осыпают ледяным крошевом. Лыдинки светятся вместе с пулями. Бежишь, а над тобой вдруг вспыхивает огромный разноцветный веер. Забавно, наверное, было смотреть на эту картину немецким пулеметчикам.

Не дай бог упасть. Тут же и подберут прицельной очередью. Бежишь, летишь, как на крыльях, и груза на плечах не чувствуешь. Трассирующие пули вокруг, и ты уже не понимаешь, живой ты еще или уже летишь куда-то и пули тебе нипочем...

Прибежишь, мешок с сухарями ребятам отдашь и тут же — в окоп, в бой.

Бой на нашем плацдарме шел почти непрерывный. И днем и ночью.

Особенно страшными были ночные атаки немцев.

— Есть в Калуге на улице Свердлова двухэтажный кирпичный дом. На нем теперь установлена мемориальная доска. Номер дома, кажется, 44-й. Так вот в этом доме были расположены позиции наших пулеметов. Дом стоял удобно, все вокруг мы с этих позиций простреливали. Так вот тот дом и завод немцы обстреливали особенно яростно. Когда поняли, что уходить из города мы не хотим, обрушили на нас огонь и артиллерии, и танков, и минометов. Они снесли весь второй этаж. На первом остались одни стены. Довелось и мне вести огонь из пулемета из этого дома. Патроны надо было экономить. Как только они поднимутся, кинутся на лесопильню, на кавалеристов или на наш завод, я брал их на прицел.

— Однажды вечером комбат Маслов отдал приказ командиру нашего танкового взвода Власову: силами взвода, тремя танками Т-26, произвести разведку боем в сторо-

ну Ромоданова. Необходимо было выявить огневые точки противника.

Ромоданово — это правобережные кварталы Калуги.

Стали думать, как поступить лучше. Если мы пойдем на немцев по полю, а потом начнем разворачиваться, то в этот момент, когда мы подставим им боковую броню, они нас и расстреляют, как мишени на стрельбище. Я предложил командиру взвода Власову перехитрить немцев: развернуть башни на 180 градусов и задним ходом подойти к их позициям, а потом на полном ходу рванем домой.

Так и сделали. Подошли к передовой линии. Открыли огонь из орудий, имитируя танковую атаку, чтобы спровоцировать немцев на ответный огонь. Немцы сначала молчали. Но, когда мы стали подходить ближе и ближе, они в какой-то момент открыли такой шквальный огонь, что все поле вокруг наших танков заплесало и загорелось. Трассы крупнокалиберных пулеметов проносились в пространство, долбили по броне, срывали с танка все, что плохо держалось.

И вот по команде взводного все три танка остановились и тут же по торной дороге рванулись назад, то есть вперед, к своим. На большой скорости мы вернулись на исходные позиции. А немцы все ждали момента, когда мы начнем разворачиваться. Ни одна противотанковая пушка не выстрелила.

Мы вернулись без потерь.

Артиллерийские корректировщики нанесли все выявленные огневые точки. Дело было сделано.

— Перед самым Новым годом немцы оставили Калугу.

На станции мы захватили много вагонов с рождественскими подарками. Были там велосипеды, оставленные, видимо, с осеннего наступления. Я выбрал себе один и катался на нем по разбитой Калуге. Мне наш ротный, дядька Петро, и говорит: «Что ты как маленький! Город взяли, а ты...» А я в роте и вправду был самый молодой — толь-

ко-только семнадцать исполнилось. Ребята смотрят на меня, как я катаюсь на велосипеде, смеются. Гляжу. По улице навстречу идет девочка лет десяти. Я ей и подарил свой трофей. Ох и рада ж она была!

Глава 9 БОИ В КАРЕЛИИ

Бои в Карелии носили особенно ожесточенный характер. В отличие от центрального и южного направлений здесь войска не передвигались на большие расстояния. Каждый километр брался или оставлялся в результате упорных боев. В августе 1941 года из частей Северного фронта с целью обеспечить северный стратегический фланг был создан Карельский фронт. В него вошли 14-я и 7-я армии. Позднее здесь были сформированы 19, 26 и 32-я армии. Со второй половины сентября 1941 года по июнь 1944 года фронт находился в глубокой обороне. Затем перешел к наступательным действиям. 15 ноября 1944 года Финляндия вышла из войны. Фронт был расформирован. Но война продолжалась. Здесь были сконцентрированы крупные немецкие соединения, которые прочно держались за хорошо оборудованные позиции.

— До войны я был каменщиком. И в Кондрове дома строил, и в Москве. Везде.

В 1940 году формировался Московский добровольческий комсомольский батальон. Шла война с финнами. Я тоже написал заявление. Захотелось мне на войну. Повоевать. Молодой был, здоровый. Дури в голове... Но меня не взяли.

Но вскоре, это было уже 14 июля, получил повестку.

Служил в Ленинградском военном округе. Попал в полковую школу минометчиков. Друзья надо мной начали посмеиваться: «Попал ты. Теперь три года служить будешь». А правда, минометчики служили по три года вместо двух.

И я долго в ту школу из своей стрелковой роты не шел. Пока с довольствия не сняли.

Делать нечего, надо идти туда, где харчи дают. Три-то года, конечно, не два. Но, как потом оказалось, не два и не три года нам довелось служить...

Наша 122-я стрелковая дивизия стояла в Карелии. Бои начались в июле. За месяц мы успели зарыться в землю основательно и подготовиться как следует. Это большое дело. Солдат в окопе — это значит в крепости. Атаки немцев не застали нас в казармах или на марше. Дивизия была уже развернута. Оружия и боеприпасов хватало. А как я уже сказал, когда солдат в окопе, когда винтовка его исправна и почищена, когда довольно патронов, есть гранаты, когда поддерживают его минометчики и артиллеристы, сам черт ему не брат.

1 июля во второй половине дня немцы пошли в атаку. И сразу же получили ответный удар. Не на тех напали. Трое суток долбили нашу оборону. Хрен там! Не прошли в лоб. Не взяли. Стали искать обходы — как бы нас в котел загрести.

Против нас действовала немецкая армейская группа «Норвегия» и финские войска.

На второй день боев один батальон нашего полка ушел встретить прорвавшихся с фланга немцев. А мы, оставшиеся, еще сильнее закопались в землю. Поправили разрушенные землянки и проходы.

Семь суток полк держался на своих первоначальных позициях. Держались, пока нас снова не обошли с флангов.

Мы отошли за реку Куциоки. Закрепились. Утром, смотрим, идет человек из-за реки. Старшина. А ночей натуральных, темных, как у нас, в Карелии не бывает. Солнце коснется леса и опять поднимается. Ось земная так устроена. Видно всегда. Я сижу в ровике, протираю и смазываю свой миномет. Ребята, расчет, спят. Кто где с вечера ткнулся, тот там и лежит. Ага. И тут — старшина. В фуражке. За ремнем две гранаты, на ремне — штык от СВТ. Мы за эти дни оборвались, грязные. А этот чистенький и в фуражке.

А у нас — пилотки. В фуражках наши старшины не ходили. И говорит: «Ребята! Вот вы стреляете, не даете нам перебраться. По своим-то не бейте! Мы идем сменять вас. Дайте перебраться». Я сперва обрадовался. Подумал: ага, мы, значит, у командования не последние, кто-то еще в резерве есть, на смену к нам пришел...

Комбат-то наш ушел в рейд. Но начальник штаба остался. Тут у нас еще пушка 45-миллиметровая оставалась исправная, другую-то разбило, наши минометы, пулеметы в дзотах. Так что мы держались.

И все же командирская фуражка старшины нас смутила. Проводили мы его в штаб. Смотрим, а оттуда, из штабной землянки, нашего старшину уже без фуражки выводят и под винтовкой.

Что же оказалось... Старшина этот никакой не старшина, а финн. Хорошо знал русский язык. Рассчитывал на нашу доверчивость. Прибегает начштаба с биноклем. Спрашивает: «Откуда он вышел?» Я указал. Начштаба стал наблюдать за местностью. И чуть погодя тихо говорит: «В ружье, ребята!»

Приготовили мы минометы. Артиллеристы зарядили сорокапятку. Дали пристрелочный залп. А оттуда, из-за деревьев, как повалили немцы! Тут мы их опять отбили. Минометные трубы горячие — не дотронуться.

Вот такая история.

— Лучший мой друг самострел сделал! Мишка Шмаков. Вот гад. Мы, значит, воюй, а я — самый умный...

Командир роты подходит: «Прокофьев, друга твоего ранило». — «Как ранило?»

А он всегда в бою позади меня. Тоже наводчик.

«Ранило», — говорит ротный. «А где он?»

Пошел я к нему. А сердце уже не на месте. Мы ж во время боя рядом были. Никакого обстрела наших позиций не было. И стрельбу закончили все живые и невредимые.

Что же он, подлец, сделал? Оттянул себе вот здесь, где помягче, ляжку и из своего ТТ стрельнул.

Сидит трясется. «Где твой пистолет?» — спрашиваю. Подает мне пистолет. Сам бледный. Командирам расчетов выдавали как личное оружие пистолеты ТТ. Восемь патронов в магазине, девятый в стволе. Смотрю, одного патрона нет. Пошел я на позицию. Нашел стреляную гильзу. Свеженькая, еще порохом пахнет. Подаю ему его гильзу и говорю: «Ну, друг?» А он глаза прячет. Его уже колотить стало.

Ладно, думаю, друг, лечись. Штрафная и без тебя отвоюет. Какой ты теперь мне друг, если бросаешь на передовой?

У нас за всю войну было всего четыре самострела. Командир роты руку прострелил, ротный писарь и санинструктор. Санинструктора я запомнил, чернявый такой, по фамилии Штучкин. Штучкину я сказал прямо. Он был уже не первый. А он мне: «Знаешь, так молчи. А то и тебя шлепну. Если доложишь, мне уже все равно». Говнистый был малый. Москвич.

— Месяц я пробыл в госпитале. Потом попал в батальон выздоравливающих. А уже скоро зима. Так, думаю, надо отсюда выбираться — к своим. К зиме готовиться.

Вскоре нас, человек двадцать, посадили в вагон и повезли на фронт. Алакуртти наши к тому времени уже сдали. Нас повезли под Алакуртти. Лысая Гора. Место знаменитое.

Приехали. Стали зачитывать направления, кому куда. Слышу: «Прокофьев! В 273-й!» А 273-й полк — из 140-й дивизии. «Я же 596-го полка 122-й дивизии! — говорю. — Не пойду в чужой полк!» Сержант, который зачитывал направление, мне и говорит: «А я тебе документы не отдам». — «Да на хрена мне твои документы! Мне мой полк нужен! Я в свою роту пойду!»

А я уже повидался с нашими ребятами. Были там бойцы из нашего полка. Договорились — возвращаемся к своим.

Прихожу к командиру роты: так, мол, и так, прибыл самовольно и без продовольственного аттестата... Ротный рад. Смотрит на меня весело. «Да что ж мы тебя, Прокофьев, на довольствие, что ли, не поставим? Молодец, что вернулся в свою часть!»

И я рад. И ротный рад. наших ребят, с кем начинали войну летом, осталось совсем мало. Большая часть личного состава была уже из пополнений.

— Командиром минометной роты меня назначали несколько раз. Несколько раз назначали и несколько раз снимали. Я ведь был сын «врага народа». Мой отец, коммунист с 1917 года, в 1920-м вышел из партии добровольно. Его потом посадили. Особняк наш об этом все знал.

Бывало, что и по году командовал ротой, офицерское звание уже имел, а все же числился исполняющим обязанности. Глядишь, нового командира прислали, а меня опять в сторону.

Ладно.

Так однажды на марше, мы уже наступали на Никель, и наступление наше развивалось успешно, приходит старшина и докладывает: «Товарищ лейтенант, прибыл новый командир роты». — «Ну что ж, прибыл так прибыл. Пусть принимает хозяйство. Имущество числится у тебя, ты и передашь».

А прибыл капитан. Как же его фамилия? Вспомнил! Страхов! Страхов его фамилия! Сволочь такая! Гад! Пришел он в роту. А меня оставили при нем старшим офицером. И что он, этот капитан Страхов, делает! Меняем мы 14-ю дивизию. Ночью меняем. Он мне: «Прокофьев, иди на НП. Возьми с собой разведчиков и иди. А я что-то приболел». Я и пошел. Подчиняюсь. Хотя впереди, на НП командира стрелковой роты, которую мы поддерживаем огнем, должен находиться командир минометчиков. Чтобы во время боя корректировать огонь. Прихожу. Их там от роты всего человек пятьдесят осталось. Ротный мне: «Ут-

ром не высовывайся. Снайпер так и стережет. Вон сколько наших навалял».

Командир пехотной роты сидел в небольшом котловане. Когда строили дорогу, там, видимо, брали песок. До войны. Вот там и был оборудован НП.

Минометы мои позади. Семь расчетов. В то время нам дали 120-миллиметровые минометы.

Утром к нам приходит командир полка. С ним начальник артиллерии капитан Рыжаков и еще какие-то офицеры. Комполка издали кричит: «Что, глаза и уши? Проспали? Немец-то ушел! А вы ему даже пятки не подмазали!»

Я себе думаю: проспять-то мы проспали, но далеко он не уйдет. Так и получилось. Погнались мы за отходящим противником, и вскоре передовой батальон завязал бой. А нам, минометчикам, надо пехоту поддерживать! Капитан Страхов пошел с разведчиками вперед. И тут убило командира отделения разведки Просвирнякова. Хороший был человек и разведчик. Его убило, а капитан Страхов перепугался, губы растрепал... И он тогда мне ставит такую задачу: «Прокофьев, бери, мол, свой взвод и живо выдвигайся вперед, надо поддерживать пехоту».

А дорога идет так: в сторону противника пологий спуск, и один участок весь простреливается противником. Чуть только кто появляется, сразу залп артиллерийского огня с той стороны. Пройти невозможно. Я шел вместе с командиром батальона пехоты капитаном Присяжнюком. Комбат просит: поддержи моих, проберись как-нибудь через это чертово открытое пространство! А как тут проберешься? Других-то дорог, кроме этой, нет. А если куда-то в обход, то это сутки можно проездить. А пехоту за это время всю на той стороне перебьют.

У меня во взводе три упряжки. На двух — минометы, третья — с боеприпасами. Я тогда своим ездовым и расчетам ставлю задачу: «Дистанция сто метров! Аллур, три креста! Вперед, ребята!»

Ни один снаряд не попал в наши повозки. Проскочили опасный участок. Взрывы остались позади. Ниже немцы

уже нас не видели. Продвинулись вперед еще километра на три, приняли немного вправо, установили минометы. Навели связь. Определили точку стояния. Это ж все нужно сделать грамотно, а то и по своим можно лупануть. Приготовились к бою. И вечером вдруг подъезжает дивизион «катюш», восемь машин, и становится мне «на голову». Я говорю командиру дивизиона: «Что ты делаешь? Прими немного куда-нибудь от нашей позиции». А он: «А что тебе? Мы гвардейцы. Надо тебе, ты и принимай в сторону. А эта позиция наша». Вот тебе и весь хрен! Смотрит свысока! Старший лейтенант!

Ладно, думаю. Мы хоть и не гвардейцы, а тоже из двух минометов за три минуты тонну боеприпасов на голову немцам перекидываем. За три минуты! Тонну! Представляешь?!

Стали они. Расположились. Позиция-то хорошая. Переночевали. На утро назначена артподготовка. На восемь часов. А немец-то не дурак! В половине восьмого, когда мы уже изготвились, как он дал по «катюшам»! Видимо, засек еще с вечера. Они ж сюда лезли, как слоны... У меня были отрыты окопы. Для каждого расчета. А гвардейцы-то окопов не копают, руки не пачкают. Я в ровике с ребятами своими сижу. Смотрю, гвардейцы как повалились на нас сверху! Я кричу: «Да вы, братцы, нас тут живьем задавите! Откуда столько народу?» А рядом со мной минометчик лежит, командир первого расчета, и говорит он мне: «А это, товарищ лейтенант, наши гвардейцы. Они без окопов воюют. Когда прижмет, в чужих норовят схорониться».

Они-то сами схоронились. А две их машины разбило. Мины сползли вниз. А остальные, смотрим, не отстрелявшись, начали уезжать. И раненых своих побросали. И мешки, и другое кое-какое имущество. Раненых мы перевязали, отправили в тыл. Ровно в восемь провели артподготовку. Пехота наша осмелела, смотрим, пошла вперед.

Мои ребята после этого подобрали брошенные мешки, вытряхнули из них все, что там было. Нашли несколько

пузырьков одеколону. Выпили, закусили. Спасибо гвардейцам за огневую поддержку!

Пехота пошла, а мы ее поддерживали огнем. Связь-то налажена. Куда надо, туда и кидали мины. Стрелять в тот день на нашем участке пришлось нам одним. Что ж, мы и отстрелялись. Нам только мины подвози. За три минуты — тонну! Да обед не забывай вовремя доставлять. А остальное — наше дело.

За эти бои, за точную стрельбу начальник артиллерии полка приказал командиру написать на меня представление к награде орденом Отечественной войны. А капитан Страхов, тот самый сукин сын, который перед боем обоссался и вперед вместо себя меня послал, — что ты думаешь, а? — вместе с представлением пишет, что я его будто бы обложил матом. Ну, может, где-то и сказал ему что... Что он заслуживал. А что ж он хотел? В тылу отсидеться и чтобы ему никто ничего не сказал? Представление мое на орден где-то по пути в штаб дивизии застряло, а донесение пошло. Начальник артиллерии дивизии читает его и делает такую резолюцию: лейтенанта, мол, Прокофьева судить судом офицерской чести. Сук-кины они дети! Вот какой орден они мне решили вручить!

А я в полку уже два года с лишним. Почти всегда в бою. Воевал хорошо. Мои расчеты всегда стреляли неплохо. Ребята, офицеры полка, и говорят: знаем мы, мол, лейтенанта Прокофьева, не за что его судить. Судить меня не стали. А то бы пошел я прямым в штрафную роту рядовым солдатом. Судить не стали, но награды лишили. Наградной лист в штабе дивизии порвали.

Ко мне и шпиона засылали. Приходит раз солдат с пополнения. И вдруг при мне заводит такой разговор: «Немцы воюют лучше». Я ему и говорю: «Ты тут язык прижми. Тебе-то самому кто мешает воевать лучше немцев?» — «А что я такого сказал?» — «А вот что. Мы еще не знаем, что ты за человек... И какой ты солдат, в бою увидим. А что касается нашей батареи, то мы немцев больше бьем, чем они нас». Правда, сразу же рот прикрыл. Но долго тишком

все вынюхивал. Ребята потом мне, то один, то другой: про тебя, мол, лейтенант, все выпытывает. А потом солдат тот неожиданно пропал. И особняк наш меня вызывал, «два ноля», как мы его звали. Но тот ласковый такой, гад, скользкий. Что и спросит, сразу не поймешь, к чему, сволочь, клонит. Прямо не скажет: ты, Прокофьев, сукин сын такой-сякой, чтобы порядок и дисциплину держал, а то я тебя в штрафную!.. Нет, скучаю ли по дому да какое настроение у бойцов?.. Какое у бойцов настроение?.. Немцев поскорее угондобить! Вот какое настроение, говорю ему. Посмеется, сигаретку помнет и опять: «А что из дому пишут?» Тьфу! Как будто я дурак такой, что тут же и душу свою ему выложу!

Конечно, я понимаю, человек я и на фронте был непростой. Анкета с изъязцем. Да и характер у меня такой — прямой, как добросовестно выструганная оглобля. Если что, так прямо и скажу: замудонец ты последний! Будь там хоть мой заряжающий или сам капитан Страхов. И никто на меня зла и обиды не держал. Кроме капитана Страхова.

Поэтому с солдатами и офицерами, с кем мы вместе мести дороги войны, отношения у меня были хорошие, боевые. Никого я никогда не предал, ни за чью спину не прятался, никого под пули не подставлял. Когда надо было идти в пекло самому, шел, не придумывал, что у меня живот болит. А на передовой это сразу видно.

Долго я злился на капитана Страхова. Нет, не за орден. Хрен с ним, думаю, с орденом. Жив буду, ордена от меня не уйдут. Так оно, кстати, и вышло. Ордена-то, вон они! А Отечественной войны — целых два! Но капитана Страхова я ненавидел. За подлость его. Подопью, бывало, и думаю: ну, если сейчас в бой, пристрелю, собаку. Даже, помню, пистолет, свой безотказный ТТ, специально чистил и смазывал, на боевой взвод ставил... Так меня ранила его несправедливость.

Против нас стояли финские части. И немецкие горные стрелки. На пилотке у них был беленький цветок, эдельвейс. Эмблема такая. У убитых видел.

А сталинским соколам я простил. Когда в сорок четвертом мы уже всюю наступали, на Мурманском направлении увидел я однажды такую картину.

Видимо, шла немецкая колонна. Растянута она была километров на пятнадцать. И вся была разбита и положена. И люди валялись — сотнями. И техника — машины, тягачи. Разбитые орудия. И мотоциклы, и велосипеды. Наши «горбатые» атаковали злее, чем их штурмовики У-87. А навстречу нам шли пленные немцы. Но надо сказать, они и пленные форс держали. А может, рады были, что выжили, что не валялись вот так, как их братья и однополчане, по обочинам дорог.

А тут, после Победы, приехал домой. Спрашивают: «Где ты воевал?» — «В Заполярье», — говорю. Смотрят недоуменно, и опять: «А разве там война была?» Инженер! В дорожном отделе, инженер. Я там работал тогда. Посмотрел я на него: «Там мы, — говорю, — пирогами с немцем кидались. Мои пироги — 120 миллиметров! Все как один!» Замолчал. А тут сестра родная: «Ты был в артиллерии?» — «Да, в артиллерии». — «Немца-то живого видел?» Тыфу ты, думаю! Хуже капитана Страхова...

Немца... живого... Повидал всякого — и живого, и мертвого...

— Рассказал я вам про второе окружение. Расскажу и про то, как выходили из первого. В первый раз мы попали еще хуже. Две дивизии. С тылами. Летом было дело. Немец тогда лез напролом. Трепал нас здорово.

Выходили мы группами. В нашей было около семисот человек. Вывезли раненых. Ну, думаем, все, кончились наши мучения. А тут опять известие: снова отрезаны, второе кольцо. Собрались мы, остатки. Из 700 человек, может, только половина и осталась. С нами два лейтенанта. Командир пулеметной роты Колигов и Иванов, начальник штаба батальона.

Вот бывают же крепкие люди! Жизнерадостные, которые никогда не унывают. Счастье тому солдату на фронте, кому в командиры в трудный час такой человек достался. Были с нами и другие командиры, и званием повыше тех лейтенантов. Но они уже губы порастрепали... Сами уже не верили, что выйдем. Куда им солдат вести? В плен? А Колигов и Иванов — живые люди! Командование на себя приняли. «Ребята, мы вас выведем!» Мы сразу к ним. Знаете, как солдат к офицеру льнет, когда кругом дело хреновое...

А стоял август, середина. Везде валялись листовки: русские, сдавайтесь в плен!

Однажды сели на отдых. Сидим. Рядом с нами человек застонал. Смотрю, раненый. Мучается. Но не нашего подразделения — чужой. Бросили... А у нашего ротного ординарец был, чернявый такой, верткий, не то цыган, не то еврей. Когда встать стали, раненый за него ухватился, так тот его отпихнул. Мы вместе с Зыбиным шли. С туляком. Хороший он был парень, Зыбин. Век его помнить буду. И все это мы с Зыбиным видели. «Саш, — говорит, — давай возьмём. Человек хоть и не наш, чужой, а жалко». Осмотрели мы его. Грудь насквозь прострелена. Легкие пробиты. Хрипит. Пена кровавая на губах. Да, думаю, если оставим, пропадет человек.

Я ствол минометный нес. Зыбин — лафет. Железки нам достались тяжелые. У Зыбина еще и карабин за плечами. У меня — мой ТТ и вещмешок. Мешок я не любил носить. Он у нас с Зыбиным один на двоих был. И мы с ним всегда менялись: я брал его карабин, а он — мешок.

Ведем раненого. Несем свой миномет. Раненый меня спрашивает: «Браток, куда идем?» — «Не знаю», — говорю. Когда Зыбин его вел, все утешал: скоро, мол, скоро выйдем, немного осталось... А все идем, идем, идем. Отставать стали. Тогда он, раненый наш, остановил нас. Дышит уже тяжело, идти почти не может. «Оставьте меня, ребята, — говорит. — Спасибо вам. А то вы и сами отстанете и пропадете из-за меня». А мы с Зыбиным тоже уже

из сил выбились, друг другу в глаза не смотрим. Хоть бросай человека...

Смотрим, командир взвода идет, младший лейтенант Дмитриев. Я ему и говорю, что, мол, ведем раненого, а минометы тоже не бросишь... «Минометы не бросать, — говорит. — За минометы головой отвечаете. А по поводу раненого идите к начальнику штаба. Что он скажет». Я подошел к лейтенанту Иванову: «Товарищ лейтенант, мы раненого ведем. А у нас миномет. Тяжело». Начштаба тут же позвал бойцов из взвода связи и приказал им взять раненого.

Передали мы раненого с рук на руки. А тут и приказ: «Встать! Шагом марш!» Надо было спешить, пока немцы сплошное кольцо не образовали. Взвалили на плечи свой миномет и пошли дальше.

Прошли еще километра три-четыре. Тут и вышли.

Смотрим, кухни нас уже ждут. Вперед-то разведка ушла. По бокам — боевые охранения. Словом, двигались мы, как положено по уставу. Лейтенанты наши хорошими командирами оказались.

Стали нас кормить. Перевязывать. Раненых сразу грузили на повозки и отправляли в тыл. А у связистов, это я запомнил, была белая лошадь. Они вели ее в поводу. На лошади сидел их раненый. Шли они следом за нами. Смотрим, своего раненого они ссадили с коня и погрузили на машину. Я к Зыбину: «Зыбин, ты не видел, нашего-то погрузили на отправку?» — «Нет, — говорит, — не видел. Пойду спрошу у связистов». А связистов тех он знал, еще в финскую вместе с ними был. Я с Зыбиным к ним. «Где раненый, которого мы вам передали?» — спрашивает Зыбин связистов. «Помер ваш раненый дорогой», — отвечают. «Как помер?»

Оказывается, не доездили они его метров сто. Бросили, сволочи. Я тогда к начальнику штаба: так, мол, и так, человека-то оставили! Лейтенант выслушал меня и говорит им: «Живого или мертвого — несите сюда! И мне лично доложите!» Погнали повозку. Смотрим, возвращаются с нашим раненым. Живой! Перегрузили мы его на машину и — в тыл.

Фамилию свою он называл, да я не запомнил. Запомнил только, что он мой погодок, с 1916 года. Ленинградец. Вот этого человека мы с Зыбиным спасли.

— Был у нас в расчете подносчик мин. Лезгин Гаджимамедов. Смелый такой малый. Ребята над ним все, бывало, посмеивались. Язык наш, русский, он знал плоховато. Коверкал слова. Вот ребята и передразнивали его. А я защищал. И он меня за это звал отцом.

Первым в нашем расчете ранило его. Во время бомбежки. Немцы бомбили беспрестанно. Я в сердцах бранился: «Сукины дети, наши сталинские соколы! Летают выше всех... быстрее всех... Такой бой, и ни одного нашего самолета!» Думал: останусь живой, первому встречному летчику набью морду. Зарок такой дал себе. И точно, набил бы! Но потом все сразу им и простил. Увидел, как они в одном месте обработали немецкую оборону, сколько трупов навалили, сколько танков подожгли, машин, сколько орудий и техники исковеркали, и все им простил. Илы. Они поработали, «горбатые», как мы их называли. Но это было потом.

А моего подносчика ранило во время первой же бомбежки. Самолет налетел, мы попадали на землю. А он, падая, рукой ухватился за березку. Осколок так и резанул ему по руке. Да сильно! Самолет улетел. Мы вокруг Гаджимамедова заметались. Крови еще не видели. Первый раненый. Он вскочил на ноги. Потом упал, бьется. Зовет: «Отца! Отца!» Это он меня звал так. Перевязали, отправили в тыл.

Больше он к нам в минометную роту не вернулся.

Глава 10

ВЫСОТА СМЕРТНИКОВ

В этой главе собраны рассказы тех, кому выпало драться с врагом под Зайцевой горой. Гора эта находится на Варшавском шоссе между Юхновом и Спас-Деменском. И тот,

кто хоть раз проезжал этим старинным трактом, должно быть, видел памятник, где похоронены тысячи погибших здесь советских воинов, — танк на постаменте и 76-мм орудие ЗИС-3. Есть там и музей боевой славы. В сводках 1942 и 1943 годов Зайцева гора фигурировала как высота 269.8. Начиная с зимы 1942 года ее атаковали сразу несколько дивизий 50-й армии одновременно, но взять не могли. Под нее делали подкоп и взрывали. Взрыв был такой мощности, что на несколько километров вокруг сдетонировали минные поля. Но снова не могли овладеть ею. Основные бои шли здесь в период неудачной Ржевско-Вяземской наступательной операции 1942 года. Когда под Вязьмой погибали окруженные 33-я армия, 1-й гвардейский кавалерийский корпус и 4-й воздушно-десантный корпус, 50-й армии было приказано взять эту высоту и создать плацдарм для встречи прорывающихся из окружения. Ничего не получилось. Здесь положили больше войск, чем насчитывалось в дивизиях, находящихся во втором вяземском окружении. Наконец, немцы оставили ее весной 1943 года почти без боя, спрямляя линию своего фронта и высвобождая для переброски под Орел и Курск свои дивизии. На могильных плитах у памятника долгое время значились не фамилии погибших бойцов и командиров, а названия подразделений — огромный список. В народе Зайцеву гору называют Высотой смертников. Половина из них — калужане, потому что маршевые роты и батальоны, которые формировались в Калуге и окрестностях, тут же бросались в бой, именно под высотой 269.8. Здесь пытался пробиться из-под Вязьмы окруженный в марте 1942 года 4-й воздушно-десантный корпус. Названия окрестных сел: Фомино, Калугово, Цветовка, Сининка, урочище Шатино болото — для многих ветеранов звучат как пароль.

— В марте—апреле сорок второго года наш 58-й запасной стрелковый полк 50-й армии генерала Болдина стоял в Калуге. Формировался.

Зачислен я был в роту связи.

Экипировали нас не сразу. Я долго еще ходил в своем черном студенческом пальто, с месяц даже воевать пришлось в нем, а потом выдали гимнастерку, шинель и ботинки непомерно большого размера. Винтовку тоже выдали не сразу. У меня, кроме двух гранат Ф-1, личного оружия долго не было.

В конце апреля ночью нас погрузили в эшелон. А на расвете мы уже разгружались на каком-то полустанке неподалеку от станции Барятино.

На передовую прибыли на следующий же день.

С неделю простояли во втором эшелоне. Продолжали изучать оружие и телефонную аппаратуру. Оружие мы только изучали, а выдавать нам его не выдавали. Я был зачислен в 1-й батальон 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии. Связистом.

Наша рота размещалась в рожице, которая была буквально вырублена снарядами и минами. Однажды мы шли опушкой, и кто-то из командиров сказал: «Ну, вон она и есть, Зайцева гора. Видите? Немец на ней крепко сидит».

Впереди огромный холм. Вот уж действительно, гора так гора. Оттуда изредка постреливали пулеметы. Иногда вдруг доносились торопливые хлопки минометов, и тогда в глубине горы начинали рваться мины. Это наши минометчики пытались подавить огневые точки немцев.

Ночами мы подтаскивали снаряды и мины к передовым позициям. Боеприпасы носили из тыловых складов. Я ходил на подноску два раза. Берешь две мины для полкового миномета калибра 120 миллиметров, перевязываешь их за хвосты веревочкой, перекидываешь через плечо и дуешь к передовой. Позади нас примерно на пять—шесть километров простирались обширные торфяники. Весной они превратились в сплошное болото. Вот в глубине этого болота и находились наши склады. Пройти к ним можно было только пешком. Так что на себе таскали и боеприпасы, и продовольствие, и всякое другое снаряжение.

С Зайцевой горы, с тех проклятых холмов вокруг, которые тоже были заняты немцами, все прекрасно просмат-

ривалось и простреливалось. Поэтому днем на подноску не ходили, только ночами. Но и немцы были не дураки. Днем пристреливали тропинки, в бинокль они были хорошо им видны. Вечером не было тропинки, а утром она вдруг появилась... Вот их и пристреливали. А ночью, когда мы шли с минами и ящиками, вдруг открывали пулеметный и минометный огонь. Так что потерь у нас было много.

— На Варшавке дело было...

Мы возвращались из разведки. Десять человек. Ходили через линию фронта — армию Ефремова искали. 33-я тогда выходила из-под Вязьмы. А нам, разведчикам, приказ: встречать выходящих и выводить их по безопасным коридорам сюда, на позиции нашей 50-й армии.

Никого мы не встретили. Четверо суток бродили по лесам, заходили в деревни, спрашивали. Нет, никто не проходил. Как потом оказалось, Ефремов выходил северо-западнее нашего участка. Однако я не к тому. Стали мы возвращаться, и на выходе уже случай у нас такой вышел...

Самое опасное — перейти Варшавку. По шоссе часто передвигались немецкие патрули — легкие танки или бронемашины с пулеметами. Попадешь на такой патруль — крышка. Варшавку решили переходить рано утром. За две недели до этого, днем, напоролись на пулемет. Стали переходить — и попали. Трех в плащ-палатках принесли... Дождались, когда рассветать начнет, когда самый сон, и побежали. Бежим! Вот уже противоположная обочина в двух шагах. А оттуда подхватывается такая же группа, человек десять — немцы! — и нам навстречу! Тоже, видать, разведка. Из нашего тыла возвращалась. Я своим: «Назад!» Немцы тоже что-то закричали. Мы назад прыгнули. Они тоже. А один немец впопыхах замешкался и к нам попал. С перепугу не туда прыгнул. Лежит ни живой ни мертвый. Молчит. Мои ребята его воспитками, да из траншеи выпихивают — к своим, мол, беги. Как он бляснул туда через

дорогу! Да с криком! Ребята засмеялись, так и грянули все разом. Слышим, и немцы за дорогой гогочут. Ладно, без стрельбы обошлось — и то хорошо. А расходиться все же как-то надо. С минуты на минуту патруль может появиться. Смотрим, немец один встал, автомат за спину закинул, кричит: «Иван, ты — правее! Я — левее!» Слышим, зашумели, и вправду левее поползли. Только спины из кювета виднеются. Тогда я своим рукой махнул — выходить правее. Не обманули, пулемета там ихнего не оказалось.

Шоссе мы перешли благополучно. Никого на этот раз не потеряли. Так и разошлись.

— Под Зайцевой горой мы простояли всю зиму сорок второго года. Стояли во втором эшелоне, тем и занимались, что снаряды и мины к передовой по болотам подтаскивали. А весной, когда уже стало подтаивать, нас перебросили в первый эшелон. Мы обрадовались: в первом эшелоне кормили значительно лучше.

Нам, взводу связи, досталась залитая водой траншея и блиндаж. Блиндаж низкий, в нем можно было только сидеть. Холодно. Занавесили мы вход плащ-палаткой, затопили буржуйку. Стало тепло, даже жарко. «Давайте, братцы, кипяточку поставим», — предложил кто-то. А правда, от жары сильно пить захотелось. Я крайним к выходу сидел. Взял пару котелков, вышел, зачерпнул из ближней лужи. Вода вроде чистая, никто не забраковал мою воду. Мы тогда на кипяток воду из луж да из воронок и брали. Прокипятишь — и готово.

Утром, когда рассвело, выбрался я из блиндажа и вижу: в луже, где я воду брал, вытаял немец. Видимо, он тут еще с зимних боев лежал. Я оторопел.

Тем временем выбрался из блиндажа и весь наш взвод. Стоят, тоже немца разглядывают. Кто-то из ребят, вроде как в шутку, спросил: «Антипов! А ты ночью не из этой ли лужи воду брал?» Все засмеялись. «Из этой», — говорю. Вначале мой ответ тоже приняли за шутку, а потом, когда

я подтвердил... Эх, что тут поднялось! Кто побежал два пальца в рот совать, кто заматерился. Но потом успокоились, разбрелись по траншее. А я стоял и смотрел. Немец распух, лицо синее, пилотка к волосам примерзла. Так я в первый раз на фронте увидел врага.

— Под той же Зайцевой горой, где-то возле Фомина, есть лесок. Так, небольшая совсем рощица. На карте она имела форму березового листа. И росли там одни березы. Местные жители называли ее рощей Сердце.

Из рощи немцев выбили не мы. Здорово их там потрепали. Мы сменили батальон, дравшийся за эту рощу. Сменили мы их и тут же попали под немецкую контратаку. А дело было так...

Заняли мы позиции рано утром, еще и не рассвело как следует. Немцы, видимо, не заметили, что произошло в окопах, только что ими оставленных. И уже в полдень начали сильный минометный обстрел. Лупят и лупят по нашим траншеям, по НП. Головы не высунуть. На это они и рассчитывали. Их пехота тем временем подползла и кинулась на нас. В некоторых местах ворвались в траншею. Началась рукопашная.

Мы, связисты, должны были постоянно поддерживать связь с ротами. Я находился на НП первой роты шагах в пятидесяти от первой траншеи. Там, впереди, поднялась такая стрельба, такой гвалт, крики, стоны, что и непонятно было, что там вообще происходит. Соединяюсь по телефону с соседней ротой. Связист-сосед по фамилии Заика кричит: «Я тоже один. Командиры ушли в траншею. Кругом немцы. Что делать, не знаю».

Ага, думаю, значит, и у них то же самое. Все перепуталось. Наши ушли вперед, а немцы прорвались сюда. Кто кого окружил, непонятно. «Держи связь, Заика, — говорю я соседу. — Наше дело — связь».

И вдруг связь прервалась. Обрыв. Я забеспокоился. Мои товарищи в траншее насмерть бьются, а я тут связь не

могу обеспечить. Сейчас, думаю, придет командир роты и скажет: «Что ж ты, Антипов...» Я выскочил из блиндажа, побежал. Пули так и вжикают, землю кругом долбят. Недалеко я пробежал, вижу, вот он, обрыв. Зачистил кончики провода, соединил. И тут, слышу, где-то совсем рядом бьет пулемет. По звуку вроде не наш. Огляделся: на блиндаже НП соседней роты залегли двое немцев и ведут огонь из ручного МГ. Стреляют не в глубину нашей обороны, а вдоль траншеи и в сторону нейтральной полосы. Бой шел уже там, и они, считай, стреляли в спину нашим и по флангам. Самый опасный огонь. Я потянулся за автоматом, но вдруг вспомнил, что впопыхах оставил его в блиндаже.

Пополз за автоматом. Ползу и думаю: Заика убили, вот почему он не вышел на обрыв.

Приполз на свой НП. Так и есть: автомат мой лежит возле телефонного аппарата. Перезарядил полный диск. Но прежде, чем ползти назад, к НП соседней роты, решил проверить, действует ли связь. Ушам своим не поверил: Заика ответил! «Заика! — кричу ему. — На твоём блиндаже немцы сидят!» — «Слышу, — отвечает, — из пулемета лупят». — «Сейчас я подползу и дам очередь из автомата». — «Давай, — говорит, — отвлеки их. А я попробую выползти и гранату кинуть. У меня граната есть. В руке ее держу — на всякий случай».

Но в это время земля вздрогнула, воздух над рощей раскололся, и все поплыло. Гул, скрежет. Ударил наша тяжелая артиллерия. Кто-то из офицеров батальона вызвал огонь на себя. Дым удушливый, едкий, заползает всюду. И вскоре в блиндаже стало нечем дышать.

И вдруг все стихло. Только изредка, в отдалении, постукивали пулеметы. Так ночью стреляют на передовой дежурные, для острстки. Да возле нашей траншеи стонали раненные.

Чуть погода в землянку ввалился командир роты. Вид у него был такой: немецкий автомат на шее, свой ТТ без кобуры, заткнут прямо под ремень, на животе, лицо черное

от копоти и грязного пота. Отдышался, хлебнул воды из котелка, сплюнул ее: «Что у тебя за вода? Кровью пахнет». Какой еще, думаю, кровью? Недавно пил — вода как вода. А глаза у него так и бегают. Никогда его таким не видел. Выругался и спросил: «Связь есть?» — «Так точно, — отвечаю, — есть связь!»

Вечером собрались командиры взводов, стали подсчитывать потери и трофеи. Немцев возле нашей траншеи и на нейтральной полосе оказалось мало. Они, уходя, своих утаскивали. И раненых, и мертвых. Мы же потеряли многих. Кое-кого немцы увели в плен.

Назавтра в репродуктор с той стороны наши пленные стали кричать: «Петь! Переходи к нам! Сдавайся и переходи! Нас тут покормили! Завтра в тыл пойдем работать! Переходи! Хватит воевать! Навоевались!»

По репродукторам, на звук, били наши минометы. Но попадали редко, потому что немцы ловко их маскировали.

— Воевал я с марта сорок второго по май сорок пятого. Долгая у меня война была. Но боев страшнее, чем под Зайцевой горой, не видел.

Помню, подвели нас к ней. Несколько суток — ни крошки во рту. окопы рыть нельзя. Под снегом — болото, хлябь. В снег зароешься и сидишь. А снег от пули не защищает. Но снег был глубокий. И — мороз! А мы в ботинках и обмотках. Холодно — невыносимо. В снегу, в норе своей, надышал так, что сверху закапало. Внизу настелил еловый лапник. И до того у меня ноги замерзли, что терпения уже нет никакого. Что делать?

А перед нашими позициями убитые лежат. До нас в этом снегу другой полк стоял, почти весь полег в атаках. Людей поднимали и поднимали, пока некого уже было поднимать. Прямо перед моей норой, гляжу, лежит боец в валенках. Валенки добротные. В мою сторону так и торчат из-под снега. Дождался я ночи и пополз к нему. Сташил с

него валенки. А что делать? Не умирать же от холода. Дивизии, которые до нас шли под Зайцеву гору, обмундированы были прекрасно. Это были полнокровные дивизии. Помню, когда мы стояли во втором эшелоне, в ночь к горе дивизия идет. К обеду следующего дня одни раненые возвращаются, битые-перебитые. Мы им: «Что-то вас, ребята, мало». А они: «Остальные в Шатином болоте остались. Будь оно трижды проклято...»

Сбросил я свои ботинки, переобулся в валенки убитого. То-то и отогрелся.

Убитые лежали перед нашими норами плотно, через пять—семь шагов. Иногда друг на друге. Все поле перед нами в трупах. Как в том поле у князя Игоря: поле-поле, кто тебя, поле, так костями усыпал?..

Пехота под Зайцевой горой долго не воевала. Если наступали, то через несколько дней или ранен, или убит. Смотришь, рота пошла в атаку. Пошла. Пошла... Мы, минометчики, поддерживаем ее огнем. Чуть погода — откатились. Немцы ударили изо всех стволов. У них там оборона сильная была и грамотно расположенная. Откатилась наша рота, а в ней уже и взвода нет. Да и те переранены все, в крови, в бинтах.

И меня ранило под Зайцевой горой, два раза. И оба раза я лечился в госпитале в Калуге.

— Однажды под Кировом чуть не попали в плен. Киров — районный городок недалеко от Зайцевой горы.

Намечалась операция по взятию языка. Пришел комбат и начал нас распекать, что трое суток не можем взять языка. А приказ уже вышел, чтобы не посылать в разведку тех из бойцов и сержантов, чьи семьи были на оккупированной территории. А у нас почти все смоленские да витебские. Несколько раз наши группы пытались перейти линию фронта, но всякий раз эти попытки заканчивались стрельбой на нейтральной полосе и потерями. Пойдут десять—двенадцать, а вернутся шестеро-пятеро и двоих еще

раненых на плащ-палатках ташат. Комбат тогда в сердцах и говорит: «Тогда сами идите!»

Мы и пошли. Четыре лейтенанта: Савченко, Кушнеров, Клепсков и я. Я к тому времени уже старшим лейтенантом был.

Пошли лесом.

Стоял июль 1942 года.

Идем. Вдруг слышим, разговор где-то совсем рядом и немцы разговаривают. Смотрим, а там у них линия окопов. Передний край. А нам саперы сказали, что у них тут разрыв, окопов нет. Значит, успели выкопать. Еще бы чуть-чуть, и мы попали бы им в руки. Тут у меня, правду скажу, сердце екнуло, задрожало. Мы залегли — и ползком назад. Ох, как мы ползли! Быстро, не поднимая голов. Метров сто ползли без остановки. Откуда только сила бралась!

Встали потом в лошинке — ноги трясутся. Страх у всех в глазах. Страх нас и спас. Потом, когда отдышались, начали друг над другом смеяться. Выяснить, кто быстрее полз.

— В конце апреля один из стрелковых батальонов нашего 112-го стрелкового полка с тяжелыми боями форсировал по льду небольшую речушку. Названия ее не помню. Это где-то недалеко от станции Барятино нынешней Калужской области. Батальон захватил небольшой плацдарм и закрепился на нем. Но вскоре потеплело, и речка разлилась. Пошел лед. Немцы решили воспользоваться тем, что батальон оказался отрезанным от основных сил, и стали подтягивать к плацдарму свежие силы. Решили сбить наши роты в разлившуюся реку.

Наше командование тоже не дремало. Переправили на плацдарм еще одну стрелковую роту и минометный взвод. Решено было доставить туда и одну противотанковую пушку с орудийным расчетом. В этом расчете состоял и я — водителем полуторки, которая и таскала пушку. Нашим на плацдарме нужна была хотя бы одна пушка — на случай танковой атаки.

Как на тот берег переправить пушку? Только по мосту. Но мост тот находился на нейтральной полосе между укреплениями немцев и траншеями нашего полка. Его охраняли немцы.

Ночью разведчики пробрались к мосту, тихо сняли охрану. Подали нам условный сигнал.

Поехали. Когда я подвез пушку с расчетом к мосту, то увидел, что настил весь под водой. Вода залила его примерно на полметра. Вода со льдом шла поверху. Кое-где торчали столбики — остатки перил.

Артиллеристы спрыгнули с кузова и пошли впереди машины. Я видел, как они иногда проваливались по пояс в ледяную воду. Нужно было определить края настила. Наконец выстроились в две шеренги, и я проехал между ними. Но возле самого берега из настила вымыло и унесло два бревна. Передние колеса сразу провалились. Что делать? «Ребята, — говорю, — быстро давай бревна!» Бревна тут же принесли, подсунули под колеса. Я поддал газу — проскочил. Пушка тоже прошла благополучно.

Но немцы услышали нашу возню. Открыли огонь. Стреляли они из автоматов, из перелеска. Наши разведчики, которые снимали охрану, тут же ответили им. Мы тем временем проскочили в расположение батальона.

А там, возле моста, поднялся настоящий переполох. Немцы окончательно опомнились, осветили мост ракетами и начали кидать мины.

Потерь у нас не было.

Через несколько дней, как и ожидалось, на плацдарме был бой. Немцы атаквали. Но батальон выстоял. А вскоре речку форсировал и весь полк. Батальон во время форсирования полком речки вел заградительный огонь. Стреляла и наша пушка.

— В армию я был призван после освобождения моей родной Калуги. 2 марта 1942 года призвали. Нас быстро, в Калуге же, сформировали. И весь стрелковый полк сразу

же бросили под Зайцеву гору. Через восемнадцать дней полк был уже в районе деревни Сининка, на передовой. Звание мое в то время было младший сержант. Воевал я в минометной роте 50-миллиметровых минометов. И вскоре меня ранило. Осколок вошел в поясницу. В госпиталь отправили в Калугу.

После госпиталя попал на курсы младших лейтенантов. Через два с половиной месяца мне было присвоено первое офицерское звание.

Нас, младших лейтенантов, срочно отправили на фронт. И опять — Зайцева гора. Командовал взводом ротных 50-миллиметровых минометов. Стреляли они всего на 800 метров. Для того чтобы дотянуться до целей, необходимо было подводить позиции своих «самоваров» как можно ближе к траншеям нашей пехоты. Иногда стреляли прямо из их окопов. Взвод мой был придан стрелковой роте. Мы и в обороне вместе, и в наступлении.

А было как... Начинаем огонь, немцы тут же засекают нашу позицию — и все мины и снаряды наши.

Всю зиму 1942/43 года наш 1320-й полк 413-й стрелковой дивизии находился в обороне под Зайцевой горой. До 11 марта 1943 года. День памятный. В этот день противник начал покидать позиции на Зайцевой горе и отходить. Отходили немцы без боя, оставляя заслоны.

Мой минометный взвод находился в то время километрах в десяти от Зайцевой горы. Есть такая деревня — Новая Роща. Вот там мы 11 марта и стояли. Там были наши траншеи. Там мы держали оборону.

В боях под Новой Рощей мне присвоили звание лейтенанта. И там меня снова ранило. Пулей, в руку. И — опять в Калугу.

Бои шли не только на Зайцевой горе. Вокруг на десятки километров тоже все гудело. А Зайцева гора почему такое внимание привлекала? Да потому что дорога через нее проходила. По самой высоте, через горб так и перехлестывала. Варшавское шоссе. Вот и схватились за этот горб как безумные. Сколько народу положили...

Глава 11

БОИ ПОД СУХИНИЧАМИ

В середине августа 1942 года немцы предприняли довольно мощное наступление из района Болхова в направлении на Калугу. Тем самым они ослабляли удар наших войск в районе Ржева. Началась операция «Смерч», о которой мало что известно в военной историографии. Противник планировал выйти танковым клином в район западнее Юхнова и отсечь советскую группировку, находящуюся в районе Сухиничей. Наступление вела 2-я танковая армия вермахта: 11 дивизий, в том числе две танковых и одна моторизованная. Всего до 400 танков. Штабом Западного фронта предпринят был встречный удар силами 16-й, 61-й армий и 3-й танковой армии. Наступление советских войск началось 22 августа. Так как существенных результатов эта операция не принесла ни одной из сторон, и в мемуарах советских маршалов, и в дневниках и записках фельдмаршалов вермахта эти операции охарактеризованы как скovskyвающие.

— А еще вспоминается бой под Холмищами. Это за Сухиничами. Летом сорок второго года.

Утром чуть свет переправились через наведенный саперами мост. Растекли-ись по пойме! Хорошо, от речки поднимался туман, долго помогал нам оставаться незамеченными противником. Связь уже была установлена. Связисты поработали до нас. Нам предстояло установить связь с ротами. Командир взвода связи Хабибуллин, татарин, страшный матерщинник, приказывает мне: «Антипов, бери с собой двоих связистов и дуй с первой ротой».

Батальон должен был атаковать высотку — ржаное поле за речкой. Ох уж эти высотки... И вот роты поднялись и с криками «Ура!» кинулись к высотке. Мы, связисты, следом тянем связь. Ударили немецкие пулеметы и минометы. Минометы били так интенсивно, что казалось, мины падают прямо на спину. Под таким сильным огнем про-

двигаться дальше было нельзя. Залегли. А попробуй не залечь! Мы, втроем, ползем, катушку тянем. Вдруг рядом взрыв, гляжу, солдата моего, ползущего впереди, нет, одни обрубки ног в ботинках... Лежат дымятся. Ползем дальше. Мины стали рваться еще чаще. Ползем через убитых, через раненых. Жара, пыль, смрад. Пить хочется. А у меня, еще с зимы, штаны ватные. Упарился я в них, спасу нет! Правда, ползать в них было все же удобнее — не так больно коленкам.

На КП роты я приполз уже один. Связь наладил. Ротный по фамилии Терешин. С ним ординарец. Подняли они снова бойцов в атаку. И снова ничего не получилось. Вскоре ротный вернулся, стал докладывать комбату: «Много убитых. Много раненых. Пулеметы бьют так, что головы нельзя поднять!» А комбат, видать, другую ему песню поет... Гляжу, ротный сморщился, и уже тише, в трубку: «Задачу понял. Да понял я задачу! Сейчас попытаемся еще раз. Политрук и последний взводный встанут по флангам. Поведу сам. Да, сам. Если и на этот раз ничего не выйдет, в следующую атаку поднимать будет уже некого».

И ушел ротный. Слышу, поднялись. Закричали. Загрохотало опять. И опять ничего не вышло. И тут прервалась связь. Я хотел послать солдата, который приполз к тому времени на КП первой роты мне в помощь. Но он был ранен. Сидел возле аппарата и смахивал со лба сгустки крови.

Появился Хабибуллин, выругался и сказал: «Черт с ней, со связью! Кому она теперь нужна? Лучше принеси попить». Ротный тоже приполз. Молча сел в углу. Бледный. Ничего не говорит. Хабибуллин мне: убило, мол, и политрука, и последнего лейтенанта, и бойцов много на поле оставили...

А день уже клонился к вечеру. Пополз я по стежке в лошину. Еще когда перебирались сюда, заметил я, что там бочажок есть, вода. Возле бочажка лежит убитый солдат. Кровь от него розовым пятном в воде расплывается. Ладно, думаю, хоть и с кровью, а напьюсь. Сил больше нет жажду терпеть. И командирам котелок принесу. Из-под

немца пил, а этот же свой. Напьюсь. И тут, с другой стороны, к бочажку подбежал наш солдат, опередил меня, нагнулся к воде с котелком. Выстрела я не слышал, только увидел, как у него изо лба над бровью ударил фонтан крови. Я сразу отпрянул назад. Снайпер, видимо, уже пристрелял это место. Теперь он ждал меня.

Я вернулся на КП ни с чем. Доложил, что снайпер бочажок стережет. «Черт с ней, с водой, — сказал ротный. — Надо получше окопаться».

Но куда там окапываться? За день вымотались так, что прилегли в неглубокие свои ровики, отрытые наспех еще утром, и уснули смертным сном.

Сколько мы спали, сказать не могу. Может, минуту всего и спали. А может, и полчаса. Проснулись от грохота и крика. Залп немецких минометов был настолько мощным, что казалось, вот-вот нас вытряхнет из наших ровиков. Одна мина попала в самый край моего бруствера. Еще бы несколько сантиметров — и конец. «Хабибуллин! — закричал ротный. — Давай скорее пулемет!» Тот заматерился, откуда-то выкатил станковый пулемет и принялся вместе с Терешиным устанавливать его на бруствере.

А немцы уже пошли в атаку. Вначале заорали где-то слева, замелькали во ржи. Ротный бил по каскам, на голоса, короткими очередями. Когда они выбегали на чистое, делал длинную очередь. Немцы падали, откатывались. Затихали. Раненые уползали в рожь. Он их не трогал. Другие лежали и громко стонали. За ними выползали санитары и утаскивали их. И этих он не трогал. Но через некоторое время опять слышались крики команд, и немецкая цепь вырастала во ржи и шла на нас. И снова Терешин останавливал их.

В соседнем ровике я нашел ручной пулемет Дегтярева. Попробовал. Пулемет был исправный. Я начал стрелять в другую сторону. Потому что немцы после нескольких безуспешных атак стали обходить нас. Теперь мы поменялись с ними ролями: они наступали, а мы резали их из пулеметов.

Отбили очередную атаку. Стало тихо. «Покурить есть?» — спросил Хабибуллин и выругался, такая уж у него была привычка. «Нет, товарищ лейтенант». И он снова выругался.

День прошел так быстро, что мы и не заметили, как стало темнеть. И снова немцы заорали во ржи. Оттуда верером полетели трассирующие пули. И на этот раз мы положили их. Диск в моем дегтяре опустел, а зарядить его было уже нечем. «Все, товарищ лейтенант, — доложил я Терешину, — патронов больше нет». — «Бросай свой пулемет и иди ко мне. Держи ленту, чтобы не захлестывала. А то сейчас опять пойдут».

Когда совсем стемнело, кончились патроны и в станкаче. Хабибуллин пополз по окопам, но вскоре вернулся, сказал, что ничего не нашел, и выругался.

К счастью, немцы больше не атаквали. Видимо, тоже выдохлись.

Ротный вынул из «максима» затвор, поднялся и, ничего нам не говоря, пошел к переправе.

Немного погодя решили уходить с позиций и мы с Хабибуллиным. Никому тут уже наша связь не нужна была. Зачем мертвым связь?

Лейтенант Хабибуллин шел к переправе и всю дорогу матерился. Он ругал нашу артиллерию — за то, что не поддерживала нас ни перед первой атакой, ни потом, когда стало ясно, что, если не подавить немецкие пулеметные точки и минометные батареи, высоты нам не взять. Ругал комбата и ротных — за то, что, несмотря на потери и всю бесполезность атак, они снова и снова поднимали людей.

Мост, который еще ночью перед атакой навели саперы, оказался цел. Но немцы его простреливали. Немецкий пулеметчик пристрелял свой «машинненгевер», видимо, еще днем, когда наши ребята из соседних рот после первой неудачной атаки и сильной контратаки немцев валом валили на ту сторону. Каждые две минуты длинная очередь прошивала темноту и пространство над настилом. Две минуты — и очередь. Пули по воде — чок-чок-чок! Первым пробежал

Хабибуллин. Матернулся и побежал. Слышу, уже на том берегу матерится и меня зовет. Я пропустил одну очередь, другую, третью... Не могу от земли оторваться, и все тут! Что со мной случилось, не пойму. А чувствую, что не владею собой. Страх какой-то напал. В окопе, когда из дегтяря стрелял, когда немцы были совсем рядом, такого страха не чувствовал. Руки-ноги, конечно, и там тряслись, но не до такой степени.

Хабибуллин лежит на том берегу и уже матерится так громко, что кажется, и немец его слышит. Теперь он и немецкого пулеметчика материл, и меня вместе с ним, и наших саперов, что не там переправу навели, что слишком видное место и с немецкой стороны хорошо простреливается... Ладно, думаю, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Подождал, когда простучит следующая очередь, вскочил и побежал что было духу. На середине моста споткнулся и чуть не упал. И только соскочил на берег, сунулся за бугорок — его я еще издали присмотрел, — пули зачмокали по воде, пронесли над головой.

Хабибуллин мне: «Что ты так медленно бежал? Ранен, что ли? А? Так твою, перетак! Еле ноги переставляя!» — «Да нет, — говорю, — не ранен. Я быстро бежал». — «Где быстро?! Чуть под пули не попал! Мать-твою куда попало!..»

Видать, бежал я правда не так резво, как бегают, когда жизнь надо спасать. Ноги заплетались, вот и споткнулся на ровном месте. А мне казалось, что в жизни своей я не бежал так быстро, как на том мосту под Холмищами.

Мост никто не охранял.

В деревне мы нашли своих. Оказывается, они еще днем отошли за речку. Приказ был на отход. А мы приказа не знали и держались, пока были патроны. Вот что значило на войне потерять связь. Но с другой стороны, мы прикрыли отход батальона на ту сторону речки. Вот немцы и рассвирепели, когда увидели, что роты отходят. Не дали мы им перебить наших ребят на мосту, на переправе.

Утром мы выступили в сторону Сухиничей. В Сухиничах, в бору, нас построили. Зной. Хвоей пахнет. Комбат

прошел вдоль строя. Лицо у комбата серое, осунувшееся. Со всеми поварами, писарями и разными хозяйственными службами в батальоне осталось 25 человек. Взвода и того нет!

Вышел командир полка майор Хахай. «Спасибо, хлопцы, за атаку! Наша задача была отвлечь силы немцев на себя. Судьба фронта сейчас решается не здесь, а на южном участке. Есть сведения, что после вчерашней атаки противник перебрасывает сюда дополнительные силы. А это означает, что свою задачу мы выполнили!»

Мы молчим. Помолчал и комполка Хахай. А потом вдруг и спрашивает: «А кто это, хлопцы, вчера на краю поля столько немцев навалял?» Вышел лейтенант Терешин. Вышли мы с Хабибуллиным. Терешин, как старший по должности, доложил, как было дело. Комполка подошел к нему, поцеловал и сказал: «Спасибо, сынок, храбро воевали». Обнял и нас с Хабибуллиным. Вот и все нам награды за тот бой. Ладно, хоть живые остались.

Вот почему мы наступали без артиллерии. Отвлекающий маневр... Мы потеряли почти всех ребят, которые выжили под Фомином.

— После ранения и госпиталя я вначале попал в 20-й запасной автополк в город Горький. В запасном полку кормили плохо, а на фронт не брали. Дело в том, что из госпиталя меня выписали как негодного к воинской службе. В полку же держали потому, что ехать мне было некуда, местность наша была еще оккупирована немцами. Вижу, дело плохо, доходить стал, надо что-то придумывать. И тогда я лорвал свои документы о непригодности и пошел в военкомат.

Так я попал в противотанковый истребительный полк. Полк имел на вооружении 76-миллиметровые орудия.

Прибыли под Медынь. Между Медынью и Юхновом в мае—июне мы стояли на танкоопасных участках фронта. Немец стоял за Угрой. Наш полк относился к Резерву

Главного Командования. Под Медынью мы стояли вместе с частями 33-й армии.

На позиции, помню, выезжали порасчетно. Выедем, отстреляемся — и обратно. Немцы тут же засекали наши орудия и открывали ответный огонь, и многие расчеты вместе с орудиями погибли, так и не выбравшись с позиций.

Вскоре полк перебросили под Холмищи. Это неподалеку от Ульянова нынешней Калужской области. Между Ульяновом и Думиничами.

В районе Хотькова и Попкова две наши дивизии пошли в наступление. Атаковать начали рано на рассвете. К вечеру бой закончился. Выдохлись.

Хотьково стояло на возвышенности. Там окопались немцы. А снизу, от реки Ресеты, наступала наша пехота. И попали пехотинцы на минные поля. И не прошли. Завязли, залегли. А немцы начали засыпать их минами из минометов.

Здоровье мое в то время было еще слабое, и меня определили писарем в штаб полка.

Вечером штаб нашего артполка расположился в Холмищах в овраге. Долго не спали. Атака прошла неудачно. Наступила ночь. Ночь с 11 на 12 августа выдалась теплая, тихая. Наш начальник штаба майор Грель, его помощник лейтенант Пирогов и я сидели до самого утра, разговаривали, прислушивались. Нет, было все тихо. Уснули только к утру.

Сквозь сон слышался гул: самолеты! Лейтенант поднял край плащ-палатки, выглянул наружу и сказал: «Хейнкели» прямо над нами. Сейчас начнется».

И началось. Самолеты каждый раз пикировали, прежде чем сбросить бомбы.

Мы стояли возле выхода из землянки и время от времени выглядывали наружу. В Холмищах и в стороне позиций наших батарей все дрожало, все там заволокло пылью и гарью. Прервалась связь со второй батареей. Видимо, где-то перебило провод.

Майор Грель приказал мне срочно бежать во вторую батарею и передать приказ: сменить огневую, выдвинуться на запасную позицию. Запасные огневые позиции были оборудованы на краю поля, в зарослях бурьяна. Именно там предполагалось основное направление наступления немецких танков. После вчерашней нашей неудачной атаки мы ждали контратаку.

Я побежал по деревне. По деревьям был протянут провод. Он вел во вторую батарею. Одна бомба разорвалась совсем близко, и меня сбило с ног взрывной волной. Счастье мое, что ни один осколок не задел меня.

Вторая батарея стояла на своих позициях. Орудия были хорошо замаскированы. Потерь тут не было. Передал им приказ начальника штаба. Они тут же кинулись к орудиям, начали выкатывать их из ровиков.

Только вернулся в штаб, лейтенант Пирогов дает мне новый приказ: со штабной машиной срочно перебраться в деревню Вяльцево.

На передовой в это время стоял сплошной гул. Уже нельзя было разобрать разрывы отдельных снарядов. Огонь вели и наши, и немцы.

Вскоре немцы, как и предполагалось, пошли в атаку. Танки. За ними бежали автоматчики.

Немецкие снаряды уже рвались и в деревне. Наша машина стояла в сарае. Снаряд разорвался неподалеку. Он угодил прямо в дом, проломил стену и разорвался внутри. Из пролома повалил дым. Шофер быстро завел машину и вывел её из сарая. Я вскочил в кабину.

Дорога от Холмишей до Вяльцево — сплошные воронки. Мы с трудом объезжали их. Немцы нас, видимо, заметили, потому что снаряды начали рваться то справа от машины, то слева. Однажды налетел немецкий истребитель, дал очередь, но не попал.

Нашей авиации в небе не было.

Кое-как добрались мы до Вяльцево. На краю деревни стоял новый колхозный скотный двор, построенный буквой «Г». Неподалеку, почти посреди улицы, старая плаку-

чая береза. Ее ветви опускались чуть ли не до самой земли. Вот под эту березу мы и загнали свою машину. Замаскировали ее так тщательно, что невозможно было разглядеть и с близкого расстояния.

Ближе к вечеру в Вяльцево вошла конница. Кавалерийский полк шел к Холмищам. В Вяльцево конники остановились попоить лошадей. А тем временем в небе показалась «рама». Корректировщик полетал-полетал и пропал. Мы с шофером сразу сообразили: если «рама» засекла нашу конницу, то скоро жди бомбардировщиков. И точно.

Кавалеристы на передовую не торопились, из Вяльцева уйти не успели, когда налетели самолеты. Самолетов было много, не меньше двадцати.

Мы с шофером забежали в скотный двор. В деревне стоял переполох.

Самолеты пикировали. Кажется, это были те же самые бомбардировщики, которые бомбили Холмищи. Мы метались по скотному двору и не знали, что делать. Бежать под бомбы? Сидеть здесь и ждать, когда нас завалит очередным взрывом и бревнами?

Самолеты вскоре отбомбились, постреляли из пулеметов и улетели.

Мы вышли из скотного двора и побрели куда глаза глядят. Перешли улицу, а там, огородами, конопляником, пробрались к овражку. В овражке были вырыты землянки. В них прятались местные жители. Сразу, как только появилась «рама», они побросали дома и прибежали сюда. Они уже знали, что «рама» просто так не летает.

Только тут мы пришли в себя. Огляделись, поняли, что живы и находимся среди своих.

А самолеты снова налетели на деревню.

Мы потом пошли туда, надо ж было машину поискать. И увидели страшную картину. Вся улица была завалена рваным мясом. Людское перемешано с конским...

Подошли к березе. Она была невредима. Шли, вниз не глядели. Только чувствовали, что ступаем по мягкому...

Сквозь дым едва проглядывало солнце. Оно уходило за горизонт. День кончался.

Из штаба полка прибыл вестовой. Посмотрел на меня как-то странно, спросил о чем-то. Я уже не помню ни того, о чем он меня спрашивал, ни того, что я ему отвечал. Помню только, что он расстегнул свою полевую сумку, поднес к моим глазам зеркало. Я посмотрел в зеркало и не узнал себя: вся голова моя была белая...

Мы переехали в Медынцево. Затем — в лес неподалеку от Дубны.

От Медынцева до Дубны — сплошная траншея, окопы. Все занято нашими бойцами.

Ночь мы провели в лесу. Ночью было спокойно.

В восемь утра, как по расписанию, на опушке леса начали рваться снаряды. Мы пробрались к опушке и увидели: по полю, через нейтральную полосу, в шахматном порядке, к нашим траншеям ползут немецкие танки. Направление они держали на Дубну и вели огонь из своих орудий. Мы видели, как они подошли к окопам наших стрелков, как утюжили их. Впереди танков пикировали немецкие самолеты. Видно было, как наша пехота бросала траншею и откатывалась к Дубне. Бойцы бежали к оврагу, вот добежали, повернули вдоль ручья к деревне. Деревня та называлась, как мне помнится, Панево.

Поступил и нам приказ: отходить через Панево к деревне Глинная. Но и в Глинной мы не задержались. Переправились через Жиздру. За Жиздрой — речка Медведка. На той речке, помню, стояла мельница. Деревня, в которой мы остановились, называлась Богданово-Колодези.

Стали проверять личный состав, материальную часть.

Вышла половина личного состава нашего арtpолка. В полку осталось одно орудие сержанта Балашова. И ни одного снаряда. Полк дрался отчаянно. Наибольшие потери понес от налетов авиации. Многие расчеты вместе со своими командирами погибли на огневых позициях от прямых попаданий авиабомб. Вторая батарея, стоявшая про-

тив танков, была полностью уничтожена. Никто из личного состава этой батареи не вышел.

Ребята из взвода управления рассказали, как погибло последнее орудие второй батареи.

Когда расчеты уже погибли, комбат подполз к последнему уцелевшему орудью, подтащил к нему несколько ящиков снарядов. Три танка шли на орудие. Он сам и наводил орудие, и стрелял, и заряжал. Два танка успел подбить. Третий начал засыпать орудие снарядами. Так погиб последний артиллерист третьей батареи нашего полка. Фамилию командира батареи я не запомнил.

Глава 12

СВЯЗИСТЫ

Как-то в статье одного известного военного историка прочитал, что самые губительные катастрофические последствия для советских войск имело отсутствие хорошей радиосвязи. Что ж, спорить с этим трудно, да и незачем. Лето 1941 года — трагическая иллюстрация этого тезиса. Связь между подразделениями осуществлялась посредством «делегатов», то есть связных. Пока боец или офицер связи добежит до НП соседней дивизии... Да если он вообще добежит... Пример потери управления и последующей катастрофы — вяземское окружение 1941 года. Штурмовые группы прорыва зачастую бросались на населенные пункты, занятые своими же войсками, и бились с ними по нескольку часов, пока не выяснялось, что схватились с соседним полком. Не раз слышал от пехотинцев: вот, мол, подошли мы и начали занимать рубеж, окапываться, а связисты уже побежали... Даже стрелкам было в этих обстоятельствах легче. Залегли и начали окапываться. С каждым комом отрытой и выброшенной на бруствер земли шансов выжить становилось больше.

А связисты побежали... Им некогда окапываться. Они должны наладить связь: НП дивизии — со всеми тремя НП стрелковых полков и приданных подразделений: артиллерии,

звардейских минометов, танковых частей и т. д. НП стрелкового полка — с батальонами, пулеметной ротой, минометной ротой. Комбатам нужна связь с командирами рот. И все это должны обеспечить связисты. Радиосвязь в РККА была развита, особенно в начале войны, слабо. Достаточно сказать, что раций не было на танках, на самолетах. Вслепую вела огонь артиллерия. Когда же связисты налаживали устойчивую и надежную связь, у командиров появлялась возможность видеть бой во всех его проявлениях, своевременно реагировать на любую опасность, парировать удары или запрашивать помощи у соседей или в вышестоящих штабах, атаковать тогда и в те места, где противник был особенно слаб. Связь делала более мощными и концентрированными атаки. Связь делала оборону неприступной. Связь помогала окруженным. История Великой Отечественной войны сохранила эпизод гибели в окружении под Вязьмой в апреле 1942 года генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. Его штабная группа начала плутать по лесам, потеряв направление на выход, именно тогда, когда была утрачена связь.

В этой главе собраны воспоминания связистов — труженников великой войны.

— В день, когда мы должны были сдавать последний выпускной экзамен в школе, нам, десятиклассникам, пришли повестки в военкомат. Тогда, чтобы мы получили аттестаты, было решено перенести последний экзамен на вечер. Мы сдали его, и тем же вечером, после 21 часа, уехали в военкомат.

Первое военное лето. Дальние подступы к Москве. Такая неразбериха, господи боже мой...

Меня зачислили во взвод связи 51-й отдельной стрелковой бригады. Командиром нашего батальона был капитан Каравай, а комиссаром — старший политрук Круглов.

Отступали. Шли ночами. Днем отсиживались в лесах, под деревьями, чтобы не попасть под бомбежку и обстрел немецкой авиации.

И вот нашу дивизию, как наиболее боеспособную, бросили в контрнаступление. Одну деревню прошли, другую. Немец отходил. И почему они боя не принимали, я не знаю. Видать, невыгодно им было за те деревни цепляться. А уже деревни жег повсюду. Одни печи, бывало, рядами стоят. У печек старухи и дети копошатся. Глядя на них, помню, в горле все стынет. Мои-то тоже в оккупации остались. Как там мать? Как сестры? Отец тоже на фронте. И вот зашли в одну деревню. Деревня целая. Прошли ее уже больше чем наполовину, и вдруг нас встретил сильный пулеметный огонь. Боевое охранение они наше пропустили тихо. Пришлось отойти. А как отходили...

Перебегали от дома к дому, от сарая к сараю, у заборов и отстреливались. Тут и я впервые по-настоящему стрелял по врагу. У меня была винтовка. Лихорадочно, почти ничего толком не соображая, передергивал затвор и палил в ту сторону. Куда палил? Так расстрелял обойму. Зарядил другую. И тут начал прицеливаться. Стал приглядываться вперед, высматривать врага. Ага, вон перебежал и залег, копошится, видать, тоже винтовку к стрельбе налаживает. Надо вперед выстрелить. Прицелился — бах! Немец зашевелился еще сильнее, отполз, откатился. Опытный. Знает, как от пули уходить. Понял, что на мушку попал. Так расстрелял я и вторую обойму. Не знаю, попал в кого, нет. Но стрелял уже осмысленно, без страха.

Из того периода запомнился мне еще один эпизод. Я дежурил у телефона в штабе батальона. Деревня, которую мы занимали, находилась недалеко от леса. Кругом гремело. Снаряды и мины летели со всех сторон и во все стороны одновременно. Бой шел кругом. И вот у нас прервалась связь с пулеметной ротой. Меня послали отыскать и устранить повреждение. Я взял винтовку, противогаз, запасную катушку с кабелем и пошел вдоль нитки. Иду. Редкий лесочек. Пули посвистывают. Но понятно, что шальные, не в меня стреляют. И то хорошо. Дошел до сарая. Впереди дома, где находилась пульрота. В сарае расположилось ее охранение. Порыва линии я нигде не обна-

ружил. Пошел дальше, к домам. А навстречу уже бегут. Некоторые на лошадях скачут. Я хотел повернуть обратно, к штабу батальона, но и с той стороны, смотрю, тоже скачет несколько всадников, кричат, что немцы уже перерезали дорогу и туда уже не пройти. И тут нас догоняет бричка. В бричке какие-то командиры из штаба бригады. Спрашиваю их: что же мне делать? «Держитесь за нами!» Ко мне подбежали еще двое наших. Легко сказать: держитесь... А как за ними держаться? Они на бричке, а мы — пешие. Они стеганули лошадей, помчались, доехали до леса. А там уже автоматная стрельба. Куда бежать?

Подбежали еще несколько наших. Все перепуганные. Кому охота в плен? Добрались до деревни. Подошли к штабу бригады. Там тоже суматоха, сборы. Готовятся уходить. Какой-то начальник накричал на нас, что мы тут, возле штаба, столпились. А мы чего столпились? Приказа ждем! Нам хоть бы тогда места для окопов указали и задачу поставили: немец, мол, пойдет отсюда, вести огонь, не пускать туда-то. А он вместо этого вызвал охрану, арестовал нас и с каким-то сопровождающим отправил в штаб батальона.

Вот мы идем назад. Конвоир наши винтовки ташит. Весь согнулся, вспотел. Говорит, когда уже за деревню зашли и нас оттуда стало не видеть: «Ребята, разбирайте свои винтовки. Я больше не могу». Пришли. Комбату доложили. Комбат нам сразу дело нашел — поставил штаб охранять. Ожидали прорыва немцев. Но они не прорвались.

— На войну я ушел в декабре 1941 года. Мне еще и восемнадцати не исполнилось.

Формировались в Краснодаре. Отдельный батальон связи.

Ходили вначале кто в чем. Кто в шубе, кто в пальто, кто в телогрейке. Одежду для батальона наши тыловики собирали у населения. Кто что даст.

В начале 1942 года наш отдельный батальон связи высадили под Новороссийском. Нас было 1200 человек.

Шли строем по разбитой Керчи. Переговаривались между собой: ну, мол, мы им, фрицам, сейчас дадим! А 22 апреля немец как налетел на нас... Больше 100 самолетов в тот день бомбили Керчь. Командира роты убило, многих моих друзей.

Помню, когда началась бомбежка, я побежал вдоль здания, где размещались наши казармы. Бомба попала прямо в пекарню, которая находилась через дорогу от наших казарм. Тесто раскидало по дороге, по тротуарам. Гляжу, двое лежат. Один кричит: «Помогите! Помогите!» Я к нему подбежал. Вытащил из-под обломков. Смотрю, а ног у него нет.

Самолеты сбросили бомбы и ушли.

Подъехали санитары, начали забирать раненых.

Батальон стал выбираться из-под обломков. Кто на смерть перепугался, кто смеется. Первая бомбежка. Для некоторых — последняя.

— Получил я от матери письмо. Пишет: дорогой сыночек Вася, прислал письмо отец. Он находится в городе Гусь-Хрустальный под Владимиром. Туда он спроводил колхозный табун. Но назад его не отпускают. А я болею.

И легла мне эта весть камнем на душу. Идет так однажды мимо майор из политотдела дивизии, мы его все знали, часто перед боем к нам приходил, душевный был человек. «Ну что пригорюнился, сержант?» — спрашивает.

Я ему: так, мол, и так. Он выслушал меня, записал фамилию отца и пообещал помочь. Честно говоря, я в его помощь не особо верил: мы под Ульяновом, а отец где-то в Гусь-Хрустальном. Как мне поможет майор отца домой вернуть?

Полк наш идет и идет дальше. Днем — опушками леса, чтобы немецкие самолеты не налетели. А ночью — по дорогам. Куда идем, знают одни командиры. В батальонах осталось по роте, в ротах — по взводу бойцов.

Вышли на какой-то большак. Остановились. Приказ: наладить связь. Я начал разматывать катушки. Смотрю, по дороге идет старик, древний-древний. Рубаха белая, хол-

щовая, по ветру полощется. Нищенская сума через плечо. «Куда, дедушка, путь держишь?» — спрашиваю. «К Утешеву, сынок», — отвечает. Ответил и остановился, в глаза мне заглянул.

Я как услышал название знакомой деревни, так и онемел. Утешево — это же три километра от моей родины! Вон куда, думаю, мы притопали! Немного погодя спросил: «А далеко ли до Утешева?» — «А кто же ее мерил, сынок, эту дорогу? Мабуть, пятнадцать верст, а мабуть, все двадцать будет». — «А Фенинку знаешь? Фенинка, деревенька небольшая, совсем недалеко от Утешева!..» — «Знаю. Это мой обход». — «Дедушка, милый, это ж моя родная деревня! Мать у меня там живет. У матери корова есть. Я вот тебе сейчас записку напишу. Ты обязательно сходи в Фенинку, разыщи мою маму и передай ей эту записку. Она тебя обязательно накормит, молоком напоит». — «Передам. Чего ж не передать матери весточку от сына? Обязательно передам, солдат».

Понял я тогда, что находимся мы на большаке Калуга—Мосальск, и написал матери, где именно находимся и что, может быть, придется мимо родной деревни проходить, так что, может, и повидаемся. И приписал, чтобы накормила старика.

Наступила ночь. Не спится — душа горит. Задремал немного: мать перед глазами встала, что-то говорит мне, говорит, говорит, а я ничего понять не могу. Вроде как что-то об отце...

Вдруг — тревога. Построились, заслушали приказ: выступить по направлению к Сухиничам. Сердце мое колыхнулось: это ж совсем в другую сторону от моей деревни. Иду я в пыли, среди своих товарищей, сон свой вспоминаю и думаю: ну вот, мама, и повидались мы с тобой...

Сухиничи все разбиты. Вокзал в руинах. Долго в городе не задержались. Снова выступили. Шли долго. Вышли к деревне. Деревня большая. Людей нет ни души. Тишина. Ни курицы, ни кошки. Только ветер в застрехах гудит. Деревня стоит на двух холмах. Внизу ручеек. Деревня эта на-

зывается Холмищами. Миновали мы эту деревню и расположились в лесу.

Хорошо мне запомнилась та местность. За лесом протекала речка, за речкой поле ржаное, так, помню, горбом к горизонту и восходит. Вдали церковка виднеется. Вырыли блиндаж, накатали настил. Ждем дальнейших указаний.

И вот когда мы однажды собрались идти на кухню, к нашей землянке подошел обозник с длинной, до пояса, бородой. Оказалось, что это мой дядя Василий Евгеньевич! Вот было радости! В тот же день к вечеру получил я весточку от отца — письмо. Писал он уже из дому. Значит, не обманул меня майор из политотдела дивизии. Отец писал, что все хорошо, что добрался до дому благополучно.

Вскоре пришло письмо и от матери. «Сынок, — писала она, — приходил какой-то старичок нищий, передал от тебя записку. Я его накормила, напоила. Собрала тебе мешок сухарей. Сухари те вся деревня мне несла, когда люди узнали про твою записку. Пошла туда, в то место, которое ты в записочке означил, но там тебя нигде не нашла. Солдаты там были уже другие. Спросила я их, где же мне тебя, сыночек, найти. Они ответили: война, мол, мать, велика, где-нибудь воюет, может, рядом где, а может, и далеко уже... И тогда я развязала мешок с сухарями, которые мне для тебя, Васенька, вся Фенинка собирала, и все раздала им. Пусть, думаю, берут, пусть поедят вволюшку, сил побольше будет. Может, думаю, и моего сыночка какая-нибудь мать покормит вот так же...»

На войне, на долгих ее дорогах, часто нам навстречу выходили женщины. Старые и молодые. Выбегали девочки и совали в руки хлеб. Когда я брал этот хлеб, сердце мое запекалось болью. И всегда я испытывал огромную благодарность тем женщинам и вспоминал о матери.

— Был у меня немецкий автомат. Трофей. Модно тогда было щеголять немецким оружием. А достался мне тот автомат вот как...

Стояли мы тогда уже подо Ржевом. Из-под Сухиничей нас перебросили севернее. Полк пополнили — и туда.

Какое-то время, как всегда, стояли во втором эшелоне. Потом перебросили в первый. И сразу — на Вазузу, на тот берег. Переправились, помню, ночью. Батальон углубился в лес. Мы, связисты, разматываем катушки. За лесом показалось поле, за ним какая-то деревенька. Остановились. Новый приказ: окопаться в полный профиль на случай танковой атаки.

Танковая атака — дело серьезное. Начали спешно закапываться в землю. И усталости не чувствовали.

Пока было непонятно, где немцы. Из деревни они ушли сразу, как только увидели нашу колонну. Побросали все, даже кухню свою забыли. И вдруг по цепи: «Тихо сняться и уходить». Еще не рассвело. Возвращались по проводу. К утру вышли на опушку, подзаправились трофейными галетами и консервами. Уснули как убитые.

Утром наладили связь. Немцы из минометов постреливают. Время от времени бомбят переправу через Вазузу. Ни боеприпасов нам, на этот берег, ни продовольствия почти не поступало: так основательно немцы опекали переправу.

Выставили мы боевое охранение — отделение пехоты. Наш командир взвода и один связист ушли с боевым охранением к опушке леса. Время от времени я выходил с ними на связь и тут же докладывал начальству: все спокойно. И вдруг утром, чуть только рассвело, пропала связь с группой боевого охранения. Беру автомат и иду по нитке.

Иду через лесок. Вскоре обрыв нашел. Видимо, думаю, осколком перебило. Быстро зачистил, соединил. Только пошел назад, прямо над головой — автоматная очередь. Я залег, лежу. Тишина. А может, думаю, случайная очередь? Приподнялся, стал оглядываться, и тут пули ударили у самых ног. А когда я падал, успел заметить впереди неглубокую впадинку. Вроде как старая воронка. Пополз к ней. Тот, кто держал меня на мушке, сразу понял мой маневр и открыл частую стрельбу короткими очередями. Пули буквально из-под рук и ног вырывали землю, но —

удивительное дело! — ни одна из них меня даже не задела. Видимо, стрелок был так себе. Однако пролежал я под его присмотром долго. Ладно, лежу. А у нас, у связистов, правило было такое: если связь нарушена, на повреждение должны выходить с обеих сторон. Гляжу, с той стороны бежит Григорьев, связист наш из боевого охранения. Я уже хотел было окликнуть его, но тут, боковым зрением, увидел, как в перелеске справа кто-то перебежал и тут же оттуда слышалось: «Хенде хох!» Я сразу и секанул туда очередью, так половину диска и выпустил. Григорьев, гляжу, тоже залег, только одна винтовка его с примкнутым штыком виднеется. Вылезает из кустов немец с поднятыми руками. Я не успел встать, а Григорьев его уже в живот штыком тычет. «Погоди, Григорьев! — кричу. — Надо его в штаб доставить».

Привели, а ротный нас и спрашивает: «А где же его оружие?» — «Не было, — отвечаем, — при нем оружия. Вот, одна граната была». Ротный недоверчиво посмотрел на нас. Будто мы его в нужнике поймали, этого немца... А сами думаем: а ведь и не заглянули в кусты, не поискали около. Заспешили со своим трофеем в штаб. Автомат-то немец где-то там бросил.

Отпустил нас ротный. Я тогда Григорьеву и говорю: «Будешь возвращаться, посмотри в кустах, поищи автомат. В меня-то он из автомата пулял. Так что он где-то там лежит».

Вечером встречаемся. Снимает с плеча немецкий автомат с полным рожком и протягивает мне: «На, — говорит. — Это твой. А другой у меня взводный отнял. Увидел два, дай, говорит, один». — «Как два?» — «Так. Там, в кустах, немец убитый валялся. С автоматом. Ты его, видимо, очередью уложил».

— Однажды ночью лежим в траншее. Немцы, слышно, что-то зашевелились. Начали резать из пулеметов по нашим брустверам. Ага, надо готовиться... Ждем атаки. И тут

пошел дождь. Такой ливень, что через несколько минут на нас сухой нитки не осталось. И немцы сразу затихли. Один пулемет пострелял-пострелял еще и тоже прекратил. Видно, пулеметчик тоже вымок весь, сушиться пошел.

Командир роты нам и говорит: «Отдыхайте оба. Я сам возле аппарата подежурю. Видно, не пойдут они сегодня».

Легли. И вдруг я проснулся оттого, что стал захлебываться в воде. Палатка, которую мы натянули над окопом, наполнилась водой, не выдержала, и вся собравшаяся в ней вода разом вылилась на нас. Барахтаемся, ругаемся. Ладно. Стали воду отчерпывать. Касками, котелками. Мы ее за бруствер, а она — назад.

Чувствую я, что меня трясет, и такое какое-то безразличие напало, что лечь бы сейчас, думаю, на дно траншеи, и пускай хоть водой заливают, хоть землей засыпет... Ротный это заметил, подозвал, потрогал лоб и говорит: «Да у тебя жар, Антипов! Давай-ка в санчасть».

Из нашей санчасти меня направили в полковую. А она — за Вазузой.

По дороге мне встретился еще один солдат. Он тоже шел к переправе. Он был ранен в ногу и в руку. Никто его не сопровождал. Дошли мы до берега. Как раз лодка причалила. Лодочник кричит нам: «Давай, братцы, скорее грузитесь, пока самолетов нет!»

Переправились. До санчасти с километр, а преодолели мы его часа за три, не меньше. То я солдата поддерживал, то он меня. «Тебя что, — говорит он мне, — контузило?» — «Нет, — отвечаю, — видимо, просто простудился». — «Врешь, контузило. Вон у тебя все лицо перекосило. Так бывает во время контузии».

Схватился я, трогаю свое лицо и чувствую, что и правда, что-то с лицом у меня не то, не узнаю я своего лица на ощупь.

В госпитале я провалялся целый месяц.

После лечения направили в лейтенантскую школу по подготовке техников радиодела. Войска переводили на беспроводную радиосвязь, нужны были специалисты.

— После окончания лейтенантской школы меня зачислили в 686-й артполк 415-й стрелковой дивизии.

В январе полк вышел к железной дороге Ржев—Сычевка. Нужно было перерезать ее, оседлать большак. А в марте я повстречал своего бывшего однополчанина, с кем воевал под Зайцевой горой и под Сухиничами. Так получилось, что наш 686-й артполк должен был огнем поддерживать батальоны 336-го стрелкового полка. Начиналось наступление на Вязьму.

Бегу на передний край с командиром взвода управления. Траншея неглубокая. Снайпер бьет, так с бруствера снег и срезает. Связь наладили. За ночь аккумулятор у рации сел, и я пошел за новым. Вот тут-то и повстречал я батальонного писаря. Долго поговорить не пришлось. С высоты начал бить немецкий пулемет.

«Как там наши?» — спросил я у писаря. «А из наших никого уже и не осталось. Один Заика цел да я вот. Остальных... Кого убило, кто в госпитале».

Пополз я дальше. Немцы стрельбу усилили. Мне из траншеи кричат: скорее, мол, ползи, а то сейчас из миномета бить начнет. Перевалился я в траншею, лежу. Немцы стреляют из пулеметов. Пули над траншеей веером разлетаются. Слышно даже, как они там, на высоте, кричат и топчут.

На следующий день сделали артподготовку — и вперед! Командир взвода управления мне говорит: «Давай, Антипов, рацию на плечо — и с пехотой вперед!» Что ж, с пехотой так с пехотой, мне к пехоте не привыкать, сам из пехоты.

Немцы не особо цеплялись за свои позиции. Мы легко сбивали их. Крупных боев до самой Вязьмы не было. Остановимся, постреляем — и вперед!

Подошли к Вязьме. Город горит. Ни одного дома, ни одного жителя. Запомнилось вот что: возле железнодорожной станции огромные кучи угля горят красно-черным огнем, и дым далеко стелется по окрестностям.

После взятия Вязьмы наш артполк погрузили в эшелон и ночами транспортировали на юго-восток. Однажды ут-

ром я вылез из теплушки на станции Кошняки. В Кошняках стоял всего один дом. Стоял тот дом рядом с железной дорогой. А кругом — много стогов сена.

Следующей ночью мы были уже в Калуге. Но и там долго не задержались. Наш эшелон направлялся под Белев. Так мы к лету оказались на правом крыле Орловско-Курской дуги.

— Лето сорок третьего было жарким.

Наш 686-й артполк двигался по направлению к Болхову.

Впервые я здесь увидел наши самоходные артиллерийские установки. Танк не танк, пушка не пушка... А маневрирует и стреляет ловко.

На подступах к Болхову целиком погиб наш взвод управления.

Полк вошел в какую-то деревню. Немцев оттуда только что выбили. Мы с радистом Барковым пошли разыскивать свой взвод.

Ребята, оказывается, расположились в ровике под огромной ракией. Ровик тот остался от немцев. Видимо, в нем стояла машина или тягач. Поговорили мы с командиром взвода и пошли вниз, к речке. Хотелось пить. Да и умыться надо было после пыльной дороги. Пот, жара. И только мы гимнастерки расстегнули, на горке ухнуло, листья с ракии посыпались. Побежали мы к ребятам нашим. А там такое месиво, что и глядеть страшно. Кто убит наповал, кто тяжело ранен, кто в агонии бьется, стонет. В бою таких потерь не несли. Вызвали мы с Барковым по рации санинструктора и начали перевязывать тех, кто еще подавал признаки жизни.

Наши батареи начали бить по ржаному полю, откуда прилетел фугас. Рожь загорелась. Немцы ответили. Тогда наши развернули еще несколько орудий. Немцы ударили из минометов. Я только запомнил, как ухнули первые мины. Мы с Барковым побежали в ложину. Земля подной вдруг вздыбилась, в лицо и в грудь ударило горячим.

Опрокинуло, куда-то поволокло. Я вскочил и побежал дальше. Так и не понял, что это было: то ли мина под ногами взорвалась, то ли я в свежую воронку упал. А может, то и другое сразу. Но остался я невредимым.

Пехота пошла прочесывать ржаное поле. И тут, во ржи, поймали двоих власовцев. Одеты они были в немецкую форму, но нашивки имели особые. Ох, как их гнали ребята, как волокли! Прикладами! Воспитками! И штыками в задницу подкалывали! Никто их не пожалел. И командиры молчали. С пленными немцами в сорок третьем такого уже не позволяли. Не знаю, довели они их до штаба или нет.

Перед Болховом полк остановился. Начали закапывать орудия. Два дивизиона поставили на прямую наводку. Задача была ударить по окраине города, где закрепился противник, где работали его пулеметы и где должны были размещаться минометные батареи. Но снаряды полк имел только бронебойные. Ждали танковой атаки, к ней и готовились. А тылы наши отстали.

Заняли мы немецкую траншею. Закопали орудия. Поделили сухари: кухня тоже где-то отстала.

Налетели «Юнкерсы». Но не бомбили. Несколько раз заходили, но то ли не заметили наших орудий, то ли другую цель искали, а только ни одной бомбы не сбросили. Погодя разгрузились возле речки. Что они там бомбили, не знаю. Может, просто сбросили бомбы, чтобы назад груженными не лететь, а может, кого-нибудь из наших на броду все же прихватили. Улетели. А искали они, видимо, нашу танковую бригаду. Танки были тщательно замаскированы под снопами ржи в поле.

Вскоре к нам в траншею приполз повар. Мы его в шутку звали Вассером. Пожилой дядька. Приволок термос со спиртом. «А где же суп?» — спросил его командир взвода. «Там, в поле остался», — сказал Вассер. Оказывается, напарника его убило. А термос с супом нес напарник.

Взводный разозлился. Спирт приказал вылить на землю. Помолчали мы, погоревали молча, но, что поделаешь, приказы командиров не обсуждают.

И тут во ржи объявилась немецкая самоходка. Она начала стрелять по нашим позициям. Высунется, ударит — и назад. Мы не успеваем ее засечь! Подвижная, маневренная, осторожная. Ударит и уйдет. То одно наше орудие кверху колесами, то другое.

Я включил рацию, настроился на их волну. Слышу, немцы совсем рядом переговариваются. Но обнаружить самоходку невозможно. Батареи начали бить вслепую. Но только хуже сделали: полностью обнаружили себя. Она, собака, нам девять орудий из двенадцати изуродовала. Два дивизиона — почти целиком! Это те, которые мы выкатили на прямую наводку.

Вскоре загудели под снопами наши танки. Видимо, получили приказ: вперед! Пошли мимо наших позиций к городу. И тут наблюдатели заметили, что на окраину города немцы срочно перебросили около тридцати грузовиков с пехотой. Мы за ними наблюдаем в бинокли: куда же они дальше поедут? А из штаба полка, как потом выяснилось, за немецкими грузовиками с пехотой тоже наблюдали. Машины вскоре скрылись за холмом. Прошло несколько минут — и вдруг немецкие цепи появились прямо перед позициями нашего арtpолка.

Самоходка все била и била. И зажгла один танк прямо возле крайнего орудия. Танкисты выскочили, вытащили пулемет, установили его в ячейке и начали стрелять по немецкой пехоте.

А те валят и валят густыми цепями. Волна за волной. Много, не меньше полка. Не бегут — идут. Не стреляют. Подошли совсем близко, видны даже пуговицы на мундирах.

Я связь со штабом полка наладил. Командир кричит им туда: «Давай огня по высоте! Быстрее!» — и выругался.

И вдруг впереди, где шли немецкие цепи, все загудело, затряслось. «Катюши» сыграли. И накрыли всю высоту. Один только снаряд не долетел, упал позади нашей траншеи. Мы все прижались к земле, потому что было такое ощущение, что снаряды реактивных установок накрыли и

нас. Был произведен всего лишь один залп. По времени — это несколько секунд. Наступила тишина. Только слышно было, как трава и земля горели впереди. Ни крика, ни сто-на, ни единого движения на высоте, как будто там и не было ничего живого.

Вот так закончился тот бой.

Мы встали со дна траншеи, отряхнули с гимнастерок землю. И тут пошел проливной дождь. Промокла даже ра-ция. Я попробовал включить ее — бьет.

Вечером за пушками пришли тягачи. Уволокли на ре-монт и подбитые орудия.

Болхов был взят в тот же день.

Через несколько дней мне вручили первую боевую на-граду — медаль «За боевые заслуги».

Вскоре мы узнали, что освобожден Орел.

— Дивизия наша наступала. От Кирова к Снопоти, к Десне.

И тут меня снова ранило.

Штаб наш стоял в деревне Богачевке под Закрутым. Нужно было переносить его ближе к станции Бетлица. По-ехали искать удобное место. Сели мы, несколько офицеров связи и штаба, в полторку. Через Половитное едем на Дуб-ровку. Где-то за Половитным нас остановили: «Куда?» — «Туда». — «Туда нельзя — немцы». Действительно, метрах в двухстах видна немецкая оборона.

Шофер стал разворачивать машину. Сдал назад и наехал на мину. Меня тяжело ранило. Немец услышал и стал бить из минометов. Меня ранило еще раз — осколком мины.

Только к вечеру нас подобрали. Привезли на аэродром и самолетом отправили в госпиталь.

— Героизма я нигде не проявил. Не пришлось. Обеспе-чивал связь штаба полка с подразделениями. Одна нит-ка — на НП дивизии. Три — на НП батальонов. И еще не-

сколько. Бывало, весь луг перед землянкой в разноцветных проводах.

Но героизм наблюдал.

Был у меня во взводе связист Романов. Москвич. Бывало, возьмет катушку с проводом — и пошел. Немец бьет, снаряды вокруг ложатся, осколки свистят. Ребята в траншее — и то на дно присядут на всякий случай или под навес уйдут. А он идет с катушкой и даже головы не нагнет. Смелый был человек. Я ему, когда вернется: «Романов, что ж ты делаешь?» А он вопросительно посмотрит и только рукой махнет.

— Из пехоты меня после госпиталя и военного училища перевели в 686-й артполк. Осенью сорок третьего года из-под Вязьмы нас эшелонам, через Калугу, отправили под Белев. Вот тут я и потерял своего боевого товарища старшину Конькова.

Строили блиндаж. Мы с Коньковым пошли за бревном для накатника. Подняли бревно, несем. Я — впереди, он — сзади. Шли и изредка переговаривались. Выстрела я не слышал. Только почувствовал, что Коньков бросил бревно, и мне другим концом больно ударило по плечу. Я выругался. Что ты, думаю, бревно-то без предупреждения бросил? Оглянулся, а он весь в крови лежит. Когда бревном меня ударило, я сразу упал. Это меня и спасло. Вторая пуля просвистела над моей головой, и я понял: снайпер! Лег за бревно, прижал к земле голову. Больше немец не стрелял. Видимо, решил, что и в меня попал, и поменял свою позицию.

Немец, видимо, рассчитал так: сперва второго, а потом — меня, идущего впереди. Сперва Конькова, друга моего, потом меня... Правильно рассчитал: пока оглянусь, пока соображу, что произошло, он успеет перезарядить винтовку и взять меня в прицел.

Похоронили мы Конькова рядом с блиндажом.

Вот так, как в песне той: «Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал...»

Глава 13

СТАЛИНГРАДСКИЕ ИСТОРИИ

Сталинград. Это слово звучит как позывной. Сталинградская битва началась в июле 1942 года. 17 июля в Донской степи столкнулись авангарды 6-й немецкой армии и подразделения 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта. 5 октября 1942 года Сталин приказал: «Сталинград не должен быть сдан противнику». Это была оборонительная стадия битвы на Волге, которая продлилась до ноября. Затем началась ее наступательная часть, которая завершилась в феврале 1943 года полной победой советских войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Была окружена и после непринятого ультиматума о капитуляции раздавлена в котле группировка войск 6-й армии вермахта под командованием Ф. Паулюса. Пленены 91 000 солдат и офицеров противника, среди которых было 24 генерала. 150 000 немцев было убито во время боев и при ликвидации котла. По данным американского историка С. Митчема, в Сталинградский котел угодило 270 000 фашистских войск, из них 240 000 были немцами. Остальные — румыны, итальянцы и т. д. В октябре, когда издал свой краткий приказ Сталин, командующий 6-й армией Паулюс записал: «Сопrotивляемость красноармейцев достигла такой силы, какой мы никогда не ожидали. Ни один наш солдат или офицер не говорит теперь пренебрежительно об Иване, хотя еще недавно они так говорили сплошь и рядом. Солдат Красной армии с каждым днем все чаще действует как мастер ближнего боя, уличных сражений и искусной маскировки».

Что ж, мнение немецкого фельдмаршала мы узнали, а теперь почитаем, что запомнилось из тех боев самому Ивану.

— Летом наш танковый батальон был направлен за Дон, в район Калача. И там нас атаковали немецкие танки. Шли шахматным порядком. Лавиной. Мы приняли

бой. Подбили несколько танков — и уходить. На переправе через Дон скопление войск. Паника. Кое-как, уже под обстрелом, переправились на другой берег. Пошли. На дорогах полно войск. Все перемешалось. Однажды я прилег отдохнуть. Ночи летом короткие. У меня в роте был помпотех Семен Филатов, горьковчанин. Толкает меня: «Комроты! Немцы! Проснись, комроты!» Я на него матом. А не спал уже несколько суток. Одурел, ничего не соображаю. Какие там немцы? Мы же ушли от них еще на Дону. Пришел в себя, смотрю: мы идем в немецкой колонне: наша «тридцатьчетверка» и мы — бронемашина из разведбата. Немцы пока ничего не поняли. И тут началась стрельба. Один из наших танков открыл огонь и в считанные минуты подбил три немецких танка.

— На Дону близ Калача лесов нет. Чистое поле. Поле и поле. С редкими балочками. Колонна наша остановилась. Что-то впереди застопорилось, и все разом встали. И тут налетел «Мессершмитт». В бронемашине рядом со мной сидели старшина и водитель. Старшина высунулся из люка. В это время немец в очередной раз спикировал, дал длинную очередь, и пуля попала старшине в низ живота. Наповал. Механик-водитель спрятался под днищем. А я побежал в балку. Самолет сделал разворот. Летчик, видимо, меня заметил. Вот, смотрю, заходит вдоль балки прямо навстречу мне. Впереди, на дне балки, лежит котел от походной кухни, и я спешу сунуться под эту бочку. Как будто она может спасти меня от крупнокалиберных пуль. «Мессершмитт» снизился до верхушек ковыля. Летит. И вдруг, слышу, пилот кричит: «Иван!» Я уже упал за котел. Заработал пулемет. Но немец все же не рассчитал, промахнулся. Первые пули ударили в землю всего в нескольких сантиметрах от моих ног и дорожкой пошли дальше.

Промахнулся, сукин сын...

— В 1940 году в Серпухове я закончил медучилище. Работал фельдшером в Можайске. Но недолго. Вскоре тем же серпуховским военкоматом был призван в Красную армию. И — на Дальний Восток. В Хабаровск.

В Волочаевском городке на краю Хабаровска дислоцировалась наша 205-я Особая стрелковая дивизия. Почему дивизия называлась Особой? Я слышал, что нас, было время, хотели забросить в тыл к немцам в брянские и смоленские леса.

Наш полк некоторое время стоял на Амуре у деревни Владимировка. Утром ходили на Амур умыться. Было приказано ходить умыться по три-четыре раза. С противоположного берега японцы вели за нами постоянное наблюдение. Вот мы и «увеличивали» таким необычным образом численный состав нашего полка.

Однажды утром два горниста протрубили сбор. Нам зачитали приказ — на Западный фронт!

Мы быстро погрузились в эшелоны. В считанные часы. Так стремились на фронт! Так были обрадованы этим приказом! Хотелось поскорее схватиться с врагом.

Из дорожного запомнилось вот что. В Заволжских степях ехали среди пшеничных полей. Июнь. Пшеница еще не созрела, зеленоватая. И как дунет ветер, она и пошла гулять крутыми волнами! Целый день мы ехали по этому пшеничному морю и любовались им. Да, думал я, этим хлебом большую армию прокормить можно. У нас-то, под Тарусой и под Серпуховом, пейзаж не такой — перелески, поля небольшие, даже пойма не такая просторная. А там — до горизонта хлеба! Колхозы в тех хлебах вешками разделены. Простор! Раздолье! И правда, как в песне: «Степь за Волгу ушла...»

Когда переехали Волгу и повернули на юг, бывалые солдаты сказали: «Под Сталинград!»

В донских степях в станицах и на железнодорожных станциях стали попадаться разбитые элеваторы. Постройки горят, по земле рассыпана золотая пшеница. Мне, де-

ревенскому человеку, на своем хлебе выросшему, на это смотреть было особенно больно.

Под станцией Серебряково остановились. Вагоны с первым батальоном паровоз протащил до самой станции. Переночевали. Утром из-за облаков вынырнули 15 «Юнкерсов». Налетели на станцию, на эшелон. Первый батальон был уничтожен полностью. Осталось в живых всего несколько человек. Случайно, ночью они ушли на станцию в самоволку, поискать выпивки.

«Юнкерсы» станцию отбомбили и ринулись на наш состав. Мы разбежались по овсяному полю. А пулеметчики зенитно-пулеметных установок встретили немцев огнем. И сразу один самолет подожгли. «Юнкерсы» отвалили, ушли. Подбитый самолет упал, взорвался. Летчики выбросились на парашютах. Двое. Туда сразу направили взвод автоматчиков, и летчиков переловили.

Командир дивизии Макаренко приказал дальше двигаться пешком.

Шли по Донской степи колоннами. Иногда даже с песнями. Самолеты над нами проходили высоко и нас будто не замечали. Их цель была Сталинград. Только однажды один оторвался от строя и неожиданно спикировал на нашу колонну, сбросил две бомбы. Убило ездового и лошадей.

На переправе через Дон наши зенитки били так плотно, что ни одного самолета к понтонному мосту не подпустили, не давали немцам бомбить прицельно. По мосту мы шли быстро. Командиры торопили, кричали: «Быстрее! Быстрее!» И стало жутко: куда мы бежим?

За Доном, километрах в пятнадцати, глубокая балка, заросшая лесом. Вся дивизия укрылась в этой балке. Собрали офицеров. Команда: готовность номер один, всем бойцам раздать патроны и гранаты. Боевая задача: занять участок фронта и удерживать на нем немцев десять дней. Теперь, когда я прочитал о Сталинградской битве много книг и воспоминаний, когда сопоставил все даты, понимаю задачу нашей дивизии так: наши войска отступали, и мы, свежая дивизия, должны были обеспечить отход через Дон.

Ночью со стороны фронта все гроыхало и вспыхивало. Отсветы ложились на деревья и на наши лица. Мы друг на друга старались не смотреть.

Утром, в четыре часа, ушла разведка. Полки начали выходить из балки и развертываться. Вскоре вернулись связные от разведгрупп и доложили: обе группы — и головная, и боковая — встретились с передовыми частями противника и завязали бой. Не успели мы развернуться и окопаться как следует, немцы начали бить шрапнелью.

Перед нами пшеничное поле. И вот по этому полю роты пошли в атаку. А немцы уже прорвали фронт и вышли острием прорыва как раз на нашу дивизию. Наши бойцы идут. Хлеба высокие. Только одни зеленые каски видны. Не прошло и нескольких минут, сошлись с немцами. Те вначале полезли в контратаку, но не выдержали, отошли. Мы продвинулись на 12 километров вперед.

Они остановили нас, укрепившись в русле высохшей реки. Зарылись в землю, установили пулеметы. И встретили наши цепи таким огнем, что многих наших сразу и положили. Мы начали вытаскивать раненых, перевязывать. Много раненых было. Некоторые тут же и умирали. Командиры снова поднимали людей в атаку. И все — бесполезно, все — на убой.

К вечеру подошли «катюши». Сыграли и ушли сразу. А там, впереди, глядим, все горит. Оставшиеся в живых побежали. После «катюш» заработала наша полковая и дивизионная артиллерия. Артиллеристы стреляли хорошо. Как дали! Черная стена взрывов высотой метров пятнадцать! И двигается, двигается в глубину их обороны. А за этим валом — наша пехота пошла. Первую линию окопов мы заняли. Дальше — две сопки. На сопках — пулеметы и танки, врытые в землю. Ходили слухи, что у немцев, у танков, кончилось горючее. Вот они и врыли их на склонах сопки.

Опять наши атаки захлебывались. Помню, несколько танков с пехотой на броне пошли вперед. До сопки не дошли. Их перебили еще на подходе. Смотрим, и танки тоже

горят. Танки легкие, вспыхивали от первого же попадания снаряда. В одной из таких атак тяжело ранило в голову комиссара полка Соловьева. Мы, санитары, вытащили его на плащ-палатке.

Вскоре немцы пошли в атаку. 18 танков. Видимо, горячее им подвезли. Но наша артиллерия встретила их хорошо. Только два повернули назад. Остальные горели в поле. Лезли напролом. Некоторые были подбиты уже на линии траншей нашей пехоты. Наши танки тоже контратаковали. Сошлись танки против танков.

И тут мне сообщили: в одной из наших подбитых машин остался раненый танкист. Я пополз в поле. Подполз к танку. Гусеница сбита, башня развернута влево, люки открыты. Только я встал на ноги и полез на броню, с сопки начал бить пулемет. Пули защелкали по броне. В боку у танка пробоина. Насквозь. Танкист, молоденький мальчишка, лет восемнадцати. Разворотило ему осколком всю ляжку. Идти не может. Лежит стонет, дрожит. Осмотрел я его рану. Кость не задета. Я его перевязал прямо в танке. Вылез. Он ухватил меня за шею, я его так и вытащил, на закорках. Немец с сопки очередал уже с опозданием, мы лежали на земле. Пули прошли выше. Полежали мы немного, подождали, когда пулеметчик успокоится, положил я танкиста на плащ-палатку и потащил. Вынес я его, того танкиста. Притащил в расположение своего санвзвода. А там уже подводы стоят. Погрузили мы его на подводу. А дальше было уже не мое дело, дальше раненых отправляли в тыл специальные команды. Все было налажено. Переправа-то через Дон была еще в наших руках.

Две недели мы держались.

Раненых накапливалось много, не успевали отправлять. Убитых тоже было много. Трупы запахли. И тогда начали убирать трупы. И немцы, и мы. А раненых собирали столько, что в балочке негде было ступить, лежали вплотную.

Вскоре они подтянули свежие части. Нажали. А у нас уже и половины личного состава в ротах не было. Наш 721-й полк начал отходить. Командир полка полковник

Кельберг человек бывалый. Назначил группу прикрытия. В эту группу попал и я. Прикрытием руководил капитан Головка. Он лучше всех в полку стрелял из пулемета.

И все же Кельберг сделал ошибку: начал отводить полк засветло. Поторопился, надо было хотя бы немного подождать, темноты дожждаться. Но поторопились. И немцы заметили, что полк оставляет позиции. Они тут же подняли цепи и пошли на нас.

Вот тут-то, в первый раз за эти дни, меня затрясло. Все, думаю, конец. Втроем мы с ними не справимся. Цепь все ближе, ближе.

Пулеметчик при «максиме» был, но капитан Головка сам лег за пулемет. А мне приказал взять автомат и гранаты — все шесть, которые нам оставили, — и занять оборону в сотне шагов в стороне. «Вон, видишь бугорок? Вот там отрой себе окоп, и откроешь огонь только в том случае, если они начнут обходить нас с твоей стороны».

Когда я полз, нашел еще две противотанковые гранаты. Взрыватели в них уже были вставлены. С собой я волок винтовку с оптическим прицелом. Был у меня еще личный пистолет ТТ. Санинструкторов вооружали легко — пистолетами. У убитого товарища я забрал револьвер. В медицинскую сумку, к тому времени порядком опустевшую, насыпал побольше патронов. Так что к бою я был подготовлен хорошо.

Переполз я к указанному бугорку, оглянулся. Капитан Головка лежит за «максимом», стрелять не спешит. Подпускает ближе, на верный выстрел. Щиток и кожух травой замаскировал. Немцы его пока не видят.

Да и меня, похоже, не видят. Я полз головы не поднимая. Но на меня какой-то морок напал, страх, даже ужас. И я не могу как следует отрыть окоп. Хотя бы неглубокий. Лопата в руках не держится. А немцы уже совсем близко. И тут заработал пулемет Головка. Они сперва шли. Потом залегли. И начали подползать с разных сторон. Один полз прямо на меня. Я смотрю на него, как он ползет, и думаю: это ж мой... Немец ползет и на пулемет поглядывает. Меня пока не видит. Проползет так несколько шагов, го-

лову в каске поднимет в сторону нашего пулемета. В руке у него, смотрю, граната на длинной ручке. Ага, думаю, это ж ты ползешь к пулемету... И кинул я в него гранату. Но граната не долетела, разорвалась далеко ватно от немца. Приложился из автомата. Немец стал поспешно отползать. Уполз. Ушли и остальные. Мы отбились. Капитан Головкин, слышу, кричит: «Саменков! Сходи в траншею, посмотри, может, где ленты пулеметные остались! Что найдешь, все сюда тащи!»

Я пополз к ячейкам, где стояли наши пулеметы. Нашел несколько брошенных металлических банок, в них полно патронов. Притащил. Капитан мне: «Вот молодец санинструктор! Мы еще с ними повоюем! Поползают еще они тут перед нами...» А пулеметчик, смотрю, торопливо набивает патронами пустую ленту. И это дело ловко у него получается! Кругом гильзы стреляные — ворох целый! Невдалеке лежат трупы немцев, видны хорошо зеленые мундиры. «Много ж вы их навалили, товарищ капитан», — говорю я капитану Головкину. А он только рукой махнул.

Недолго мы отдыхали. Полчаса, может, и не прошло, новая цепь кинулась атаковать нас. И опять капитан Головкин расстрелял их.

Я снова занял свою позицию. Ко мне подползли несколько немцев. Я кинул гранату. Граната разорвалась как раз там, где они ползли. Закричали и затихли. Больше там никто не копошился. Вторую гранату я и кидать не стал. Убило ль их взрывом гранаты или они уползли, я не знаю. Хотелось потом сходить, посмотреть, но не до того было.

Моя задача в группе прикрытия состояла в следующем: если комбата ранят, оказать ему первую медицинскую помощь и вынести во что бы то ни стало. Но мы, все трое, между собой договорились: друг друга не бросать. Там мы уже на петлицы не смотрели: кто боец, кто командир... У всех троих была работа одинаковая.

Отбились и во второй раз. Патроны кончились. Все, ждать больше нечего. Третью атаку отбивать уже нечем. Но и немцы больше не поднимались. Подождали мы немного,

снялись и ушли. Ушли тихо, чтобы немцы не заметили, что позицию мы оставили. Хорошая там у нас была позиция, не взяли они нас.

Полк догнали к вечеру. Полк отдыхал в балочке. Народу осталось совсем мало. Да и патронов маловато. Зато было у нас одно противотанковое ружье и к нему три патрона. Артиллеристы на краю поля установили сорокапятку. Открыли последний ящик со снарядами. Отрыли окопы. Полку была поставлена задача: держаться здесь, на дороге, пока через Дон не переправилась наша 205-я дивизия, обозы с ранеными и тылами.

Я свой окоп вырыл у дороги. Перед собой положил гранаты: две противотанковые и две РГД. Воевать гранатами мне понравилось. Главное, удачно бросить. А бросать гранаты я умел неплохо, и довольно далеко бросал. Я знал, что немца тоже нельзя близко подпускать, а то и он может гранату кинуть. У них гранаты на длинных ручках, их бросать удобнее.

Утром к Дону стала спускаться немецкая колонна. Три мотоцикла и легковая штабная машина. Ехали не таясь, как-то уж слишком беспечно.

Наши ребята сразу сняли мотоциклистов. Мотоциклы, вполне исправные, они потом прикатили к балке. Хотели на них уезжать в случае поспешного отхода. А в машине сидел генерал. Машиной он управлял сам, водителя не было. Это я хорошо помню. Мне все было видно, мой окоп находился неподалеку.

В машину выстрелили из противотанкового ружья. Пуля попала в бензобак. Машина загорелась. Генерал выскочил из кабины, и в это время кто-то из наших вlepил ему пулю прямо в лоб.

Подожли. Машину затушили. Осмотрели ее содержимое. Нашли сигареты, хлеб и шнапс. Еще кое-какую еду. Нашли даже сапожный крем со щеткой, и ребята, как сейчас помню, почистили свои сапоги. Надраивали все по очереди, пока крем не кончился. Чистили сапоги и посмеивались: может, мол, в последний раз...

Не успели мы разбежаться по окопам, вот она, основная колонна подошла.

Огонь они открыли еще издали. Били по всей балке.

Комполка Кельберг перед этим нам сказал: «Ребята, если будет возможность не ввязываться в бой, то подождем ночи. Ночью попытаемся уйти за Дон. А не сможем прорваться к Дону и переправиться, то мелкими группами пойдем на север, в леса, к партизанам».

Мы открыли ответный огонь. Ох, что тут началось! Колонна к тому времени уже рассредоточилась. Немцы развернули орудия, установили минометы. Шквал огня. Балка потонула в разрывах. Грохот разрывов, вой мин, смрад, гарь, стоны раненых. Когда нас окружили и стало ясно, что не уйти, трое, комполка Кельберг, начальник строевой части, майор, и комиссар полка, застрелились. Перед тем как стреляться, приказали адъютантам добить, если сами выстрелят неудачно. Остальным сказали поступать, как посчитают правильным сами. Кельберг выстрелил в себя первым. Он был из грузинских евреев. Я видел, как они стрелялись.

Во время обстрела балки меня ранило в ногу. Я быстро перевязал себя и уполз в промоину. Промоина, видимо, осталась с весеннего паводка, за лето она заросла бурьяном. Лежу тихо, меня не видно. Слышу, немцы ходят, стреляют из автоматов. То там короткая очередь, то там. Я понял: добивают наших раненых.

Всю ночь я провел в той промоине. Утром вылез и начал искать, нет ли кого живого. Кругом одни трупы. В землянке штаба батальона разбитый телефонный аппарат. Убитых в штабе никого не было.

По дороге, которая вела к Дону, шли немецкие колонны. Уже никто им не мешал.

Немцы увидели меня и обстреляли. Я залег. Думал, не подойдут. Поднял голову, смотрю, идут двое. Я заполз в землянку. Подошли и дали очередь в землянку. Стреляли через узкий лаз, и меня очередь не задело. Я стоял за поворотом. Закричали. Ну, думаю, сейчас бросят гранату. Я и вышел, поднял руки. Куда деваться?

Эти двое, которые взяли меня в плен, оказались не немцами. Один был чех, другой — финн. Финн хотел меня застрелить. Несколько раз автомат вскидывал, отталкивал своего товарища. Петлицы я сорвал. Мои медицинские петлицы похожи на петлицы, которые носили войска НКВД. Малиновые! А гимнастерка-то — офицерская. Финн мне стволом автомата в грудь: «Комиссар!» А чех неплохо говорил по-русски. Мы с ним начали разговаривать. Я ему сказал, что я санинструктор, медик. Показал ему медицинскую сумку с красным крестом. Когда они открыли мою сумку и увидели ворох патронов, финн опять снял с предохранителя свой автомат, закричал, ногами затопал. Но все же не выстрелил. Чех не дал.

Все это происходило неподалеку от деревень Нижняя Голубовка и Верхняя Голубовка в районе Калача.

Начался мой плен.

— Это еще до Сталинграда было, с Керченского полуострова мы переправлялись на Таманский. Бои шли упорные. Немцы давили. Мы отступали. И нам надо было переправиться через Керченский пролив на косу Чушка.

Паника, неразбериха. Мы вторично сдавали Керчь.

На катере туда приплывал маршал Буденный. Пытался организовать оборону. Расстрелял нескольких начальников. Такие разговоры тогда ходили среди бойцов.

А наши непосредственные командиры, видя такое дело, сказали нам так: ребята, спасайся кто как может. Сбор назначили в станице Марьинской, за проливом, в Тамани. А в Тамань еще попасть как-то надо.

Самое главное — через пролив перебраться.

Начали мы делать плот. Нашли бревна. Сколотили большой плот. Попробовали тащить его к морю. Не смогли даже поднять. Бросили.

На пристани собралось много войск. Тысячи! Солдаты, командиры. Всем надо через пролив. Все драпают. Четыре катера непрерывно переправляют людей.

Был у меня друг Борис, осетин. Крещеный. Мы с ним всю войну дружили. Он маленький ростом, я тоже маленький. В строю рядом стояли и в бою всегда рядом. Друг друга выручали. Как братья были.

Пристань небольшая, метров двадцать на пятьдесят. Подходил катер или баржа, народ сразу грузился. А немцы сзади напирают, стрельба уже слышна. Видим мы с Борисом, что не успеть нам переправиться. Очередь к пристани большая, а плавсредств мало. Эх, думаем, захватят здесь нас в плен. Страшно подумать о такой участи.

За погрузкой следят автоматчики. Только попробуй сунься без очереди...

Мы с Борисом на берег к пристани пробрались. Подошла баржа. Ее тащил буксир. К берегу прибило много досок и разного мусора. Подбило и какой-то резиновый поплавок, большой такой. Я — Борису: «Давай по доскам — и на баржу!» Только мы сунулись, а патрульный автомат навел: «Назад!» Буксир еще не подтащил баржу к пристани, а толпа уже надавила, и те, кто стоял впереди, все попадали в воду. Рядов семь. Одни выплыли, другие так и не выплыли...

Мы видим, что охрана замешкалась, пробежали по плавающим доскам, вскочили на поплавок, а с полавка — на баржу. И даже успели воды пресной прихватить. Правда, вода оказалась мутной. Но все же попили.

Керченский пролив чуть пошире четырех километров. И только мы на середку вышли, налетели «Мессершмитты». Пара. Они всегда парами летали. Спикировали и обстреляли из пулеметов. Сделали разворот, начали заходить снова. Хорошо, на барже на палубе были установлены зенитные пулеметы. Моряки отпугнули истребителей. Но некоторых ребят все же побило, других ранило.

И вот, наконец, коса Чушка. Катер к берегу подошел, а баржа — никак. Перегруз, осела низко, зацепила мель — и ни туда, ни сюда. «Борис, — говорю, — надо прыгать. А то, не дай бог, самолеты опять налетят».

Это было 22 мая 1942 года. Вода уже потеплела. Смотрю, Борис боится. Плавать-то не умел. А я на Тереке рос, в станице казачьей. «Давай, — говорю, — прыгай, не бойся, я тебя вытащу, если тонуть станешь». Делать нечего, прыгнул в воду и Борис. Хорошо, что неглубоко оказалось. Воды он, правда, наглотался. Зато плавать сразу научился.

Вышли на берег. С полкилометра, может, и отошли всего. Опять налетели самолеты. Но за нами они охотиться не стали, начали бомбить переправу. Хорошо, что мы вовремя спрыгнули с баржи. Со второго захода «лаптежники» ее разнесли в клочья.

Коса Чушка — километров восемнадцать. С одной стороны море, а с другой — лиман, болото.

Идем. Налетел «Мессершмитт». Спикировал. Но не стрелял. Снова зашел и начал пикировать. И так низко прошел, ну прямо по головам. Видать, отстрелялся где-то, патронов в пулеметах не было. То-то, видать, злоба его раздирала, немца того, что нечем стрелять было.

К вечеру дошли до станицы. Называлась она Анастасиевкой.

Я шел с автоматом. Но многие оружие побросали. Я свой автомат не бросил. Подошел подполковник: «А ну-ка, солдат, пойдем со мной». Я ему: «Куда? Я ж не вашей части». — «Пойдем-пойдем. Все мы тут одной части...» Это правда, подумал я и пошел за подполковником.

Оказывается, неподалеку упал сбитый нашими истребителями немецкий самолет. Самолет целый. Сел, не взорвался, не загорелся. А уже стемнело. И в кабине, видим, огонек посвечивает. Нас четверо солдат и подполковник.

Стали мы подходить. Немец молчит. Подошли совсем близко. Видим: откинулся на сиденье, лежит. Ухает, стонет. Ноги, видать, перебиты. Деваться ему некуда. Даже встать не может. Подполковник говорит нам: «Надо его взять». А как взять? Стали подходить, немец поднял голову, завозился, начал стрелять из пистолета. Пули рядом зашлепали — мы бегом под самолет.

Подождали, пока совсем стемнело. Подполковник нам: «Ладно, ребята, теперь-то я с ним и один управлюсь. Идите в свою часть».

Пошли мы дальше. Направление держим на Краснодар. Идем. Впереди какое-то село. Старики наловили рыбы — мелкая какая-то рыбешка — и варят ее. А нам есть охота, вторые сутки голодали. Как учуяли мы запах от котла, так ноги сами и понесли нас к костру. Подошли мы с Борисом к тем старикам, попросили по рыбке. Старики молчат. Посмотрели на нас и отвернулись. Мы снова голос подали. А они нам: «Что? Сдаете Россию? Почему же вы, сукины дети, без боев отходите?!» Так нас встретили старики. Вот тебе и по рыбке... Повернулись мы с Борисом и молча побрели прочь. А они нам: «Погодите! Куда пошли? Обиделись они... Идите к котлу». Подошли мы к ним. Думаем, что они нам еще скажут. А они уже рыбу делят. Тут какие-то дети возле них появились. Всем по две положили, а нам — по три. «Спасибо», — говорим. И пошли дальше. Старики и дети нас проводили молча.

Ели мы тех рыбешек на ходу.

В станице Марьинской, под Краснодаром нас переформировали. От нашего батальона в строю осталось 150 человек. Уцелел только каждый четвертый.

Там же, в Марьинской, мы справляли Пасху. Пасха в тот год была поздняя.

Я, брат, всю войну крестик нательный пронесил. И не скрывал особо. И в госпитале доктора мой крестик видели, когда на операционный стол клали. А никто ничего не сказал.

— Во время Сталинградской битвы мы сперва стояли под Владимировкой, обеспечивали связь вдоль железной дороги в сторону Астрахани.

Немцы часто бомбили эшелоны. Наша задача была сразу после очередного налета восстанавливать и обеспечивать связь.

Нас было 12 человек. Вскоре осталось только пятеро.

Летал над нами наш самолет Як-3. Пролетит, крыльями качнет. Мы ему руками помашем. Свой же! А неподалеку от наших блиндажей стояла зенитная установка. Расчет девчат дежурил, станцию охранял. Месяца, может, два истребитель тот летал. Мы уже привыкли к нему. А однажды он нас вдруг обстрелял.

Ночью немец пробомбил. А утром мы полезли на столбы, поправлять сбитые с изоляторов и порванные провода. А он в это время пролетел, развернулся. Мы со столбов глядим: «Братцы, так это ж он в атаку заходит!» И точно, обработал нас из всех пулеметов. Сразу двоих ранило, а третьего почти наповал.

Хорошо, девчата-зенитчицы увидели, как он на нас спикировал, дали очередь и тут же, первыми попаданиями, сбили его. Так и накрыли. В щепки!

Подбежали: летчик-то не наш, форма на нем немецкая, офицерская! Летал, гад, вдоль дороги, высматривал наши эшелоны. И дальше бы так летал, вынюхивал, свои самолеты наводил, если бы нервы не подвели.

— Там же, под Сталинградом, наводили мы связь на одном полевом аэродроме.

Базировались на нем штурмовики Ил-2. Бои в те дни шли сильные, и они, бедняги, раза по четыре на дню мотались бомбить донецкую переправу.

Однажды эскадрилья штурмовиков пошла на взлет. И тут налетели «Мессершмитты». Начали наших косить. Несколько секунд всего прошло, а пяти наших самолетов уже нет. Мы лежали в окопах. Один Ил-2 упал прямо возле нас. Бомбы он успел побросать и сел на живот. Шасси не раскрылись, пропеллер согнут. Мы подбежали к нему. Летчика быстро вытащили из кабины. Капитан. Трясется. Седой весь. Повезло ему, живой остался. А другие четыре самолета сгорели, взорвались. Попадали кто где.

Стоял уже ноябрь. Начались холода.

Бои усиливались.

— До войны я выучился на железнодорожника. И в первые месяцы войны работал на железной дороге, в том числе и под Москвой.

Мне уже исполнилось восемнадцать лет. И вот 22 апреля 1942 года: «Становись!» Лопнула моя «бронь».

Попал я вначале в учебный батальон в Чувашию. Полтора месяца нас там обучали стрельбе из винтовки и метанию гранат. И — на фронт. 65-я армия, 225-й стрелковый полк. Под Сталинград. Вначале везли эшелонами. Потом, чтобы не попасть под налеты немецкой авиации, разгрузились и трое суток пешим маршем продвигались к Волге. Стоял конец июня. Жара.

Мы заняли позицию в 300 шагах от Волги на окраине Сталинграда. Вырыли окопы, соединили их траншеей. Песок. Копалось легко.

Вечером, когда наступало затишье, слышно было, как немцы кричали: «Рус! Иван! Скоро буль-буль!» Мол, сбросим вас в реку.

Около двух месяцев держались мы на том берегу.

Атаки были редкими. Слишком сильно мы сблизились. Нельзя было на нашем участке работать ни авиации, ни артиллерии, ни танкам. Донимали только снайперы и легкие минометы.

Я так обжился в своем окопчике, что ребята, возвращавшиеся после легкого ранения из-за Волги, через неделю-другую, видя меня, кричали: «Ты еще здесь?» А я мазаный-перемазаный, в грязи и копоти. «Здесь, — говорю, — еще живой».

У меня было три котелка. А пришел на Волгу с одним. В окопчике отрыл нишу и там свои котелки ставил. Иногда пойдешь на кухню и двойную порцию каши получишь. Идешь по траншее, смотришь, котелок валяется. Снайпер кого-то подкараулил. Вот такая судьба у солдата. А мертвому котелок уже не нужен.

С каждым днем стрелков в наших окопах оставалось все меньше.

Немцы вели огонь из развалин домов. Их снайперам было легче. Иногда, чтобы помочь своим снайперам, нем-

цы имитировали атаки. Выскочат из-за домов, вроде как наступают, а сами тут же прячутся за развалинами. Мы огонь открываем. А снайперам только это и нужно. Смотришь, то один ткнулся, то другой упал.

Но и к этому мы приспособились. Ночью на рогатинах укрепляли винтовки. Пристреливали трассирующими пулями. К спусковому крючку привязывали веревочку. И стреляли из окопов, не высовывая головы.

Из всего взвода нас осталось 13 человек. Ну, думаем, если сейчас немец пойдет, то уж точно сделает нам «буль-буль». Но вскоре нас сменила свежая часть — мурманские моряки.

К тому времени немцы совсем притихли. Из-за домов уже не выскакивали. Видать, и у них потерь было не меньше.

Наш 225-й полк пошел на отдых. Попрощался я со своим окопом с благодарностью — сколько раз он спасал мне жизнь! Котелки я забирать не стал. Один только забрал, свой.

За Волгой помылись в бане. Зачинили гимнастерки.

— За Волгой мы недолго побыли. Полк пополнили и перебросили на Донской фронт. Началось окружение немцев под Сталинградом.

Мы стояли в излучине Дона. Степь. Поля. Балки. Местность открытая.

Мне было приказано идти с саперами, делать в проволочном заграждении проходы. Полк готовился к атаке. Атака была назначена на утро. Знать, не судьба мне была погибнуть в этой атаке, как погибли многие мои товарищи...

Дело было ночью. Ползем. Впереди сапер, я за ним. Подползли к колям. У сапера ножницы. Начали резать проволоку. Я рогатиной поддерживал проволоку, а сапер резал.

Немец обстреливает из пулемета нейтральную полосу. Нет-нет да и полыхнет очередью. Боится. Для остротки стреляет. И как-то так я увлекся работой, поднялся повы-

ше, и — как ударит меня по шее! Показалось, что столб на меня упал. Я потрогал — кровь. Пуля вошла в шею и вышла с другой стороны. Обожгла, гадина. Пробила левую сонную артерию. Сознания я не потерял. Сапер кричит: «Держи проволоку!» А потом увидел, что я весь в крови, говорит: «Ползи назад. Покричи санитаров, а то кровью изойдешь». Пополз. Метров 150 прополз, сил хватило. Кричать не могу. Дополз до своих, вот как жить хотелось. Дополз. Гляжу, лежит цепь, приготовилась к атаке. Тут санитаров покричали. Санитар стал бинтовать. Кровь не унимается. Потасили в тыл. А еще не рассвело, и можно было идти не таясь. Быстро потасили. Вытащили меня ребята.

Стоял уже декабрь.

Меня отправили в глубокий тыл, в Саратов. Тут меня уже спасали врачи.

Глава 14

ВЛАСОВЦЫ

Как о том свидетельствуют документы, рассекреченные буквально в последние годы, трагедия первых месяцев войны, отступление, бег, паника, миллионы пленных — все это имело совершенно определенные последствия в виде русских формирований, воевавших на стороне Германии начиная уже с зимы 1942 года. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что среди оказавшихся в плену или сдавшихся сознательно были и люди, люто ненавидевшие советскую власть, пострадавшие от нее. Лозунгом большинства шедших в так называемые коллаборационистские формирования было: «Хоть с чертом, но против большевиков!» Немцы формировали специальные подразделения для борьбы с партизанами. На некоторых участках фронта такие подразделения числом от роты до батальона имела почти каждая немецкая дивизия. Была также сформирована дивизия «Фон Штумпфельт», Русский корпус, бригада Каминского и, наконец, две дивизии ВС КОНР, то есть собственно детище генерала А.А. Власова.

Бойцы РККА, захватывая в плен солдат этих формирований, особо не разбирались, гранату между ног — и с третьего этажа... Всех захваченных считали власовцами. В том числе и бывших полицейских. Ненависть к предателям была такой беспощадной еще и потому, что многие из бойцов 1944 и 1945 годов побывали под оккупацией, когда «новый порядок» вводили полиция, а также подразделения, созданные немцами для истребления партизан. Очень характерным в этом смысле является рассказ о том, как разведчики поймали на Днепре эсэсовца и власовца. И того и другого повесили, но власовца повесили за ноги...

— На Украине уже было дело. Под Чернобылем.

Нашу роту из второго эшелона перебрасывали к передовой, вводили в бой. Шли взводными колоннами.

Вечерело. Впереди — деревня. До фронта еще километра три. И вдруг из крайних хат — пулеметные очереди. Наш взвод шел во главе колонны, так двоих сразу наповал, а еще троих ранило. Что такое? Откуда тут немцы? Тут же развернулись в цепь. Один взвод зашел с фланга, пулеметные точки гранатами забросали. Взяли мы их без особого труда. Смотрим: немцев среди убитых мало, в основном власовцы. Троих живыми взяли.

Ротный наш курский был. Старший лейтенант. Как сейчас его помню: высокий, сухощавый, уже в годах. Ну, может, лет тридцати пяти так. До нас взводом командовал. В Курске у него семья была. Вся погибла. Бомба в дом попала. Жену и троих дочек — всех разом. Это мы знали.

В середине деревни, под вербами, три грузовика стояли. Моторы уже работали. Видать, драпануть хотели. В кабине одной из машин две девушки. С власовцами были. Но не в форме, а так, в платишках.

Привели всех в хату. Меня поставили охранять их. Вот потому-то я все и видел.

Пришел ротный. С убитыми попрощался и пришел. Ребят своих мы тут же, в деревне, и похоронили.

Пленных поставили прямо в хате, вдоль стены. Ротный крайнему власовцу: «Как же ты, сукин сын, посмел присягу нарушить?» — «В плен попал. Невыносимо было. Простите!» Ротный ему: «Прощаю» — и в лоб из ТТ. Другому: «А ты почему немецкую форму надел?» — «Простите». И на колени упал. «Видать, и перед немцами ты так же унижался, на коленях стоял? Прощаю». И ему — в лоб. Третий весь трясется, голову опустил, белый весь как мел. «А ты?» Тот молчит. Только слышно, как зубы стучат. «И тебя прощаю».

Дальше девчата стоят. У них руки-ноги тоже ходуном ходят. Ротный им: «А вы как сюда попали?» А сам уже свой ТТ в кобуру прячет. Ярость в нем вроде как улеглась, только руки трясутся, никак пистолетом в кобуру не попадет. «Обслуживали их?» — «Обслуживали». — «Эх вы, шкуры! Подстилки немецкие! А если прикажу мою роту обслужить?» — «Обслужим, — говорят. — Только, дяденька, отпустите». Молчит наш ротный, на них посматривает. Скулы у него так и прыгают. Гляжу, злоба в нем еще играет. «А откуда ж вы родом?» — спрашивает и ремешок кобуры уже застегивает. Они ему: «Курские». — «Что-о?! Ку-рс-ки-е?!» — «Да, дяденька, курские». — «Нет! Нет и не будет никогда в Курске блядей немецких!» И выхватил пистолет, и обеих тут же положил.

Ох, натерпелся я тогда! Стоял ни живой ни мертвый.

А ночью ротный напился. К передовой его везли на подводе.

— Перед форсированием Днепра был такой случай.

Разведчики наши притащили языка. А жители привели своего, в немецкой форме. Власовца. И где они его прихватили? Говорят, у бабешки какой-то прятался. Немец оказался из эсэсовской дивизии. Ни слова из него не вытащили. И повесили их, обоих, возле штаба полка. Немца — за шею. А власовца — за ноги. Долго он так, вниз головой, болтался. Немец сразу затих. А этот еще долго живой был.

— Как-то, помню, стоим на переправе. Уже не помню, на какой реке это было. Там же, в Восточной Пруссии. На встречу гонят колонну пленных. Ждем, пока их проведут.

И вдруг один из колонны выскакивает к нам: «Товарищи, дайте закурить!»

Во взводе у нас был матрос, звали его Иваном Николаичем. Годов, может, так под сорок. Нам, молодым, он казался стариком. Мы его и звали по имени-отчеству. Глядим, наш Иван Николаич мигом с плеча автомат — и чирк его! Тот сразу и завалился. А Иван Николаич весь вскипел! И дальше бы, наверно, очередью повел. Подскочила охрана: «Что такое?! Кто стрелял?!» А мы уже Ивана Николаича затолкали в свою колонну: «Не знаем кто. Наши не стреляли».

А после, когда на другую сторону реки перешли, его и спрашиваем: «Ты что ж это, Иван Николаич?» — «Такие товарищи, — говорит, — всю мою семью расстреляли в Псковской области».

Власовцы.

— В Познани наш взвод наскочил на пулемет. Наступали вдоль домов. Обычный уличный бой. Продвигались хорошо. Немцы где начнут стрельбу, мы тут же — из всех стволов. Ребята зайдут, пару гранат бросят и дальше пошли. А тут — прихватил нас... Вперед — ни шагу. Режет, сволочь, длинными очередями. И стреляет точно, со знанием дела. Чуть кто из наших ребят голову поднимет или перекатится в сторону, к тротуарному брусу, смотришь, уже в луже крови лежит.

Мы отползли и начали обходить его сбоку. Но к самому пулемету подойти все же не можем. И гранату кинуть нельзя — стена. А слышим, как рядом совсем, вот, за стеной, лупит. А как его достать? Тогда мы пробили стену, пролезли туда и схватили этого пулеметчика. Оказалось, власовец! Нашивки на рукаве — РОА. Русская освободительная армия. Схватили мы этого «освободителя», пово-

локли. А вторым номером у него немец был. Ребята его сразу застрелили. А этого затащили на седьмой этаж и сбросили вниз. Когда вытолкнули на балкон и он все понял, как заплачет! Что-то пытался сказать. Но кто его будет слушать, когда он столько наших ребят положил?!

— Командир роты дает мне задание: «Видишь окопы перед нами?» — «Вижу». — «Бери двоих разведчиков и проверь, кто в них — наши или немцы?».

Мы продвинулись вперед, отогнали немцев и залегли на опушке леса. Дальше решили не выдвигаться, потому что отставали соседи. А Локтеву связь с соседями в наступлении терять нельзя: ударят во фланг, отрежут, придавят в кольцо.

Пошли. После артобстрела в воздухе еще стоит смрад и копоть. Видимость плохая.

Отошли мы от своих окопов метров на сто пятьдесят. Остановились. До тех окопов, которые нам приказано проверить, уже метров сто осталось. Слышим, оттуда — русская речь. Кричат: «Давай сюда!» Стали совещаться: во-первых, нас заметили; во-вторых, там наши. Идти дальше нет смысла. Те, видать, тоже поняли, что мы можем повернуть назад. И тут же оттуда — длинная пулеметная очередь. Стрельба наших пулеметов, и «максима», и РПД, и тем более Горюнова, сильно отличалась от немецкого МГ. Стреляли как раз из МГ. Он более скорострельный, и звук такой плотный. И сразу упал один из разведчиков, стоявший в середине. Пуля ему попала в левую часть груди. Он умер мгновенно.

Мы повернулись и побежали к своим траншеям. Я бежал вилюгами, чтобы на мушку не взяли. А второй разведчик упал и пополз. Ползком спасался. Добрались мы до бабочки. Там пули нас уже не доставали.

Пришел я к командиру роты. Доложил: так, мол, и так. Ротный: «Как же вы товарища бросили?» Послал санитаря. Санитар пополз к разведчику. Вскоре вернулся: «Убит. Прямое попадание в сердце». Ротный сомневался, думал,

что мы раненого товарища бросили. Нет, раненого мы бы не оставили на нейтральной полосе.

Потом, наутро, мы их выбили из тех окопов. Ребята подползли сбоку и забросали их гранатами. На убитых были шинели немецкие и наши, красноармейские, с нашивками РОА.

— Была у меня снайперская винтовка. Стрелял я неплохо.

Стояли мы в Кенигсберге. Ночевали в полуразрушенном подвале разбитого дома. Занавесились плащ-палатками и спали. Утром встали. А разведчик один, Витя Шишлов, такой бедовый малый, потянулся и говорит: «Ну, братва, сон сегодня снился!.. Или убьют, или обсеруся!..»

Днем со снайперской винтовкой я пробрался на нейтральную полосу. День просидел и ни разу не выстрелил. Бывали и такие дни — ни одного немца! И уже стало вечереть. Я знал, что смены не будет, и стал собираться назад. А уйти с нейтралки надо тихо, незаметно, а то и самого на мушку возьмут. С той стороны тоже ребята зоркие за нами наблюдают. Смотрю на немецкую сторону: что такое? — наши бегут за нашими! Кричат! Матерятся! «Стой! Такой-рассякой!..» Я быстренько расчехлил прицел, глянул: это ж наш Витя Шишлов бежит! За ним вроде как кто-то из пехоты. Одежда — пехотная. Матерятся, догоняют. Что там происходит, не пойму. Смотрю, окружили Витю. Стали подходить. Но тут сразу дым! Все попадали. Тут я понял: Витя Шишлов гранату взорвал.

После ребята рассказали: полез на нейтралку, хотел, видимо, трофеи какие-то собрать... А власовцы его и прихватили. В нашу форму одеты были.

И куда его, дурака, понесло?.. Война-то уже кончалась.

— Родился я в селе Великий Самбор Конотопского района Сумской области. В армию меня призвали в 1939 году. Через год был направлен в Подольское стрелково-пулемет-

ное училище. Но ни стрелком, ни пулеметчиком я не стал. А стал танкистом. И не просто танкистом, а техником-лейтенантом. Войну начал командиром разведроты 13-го отдельного разведывательного бронетанкового батальона.

После Сталинграда, летом сорок третьего, нас перебросили под Сухиничи. До Сухиничей нас везли по железной дороге. Разгрузились и дальше пошли своим ходом — на Думиничи, на Жиздру, на Людиново. Мы заходили на исходные. Готовились к большому сражению. Орловско-Курская дуга дотянулась и до Жиздры.

Вскоре оказались под Орлом.

Поступил приказ: добыть языка. Сформировали группу, выехали на бронемашине. Потом пошли пешком. Немцы уже отступали. Наша пехота преследовала их.

Вскоре мы разделились. Я остался один.

Прошла группа наших солдат. Спрашиваю их: кто, мол, и откуда? Они мне: такие-то. Иду дальше. Навстречу другая группа. «Ребята! — кричу. — Немцы далеко?» Они остановились. И слышу: залопотали по-немецки. И — на меня. Руки мои отнялись, ноги замлели. Немцы! Так, думаю, пошел за языком, а самого сейчас на веревке поведут... А голова работает четко. Автомат? Автомат за спиной. Поздно. Пистолет? Пистолет за ремнем. Поздно. Выхватил финку и одному, переднему, ударил в грудь. Потом другому и третьему животы распустил. А трое подняли руки. Они были из разбитой отступавшей части. Заблудились. Среди пленных оказался офицер.

Когда я их привел и рассказал о схватке на дороге, в штабе батальона не поверили. Выслушали мой доклад, посмеялись. Пленных, правда, тут же отправили в штаб полка.

А вот когда я воевал уже на 1-м Украинском, произошел такой случай.

Мы были на марше. И вдруг впереди увидели: навстречу развернутым фронтом движутся танки и пехота. Ну, попали... Танки с пехотой — страшное дело. Вскоре выяснилось: танки-то — наши! «Тридцатьчетверки» гнали не-

мецкую пехоту. Да и эта немецкая пехота тоже оказалась не совсем немецкая...

Начали мы им помогать.

Я вылез из танка и стал гоняться за одним немцем. Поймал его. А он мне — по-русски! То есть матюжиной! Повел его в штаб, ухаря такого. Уже привел. И тут спрашиваю: «А откуда ж ты?» Зачем я его спросил?.. Теперь вот казню себя. «Из Сумской области», — говорит. Я ему: «Ну, тогда здорово, земляк!» И кулаком своим — промеж глаз. Так он больше и не поднялся.

А рядом стояло начальство: командир нашего корпуса и командир бригады. Вот тогда-то они и поверили, что я под Орлом с шестерыми немцами справился. Узнали меня. «А, — говорят, — это ты тот самый лейтенант, который немцев на дороге захватил?»

Силенка у меня тогда была. Молодой, здоровый. 106 килограммов! Попробуй останови такого!

— Мы уже шли по Венгрии. И где-то под небольшим городком натолкнулись на сильное сопротивление немцев. С неделю уже шли легко. Немец держался не особо прочно. Подойдем, нажмем, пленных захватим — и дальше. Потерь не было. А тут как на камень в темноте наскочили...

Бьют из орудий. Пулеметный и минометный огонь — ну прямо стеной! Смотрим, пошли наши штурмовики. Пролетели над передовой, в немецком тылу через минуту-другую загремело. Накрыли позиции артиллерии. Ну, думаем, теперь полегче станет. Да где там! Лупят и лупят ПТО.

И вот подняли нас. Рота пошла. Мой взвод тоже пошел. А нашей стрелковой роте в это время на период наступления для усиления придали несколько танков Т-34. Нашему взводу были приданы две «тридцатьчетверки». С танками пехоте наступать хорошо. Во-первых, когда поднимаемся и идем, за ними, за этими бронированными громадинами, можно прятаться от пуль. Во-вторых, стоит только где-нибудь проявиться пулемету противника, как туда тут же уле-

тала пара-тройка осколочных. И мы уже беспрепятственно шли дальше. Это был уже не сорок первый год.

Пошли мы за своими танками. И вскоре прорвали их оборону. Но тут, смотрим, оба наших танка куда-то исчезли. Ушли правее. А там во время прорыва загорелась одна «тридцатьчетверка». Где-то примерно в полосе наступления третьего нашего взвода. Ярко так вспыхнула. И потом взорвалась. Танки так редко горят. А тут как факел. И вот туда куда-то и сместились наши танки.

Я пошел узнать, что случилось. Надо же дальше наступать, а взвод остался без поддержки.

Пробежали мы со связным Петром Марковичем молоденький березнячок. Ага, вот они, наши танки стоят. Сразу обратил внимание: стоят как-то странно. Кучей. Пять или шесть сгрудились.

Подходим. Две «тридцатьчетверки» стоят углом. И там танкисты зажали шестерых немцев. Подходим ближе: никакие это не немцы, потому что трое из них калмыки, глаза узкие, степные. Тут мы и разглядели их нашивки: РОА. А, вот оно что.

Я — к лейтенанту-танкисту. А он уже с автоматом стоит. Лицо злое — не подходит... Увидел меня: «Сейчас, лейтенант, поговорим с этими и дальше пойдём». — «Кто они?» — спросил я танкиста. «Да вот, противотанковый расчет. Пашку Фомина сожгли. Семь снарядов выпустили. Весь экипаж погиб». — «И что вы собираетесь с ними делать?» — «А вот сейчас и решим».

Кругом одни танкисты. Пехоты нет. Власовцы успели подбить только один наш танк. Их орудия тут же раздавили, а самих погнали по березняку. Вот за ними-то наши танки и кинулись. И вот поймали.

«Что, шкуры, — говорит им лейтенант. — Пашку Фомина я вам так и так не прощу». И тут один из калмыков ощерился зло, что-то по-своему закричал и так ловко кинулся на лейтенанта, что никто ничего и сообразить не успел. Как кошка. Лейтенант его отбил прикладом. Добавил сапогом. Тот встал. Лицо все в крови. Лейтенант вскинул авто-

мат и повел очередь. Все так и повалились. Кроме одного. Этот — русский. Стоит молча, руки опустил. Лицо блее мела. Совсем молоденький. «А ты, — говорит лейтенант, — тоже с ними?» Молчит. А лейтенант и говорит: «Я и тебя пристрелю. За Пашку». И вдруг тот отвечает: «Стреляй, лейтенант. Я знал, что такое будет». — «У тебя, наверное, и мать есть? И отец?» — «Да, — говорит, — есть и мать, и отец». — «И кого ж они дождутся? Шкуру немецкую? Лучше пускай думают, что ты без вести пропал». И весь остаток диска ему в грудь...

Глава 15

«ВИЖУ ЦЕЛЬ! АТАКУЮ!»

Штурмовик Ил-2 — это легенда Великой Отечественной войны. И те, кто дрался на них, приближая нашу победу, люди особые.

Приведу статистику.

За годы войны авиационными заводами было выпущено 36 000 Ил-2. Из них 30 000 были деревянные. И только 6000 цельнометаллические.

Штурмовая авиация потеряла:

- от огня зенитной артиллерии 63% машин;*
- от истребителей противника — 36%;*
- уничтожено на аэродромах — 1%.*

Средняя выживаемость летчиков ВВС РККА в годы войны:

- истребительная авиация — 64 вылета;*
- бомбардировочная — 48 вылетов;*
- штурмовая — 11 вылетов;*
- торпедоносная — 3,8 вылета.*

Ил-2 был самым массовым самолетом Великой Отечественной войны. Историки и военные специалисты ставят его в один ряд с танком Т-34, «катюшей» и пушкой ЗИС-3 конструкции В.И. Грабина.

Об остальном расскажут сами летчики-штурмовики и их стрелки.

— Родился я в деревне Богданово Белевского района Тульской области. Но детство мое прошло в Казахстане, куда родители переехали на вольные целинные земли в начале 30-х годов. Думали, видать, от колхозов подальше...

Я уже учился в школе, когда однажды к нам пришли два летчика. Форма у них была красивая. Сами они молодые, подтянутые. И говорят нам: «Ребята, кто рождением 1923 года и старше, приходите к нам в аэроклуб. Мы вас будем учить на летчиков. Будете летать на настоящих самолетах».

Мы все ринулись на медкомиссию. А мне не хватало года. Медкомиссию прошел успешно. А многих на комиссии как раз и валили. Что делать? Кое-как уговорил секретаршу в сельсовете, чтобы она мне в выписке из метрики дату рождения вписала цифрами. А дальше, как говорится, дело техники. Взял такие же чернила и за ночь справка с 1923-м годом рождения была готова.

Вскоре я был зачислен в аэроклуб.

В феврале 1941 года мы уже готовились к самостоятельным полетам, без инструктора. И тут раскрылся мой подлог. Командир аэроклуба вызвал меня: «Как же так, Романов?» А инструктор заступился: «Он у нас один из первых в экипаже». В экипаже у нас было двенадцать курсантов — эскадрилья. От полетов меня все же не отстранили — пожалели. Увидел командир мои старания. Понял мои переживания.

После аэроклуба нас направили в 3-ю Чкаловскую школу пилотов, которая находилась в Черном Остроге в Сибири. Школа выпускала военных летчиков скоростной бомбардировочной авиации. Осваивали мы бомбардировщик СБ. Двухмоторный. Самый, пожалуй, лучший бомбардировщик на то время.

22 июня, в выходной, сбежали в самоволку на Урал искупаться. Лето, жара. И вдруг слышим в части у нас: «Ура! Ура!» Быстро выскочили из воды, оделись. Побежали. Построение. «Что такое?» — «Война!» — «С кем?» — «С Германией». Мы запечалились: не придется нам воевать, Красная

армия разобьет Гитлера быстро, да там еще рабочий класс Германии поднимется... Так что до нас дело вряд ли дойдет.

Но дошло дело и до нас.

Тянулись дни, недели, месяцы. Пошли сообщения: такого-то числа наши войска оставили такой-то город, отступили на такой-то рубеж. Мы думали: ну что же там наши так отступают? Вот уже бои шли под Москвой. Под Москвой выстояли. Схватились за Сталинград. Фронт растянулся, охватил всю страну.

В 1942 году я уже самостоятельно летал на СБ. Выполнял необходимые упражнения. Оставалось отработать несколько видов полетов во взаимодействии со штурманом. В экипаже СБ три человека: летчик, штурман и стрелок-радист.

Зимой 1943 года мы получили новые самолеты Ил-2.

Аэродром был занесен снегом. Пурга за пургой. Полеты начались только в конце апреля, когда прекратились снежные заносы и немного удалось расчистить аэродром. Пошла интенсивная переподготовка нас, бомбардировщиков, в штурмовиков.

Летчиков из нашей школы выпускали в звании сержантов. Одевали соответственно. Обували в ботинки с обмотками. Весной сорок третьего пришел новый приказ: выпускать летчиков младшими лейтенантами. Я оказался среди первых офицеров-выпускников нашей школы. Но хоть и выпускали нас уже офицерами, а одевали как простых пехотных бойцов. Прибыл я на фронт младшим лейтенантом. Ил-2 освоил быстро. Машина мне понравилась.

Стрелять нас в летной школе не учили. Говорили так: «Научитесь стрелять на фронте». Учили летать.

Фронт — не летная школа. Там всему, что надо, учились быстро. Или погибали. Перед первым полетом наставляли так: самое главное — взлететь; взлетел, пристраивайся к ведущему и дальше уже выполняй все его команды. Связь поддерживать визуально, потому что в наушниках один треск, и рацию лучше отключить, чтобы не отвлекала. Задача: не прозевать очередную команду, быть предельно вни-

мательным. Посыпались бомбы у ведущего, и ты бросай. Заработали пушки у ведущего, открывай огонь и ты.

На полигоне в школе я не бросил ни одной бомбы, не произвел ни одного выстрела из пушек. До прибытия в эскадрилью я даже не слышал, как гремят авиационные пушки. «На фронте! Всему научитесь на фронте!»

Мой 946-й штурмовой авиационный полк формировался в 1942 году. Я, разумеется, в первый состав не попал. Никто из первого состава летчиков полка до Победы не дожил. Три состава полка полегли в полях от Подмосковья до Германии, сгорели в воздухе, пропали без вести, упав на вражеской территории.

За всю войну я совершил ровно 70 боевых вылетов. До начала боев на Курской дуге летчика-штурмовика уже за 50 боевых вылетов представляли к званию Героя Советского Союза. После Курска, чтобы получить Героя, надо было совершить 100 боевых вылетов. Дважды я был сбит. Третий раз падал из-за неисправности в двигателе. При падении самолета был ранен. Но пули всегда пролетали мимо меня. Бог миловал.

Операция «Багратион» началась 23 июня 1944 года. Мой первый боевой вылет.

Наш полевой аэродром расположился между Жлобином и Рогачевом в Довске. Но сразу на свой аэродром мы не перебазировались, чтобы не обнаружить себя. Накануне, 22 июня, с бредущего сели и замаскировали машины. На другой день мы должны были атаковать с воздуха передовые порядки немецких войск прямо по фронту.

23-го — подъем! Прибыли на аэродром. Погода отвратительная. Низкая облачность. Тем не менее 1-я эскадрилья вылетела согласно графику в полном составе. Мы, 2-я, ждем. Уже время им возвращаться, садиться. Ждем. И вот появились первые. Возвращаются по одному.

Командир полка срочно принимает решение: 2-й вылетать парами.

Мне в пару попался тоже новичок необстрелянный — первый вылет. Миша Антоненко. Но он старше меня по

званию — старший лейтенант. Раньше он был техником, уже воевал, подал рапорт и переучился на летчика. Он — ведущий, я — ведомый.

Взлетели. Он до того растерялся, что забыл убрать шасси. Я залетел вперед, качнул крыльями, выпустил шасси и тут же убрал — знак ему подал. Но он так и не понял и шасси не убрал.

Лечу. И вдруг, чувствую, начал давать сбои двигатель моего самолета. Что такое? Возвращаться? Я представил свое возвращение... Скажут: «Трус!» Нет, возвращаться не буду. Держусь на минимальной скорости — 250 километров в час. Чуть только прибавлю — глохнет. Ладно, лечу потихоньку. От ведущего своего, от Миши Антоненко, я сразу отстал. Но вскоре долетел до Днепра. Перелетел реку. Вижу внизу траншеи: вот они, зигзагами опоясывают берег Днепра. Окопы. Как красиво накопили, гады! Кое-где видны свежие воронки: они еще дымятся. Наши поработали, с ходу сбросил бомбы. Сделал вираж, зашел так же, вдоль траншеи, отработал из пушек и пулеметов. Стрелять мне сразу понравилось. К тому же сверху все хорошо видно. Вон они, немцы, сидят в траншее, по мне палят из винтовок и пулеметов. Отстрелялся и назад потянул, за Днепр, домой. Вернулся, а ведущего моего нет. Как потом оказалось, его мессер сбил. Сам-то Антоненко живой остался. А машина погибла. Прилетел я, доложил о поломке. Проверили. Действительно, в карбюратор подсасывало воздух.

В этот день в нашем полку погибло четыре экипажа.

В моем самолете техник насчитал больше двадцати пробоин.

— Стояли мы под Белостоком.

День уже клонился к вечеру. Мы готовились к ужину. Знали, сейчас по 100 граммов, покушаем и отдыхать. Водку давали только на ужин.

Вдруг бежит посыльный: «Вторая эскадрилья — к боевому вылету!»

Накрылись наши 100 граммов...

Облачность очень низкая. Поэтому работать над целью с ходу, с бреющего. Никакой штурмовки.

Нашу пехоту на плацдарме прижали очень сильно, и надо было срочно поддержать славян. Нам сказали, что наша пехота будет обозначать себя красными ракетами. Ракеты они будут пускать в сторону немцев. Поэтому решили так: как только увидим ракеты, так сразу и бомбить, бомбы как раз к немцам и прилетят. Этот прием мы уже хорошо знали. И бомбить, и стрелять к тому времени мы уже научились.

Пошли четверками. Пошло первое звено. Через 400—500 метров второе звено, потом, через такой же интервал, третье.

Полетели мы на плацдарм. Летим, а пехота себя никак не обозначает. Мы убрали обороты, чтобы лететь помедленнее. Внимательно смотрим вниз. Стали друг над другом, следим, чтобы винтами один другого не зарубить. Я шел в третьей четверке. Вижу, дело неверное. Ушел в облака. Минуты три шел в облаках. Начал выходить. Время уже выйти, а земли нет. Наконец, вижу, внизу затемнело: вот она, земля. Дело летчика, в особенности это касается штурмовика, такое: летай в небе, а землю чувствуй. Огляделся: нет никого. Я — один. Встал в вираж. Смотрю, еще один наш идет — Костя Голышкин. Сразу качнул крыльями. Мы друг друга сразу узнавали, издали. Встали в пару. Ведущим никто не идет. То я ему в хвост захожу, то он мне. Потом, смотрю, третий наш появился — Сафронов. Сафронов был постарше нас, посмелее. С сорок третьего года воевал. Сделал знак: «Давайте ко мне». Мы пристроились. Летим. Ищем ориентиры. Видим, внизу идет железная дорога. Сразу узнали ее по очертаниям на картах: Гдыня—Бромберг. Идем хорошо. Ребята рядом опытные, бывалые. С такими в небе не страшно. Оба потом погибли. Идем. Вроде облачность поредела, видимость улучшилась. Слева железная дорога. Догоняем немецкий состав. Мы бы прошли и не тронули его — не до него нам

было. Мы обрадовались, что нашли ориентир, и от него теперь надо было искать передовую, чтобы выполнить задание.

Но с эшелона нас обстреляли. Смотрим: трассы от поезда идут к нам. Н-ну, братцы!.. У вас — пулеметы. А у нас — бомбы, еще полный боекомплект, пушки заряжены. Мы сразу — в правый разворот, выходим на угол атаки. Пропустили эшелон под углом примерно в 60—70 градусов. Легли на бредущий. Тут уж не промахнешься. Бомба мимо состава не проскочит. Если и недолет, то подпрыгнет — и в первый же попавшийся вагон! Так и получилось. Разделали мы тот состав под орех.

Прилетели на аэродром, уже начало смеркаться. Зашли. Удачно сели. Комполка к нам: «Такие-сякие! Где были?» Докладываем: «Так и так. Отбомбили эшелон». — «Точно?» — «Так точно! Отработали — дай Бог на Пасху!..»

На другой день утром послали туда разведчика с фотоаппаратом. Тот проверил, зафотографировал нашу работу. Нам всем — благодарность.

— Наша 2-я эскадрилья удачно штурмовала переправы. Как-то так сложилось. Целая серия вылетов на штурмовку переправ, и все удачные. И задачу выполняли, и возвращались без потерь. Везло. И мы в полку считались уже мастерами по переправам.

А надо заметить, что переправы свои немцы охраняли особенно тщательно. Зенитные батареи, «Эрликаны», истребители.

Ниже Остроленки, на Западном Буге, наши разбили немецкую переправу. Но немцы быстро, как они умели это делать, навели понтонный мост.

И вот нам приказ: уничтожить понтоны и, таким образом, задержать переправу отступающих немецких колонн через Западный Буг. Действовать решили так: со своей территории на бредущем идем прямо на переправу; идем во фронт — все 12 самолетов. И по команде ведущего од-

новременно бросаем бомбы. А у нас у каждого по четыре стокилограммовых бомбы. Сто кило — чушка хорошая.

Так и сделали. Выскочили из-за леса на бреющем, все 12 машин, — вот она, переправа. Вот зенитные батареи, колонны техники — танки, тягачи с орудиями, мотоциклы. С ходу отбомбились. Вышли на немецкую территорию, развернулись на 180 градусов. Набрали немного высоты. Заходим в атаку и бросаем машины в пике. Ударили из пушек и пулеметов. Снаряды по трассе ложатся хорошо. Хорошо вижу свои дорожки — по воде, по понтонам, по колонне, по земле. Там, внизу, месиво. Паника.

Стал выводить самолет из атаки. И в это время немецкий зенитный снаряд ударил в мою левую пушку. Пушка располагалась в центроплане, на левой плоскости. Разворотило не только пушку, но и обшивку. Мой самолет начало швырять. Никак не вырву его из пике. Земля уже близко. С парашютом выбрасываться поздно. Смотрю, нос мой понемногу поднимается, поднимается. Вытянул кое-как. Но заметил: чем меньше скорость, тем меньше и крен. Так, на минимальной скорости, и дотянул до своей территории. Гляжу, Алеша Третьяков прикрывает меня, не бросает. Эскадрилья уже ушла вперед, домой. А Алеша со мной остался. Высоты у меня уже совсем нет, метров десять—пятнадцать. Чувствую, что самолет все ниже и ниже. Третьяков мне машет: мол, садись! Хорошо, что поле внизу. Я — на живот. И пошло меня швырять. Кувыркался долго. Но жив остался.

Упал я в расположение нашей танковой части. Танкисты подбежали, вытащили из машины. Кое-как очухался. Танкисты обрадовались, что я живой. Повели к себе и давай угощать! Как-никак коллеги! Илы на фронте называли летающими танками. И работали мы с нашими танкистами очень часто вместе — против немецких танков. Они видели нашу работу. Уважали нас. Мы их — тоже. Они видели, какими мы возвращались домой. Бывало, летишь, а от тебя куски обшивки отрываются. «Рус-фанэр!» Но — тянешь. Глядишь, и сел. За ночь техник залатает пробои-

ны, заплаток наставит — и опять вперед! Так что мы на своей «фанэре» лихо летали и дрались отчаянно.

На другой день пошел я к своим пробираться. Надо было выйти на дорогу Варшава—Белосток. Пошел. Танкисты хотели провожатого дать, но я отказался, сказал, что дойду и сам. Прошел лесок. Вышел на поляну. И что я увидел...

Столько побитых людей сразу, в одном месте, я не видел больше нигде. Трупы лежали сплошь. Иногда один на другом. От леска и до самого шоссе. Видимо, рукопашная была. Я, как увидел все это, даже испугался и вытащил из кобуры свой ТТ. Иду. Понимаю, что здесь уже нет живых, а страшно. Жутко сделалось. Многие уже раздеты. Поляки раздели, жители. И не понять уже было, где наши, а где немцы. Я смотрел вокруг и думал: сколько ж людей на одном поле полегло! Сперва я обходил трупы. А потом пообвык, стал перешагивать. В одном месте, смотрю, лужица — вода, и к этой лужице, с трех сторон, три солдата...

Мы победили немцев в том числе и количеством. Они тщательно подсчитывали свои потери.

У нас списков погибших не было. Они попросту не велись. Мы своих не жалели. В музее нашего штурмового полка списка всех погибших в годы войны нет. Я спросил, хотел узнать, когда погибли мои товарищи. Хотел уточнить, чтобы поминать их. Нет списка!

Был, помню, у нас начштаба Лупачев. Подходили мы уже к границе Германии. Летали удачно и не теряли никого. Базировались на полевом аэродроме где-то возле Бромберга. Полетим, отработаем по целям — и назад. Все целы. В небе к тому времени мы уже главенствовали. А зенитки научились сразу подавлять. И он нам, начштаба, раз и говорит: «А не жульничаете ли вы, ребята?» Мы все время взаимодействовали с пехотой. Пехотинцы же видят, где и как мы работаем. Пехота пошла, танки двинулись, мы поддерживаем их, идем совсем рядом, иногда метрах в пятнадцати—двадцати впереди. На брющем пропахивали немецкие окопы, блиндажи, пулеметные гнезда. Артиллерию накрывали, танки, самоходки. Мы атаковали рядом с пехотой.

А штабники в те атаки не ходили. И когда наша кровь лилась рекой, им казалось, что это и была настоящая война. А когда мы стали воевать лучше, почти без потерь... Не в обиду им говорю. Так было.

Человек есть человек. Каждый воин стремился воевать честно, поразить врага. Но хотел и свою жизнь сохранить. Иногда чувство самосохранения оказывалось сильнее других. Однажды мы вылетели на задание — бомбить немецкий аэродром. Что такое аэродром? Это прежде всего мощная система ПВО. Зенитки. Мы их конечно же боялись. От истребителя можно было отбиться, уйти. Но если в самолет попадал зенитный снаряд, его иногда разносило в куски. И вот летим. Впереди показался аэродром. С ходу выходим на цель, ложимся в атаку. А ведущий наш вдруг вираж — и в облака! Атаки не получилось. Отбомбились как попало. Прилетели, спрашиваем его: «Что ж ты?» А он и по званию старше нас, и опыта боев у него побольше. И орденов. А вот... Он и говорит: «Ну не смог!» Может, предчувствие было нехоршее. Потом ничего, летал, дрался отважно.

— Второй раз меня сбили под Замбровом. Мы работали по их танкам. Как всегда: три-четыре захода для бомбометания, а потом огонь из пушек и пулеметов. Выбираешь цель и бьешь по трассе. У танка усиленная броня боковая. Он защищен от наземной артиллерии. А сверху и сзади, как правило, слабая. Смотришь, пошла твоя трасса, начала буровить землю, но снаряды рвутся с недолетом. Идешь, идешь, подводишь трассу к танку и накрываешь его. На вираже оглянешься на секунду — горит крестник.

Во время очередной атаки мне в двигатель попал снаряд из «Эрликона». Не разрывной — бронебойный. Мотор сразу задымил, потом загорелся. Я быстро развернулся в сторону своей территории. Самолет еще слушался руля. До аэродрома недалеко. До наших траншей поближе. Километра два — и вот она, наша пехота. Тяну. Внизу лес, сплошной лес. Нет, не дотяну. Скорость падает, высота

тоже. Лес не кончается. Черт бы его побрал. В летной школе нас учили так: при вынужденной посадке на лесной массив верхушки деревьев принимать за поверхность земли...

А у них лес не то что у нас: растет рядами, ровными-ровными. Посадки. Моя «сигара» с двигателем и пошла между двух рядов. Плоскости сразу обрубило деревьями. Центроплан отлетел. В нашем лесу так не получилось бы. В нашем падал бы по-другому. Деревья мелькают. Лечу. Ударился. При ударе о землю выскочило лобовое бронестекло. Толстое, пуленепробиваемое, тяжелое. Выскочило и задело мне по голове. Стрелка привалило деревом. Деревьев мы все же нарубили порядком.

Тут же прибежали пехотинцы. Ох, молодцы ребята, наша славная пехота! Скольким летчикам они спасли жизнь! Мы только упали, а они уже тут. Вытащили нас. Положили. Хорошо, что самолет не взорвался. Пламя сбило, погасило во время падения, когда мы шумели по ветвям деревьев. Стрелок очухался раньше меня. Мне кожу срезало на лбу и задрало. Стрелок на меня смотрит и говорит испуганно: «Командир, у тебя мозги видны!» Вот дурило. И меня перепугал.

Пехотинцы отнесли меня в свой госпиталь. Перевязали. Сутки я спал. Выходили меня пехотинцы. А вскоре я вернулся в полк.

Хорошая война у летчиков! То у танкистов погостил, то у пехотинцев. Все тебе рады, все стараются угостить.

Не завидовали мы нашей пехоте, видели, как они поднимаются под огнем. Думали: не дай бог воевать в пехоте. Не завидовали и танкистам, видели, как гонят наши «тридцатьчетверки» от прямых попаданий противотанковой артиллерии и «Тигров». Думали: хорошо, что мы не танкисты. А они и пехота, и танкисты, видать, смотрели, как мы через их позиции к немцам мотаемся, какие битые-перебитые возвращаемся, как падаем, не дотянув даже до своих траншей, и тоже думали: хорошо, что мы не летчики...

Так что на войне везде хорошо было.

— Уже когда аэродромы наши перекочевали за Одер, цели нам не определяли. Началась свободная охота. Вылетаем звеном. Летим четверкой и цель себе ищем сами. Носимся вдоль дорог, магистралей. Там мы уже не боялись. Поднимались и повыше. «Мессершмитты» уже не появлялись.

Летим раз. Шоссейная дорога. Дорога на Штеттин. Справа железнодорожная станция. Наши машины к тому времени хорошими передатчиками укомплектовали. Я говорю командиру звена: «Юрченко, давай ударим по станции. Смотри, паровозы стоят под парами». А он мне: «Ты посмотри, что под нами творится». Под нами идет колонна. Как только мы ее настигли, немцы сразу врассыпную. С одной стороны вдоль шоссе — болото. С другой — поле и лес невдалеке. Когда они нас увидели, сразу побежали к тому лесу.

Нам развернуться — секундное дело. Развернулись — и пошли хлестать! Взяли мы тогда грех на душу. Это я точно знаю. Там внизу, в колонне, были не только военные. Беженцы тоже шли. Много. Солдаты-то те сразу к лесу побежали, они знали, где от бомбежки лучше спрятаться. А гражданские рядом с дорогой залегли. Многие в колонне остались.

Поругались мы тогда с Юрченко. Я ему потом, уже на аэродроме: «Ударили бы по станции...» Он ничего не ответил, отвернулся. А командир был он, ему решать, по какой цели работать.

Тот вылет был последним боевым.

Война шла жестокая. И они бомбили наши обозы с беженцами, и мы потом...

— А вечером в нашем полку был писатель Федор Панферов. Знаешь такого? Читал? А вот я с ним разговаривал, руку ему жал. Его роман «Бруски» я уже после войны прочитал. Панферова мы в полку принимали как дорогого гостя и большого человека. На другой день наш старшина

рассказывает: «Ну, ребята! Мы пьем крепко, сами знаете... Но как он пьет!» — «Ну а как же он пьет?» — спрашиваем, а сами думаем: уж нашего-то старшину трудно этим делом удивить, он у нас во всей дивизии самый большой мастер по этой части. Никто его не мог перепить. За всю войну — никто. «А вот как, — говорит наш старшина, а сам вроде как немного расстроенный. — Меня перепил! Хор-роший писатель!»

— 7 мая вечером мы перелетели под Гдыню. Расположились на полевом аэродроме. Победу все еще отмечаем. И вдруг нам ставят боевую задачу: на косе Хель засели власовцы и остатки немецких частей, окопались, не сдаются. 9 мая надо нанести штурмовой удар по косе.

Ночь накануне вылета мы почти не спали. Победа ведь. Мы ее уже и отметили. А тут на тебе — боевой вылет. Бомбить этих недобитых гадов, окопавшихся на косе.

Утром чуть свет нас доставили на аэродром. Техники уже готовят машины к вылету. Мы, летчики, сидим ждем. Проходит час, другой. Командование наше приняло такое решение: послать вначале разведку. Комполка сказал: «Полетят двое. Самые опытные: Уполовников и Бурдуков». Между бомбами закрепили пачки листовок: мол, Германия капитулировала, сдавайтесь, сопротивление бессмысленно.

Уполовников и Бурдуков сходили на косу. Коса лесистая, длинная. Сбросили они бомбы и листовки. Вернулись. Спрашиваем их: «Как?» Они говорят: «Отбомбили. Немцы постреливают. Но как-то вяло».

Нам приказ: «По машинам!»

Сидим в самолетах. Ждем сигнала на взлет. И вдруг бежит из штаба посыльный. Радостный. Кричит: «Отбой! Немцы сдаются!»

Мы вылезли из самолетов и пошли к столовой.

А вечером я так напился, как никогда в жизни не напивался. На ногах не стоял! И начало меня рвать. И так меня чистило, так всего корежило и выворачивало, что думал:

все, умираю. А сам хоть и пьяный в стельку, а думаю: что ж я, дурак, делаю, ведь война кончилась, живой остался, надо радоваться, а я так напился... И так сильно рвало, что, кажется, все внутренности наружу выворачивало. Вот я стою где-то под соснами на четвереньках, победитель, дурья башка, хоть и пьяный в дым, а думаю: что ж я наде- лал, война ведь кончилась.

Видно, надо было так напиться. Хотя бы раз в жизни. У всех, даже у тех, кто и не особый-то любитель выпить, было в жизни такое. У меня это случилось 9 мая 1945 года.

— Когда я думаю о войне, я думаю о своих товарищах. Из них уже почти никого не осталось в живых. Из моей второй эскадрильи 189-го гвардейского ордена Суворова штурмового авиаполка 4-го штурмового корпуса остался я один.

Вспоминаю своих стрелков.

Стрелки в штурмовой авиации гибли чаще. Они почти не были защищены. Вспоминаю Гришу Рудого. Лихой был парень, отличный стрелок. Его крупнокалиберный пуле- мет так и работал, так и рокотал. Когда он вел огонь, я был спокоен: мессеров он ни за что не подпустит.

Однажды под одним польским городком мы бомбили железнодорожную станцию. Выстроились колесом, чтобы мессеры не подошли, и начали раскатывать немцев. Рабо- тали всей эскадрильей. И вдруг видим, от станции по шос- се покотил мотоцикл. Командир мне: «Романов! Догони!» А мне за ним гнаться — дело недолгое. Я срезал круг, за- шел прямо на него, обдал снарядами. На вираже глянул: мотоцикл валяется. Вот и все, думаю. А стрелок кричит: «Лень, а он жив!» — «Ну ударь ты по нему». Зашел. А Гри- ша Рудой мне: «Не могу. Зайди покруче». Захожу. А я его уже тоже увидел: прячется за деревом. Вдоль шоссе огром- ные такие деревья стоят. Я дал очередь, так, для имитации атаки. И немец сразу перебежал за дерево. Проскочил я то дерево и пошел над полем с набором высоты. А Гриша,

когда я наклонил крыло, ударил длинной очередью. Слышу, кричит: «Все, командир! Пошли!»

Вспоминаю, как мы спасали друг друга от немецких зениток. «Эрликоны» нас били на высоте 400—500 метров в момент, когда мы выходили из атаки. Вот тут они веселились! Тут они нас распекали! Как попадешь в их трассу... Если снизу заработал «Эрликон», по прямой не иди, маневрируй, вправо-влево машину кидай. Из зенитных орудий немцы били тоже довольно точно. Идешь на высоте 800 метров, снаряды рвутся точно на нашей высоте. Смотришь, разорвался снаряд справа. Ага. Я тогда самолет вправо, к разрыву, и подтягиваю. Все, следующий снаряд уже точно не мой. А молодые летчики, глядишь, пошли шарахаться от разрывов. Нервы не выдерживают, хладнокровия нет. А снизу немцы все видят. Если зенитчики опытные, они сразу отбивают этот самолет в сторону — и весь огонь по нему. Глядишь, повалили...

В авиации выдержка — главное оружие.

Что такое боевой вылет? Сказать легко: «Боевой вылет». А слетать...

Сидим на КП. Прибегает посыльный: «Вторая эскадрилья! На вылет!» Маршрут проложен. Задача: уничтожить аэродром противника. А там не только зенитки и «Эрликоны», но и дежурные мессеры. Мы это знаем. В голове это все стоит. Техник докладывает, какие бомбы и какие на них взрыватели. Садишься в кабину и ждешь. Ждешь ракету.

Вот тут-то и начинается. И думы всякие в голову... И ноги затрясутся. Прижмешь, помню, к педали, и сквозь зубы: «Да не дрыгай ты, ешь-твою!..» У всех это было. Думаешь: неужели в последний раз лечу? Механик кричит: «Ракета!» Ох, слава тебе господи! Кончилась пытка. Запускаешь двигатель. Все сразу, все страхи, сомнения, куда-то деваются. Начинаешь действовать. Пошла работа. Выруливаем друг за другом. Порядок давно известен и отработан до автоматизма. Побежали по взлетной дорожке. Два километра бежит самолет. Бежит, бежит, бедолага. Скорость все больше. Смотришь, руля стал слушаться — схва-

тил. Вот уже начал помаленьку отрываться от земли. Подпрыгнул. Еще раз подпрыгнул, уже дальше. И — оторвался. Тянешь вдоль земли. Держишь его пока у земли. Не надо спешить. Пусть так — вдоль земли потянет. Самолет тяжелый, с полным боекомплектом. Ага. Скорость пошла-пошла-пошла! 250! 270. В набор! Пош-шел. Уже хорошо слышится руля.

Встаешь в свой ряд. Но тут опять начинаешь думать: почему немцы не стреляют? Где они? Вот тут опять коленки могут задрожать. Погода, смотришь, зенитки ударили. Ага. Вон они. Все как всегда. Двое наших отрываются и пошли на них в атаку. Кто кого! Ребята мчатся прямо на зенитки, нас прикрывают. Зенитки атаковать — опасная работа. Это все равно что на львов охотиться. Потом летим назад. Двоих или троих с нами уже нет. Сбиты. Думаем: кого потеряли? Хорошо, если на горящих машинах до своих дотянули. Тогда, может, через день-другой в полк вернутся. Если во время посадки не взорвутся, не разобьются. Попробуй посади горящий самолет. Машина уже ни руля не слышится, ни высоты нет, ни скорости. Падает. Шасси не выпускаются. А если и сам еще ранен, если мессер прицепился и добывает, всаживает в машину очередь за очередью...

Летчиками мы стали только в сорок пятом году. Научились. Немцы перед отправкой на фронт должны были налетать 700 учебных часов. У нас было по 23 часа! Но мы их уделали!

А бывало, и своих бомбили. Неразбериха. И по соседнему аэродрому отработаем. Однажды, это было под Довском, мы вдвоем в непогоду сели к соседям. А на них днем раньше наши налетели, отбомбили, сожгли один самолет, американский двухмоторный бомбардировщик «Бостон». Под ним погиб техник. Вот так. Радиостанции не работали. А летчики — новички, из пополнения. Залетели, глянули, а на взлетной полосе незнакомые самолеты, которых на своих аэродромах они никогда не видели... Вот и шарахнули. Сели мы, а на нас там смотреть не хотят. Говорят: «Что живы, сволочи, вчера натворили!» А наш полк — с желтыми

колпаками. Они как увидели желтые колпаки на пропеллерах наших самолетов, так чуть не в драку.

Много наших могил от Москвы до Берлина. Илы лежат везде. И чем дальше на запад, тем их больше.

Везде лежат наши соколы, ребята из штурмовых авиаполков. Лежат три состава и нашего 946-го, а затем 189-го гвардейского штурмового авиаполка.

А я все еще лечу. Снится иногда: лечу. Может, к ним и лечу.

— Из маршевой роты попал я в команду аэродромного обслуживания. Был зачислен в 137-й батальон.

Вначале была Малая Вишера под Новгородом. Шел срок третий год. Конец ноября.

Служил я в стартовой команде. Провожали самолеты в полет и принимали.

На нашем аэродроме базировались два авиаполка: истребительный и штурмовой. Истребители были разные. Сперва Ла-5. Потом Як-9, Як-9У. Хорошие самолеты. Немцы их боялись. Были и американские «Аэркобры». Но летчики их не хвалили. А хвалили штурмовики Ил-2.

Наша задача была выкладывать на взлетной полосе в конце аэродрома полотнище буквой «Т».

Взлетали самолеты по одному. Делали круг, строились и уходили на задание. Назад часто прилетали не все, строя уже не держали. Прилетали подбитые. Другой раз летает над аэродромом, а шасси выпустить не может. Садился на живот. Если опытный летчик, то еще ничего. И сам, смотришь, живой, и машина восстановлению подлежит. Правда, масляный радиатор обычно сразу отлетал. Но иногда и летчики разбивались, и самолеты горели.

По первости потери были большими. Редко когда возвращались без потерь. Звено полетело — одного или двух обязательно потеряют. Немцы часто бомбили нас на аэродроме. У нас, у каждого, вдоль взлетной полосы были вырыты окопы. Немцев мы определяли по гулу моторов. Еще

издали. Вот, бывало, налетят, все накроют: и зенитные расчеты, и наши самолеты...

Последний раз нас бомбили в Чехословакии. На наш полевой аэродром налетели сразу несколько десятков немецких самолетов. А у нас в небе, как назло, ни одного дежурного истребителя. Все улетели на задание. А штурмовики только прибыли, и техники их еще не успели подготовить.

Когда немцы налетели, мы сразу бросились к своим окопчикам. С нами оказался майор из батальона аэродромного обслуживания. Так этот майор тоже спрятался в окоп и сверху прикрылся куском фанеры.

Немцы отбомбились, улетели. Мы вылезли из окопов, стали подтрунивать над майором. Из наших никто не пострадал. Кто-то из ребят и говорит: «Спасибо вам, товарищ майор! Если бы не ваша фанера, засыпал бы он наши окопы бомбами...» А майор и сам посмеяться не прочь. Живой! Можно и над собой посмеяться!

Но тяжелее всего было летчикам. Очень часто они прилетали ранеными. С перебитыми ногами. Чаще всех гибли стрелки штурмовиков. Бывало, прилетит Ил-2, на плоскостях дыры от пуль, стрелок откинулся, весь в крови. Чтобы сбить нашего штурмовика, немецкие штурмовики старались сперва убить стрелка. Тогда самолет беззащитен. А у стрелка был хороший пулемет — ШКАС. Они его боялись. Попадешь под очередь такого пулемета — все, отлетался.

Помню, под Киевом хоронили стрелка, молодого парня, Березюка. Тоже мертвый домой прилетел.

— Воздушным стрелком Ил-2 я стал совершенно случайно.

Это произошло 2 ноября 1943 года. Наша 230-я Кубанская штурмовая дивизия поддерживала десант морской пехоты. Морпехи в тот день высадились северо-восточнее Керчи и вели упорные бои. Немцы пытались сбросить десант обратно в море.

На старте стояла шестерка наших Илов в боевой готовности. Группу должен был вести штурман полка майор Коновалов. Вылет задерживался. И у людей затеплилась надежда: авось его и вовсе не будет, вылета, ведь боевой день уже закончился. Но нет — последовала команда: лететь на Эльтиген.

Самолеты уже начали разбег перед взлетом, когда из последнего штурмовика выскочил сержант-стрелок. Он катался по земле и в истерике кричал: «Не полечу!» Сержант только что вернулся из госпиталя после тяжелого ранения. Был сбит, летчик погиб, а его вытащили из горящей машины наши пехотинцы.

Подбежал командир полка: «Марш отсюда!» Увидел меня, приказал: «Парашют!» Я схватил парашют, побежал к самолету, еще толком не соображая, что произошло, чуть не на ходу залез в кабину стрелка.

Я хоть и не был штатным стрелком, но стрелять умел неплохо. Какой оружейник не владеет оружием? Вот и я, будучи оружейником штурмового авиаполка, умел стрелять из всех видов вооружения, которым был оснащен Ил-2.

Ил пилотировал младший лейтенант Мансур Зиянбаев. Это был его второй боевой вылет.

Взлетели. Мансур догнал над аэродромом истребителей прикрытия и занял место замыкающего в шестерке штурмовиков.

Над Эльтигеном дым, видны всполохи разрывов снарядов и бомб. Падают сбитые самолеты. Мы с ходу сбрасываем бомбы, делаем разворот, снижаемся, стреляем из пушек и пулеметов. Проходим вдоль плацдарма. С земли из немецких траншей по нашим машинам бьют из всех видов оружия. К нам прорываются «Мессершмитты». Но прикрытия на месте, наши истребители перехватывают их, завязывают бой, и мы вырываемся из этого ада живыми.

Но не зря перед взлетом сержант выскочил из машины, он будто чуял свою смерть: при сборе группы после штурмовки наш самолет, как это часто бывает с замыкающими, отстал. Такой самолет всегда подарок для истребителей, его

сбивают в первую очередь. И вот «Мессершмитты», их было два, кинулись на нас. Первую атаку я отбил. Но это их не остановило. К тому же несколько крупнокалиберных пуль попало в наш самолет. Было повреждено переговорное устройство. Летчик уже не мог слышать меня и делать необходимые маневры. Наше счастье: один из ЛаГГов прикрытия, видя нашу беду, оторвался от своей группы и на свой риск, в одиночку, повел нас. И все же немцы прекрасно понимали свое преимущество. Они парой пошли на наш самолет. А Зиянбаев почему-то стал уходить на максимальной скорости по прямой — как раз то, что и нужно в таких случаях мессам. Я взял в прицел ведущего и, когда тот сократил расстояние между нами до 100 метров, нажал на гашетку. И видимо, попал, потому что «Мессершмитт» как ужаленный взмыл вверх. А там его тут же перехватил ЛаГГ прикрытия. Смотрю, пошел вниз с черным шлейфом. Но, увлекшись им, я совсем выпустил из виду ведомого. А он тем временем подобрался к нам внизу и завис в мертвом пространстве, где я его уже не мог достать. Приготовился к атаке. Немецкие истребители знали, что бронированный Ил-2 снизу можно было поразить только с близкого расстояния. Знали и то, что турель стрелка имеет ограниченный угол стрельбы.

Опасность всегда страшна своей неожиданностью. Когда мессер завис под нашим подбрюшьем, по всем канонам воздушного боя это означало для нас только одно: конец. Осталось последнее — стрелять через фюзеляж своего самолета. Во фронтовой газете я однажды читал, что так стрелял стрелок-радиот бомбардировщика, атакованного истребителями, и отбил. Но можно перебить тяги рулей, и тогда уж точно — хана. И я подумал: не все ли равно, кто перебьет наши тяги, я сам или месс...

Я прицелился примерно. Потому что точно прицелиться было нельзя. И ударил из своего пулемета через фюзеляж. Зиянбаев, видно, решил, что нас достала очередь немца, и моментально скользнул влево. Это нас спасло: короткая очередь «Мессершмитта» нас не задела. Но зато

немец как раз напоролся на мою длинную очередь. Буквально передо мной немецкий истребитель перевернулся через крыло и рухнул вниз. Я даже не видел, что чтобы он горел. Просто рухнул.

Так мы выжили.

Но до базы оставалось еще далеко. Фюзеляж весь разбит, щепки торчат в разные стороны. Я смотрел на них с ужасом. Мне казалось, что вот-вот фюзеляж и вовсе отвалится. И решил я проверить, не задеты ли тяги рулей. Иначе при маневре они могут просто-напросто не выдержать и оборваться. Раскрыл «райские ворота», так в шутку мы называли бронированные створки, которые прикрывали стрелка снизу, и полез проверить тросы. Они оказались в порядке.

ЛаГГ то и дело взмывал надо мной, шел рядом, и летчик делал знак рукой — что-то настойчиво хотел нам сообщить.

Так дотянули до своего аэродрома. Сели благополучно. Зиянбаев зарулил на стоянку. Сопровождающий нас ЛаГГ приземлился перед нами. Мы с Мансуром вылезли из кабин, посмотрели друг на друга, на развороченный фюзеляж своего самолета и молча побрели на командный пункт. У входа стояли командир полка и командир звена истребителей, прикрывавших нас.

Оказалось, из нашей шестерки Илов на базу вернулись только три. Остальные, с повреждениями, не дотянули до своей базы и сели на других аэродромах.

Стрелка, отказавшегося лететь на боевое задание, хотели отдать под трибунал. Но комполка сказал: «Он пришел к нам из пехоты. Пускай туда и возвращается». И отправили его пулеметчиком в пехоту.

— 5 декабря группу на Эльтиген повел Тамерлан Ишмухамедов. Я — с ним. Над аэродромом облачность была низкая, метров триста. А бомбы ниже 400 бросать нельзя, можно поразить самого себя. Но над проливом облака начали подниматься. Там работали другие группы Илов. Ис-

требители прикрытия дрались с немецкими истребителями. Словом, все как всегда.

Тамерлан командует: «Противозенитный маневр! Атакуюем группой, с ходу!»

Мне хорошо видны действия всей группы. Пробиваемся сквозь зенитный огонь. Сбрасываем бомбы на танки и пехоту южнее поселка. Так, от бомб освободились. Машина сразу становится более легкой и маневренной. Тамерлан накрывает эрэсами и огнем пушек зенитную батарею. Подвернулась на пути, как ее обойдешь... Затем, на бреющем, проносимся вдоль переднего края. Остальные — за нами.

Я кручу головой вокруг, нет ли поблизости истребителей противника.

Вдруг в правой плоскости нашего самолета возникает огромная дыра. Тамерлан выравнивает самолет. У кромки моря — разворот, и снова на штурмовку, на врага. Вот разрывы зенитных снарядов как обрезало: если зенитки прекратили огонь, значит, где-то рядом истребители. Так и есть! Вон они, приближаются. Два месса сразу кинулись на замыкающий Ил. Его стрелок, смотрю, лупит по одному истребителю. Я тут же открыл огонь по другому. Вот «мой» отвалил. Тут уж так: у кого нервы крепче. Второй продолжает наседать. Тамерлан маневрирует, он все тоже видит и помогает мне поймать в прицел истребителя. Пулемет у меня хороший — ШКАС, 1800 выстрелов в минуту. Мне достаточно поймать цель в прицел хотя бы на долю секунды. Тамерлан немного качнул самолет, и я всадил в месса точную очередь всего со 100 метров. Немец упал в Чурбашское озеро. Фонтан был хороший.

Летим на малой высоте. Замыкающий еще ниже. Он летит так низко, что мне кажется — вот-вот он коснется винтом воды. Что-то с ним неладно. Смотрю, садится на воду возле баржи. Куда же он, думаю? Надо чуть-чуть потянуть, немного ведь осталось... Брызги! И над ним смыкаются воды.

После посадки к нашему самолету на стартовой машине подъехал командир полка. Тамерлан доложил о выпол-

нении задания, о том, как я сбил месса и что погибли лейтенант Тихонов со стрелком Васильевым. «Они не погибли! — закричал я совсем не по уставу. — Они сели на воду рядом с баржей! Я видел!»

Командиры молча посмотрели на меня и разошлись.

— Утром 7 мая нашему полку был зачитан приказ о штурме Севастополя.

На боевое задание я вылетел в самолете командира группы штурмана полка Коновалова. Я к нему напросился сам. У него стрелок заболел.

Мы должны были нанести удар по артиллерийским позициям немцев юго-западнее Сапун-горы. Немцы там закрепились основательно и не давали нашим войскам продвинуться вперед.

Взлетели. Видно, как с других направлений на Севастополь идут группы бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Некоторые уже возвращаются с задания. В эфире иногда узнаем голоса знакомых летчиков. Впервые наблюдаю в воздухе такое количество самолетов одновременно.

В воздухе к тому времени уже установилось наше превосходство. Но дрались немцы по-прежнему отчаянно и смело. Зенитки же не стали за это время менее опасными. Смотри и смотри.

Подходим к Севастополю. Город весь в дыму. Видны очертания береговой линии, бухта. Вдали, слева, Херсонес. Коновалов докладывает на КП генералу о готовности группы: «Я — Стрела-3! Уточните цель!» — «Стрела-3! Из района северо-западнее Балаклавы ведут огонь батареи противника. Заставьте их замолчать!»

Еще до подхода к Сапун-горе наша группа начала противозенитный маневр. Зенитные снаряды рвутся со всех сторон. Коновалов умело маневрирует, по радио подсказывает летчикам, как действовать. Зенитный огонь все плотнее. Но и нам дороги обратной уже нет. Проскочили без потерь.

Поворачиваю голову, хочу посмотреть вперед. Стрелок в Ил-2 всегда сидит лицом назад, спиной к пилоту. Он должен прикрывать машину сзади. Но вперед тоже посмотреть охота.

Виднеется Балаклава. Северо-западнее от нее те самые артиллерийские батареи. Видно, как они непрерывно стреляют в сторону наших позиций. Илы снижаются. Так, значит, атакуем с ходу. Бьем из пушек. Затем пускаем реактивные снаряды. С пикирования бросаем бомбы. Три батареи замолкают. Делаем второй заход. Хотя в воздухе полное наше превосходство и нас плотно и старательно прикрывают истребители, я внимательно слежу за обстановкой. Вот, наконец, отработали. Теперь — домой. Поскорее на базу. Стрелять пока не пришлось, но спина потная от напряжения.

Возвращаемся. Со стороны солнца появились две точки. Солнце бьет в глаза даже через светофильтры очков, но я уже вижу: истребители, и не наши. Вот они перестраиваются для атаки и пикируют на нашу группу. Смелые, сволочи.

В эти дни, последние дни боев за Севастополь, немецкими истребителями командовал обер-лейтенант люфтваффе Эрих Хартман — ас номер один Германии, командир 9-й особой эскадрильи 52-й истребительной эскадры. Так что мы имели дело с лучшими экипажами противника. О Хартмане я узнал уже после войны, когда работал в Германии. А о том, как они умели воевать, знал уже тогда, на фронте.

Включаю переговорное устройство, кричу: «Маневр!» Но Коновалов командует штурмовиками группы и меня не слышит. Когда у нас включен передатчик, приемник не работает, такая уж радиотехника была. Я включаю световую сигнализацию: на приборной доске летчика мигает красный свет — предупреждение об опасности. Коновалов не реагирует, и мессы берут наш самолет в клещи. У меня один выход — уничтожить истребителя, атакующего первым, а потом, если повезет, отпугнуть огнем второго. Но ничего не выходит: немец атакует грамотно, сближается с

нами под большим углом, так что вертикальный угол обстрела моего пулемета не позволяет стрелять по нему. Угол атаки он контролирует, не подставляется. Что делать? Мгновенно сбрасываю сиденье, становлюсь на колени на дно кабины и доворачиваю ствол пулемета на угол, не предусмотренный тактико-техническими данными Ила. Огня пока не открываю, надеюсь, что немец пока не понял, что ситуация изменилась. Он все так же, под углом, подходит к нам ближе. Видать, думаю, не одного нашего «горбатого» так свалил. Со знанием дела подходит. 800 метров, 600, 400... Я прицеливаюсь особенно тщательно, так как знаю — второй очереди просто не будет. И вот моя огненная трасса прочертила в воздухе и сразу же уперлась в самолет противника. Не успевая выстрелить, он вспыхивает и, весь охваченный пламенем, не меняя направления, несется на наш Ил. К счастью, после моей очереди Коновалов резко рванул самолет вправо, и горящий «Мессершмитт» пронесся совсем рядом.

Тем временем второй истребитель приблизился к нам справа и дал очередь. Снаряд попал в антенну. Осколки угодили в кабину, задели на мне шлемофон. Я рванул пулемет влево. Увидел в каких-то 100 метрах выходящий из атаки вверх закопченный желтый «Мессершмитт» с черными крестами. Нажал гашетку и стрелял, пока пулемет не отказал. Меня прижало к пулемету и вытягивало из кабины. Понял, что наш самолет сбит и стремительно падает. Хватаюсь обеими руками за турель. И тут перегрузка сразу уменьшается и наш Ил переходит в горизонтальный полет. Хвостовое оперение разбито, в фюзеляже две пробоины. А земля, вот она, совсем рядом.

Командир сидит согнувшись. Но самолет ведет уверенно. Мотор работает, кажется, нормально. Коновалов обращивается, и я вижу его окровавленное лицо. Капли крови брызгают на фонарь кабины. Но он показывает большой палец: самочувствие хорошее, машина в порядке.

Я — опять к пулемету. Задержка произошла из-за разрыва гильзы. Вытаскиваю гильзу. Наш Ил несется низко над

землей в сторону моря, к Балаклаве. Где другие наши самолеты? Не вижу никого. Мы одни. Истребители нас отбили от группы. Несемся вдоль моря. Затем Коновалов поворачивает на север. Прижимаемся к горной гряде. Прячемся.

И тут я заметил: пара «Мессершмиттов» идет вдоль берега со стороны мыса Херсонес. Повернул голову: ага, а вон и наши, тоже пара — Яки. Но — как далеко! А мессеры уже перестраиваются для атаки. Я открыл огонь по ближайшему — лишь бы отогнать, выиграть время. Кажется, получилось. Истребитель прекратил атаку и начал набирать высоту. Но тут же его перехватил подоспевший Як, дал длинную очередь. Немец задымил. Война: только что был охотником, и вот уже — добыча другого охотника, более смелого и удачливого. Второй «Мессершмитт» отвернул и исчез, не стал искушать судьбу.

Но, пока мы отбивались от «Мессершмиттов» на подбитом, плохо слушающемся рулей штурмовике, оказались в ущелье. Положение... Справа и слева — горы, впереди тоже гора. Коновалов пытается набрать высоту. Трудно набрать высоту, когда скорость мала и самолет так и швыряет из стороны в сторону. Чувствую, летим как-то боком. Переваливаем через хребет буквально в нескольких метрах от скал. Разворачиваемся и берем курс на север.

Над нами — пара Яков. Они сопровождают нас до Симферополя и потом уходят на свой аэродром.

Мимо нас пролетают самолеты в направлении Севастополя. Свежие группы — на штурмовку.

Плавно снижаемся, тянем к своему аэродрому. Коновалов ведет самолет на самом экономном режиме. Вот-вот кончится горючее — лишь бы дотянуть.

И вот наш аэродром, ровное зеленое поле, землянка КП, радиостанция, самолеты на стоянках. У КП толпятся люди. Стоит машина с красным крестом. Нас ждут. Как же не ждать, командир группы с задания не вернулся.

Коновалов выпускает шасси и заходит на посадку. Но не садится, уходит на второй круг. Вот оно что: внизу левая часть знака «Т» завернута — запрет посадки. Не вышло ле-

вое колесо. Коновалов уходит на второй заход и знаком подает мне команду покинуть самолет при помощи парашюта. Но я не решаюсь: прыгать с парашютом мне еще не приходилось. Тогда Коновалов показывает знаком, что будет сажать самолет на одно колесо. Я хватаюсь за борта кабины: если перевернемся, так больше шансов уцелеть. Коновалов летчик опытный. Самолет уже бежит по земле, но чем сильнее теряет скорость, тем сильнее клонится влево, задевает консолью крыла землю. Однако скорость уже безопасная. Уже не опрокинемся. Не опрокинемся... Не опрокинемся... А значит — живем! Нас разворачивает на 180 градусов. Самолет замирает. Сели. Живем! Твою мать!..

Я бросился к кабине командира. Коновалов сидит, устало откинувшись к бронеспинке. Ранение у него неопасное. Однако потеря крови сказалась, ослаб и выбраться из кабины сам не может.

Тем временем подъехал командир полка. Коновалов доложил, что группа задание выполнила: батареи противника подавлены, были атакованы истребителями противника, один «Мессершмитт» сбит. И кивнул на меня.

Комполка выслушал доклад, улыбнулся: «А что вы там еще натворили? Пришел запрос на вас!»

Мы с Коноваловым переглянулись. А комполка и говорит: «Ваш бой наблюдали многие. Почему не докладываешь, как второго месса срубили?» Мы с Коноваловым снова переглянулись. «Ладно, ладно... Командование дивизии приказало представить вас к наградам». Вот так, оказывается, второго месса мы тоже свалили. Напоролся он на мою очередь. А нам было не до него, не увидели мы, как он пал. Сами чуть не грохнулись.

За этот бой я получил второй орден Славы.

— В середине ноября 1943 года Житомир был освобожден войсками 1-го Украинского фронта. Но уже через неделю немцы перегруппировались, получили пополнение свежими частями, предприняли контрудар и снова захва-

тили город. К передовой из тылов они подтягивали новые и новые части, чтобы удержать Житомир. Когда разведка определяла координаты танковых и моторизованных колонн и районы их сосредоточения и успевала оперативно переправлять данные в штабы, на перехват, как правило, высылались экипажи Ил-2. На штурмовку одной из таких колонн 14 декабря вылетел я в паре с экипажем младшего лейтенанта Владимира Алексеева.

По существу это была разведка боем. Координаты нам дали приблизительные. Но долго искать колонну не пришлось.

Было холодное, промозглое утро. Низкая облачность. Летели на бреющем низко над землей. Вышли в заданный квадрат. Внизу — большой массив леса. С востока на запад его разрезает шоссе. На шоссе пусто. Сделали круг. Ведомому по радиации передаю: «Володя, идем вдоль шоссе». Повернули, потянули на запад, в глубину немецких тылов. Радиосвязь не отключали. И вскоре в наушниках я услышал голос Алексеева: «Вот они!» — «Цель вижу, — ответил я. — Атакуем. Делай как я».

Атаковали с ходу. Первые бомбы разметали грузовики и зажгли головной танк. Затем отбомбили хвост колонны. Движение на дороге застопорилось. Там началась паника, хаос. Я посмотрел вниз: хорошо отработали, как надо.

Разворот. Второй заход. И тут я услышал голос Алексева: «Командир! У них зенитки!»

Мы пронеслись над сгрудившейся, сломавшейся в нескольких местах вереницей колонны, прицельно отстреляли эрэсы. Внизу снова вспыхнуло несколько ярких факелов. От мощных взрывов качнуло воздух. Машина моя вздрогнула. Хорошо. Попадания точные. Видимо, угодили в грузовики с боеприпасами или в бензовозы.

Тем временем зенитки открыли бешеную стрельбу. Зенитные установки на автомобильных шасси шли в голове и в хвосте колонны. Зенитчики вскоре пришли в себя. Мы их не накрыли и тоже приступили к своей работе. Во вре-

мя второго захода полосу их огня удалось проскочить и без помех отбомбить хвост колонны.

Новый разворот. Заходим. Атакуем. Теперь — на зенитки. Потому что безнаказанно бомбить колонну они нам уже не дадут. Кто кого. Когда самолет уже налегке, пикировать намного проще. Машина становится более маневренной и послушной. Хорошо видишь, как струи твоих пулеметов и пушек вспарывают землю, моторы и кузова грузовиков, кромсают бегущих солдат. Все ближе, ближе они к «Эрликонам» и их расчетам. Те стреляют в ответ, не разбегаются. Навстречу брызжет струя разрывных снарядов. Вот это схватка!

Проскочили над ними. И кажется, одну накрыли. Внизу, в середине колонны, откуда только что стреляла зенитка, все заволочло дымом. Вспышек выстрелов не видеть. Да, есть попадание. Я оглянулся на машину ведомого: что с ним? Самолет Алексеева с высоты примерно пятьдесят метров резко пошел вниз, вниз, вниз. Плюхнулся на небольшую полянку. Это означало, что Володя жив и машину посадил правильно. Не падал. Видимо, снаряд попал в мотор. «Эрликон» стрелял нам навстречу.

Смотрю, от дороги к нему уже бегут немцы. Я бросил колонну и начал прикрывать Алексеева. Несколько раз заходил и отгонял немцев. Кричал ему в микрофон: «Держись, Володя!» Но эфир молчал. Не знаю, слышал ли он мой голос. Патронов у меня оставалось все меньше. Я делал еще один заход, еще. В переговорное устройство услышал голос стрелка: «Командир, мы ничем уже не сможем помочь им». И тут же: «Командир! Мессеры справа! Два! Три! Командир, они атакуют!» — «Спокойно, сержант, у нас три пулемета», — сказал я ему. И в это время по обшивке, по нашей фанере забарабанили пули. Попали и в мотор. Мотор сразу стал работать с перебоями. Упала скорость. Я это почувствовал. И понял: нельзя им дать понять, что я поврежден, иначе навалятся всей стаей и разорвут в один миг.

Вот они опять перестроились и начали приближаться. Тут главное — внимание. Внимание и реакция. Смотрю,

ведущий нырнул для атаки. Но я бросил машину в сторону, и огненный трассер прошел мимо, в нескольких метрах от нас. Резко убавляю скорость. Истребители проскочили мимо. Конечно, опытные асы такой ошибки не допустили бы: влететь всей кучей под пулеметы Ил-2. Новички. Я сразу это определил. Поймал в перекрестье ближний самолет и нажал на гашетку. Заработали оба пулемета. Стрелок тут же закричал: «Есть попадание, командир! Горит!» Пара «Мессершмиттов» тут же взмыла вверх и ушла в сторону. Больше они не приближались.

Кое-как, с чихающим мотором и зияющими в плоскостях дырами, дотянул до аэродрома. Сел. Тут же подкатили комполка подполковник Марковцев и комэск капитан Герасимов. «Где Алексеев? Где колонна?» — «Там», — говорю. «Сбит?» — «Да, сбит. Но самолет смог посадить. Если сейчас же вылететь, еще можно им помочь». И показал им на карте квадрат.

Я еще выбирался из кабины, усталый, весь как будто выдавленный, а 1-я эскадрилья уже взлетала.

Потом, вечером, рассказали: колонну они отыскивали быстро — по шлейфам дымов. Разделали ее, раскидали по обочинам до последнего колеса. Но младшего лейтенанта Алексева и его стрелка спасти не удалось.

Я часто вспоминаю его, Володю Алексева, моего боевого товарища. Других, кого потерял в небе и на земле. Мы делили нашу фронтową судьбу. А там... Кому что выпадало. И это не только фраза. Когда падал, сбитый зенитным огнем, ведущий, всегда первым начинавший атаку, ведомый оставался один, и в это время практически он был не защищен от атаки истребителя. Когда загорался ведомый, трудно приходилось ведущему. Очередная атака «Мессершмиттов» или серия зенитного огня предназначалась ему. Мы были сильны в небе нашей дружбой. Боевые и технические данные наших машин и их огневая мощь — все это было прилагательным к нашей дружбе. Мы ели кашу из одного котла. Штурмовали одни объекты. Одни и те же «Мессершмитты» атаквали нас, пытаясь помешать

нашей работе. Но мы выстраивали в небе колесо и продолжали штурмовку. И работали по объектам, и отгоняли немецких истребителей. Каждый из нас прикрывал хвост летящего впереди. Ты надежно прикрываешь тыл товарища, и твою спину в это время кто-то защищает так же надежно. А все остальное решала уже судьба и случай. Немцы ведь тоже стреляли хорошо. Кому — снаряд из «Эрликона» в кабину, в мотор, в бензобак, кому пулеметная очередь по плоскостям, по «фонарю», по рулевым тягам...

Мы ходили в атаку. Именно ходили. Как ходит в атаку пехота. Поднимается и идет. Так и мы: вылетали и шли строем на бреющем, выходили на объект и бросались на противника. Вместе с пехотой мы ползали по передовой. А те, внизу, делали свое дело: отбрасывали противника и закреплялись на новом рубеже. Тогда, отработав еще и по тылам противника, если оставался боезапас, уходили домой. Наши пехотинцы любили нас. Уважали. Бывало, собьют кого и, если упал на нейтральной, тут же бросаются в атаку, чтобы отбить пилота и стрелка и утащить к себе, хотя бы даже безнадежно раненого. А живых тут же вели к себе в землянку, наливали. Говорили: ты, штурмовик, наш брат. Это точно. По передовой ходили на пятиметровой высоте и ниже. Только и смотришь — как бы в телеграфный столб не врезаться.

Потом, после боев под Житомиром, мы были на том месте, где погиб экипаж Володи Алексеева. Специально ездили с товарищами. Нашли самолет. Тела летчиков уже подобрали местные жители и похоронили неподалеку. Рассказали, что они до последнего отстреливались из бортового пулемета.

Вспоминаю своего комэска капитана Гуляева. На земле он бывал мудрым и рассудительным, а в небе отчаянный и рискованный. В Польше, под городом Лослау, зенитный снаряд попал в его машину, и она взорвалась в воздухе. Полный боекомплект, полные баки горючего. Мы еще только шли на штурмовку.

Вспоминаю капитана Арсермо Сепульвегу, нашего отважного испанца, погибшего во время атаки на немецкую

танковую колонну. Он не вышел из атаки, врезался в землю и взорвался. Видимо, был убит в воздухе.

Вспоминаю младшего лейтенанта Николая Мордарьева. Коля был подбит немецким истребителем. Загорелся. Выпрыгнул с парашютом. Все он сделал правильно, как учили. Застрелился из пистолета, когда немцы окружили его.

Мы ведь знали, что в плен нас, штурмовиков, не брали. Не было у немцев в концлагерях русских летчиков-штурмовиков. Понимали, что с пистолетом, если собьют, много не навоюешь. Но личное оружие все же брали с собой всегда. Знали — плена не будет.

Штурмовики нашего полка были выкрашены сверху в зеленый цвет, а снизу в голубой. Летали мы низко, и немцам наши «горбатые» казались черными. Появлялись мы, как правило, неожиданно и открывали по ним обвальный огонь. За это они нас, штурмовиков, называли «черной смертью».

— Расскажу теперь, как меня сбили. Незабываемое впечатление. Это было, как мне помнится, 24 января 1944 года. Мы вылетели полком. Нашу эскадрилью повел комэск майор Говорухин. Перед вылетом была поставлена задача: 1-й эскадрилье произвести штурмовку Винницкого аэродрома, 2-й — нанести удар по железнодорожной станции. Я — в составе 1-й. Майор Говорухин перед вылетом сказал нам, что немцы конечно же охраняют аэродром, ведут постоянное патрулирование в небе и постараются не подпустить нас к объекту. И говорит: «Тут надо их перехитрить. Надо как-то прорваться и сделать хотя бы два захода. Два захода, ребята! Наша задача — два захода! И — домой».

Вылетели. На бреющем прошли передовую далеко в стороне от цели. В тылу развернулись. Легли на другой курс. Вскоре вышли на цель. Вот он, Винницкий аэродром. Взлетная полоса, самолеты на стоянках, цистерны и бочки с горючим, грузовики обслуги. «Ребята! — говорю своему звену. — Слушай приказ: атакуем с ходу!» Я шел первым.

Первым и атаковал. Моя бомба разорвалась точно между двумя бомбардировщиками. Смотрю, загорелись, родимые! Видимо, были под завязку заправлены, подготовлены к вылету.

Я уже выходил из атаки, когда увидел: на взлетную полосу вырывается «Мессершмитт». Ага, зашевелились. Но его тут же накрыл один из штурмовиков третьей пары.

Воевать-то мы к тому времени научились. Это, может, год назад не сообразили бы, что с истребителем надо разбираться на земле.

Мы начали выстраивать колесо. И — пошла карусель! На штурмовку заходили по очереди. Во время второго захода немного растянулись. Это было ошибкой. Но так случалось почти всегда. Ведь тут, когда ты в колесе, надо одновременно выполнить две задачи: и отработать точно по цели, и не выпасть из строя. А это порой непросто. Более того, одна задача зачастую противоречит другой. И тут тоже увлеклись штурмовкой, растянули строй. Только вышли из атаки после второго захода, вот они, немецкие истребители. Мы сразу — плотнее в круг, в круг, в круг. И первую их атаку отбили. Надо заметить, они нас побаивались. Когда «горбатые» идут плотным правильным кругом, взять их трудно. В какое-то время один из их истребителей, как мне помнится, ведущий, проскочил в наш круг. Мы в тот момент шли еще не успев как следует собраться в плотный круг. А немец тоже был опытный. Видимо, рассчитывал, что в пылу атаки его маневр останется незамеченным. Отчаянный, надо заметить, парень был этот немец. И позицию выбрал хорошую. Если бы мы и дальше шли растянутые, он бы валил наши самолеты один за другим. А я его сразу заметил. Попал он под мои пулеметы. Помню, как красиво он падал. Но тут же на меня бросились сразу четыре истребителя. Вот тут началось... Колесо разбить трудно, но тоже можно. На войне всему есть приемы и способы, каждому виду боя, ничего нет несокрушимого. Так вот для того, чтобы разорвать колесо штурмовиков, немцы обычно выбирают один самолет,

одну цель. В тот раз их целью стал я. Видимо, решили мне отомстить за своего ведущего.

Они сделали широкий разворот и ударили по моей машине сверху, почти перпендикулярно. А потом, когда поняли, что я подбит, оставили одному своему, чтобы он меня добил.

Самолет сразу потерял скорость. Я вывалился из колеса. Начало болтать. А «Мессершмитт» уже разворачивался для атаки. Во время разворота он подставился. Но пулемет бортового стрелка молчал. Я закричал: «Андрей! Стреляй!» Сержант не отвечал. Переговорное устройство молчало. Оглянулся и сразу все понял. Колпак над стрелком разбит. На осколках видны кровавые потеки. Произошло то, чего каждый пилот Ил-2 во время воздушного боя опасается больше всего: я остался без прикрытия. Немцы расстреляли стрелка. Теперь «Мессершмитт» свободно зайдет мне в хвост и срежет первой же точной очередью.

Немец был явно опытным. Я понял, что такой просто так не отстанет. Выравнивая свой самолет, краем глаза я следил за немцем. Вот он сделал разворот, начал набор высоты. Так, понятно, значит, будет снова атаковать сверху. Бить, как сокол бьет голубя. Это непростая атака, новичку она не по плечу. Через несколько мгновений самолет блеснул плоскостями и обрушил на мой Ил-2 свой залп. Мою голову сразу обожгло горячим. Колпак был весь в трещинах. Но пули все же не пробили бронированное стекло. Но осколки от плекса и кусочки разбитых очков посекали мое лицо и руки. Глаза целы. Я это сразу понял. Понял и обрадовался. Во время удара я успел закрыть глаза. Теперь их заливало кровью. Но с этим можно было справиться.

Еще сильнее и чаще зачихал мой мотор. Машину стало швырять из стороны в сторону. Вот что уже тут необходимо летчику, так это хладнокровие, чтобы удержать машину и верить в ее полет. Запахло гарью. Значит, все же горю, понял я.

Опытный, очень опытный попался мне в этот раз немец. Все он знал.

Дело в том, что мотор нашего трудяги войны ничем не был защищен сверху. Снизу была основательная защита, почти танковая, — бронированный лист. Мы ведь во время штурмовок ходили буквально по головам немцев. Внизу все рвалось. Летели осколки. По нас стреляли из всего, из чего только можно было стрелять. Бывало, такие удары были, что машину на несколько метров подбрасывало вверх или швыряло в сторону и требовались усилия и сосредоточенность, чтобы выровнять ее в нормальный горизонтальный полет и не рухнуть или не наскочить на кого-нибудь из своих товарищей. И такие случаи были. Вот почему снизу корпус машины, особенно мотор, был надежно закрыт. Хотя от зенитного снаряда при точном попадании не могла спасти никакая броня. А вот сверху мотор прикрывала лишь тонкая фанера.

Иногда теперь неглубокие историки и недобросовестные политики с пренебрежением говорят о том, что советские летчики во время Великой Отечественной войны летали, мол, на фанере. Как бывший летчик 208-го штурмового авиационного ордена Суворова полка 227-й авиадивизии 8-й воздушной армии, как пилот Ил-2, сделавший 171 боевой вылет, свидетельствую: наш штурмовик был прекрасной машиной, созданной для войны, для уничтожения и подавления противника. Удивительное дело: вначале Ил-2 был цельнометаллическим, но горел сильнее и чаще, чем после, когда его стали обшивать фанерой. Может, потому, что летать научились лучше, точнее стрелять. Но факт остается фактом.

И вот я горю. Уже начало вырываться из мотора пламя. Надо было попытаться сбить его. Как это делать, я знал лишь теоретически. Гореть еще не приходилось. Что-то запомнил из рассказов тех, кто уже горел в воздухе.

И тут в наушниках я услышал голос сержанта. Живой! Но мычит что-то бессвязное. Видимо, тоже почувствовал дым. А мне не легче от этого: теперь и его судьба в моих руках. Так-то я думал: Андрей уже убит, а я ранен, хрен с ним, пусть добывает в воздухе... Ко всему уже был готов.

Тяну. Тяну домой. Только бы перевалить через линию фронта. А там, на своей земле, каждая полянка — родная. Плюхнусь на ближайшую. Только бы на свою землю. Хотя бы до позиций пехоты. А уж они-то не выдадут...

Тут я немного приуныл. Немца из виду потерял. Не до него было. Машина вся дрожит, колотится. Такое впечатление, что в любую минуту может сорваться в штопор. Немец возник неожиданно и оттуда, откуда я его не ждал. Мои глаза заливало кровью. Кабина наполнялась дымом. Видимость... Какая к черту видимость?.. «Мессершмитт» пронесся рядом. Качнуло самолет. Выстрелов не последовало. Почему он не открыл огонь? Я проводил взглядом его удаляющийся корпус. С удивлением увидел, как немец сделал бочку и взмыл вверх. И я понял, что это было: он ликовал, праздновал победу, демонстрировал свое превосходство.

Плохо, но Ил еще слушался руля. Я бросил его в пике, потом выровнял, задрал немного вверх, снова бросил в пике. И удивительное дело, маневр удался — пожар в моторе прекратился. Изменяющимся потоком воздуха пламя придавило. Хотя дым еще напозал и машину трясло от сильной вибрации.

Внизу промелькнули зигзаги траншей. Немецкие, понял я. Где же наши? Вот и наши. Внизу ослепительной близкой сияет снег. Только кратеры воронок, обрамленные копотью, чернели по всему полю. Кое-где воронки еще дымились. Значит, понял я, и там идет работа. И там дрожит чья-то судьба.

Пошел лес. Лес, лес, лес... Садиться некуда. Садиться на лес — все равно что нырнуть в прорубь. Вынырнуть конечно же шанс есть.

Попытался связаться по радиации с эскадрильей, чтобы передать свои координаты. Потому что садиться или падать придется здесь. Вот-вот это произойдет, может, в следующую минуту.

Немец не уходил. Вот сволочь. И не боялся, что находится уже не на своей территории. Для настоящего воздушного аса все небо — его.

Я протер глаза и увидел: «Мессершмитт» сделал разворот, выбрал точный угол для атаки. И тут внизу показалось, сверкнуло белым, поле. Я начал прикидывать: сколько до него? Минута полета. Полторы? Даст ли мне эти полторы минуты немец? Ведь и он, видимо, тоже видел эту площадку и понимал, что мне до базы уже не дотянуть.

Не долетел я до того поля. Самолет начал падать. Я чувствовал, как машина перестает слушаться руля. Она, всегда такая послушная, как будто выскальзывала из-под моих рук... И я решил помочь ей в последнее мгновение и бросил ее вниз, потому что «Мессершмитт» приближался и надо было уходить и от этой его атаки одновременно. Ниже, ниже, вот она, земля, до которой я так мечтал дотянуть. Шасси не раскрывались. Видимо, заклинило. В первые мгновения самолет мягко, как во сне, скользнул по глубокому рыхлому снегу. Но овраг, который все же удалось миновать, кончился, и машина ударилась в обрыв. Хруст, скрежет. Взрыва не последовало. Во время удара меня выбросило из кабины вместе с отстегнутым парашютом и остатками бронестекла.

Я открыл глаза. Никакой боли. И первое, что увидел, были снежинки, которые таяли на моих окровавленных руках. Не знаю, сколько времени я пролежал на снегу. Ни холода не чувствовал, ни опасности. Хорошо. Тихо. Спокойно. И в эти мгновения вся моя довоенная жизнь пронеслась передо мной: речка, деревня Слободка, бабушка Егор, идущий по стежке от церкви на горе... Вот он берет меня на руки и сажает на новый широкий подоконник...

И тут я очнулся. В небе делал свой очередной боевой разворот немецкий истребитель. Кого он собирается атаковать? — мелькнуло у меня в голове. И сразу понял: добить нас, летчиков. И тут же снег вокруг меня будто вскипел от пуль. Это меня привело в чувство. Я вскочил. Болело плечо. Видимо, ударился, когда вылетал из кабины. Жгло лицо. Кожа на лбу, на щеках и скулах была вся посечена осколками плекса.

Самолет лежал под обрывом. Мотор все еще дымился. Покричал стрелка Матвеева. Тот махнул в ответ рукой. Жив. Но выбраться из кабины самостоятельно не может. Я обрадовался и кинулся к нему. Ташу его из кабины, а спиной чувствую, что немец снова заходит в атаку. Меня всего трясет, я еще не пришел в себя после удара. Сил нет. Кое-как выволок я своего стрелка на снег. Только мы успели сунуться под моторную часть, как по нашей машине застучали пули.

Но и под мотором лежать опасно — дымится. Может и загореться, и взорваться. Но под плоскостями прятаться от пулеметов истребителя еще опаснее. Плоскости от пули не защита. Сколько ж ты, думаю, сволочь такая, летать еще будешь? Ведь должны же у тебя когда-то или патроны кончиться, или горючее! И точно. Сделал еще один разворот, прошел нашу машину последней очередью и улетел. Качнул на прощание крыльями и пропал за верхушками деревьев.

Кто из нас тогда, в той схватке, победил, это еще вопрос.

Я вытащил Матвеева из оврага. Осмотрелся. Передовая совсем рядом. Слышна стрельба. И то снаряд пролетит, то пуля. Неподалеку, вижу, хорошо укатанная проселочная дорога. Немного погодя на ней появился какой-то возок. Конь запряжен в сани. Возница увидел меня, увидел револьвер в моей руке и стал нахлестывать коня. Я испугал его своим видом. Одет я был действительно подозрительно, и в глазах любого пехотинца, да еще в таких обстоятельствах, мог легко сойти за врага. Унты, меховая куртка, летный кожаный шлем — и никаких знаков различия. Вдобавок ко всему — пистолет в руке.

Стрелок мой стонал. Дело, вижу, плохо. Я вознице: «Ах ты, сукин сын! Так-то твою растак да разэтак!» Смотрю, остановился. Вожжи натянул, встал в санях, смотрит в нашу сторону и тоже матерится. Так мы с ним некоторое время и разговаривали. Будто паролями обменивались. Револьвер я не убирал. Первый раз за год войны я его из ко-

буры вытащил. Смотрю, поворачивает лошадь, едет к нам. И говорит с облегчением: «Я думал — немцы. А теперь вижу — свои». Смотрю, а солдат даже вспотел от страха. Шапку снял, а голова его вся дымится от пара. Как мотор нашего штурмовика. Я ему: так, мол, и так, видишь, стрелок мой умирает, срочная медицинская помощь ему нужна. Ждите, говорит, когда назад буду ехать. Слышите, мол, стрельбу? Это батарея наша стреляет. Но скоро хлопцам стрелять нечем будет, я, говорит, снаряды им подвожу. Уехал. Матвеев стонет. Временами уже сознание стал терять. У меня тоже голова стала кружиться, мутит.

Но слово свое солдат сдержал. Немного погодя со стороны передовой послышался скрип санных полозьев и глухой топот копыт по мерзлому укатанному снегу. «Давай живо! — крикнул он. — Немцы контратакуют! Как бы на прорыв не пошли». Спрыгнул с саней, стал помогать мне грузить раненого в сани. Туда же погрузили парашюты и радиостанцию. «Тут до деревни рукой подать. Сейчас я вас живо туда... — Хлестнул вожжой по крупу лошади и сказал, улыбаясь мне: — Куда им прорваться? Ребята им сейчас врежут. А там я им и еще гостинцев подвезу».

Мы ехали. А возница все говорил, говорил, говорил. Видать, скучновато ему было одному в дороге. Да и нам, должно быть, радовался. И говорит: «Удивительное дело! Вы ж с самого неба упали! И — живые». Радовался и тому, что спасает нас.

Перед тем как уехать, мы с ним забросали кое-как снегом мотор самолета. Пламени не было, но дым еще вытягивало из-под обшивки.

В деревне мы перегрузили Матвеева на полторку и, уже на машине, погнали дальше. Медсанбат находился в соседнем селе. Шофер торопился. Стрелка сразу унесли на операционный стол.

А меня взяла за руку молоденькая медсестра и повела в перевязочную. Долго возилась со мной. Я слышал, как падали в сосуд стекляшки. «Терпи, терпи, лейтенант», — уговаривала она меня. После процедуры я попросил у медсес-

тры зеркальце, взглянул на себя и горько усмехнулся: «Здорово ж ты меня разукрасила, сестрица». — «Это не я, — говорит, — а немец тебя так разукрасил». А голова кружится. Она это заметила и увела в палату. Я лег на кровать и сразу уснул.

Утром вышел на улицу и вижу: возле ворот стоит полуторка с работающим мотором, а рядом хлопочет шофер. «Слышь, пехота, — говорю ему, — ты, случайно, не в Винницу?» — «В Винницу. Только не пехота, товарищ лейтенант, а царица полей!» Сказал он это без обиды, с улыбкой. У всех настроение в те дни было хорошее. Здорово мы им дали тогда! «Тогда, — говорю, — поехали вместе, царица полей! Добросишь?» — «Почему же не добросить боевого штурмовика!»

А я уже знал, что Винница наша. Утром в госпиталь прибыли новые раненые с передовой. Вот они-то рассказали, что очистили город от немцев.

Когда проезжали поле, увидели много разбитой техники. Кругом лежали трупы немецких солдат. Их уже припорошило снегом. Водитель сказал, что здесь штурмовики разбили немецкую колонну. Да я и сам сразу понял, чья это работа. «Утром, когда я ехал мимо, раненые еще стонали, — рассказал мне водитель. — А теперь тихо. Видать, померзли все. Снежком вон припорошило».

Разыскал свой полк. Моему возвращению обрадовались. Сбежались все летчики, стрелки, схватили в охапку, повели сразу в столовую, кормить. И выпивка появилась.

Сержант Матвеев в полк больше не вернулся. После госпиталя его комиссовали подчистую. Моим стрелком стал бывший мой же оружейник сержант Козлов. А оружейником ко мне зачислили девушку из нового пополнения.

Полк закончил войну в Праге 11 мая 1945 года. Я уже был тогда старшим лейтенантом и заместителем командира 1-й эскадрильи. В июне, когда полк еще стоял в предместьях Праги, в Москву ушло представление на награждение меня Золотой Звездой Героя Советского Союза. Указ вышел ровно через год. В моем наградном листе записано:

«За период Отечественной войны совершил 171 успешный боевой вылет на штурмовку боевой техники и живой силы противника и свыше 85 в качестве ведущего групп Ил-2, за которые повредил и уничтожил по главным видам техники: 41 танк, 104 автомашины, 2 батареи полевой артиллерии, 16 различных складов с боеприпасами и ГСМ, создано 38 очагов пожаров, подавил огонь 42 точек ЗА¹ и МЗА², сбил 3 самолета в воздушном бою, уничтожил 4 самолета на аэродромах противника, взорвал три переправы, 22 железнодорожных вагона, 11 бронетранспортеров, рассеяно и уничтожено 800 солдат и офицеров противника, много другой техники.

Как мастер прицельного огня по наземным и воздушным целям, умело уничтожает вражеские цели, искусно управляет группами Ил-2 над полем боя, применяя радиосвязь, каждый раз добивался отличных результатов. Своей боевой работой воодушевляет подчиненных на ратные подвиги. Боевой путь начал от Днепра. С боями прошел Украину, Польшу, Чехословакию и до территории Германии. Эти битвы сделали его умелым, сильным, смелым воздушным бойцом.

ВЫВОД: За личное мужество и героизм, проявленные при выполнении 171 успешного боевого вылета на штурмовку техники и живой силы противника, исключительную заботу по воспитанию в патриотическом духе своих подчиненных — достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 208-го штурмового авиационного ордена Суворова 3-й степени полка подполковник Марковцев.

3 июня 1945 года».

А меня в день отправки представления вызвал к себе командир полка и сказал: «Старший лейтенант Амелин, тебе доверена особая честь: решением штаба дивизии ты и лейтенант Батиньков направляетесь в Москву на Парад Победы. Дрались вы оба храбро. Оба представлены к высшим наградам Родины. Не подведите наш полк и там».

¹ ЗА — зенитная артиллерия.

² МЗА — малокалиберная зенитная артиллерия.

Нас, боевых офицеров, сержантов, старшин и рядовых бойцов 4-го Украинского фронта, сформировали в отдельную команду, погрузили в товарные вагоны, и состав повез наше разношерстное воинство победителей на восток, домой, через Польшу и западные районы Украины. В пути постоянно отмечали победу. Пока паровоз дотащил наш состав до Москвы, мы промотали в дороге все наши трофеи.

Столица жила уже спокойной, размеренной жизнью. О минувшей войне напоминали лишь гимнастерки со споротыми погонами на прохожих мужчинах да частые эшелоны, прибывающие с запада. Возвращались домой победители.

Нас сразу направили в Покровское-Стрешнево. Разместили в четырехместных палатках. Кормили хорошо. На столике рядом со столовым прибором всегда лежала пачка «Казбека». В обед — гвардейские 100 граммов.

Начались строевые занятия. За месяц тренировок я разбил на плацу двое сапог. Смотрел каждый раз на разбитые вздрыз подошвы и сожалел: за всю войну столько обуви не истрепал... Поднимали нас рано, в два часа ночи. Везли в центр. Возле Красных Ворот — три часа строевой подготовки. Гоняли так, что мы буквально валились с ног. Друг друга поддерживали. Потом везли в наш военный городок. Кормили — и отбой. В 16.00 снова начинались строевые занятия. Везли на этот раз на ипподром. Тут мы занимались до 20.00.

На Параде Победы мы, 4-й Украинский, стояли рядом с «коробками» других фронтов. Я видел, как выехали на конях наши маршалы Жуков и Рокоссовский. Потом мы пошли. Прошли хорошо. Не хуже, чем летали. Потом нас повернули к Васильевскому спуску. Шли по 12 человек в каждом ряду. Но на Васильевском спуске к нам хлынул народ. Ряды сжали. Мы уже и по двое не могли протиснуться. Многих подхватывали на руки и подбрасывали вверх. Только медали звенели. Все радовались, смеялись и плакали. Это незабываемо. А потом был обед в честь победителей. Говорил Сталин. Помянули мы и наших погибших товарищей.

После парада всем нам дали отпуска. Месяц! Я поехал на родину, в свою Слободку, в Тарусу.

Дома — сестры, родители, дед Егор Павлович. Сестер у меня было много: Мотя, Таня, Поля, Ксения, Маша. Только две замуж вышли. А у остальных женихов на войне побито. Вот такая судьба у моих сестер — трудная. Так жила вся Россия.

Глава 16

«КАТЮХА, ГОНИ!»

Женщина на войне... Тема для размышлений и размышлений. Санинструкторы, военврачи, водители, летчицы. Есть потрясающее живописное полотно художника Марата Самсонова «Сестрица»: по исхлестанному колесами снегом из огненного смрада заднего плана санинструктор торопливо ведет раненого командира. На запрокинутой его голове, на глазах свежая повязка, ноги едва слушаются. Но она, перекинув его ослабевшую руку через плечо и перехватив бледную ладонь своей крепкой рукой, тащит братика, вытаскивает из боя, уводит от смерти. И не только его, а выносит и его автомат. Сестрица, сестрица, не зря тебе кланялись бойцы и оставляли от пайки кусочек сахара, чтобы преподнести в минуты затишья как гостинец благодарности.

В этой главе есть и воспоминания фронтового водителя. Мало обладать мужеством, чтобы женщине делать мужскую работу. Нужна, видимо, еще и некая внутренняя сила.

Когда читаешь эти воспоминания, вдруг понимаешь, почему мы победили. Мы были едины в той войне. Мы вдруг не только ощутили себя великим народом, но и стали им. Стойким, терпеливым, мощным и великодушным.

— Война началась, я работала на молокозаводе. На третий день нас, комсомольцев, направили под Желонец, копать противотанковые рвы. Через несколько дней отпуск

тили по домам. Сказали: сходите, мол, помойтесь, наберите продуктов и возвращайтесь обратно. Пришли мы в Муравьевку. А нас сразу послали скот колхозный угонять. Собрались мы в дорогу. Нас семеро было. Все девчата. И мы это стадо колхозных коров согнали в Мордовию. Вон куда! Так что колхозные коровы немцу не достались.

Сдали коров. Куда самим деваться? Есть-то нечего. Обносились в дороге. Стали проситься, чтобы нас взяли куда-нибудь на работу.

Помню, под Куйбышевом, там тоже оборонительные сооружения строились, пришла я и говорю тамошнему начальству: «Возьмите меня на работу». Они на меня посмотрели и говорят: «Куда ж мы тебя возьмем? Ты ж еще ребенок!» А и правда, росточком я была невелика. Я им опять: «Вы не сомневайтесь. Я многое умею делать. И работы не боюсь». Взяла я их своей настойчивостью. Они и говорят: «Ладно. Приходи завтра».

Я где-то там переночевала. Утром пришла. А начальница спрашивает меня: «А откуда ж ты родом?» Видимо, поговору моему почувствовала свою родину. Я ей: так и так, Смоленской области. Мы ж тогда, в начале войны, не Калужской, а Смоленской области писались. «Ой! Ты ж моя землячка!» Звали ее Валентиной Евтихьевной. Фамилию забыла.

Взяла она меня на работу. А потом и говорит: «Катюх! Давай мы тебя на курсы шоферов пошлем?» Я и согласилась.

Курсы ускоренные. Стажировались на грузовике ЗИС. Машина большая. Помню, начнем заводить мотор: ребята-курсанты крутят-крутят ручку, никак не провернут. Я им: «А ну-ка, дайте я попробую!» Подхожу. Шофер, который обучал нас вождению, смотрит, посмеивается. А я дробненькая, с виду — так себе. Но рука у меня крепкая, натренированная. На молокозаводе я крутила сепаратор. Это сейчас везде электромоторы. А тогда все делали вручную. Сепаратор тяжелый был. Вот взяла я ручку, раз-другой крутанула посильней да порезче, мотор и завелся. Шофер смеется. И ребята все удивляются: «Ну и Катюха!»

Через два месяца — на фронт.

Дали мне полуторку. Старенькую. Всю пробитую пулями. В кабине, на сиденье, кровь присохшая... Сказали: вот, мол, тебе машина, снимай мотор, ремонтируй. Разобрала я машину, все гайки поотвинтила. Мне механик помогал. Почистила клапана, поршни. Кое-что поменяли.

Собрали мы эту машиненку. Села я за руль. Поехала. Едет моя машина, слушается!

Сперва возле гаража ездила. Разные задания выполняла. А потом, когда немца погнали, стали посылать меня и к передовой.

Вот, помню, под Минском...

Наши переправу делали, а я им доски подвозила. Саперам. Туда — доски, а обратно — раненых.

Шел уже сорок четвертый год. Наш батальон был в составе 2-го Белорусского фронта Рокоссовского.

Проснулись утром. Меня посылают на передовую. Я уже человек опытный. Девчата, подруги мои, в слезы: «Ой, Катюха, больше мы тебя не увидим!» Прощаемся. А я передовой не боялась. Я будто знала, что меня не убьют.

Девчат в гараже у нас было много. А водителей только четверо: я, двое тульских и одна из Рязани. Но ездили они неважно, и их далеко посылать боялись. Я ж ездила всюду, куда пошлют.

Вот, значит, под Минском...

На передовой нагрузили мне в кузов раненых. Стонут. Все в бинтах, в крови. А тут налетел самолет. Стал бомбить. Бомбы рвутся совсем рядом. Санитарки, которые сопровождали раненых, мне кричат: «Давай быстрее уезжай! А то сейчас разбомбит!» Я им: «Никуда мы не поедем. Машина замаскирована. Он нас не видит. Улетит, тогда и поедем. А на открытом он нас сразу прихватит».

Немец пролетел, нас не заметил. И мы благополучно выехали в тыл.

Бывало, выедешь к передовой. Ребята, бойцы наши, в бой идут. Кричат: «Сестра! Прощай!» Не с кем им попрощаться, вот со мной и попрощались. Знали, что многим сейчас...

Раз так забралась на кабину, посмотреть, как они там воюют. Стою. Гляжу, а один, с которым я только что разговаривала, вдруг упал, и к нему санитары подбежали. А меня пожилой боец ухватил за ноги — и долой: «Ты что?! Тебя сейчас снайпер так и сымет!»

Другой раз едешь по дороге, глядишь, машина разбитая стоит. Или догорает. Кругом воронки. Значит, разбомбили. Иногда так и своих встречала, знакомые машины. Немецкие самолеты любили за машинами гоняться. Ни патронов, ни бомб не жалели.

А я ни разу ни под бомбежку, ни под обстрел не попала. Мне в батальоне все удивлялись. Комбат, бывало, пошлет куда-нибудь, откуда уже несколько машин не вернулось, а сам, видать, переживает, что меня, девушку, под пули отправил. Ждет. А я, глядишь, вот она, и вернулась невредимая. Он мне: «Ну, Катюха! Какая же ты везучая!» В гараже узнаю: в батальоне опять большие потери.

А мне и правда везло.

Накануне войны я видела сон. И помню его всю жизнь. Проснулась и говорю матери: «Мам! Я сегодня с Богом летала!» — «Ну, еще чище...» А мы ведь тогда в деревне не знали проводов. Это потом — столбы, провода, радио, электричество... Сон же мой был такой. Будто ко мне подлетает кто-то и говорит: «Полетели со мной!» — «Куда?» — «Увидишь куда». И я полетела. Лечу — по проводам! «Ой! — кричу. — Задену! Упаду!» — «Не упадешь. Лети! Ничего не бойся!» А лететь мне хорошо, сладко, приятно, хоть и страшно немножко. «А с кем я лечу?» — «Со мной». — «А кто ты?» — «Я, — говорит, — Бог». Я пытаюсь на него посмотреть, какой же он, Бог? Но не вижу. Не могу разглядеть его. «Какой же ты?» — говорю. «Смотри какой!» — говорит и показался на мгновение. И увидела я его — маленький, как блошка. А мы все летим, летим. «Теперь я не вернусь», — говорю ему. А мне уже домой хочется. «Ничего, — говорит, — вернешься».

Вот такой сон. И всю войну я пролетала, как блошка, и нигде меня не задело. Я и сама порой удивлялась. Ведь не раз могла бы и погибнуть.

Однажды отправили меня в отряд минеров. Поехала. А я ж не знала, где мины, где нет. Приезжаю к минерам. Они посмотрели на меня удивленно и говорят: «А как ты ехала?» — «Вот, — говорю, — по этой дороге». — «Да она ж заминирована!» Правда, один раз, перед мостком, что-то взорвалось позади. Но ничего, машина цела.

Лихо я ездила на своей полуторке! Комбата все, бывало, просила пересадить меня на легковую машину. А он увидел раз, как я гоняю, и говорит: «Нет, Катюха, ездика ты лучше на полуторке». А мне ж хотелось еще быстрее ездить! Легковые-то быстрее ездили.

У тех саперов, к которым я по минам приехала, были раненые. Я их повезла в тыл. Подъехала к мостику через ручей. Перед мостиком мне бойцы постучали в кабину: «Потише едь!» Нет, думаю, что вы мне ни говорите, а тише я не поеду. Как все равно мне кто подсказывал. Разогнала я машину и прямо перелетела тот мостик! Позади разорвалась мина. Никого не задело. Раненые мои кричат: «Гони скорее! Обстрел!» А я остановилась и говорю им: «Обстрел окончен. Теперь не бойтесь. Это противопехотная мина была».

Так я и летала всю войну на своей машиненке. И все пули, все осколки — мимо меня...

Однажды, когда немца прогнали из Минска, комбат наш, Роман Антонович, и говорит мне. «Катюх, поехали в Минск. Я хочу домой захватить, родных повидать. Живы ли, хоть узнаю».

А войска наши наступают, все дороги забиты. Вперед идут. Едем и мы. А тут у меня сигнал заклинило. Едем, а сигнал не отключается. Замкнуло где-то. Я комбату: «Роман Антонович, разрешите остановиться. Я сейчас быстро отремонтирую сигнал и поедем дальше». А он: «Нет, Катюха, теперь уж гони!» Так, с сигналом, до его дома и доехали.

Встретил комбат своего отца, сестер. Выскочили все, обняли его. А я ремонтирую машину и смотрю на них. Думаю: эх, мне бы сейчас домой! Хоть на минуточку! Маму

повидать, отца, сестру, братьев... Так радостно мне было смотреть на комбата и его семью!

Победа меня застала в городе Штеттине, на Одере, в Германии. Победили мы их.

Подруги меня уговаривали поехать в Москву работать. Но я соскучилась по дому и решила ехать в свою родную Муравьевку.

Приехала домой. А здесь все разбито. Дома пожжены. Мать, сестру и младших братьев своих нашла. В землянке жили. Мать малярией болела. В землянке-то сыро. Недоедали.

Легко сказать — война. А как на нее поглядели... Не дай бог нашим внукам войны.

Сколько ж людей погибло! Все молодые.

Отец мой и двое братьев, старших, тоже были на войне. Отец вернулся. А братья погибли. Иван и Сергей. Иван 1920-го года рождения. Когда началась война, он служил действительную. Так сразу где-то и пропал. А Сергей с 1926-го. С Сергеем мы воевали рядом. Он погиб в Восточной Пруссии. Рядом был. А вот не встретились. Может, если бы встретились, я его как-нибудь и спасла...

— Одевали нас хорошо. Бушлат, гимнастерка, берет. Ботинки. Юбка. Да вот тут, в моей красноармейской книжке, все записано, даже размеры все мои указаны. К нам, девочкам, бойцы относились хорошо. Бывало, на передовую приедешь, привезешь продукты. А тебя уже знают, встречают: «Сестра! Это опять ты приехала!» Нет, нас не обижали.

Зря девочки нынче не идут в армию. Если бы сейчас мои молодые годы воротить, я бы обязательно в армию пошла.

— Наша санчасть расположилась в деревне. Передовая рядом. Это где-то за Износками в стороне Вязьмы. Дивизия наступала на Вязьму. Раненых поступало много. Все

дома были забиты ранеными. Вывозить не успевали. Сидим однажды в хате. А немец стал из орудий стрелять. И снаряды все ближе и ближе к домам разрываются. Стало нам страшно. Раненые почти все лежачие. Врач нам и говорит: «Девчата, выносите раненых в поле и раскладывайте по воронкам. А то в хату попадет, всех сразу и побьет». Мы стали их выносить. Вынесли. А сами к хате вернулись. Мешок с медикаментами забрать. Снаряды все ближе и ближе. Мы ж еще не знали, что немец нас отрезает. Я испугалась, сунулась под крыльцо. А возле окошка боец стоял, пожилой дядька с седыми усами. Рука у него перевязана была. Стоял и курил, смотрел в поле, где снаряды рвались. Там дорога проходила, большак. Его-то немцы и простреливали. Посмотрел тот боец на меня и говорит: «Что, сестрица, страшно?» — «Страшно», — говорю. А у самой уже слезы на глазах. Посмотрел он на меня еще раз, вздохнул и говорит: «А ты не бойся. Свой снаряд не услышишь. Ни снаряд, ни пулю». Сказал он это и зашел за угол. Тут снаряд разорвался. Треск! Дым! Копоть! Меня с ног сбило. Я погода поднялась, глянула, а угла дома нет, весь так и расщепило, снесло. И бойца того нет. Только кусок шинели на тополе болтается да ботинок лежит на краю воронки, дымится. Вот тебе и судьба. Я себя ощупала — нигде ни царапинки. А хлевок напротив весь осколками посекло.

— В первые дни войны наша дивизия попала в окружение под Невелем.

Медсанбат мы развернули в лесу. Машины постоянно подвозили раненых. Очереди к операционному столу скапливались огромные.

Мне запомнился первый мой раненый. Я его нашла на передовой, на поляночке. Он лежал на земле. Чернявый, молодой. Москвич. У него было осколочное ранение в живот, и он сильно мучился. Я бросилась к нему, стала перевязывать. А сама плачу, прямо рыдаю, и не могу никак ус-

покоиться. Бойцы, которые рядом были, и говорят мне: «Сестричка, что ты так убиваешься? Не плачь. Нас еще много будет. Всех не оплачешь».

В тот день мы отправили раненых двадцать машин. Увезли. Я своего москвича до медсанбата не довезла. Он умер по дороге.

А когда поехала вторым рейсом, налетели немецкие самолеты. Наша машина ехала как раз по полю. Целая колонна машин. Самолеты стреляли из пулеметов с брешющего. Горят, помню, наши машины, горит рожь, а из ржи ползут раненые и одежда на них тоже горит... Крики, вопли, стоны.

Дивизия таяла быстро. Бои не прекращались. Немцы то там прорвутся, то там. Начали обходить нас.

Потом был выход из окружения.

Нас выводил какой-то подполковник.

Раненые по пути умирали. Хоронить их было некогда. Бывало, снимем сверху мох, положим его и сверху мохом прикроем. Вот и вся могилка.

Однажды на хуторе набрали на дикую яблоню. Бойцы набросились на нее. Наелись. И началась дизентерия. Многие умерли.

Шли, шли, сели отдохнуть. Нас в группе осталось уже мало. Расположились на полянке. Кто сразу уснул, кто сидел, переобувался. Никакого караула не выставили. Вдруг вверху, на горе, послышался рокот моторов. Не успели мы опомниться: «Хенде хох!» Глядим, стоят немцы с автоматами.

Нас обыскали, отняли оружие. У меня забрали сумочку с медальонами, предсмертниками, как мы их называли. Когда раненые умирали, мы забирали у них медальоны, отмечали на карте, где кто похоронен. Все забрали.

У меня в петлицах было два кубика — военфельдшер. Одето хорошо. Немцы сразу: «Комиссар?»

Привели в Невель. Ворота. Рвы. Вонь, смрад. Трупы немцы сбрасывали прямо во рвы и немного присыпали землей.

Из нашей колонны отобрали 40 человек. В это число попала и я, очевидно как комиссар. Потому что в этой команде были в основном политработники и командиры.

Подвели нас ко рву.

Расстреливали медленно. Отберут двоих-троих, заставят плясать. При этом избивали плетьюми. Потом выстрелят. Убитые падали вниз, а немцы хохочут.

Передо мной в шеренге стоял какой-то командир, в петлице — две шпалы. Еще четверо — позади. Остальные уже все во рву. Возле меня все время прохаживался молоденький немец, оглядывал всю с головы до ног и приговаривал: «Шаде, шен. Шаде, шен...» Мол, жалко, красивая.

И вдруг в ворота въехала машина с открытым верхом. В ней немецкий офицер, видимо начальник лагеря. Из машины вышли другие офицеры. И меня узнал переводчик, немец. Я его тоже узнала. Однажды он оказался в числе наших раненых, только что поступивших с передовой. Он был ранен в руку, всю ночь стонал, и я ему сделала укол. До утра сидела возле него, успокаивала. Тогда он был в красноармейской форме. Кем он был на самом деле, не знаю. Русский язык он знал в совершенстве. И отличить его от русского было нельзя.

Он подбежал ко мне, за руку вытащил из строя смертников. Что-то стал торопливо говорить начальнику. Тот ему не верил, отмахивался перчаткой, отворачивался. Тогда он вытащил мой медальон. На нем, к счастью, была пометка: «Военфельдшер».

Так меня миновала пуля в затылок и ров.

Отвели, бросили в подвал. Избили.

Через несколько дней повезли. Везли в товарных вагонах. А бойцы из лагерной санчасти прихватили медицинскую пилу, пронесли ее с собой в вагон. Выпилили доски в стенке вагона.

Так мы и бежали. Прыгали в эту дыру и тут же перебежали за придорожный кустарник. К счастью, поезд шел небыстро. Немцы вскоре заметили, открыли огонь. Но стреляли разрывными пулями, которые, попадая в кусты, тут

же разрывались и никакого вреда никому из нас не причинили.

День и ночь бежала я по лесу. Наконец, обессилев, зашла в одну деревню. А женщина, в дом к которой я зашла, и говорит: «Ах, деточка, да тебя же схватит первый же полицейский!» И начала стаскивать с меня мою армейскую одежду. Тут же швырнула все в печку: и гимнастерку, и ремень, и юбку... Дала мне длинную рубаху с цветочками по подолу. Такую, знаете, какие сейчас ночные рубашки шьют. И вот в этой рубахе с цветочками я пошла дальше, под видом беженки.

Так дошла до знакомых мест. В Полоцком районе я до войны работала медсестрой. Тут меня знали. Жить меня приняла одна крестьянка. Стала я лечить больных. Особенно часто приходилось принимать роды. Рожали тогда, в срок первом году, много. Помогу я людям, они мне еды дадут. Так и жила.

А потом в наших местах появились партизаны, и я ушла в лес. Не могла больше смотреть на полицейские морды и притворяться.

Глава 17

ШТРАФНИКИ

В последнее время об этих войсках написано столько правды и неправды, что отличить теперь одно от другого может только серьезное историческое исследование темы штрафных рот и батальонов. Кто служил в армии, тот знает, что не все солдаты свято чтят присягу и устав. Есть и откровенные преступники. Во время войны из таких людей, преступивших закон, создавали специальные подразделения, которые бросали на самые безнадежные участки. Но в штрафные роты попадали зачастую и за самые мелкие провинности, а порой и безвинно.

28 июля 1942 года нарком обороны подписал приказ № 227, который обычно называют «Ни шагу назад». Согласно этому

приказу предлагались следующие меры борьбы с трусами, паникерами и нарушителями дисциплины: снимать с постов и отдавать под трибунал командующих армиями, корпусами и дивизиями, допустивших самовольный отход войск без приказа командования фронтом; рядовых паникеров и трусов истреблять на месте; сформировать в каждой армии заградительные отряды и «поставить их в тылу неустойчивых дивизий»; создать штрафные роты и штрафные батальоны. Вскоре в каждой армии было сформировано по 3—5 заградительных отрядов, состоявших из полутора-двух рот. Статистика свидетельствует: с 1 августа по 15 октября 1942 года заградотрядами задержано 140 775 военнослужащих, покинувших свои позиции во время боевых действий. Из них 1189 — расстреляно, 2961 направлен в штрафные подразделения. Остальные возвращены в свои части и в запасные полки.

Штрафные батальоны создавались для проштрафившихся командиров и политработников старшего и среднего состава. Командиры и комиссары батальонов и полков в штрафбат могли попасть только по приговору военного трибунала фронта. Прочие же — приказом по дивизии или армии.

Штрафные роты формировались из рядовых бойцов и младших командиров (ефрейторов, сержантов, старшин) приказом по полку, без всякого трибунала. Сюда же поступал контингент из тюрем, а также осужденные уголовники с отсрочкой приговора. В 1942 и 1943 годах из лагерей на фронт было направлено 157 000 бывших заключенных.

Все штрафники лишались званий и наград. После «искупления» и то и другое возвращалось.

За всю войну через штрафные подразделения прошло 442 000 бойцов и командиров.

Надо заметить, что во все времена почти все воюющие армии использовали такие формирования, начиная с римлян. Немцы свой приказ «Ни шагу назад» начали исполнять еще год назад, во время боев на подступах к Москве. Были у них и штрафные роты, и заградительные отряды. А полевая жандармерия у них действовала жесточе, чем наши органы НКВД и Смерш.

— После ранения и госпиталя я был направлен в резерв. Часть стояла под Гомелем.

А тут как раз надо наступать. Операция «Багратион» началась. Формировали батальон штрафников. В штрафном батальоне так: солдаты — штрафники, а офицеры — кадровые. Я до госпиталя воевал в минометной роте, был командиром расчета и комсоргом минроты. После госпиталя закончил ускоренный курс офицерского училища. Училище закончил, лейтенантские погоны получил, ну, думаю, теперь мне командирскую должность дадут. Может, командиром минометной роты назначат. Назначили... замполитом штрафного батальона.

Вечером переправились через реку Сож. Вышли на исходные. А утром всем выдали водки, поставили задачу и после артподготовки — вперед! Я тоже водки выпил.

Наступали мы, офицеры, вместе с ротами. В одной цепи с солдатами бежали. Когда бежишь в атаку, о жизни своей и смерти не думаешь. Ночью, когда на исходных в траншее сидели, думали. По лицам видел — всех эти думы одолевали. И перед атакой, когда артподготовка началась, видел, как полы шинелей у ребят тряслись... А когда поднялись, уже все позади. Летишь — как на крыльях. Вперед!

Прорвали мы фронт. Немцы на нашем участке упорные попались, не отошли. Так мы по их головам прошли. Узкими клиньями в двух местах к их обороне пробилась, спрыгнули в траншею и пошли вдоль нее. В руках гранаты да саперные лопатки. Смяли мы их, пошли дальше. А соседи, как потом оказалось, не прорвались. Их немец не пропустил. Там штрафников на прорыве не оказалось.

Углубились мы километров на шесть. Остановились. Видим, на флангах никого нет. И начал нас немец окружать. Опомился. Обложил со всех сторон. И уже в громкоговорители кричит: «Иван! Штыки в землю!»

Мы связались по радиации со штабом дивизии. Оттуда получили приказ: вернуться на исходную. Стали готовить прорыв. А немец уже за нами брешь замкнул. Даже минометы подтащил.

Ладно, мы тоже уже воевать умели. Сосредоточились на участке метров в сто шириной и пошли опять в атаку. Рядом со мной троих убило.

Вышли. Сосчитали живых — около 200 человек осталось, и те почти все переранены. А утром, когда пошли в атаку, нас 1200 человек было.

— А как попадали в штрафные роты и батальоны? Вот я сейчас расскажу один случай.

У нас в батальоне был замполит по фамилии Гордон. Когда проводил с нами политзанятия, всегда говорил: «Вот я, когда попадем на фронт, стану обязательно Героем Советского Союза!» Уж очень ему хотелось воевать! И нас он настраивал на героический лад. Лучше бы его, такого боевого, начальство в тылу и держало — для укрепления боевого духа войск, которые направлялись к фронту. Говорил он умно, складно, красиво. И у нас настроение поднималось — поскорее кинуться на врага.

Пришли на фронт. И когда нас немец в первом же бою потрепал и погнал, он, наш замполит Гордон, с передовой сбежал. Комбат Шудров поручил ему отвести в безопасное место обоз, а он обоз бросил. И обоз тот, со всем имуществом и лошадьми, попал в руки к немцу. Ездовые потом прибежали, все, как было, рассказали. Несколько человек всего и вырвалось. Остальные в плен попали, других убило. Наделал дел наш герой. Комбат хотел его лично застрелить. Но потом успокоился, доложил начальнику особого отдела. Провели разбирательство. И все вроде затихло.

После боев нас отвели в тыл, на пополнение.

Сидим однажды в хате. Хата без крыши, одни стены. Делать нечего, играем в карты. С нами и Гордон, наш замполит. Теперь он про героизм не говорил, анекдоты травил, он их много знал.

Вдруг входит незнакомый младший лейтенант. Поздоровался. Смотрю, парень крепкий, мышцы под гимнастеркой так и играют. Говорит: «Можно и я с вами сыграю?» —

«Садись». Играем. А мы уже заметили, что на улице стоят пять или шесть солдат с винтовками. Пришли они с младшим лейтенантом. Ждут.

Вдруг этот младший лейтенант наклонился к Гордону и говорит: «Гордон, вы арестованы!»

Гордон вскочил, сразу за наган. Был у него револьвер, с которым он ходил постоянно, не расставался. Небось, когда обоз с ребятами бросил, за револьвер не схватился... Младший лейтенант будто только и ждал того — кинулся на Гордона, как кошка, сгреб его, руку с наганом заломил. Вошли солдаты, связали замполита, повели. Посадили в погреб, выставили часового.

На другой день осудили. Разжаловали в рядовые и отправили в штрафной батальон.

Штрафников посылали только на прорыв. В обороне их не держали. Ненадежные. Часто перебежали к немцам. А на прорыве действовали хорошо. Да еще если водки дадут... Стояли всегда в тылу, километрах в пяти-шести от передовой. Подводили только когда готовился прорыв.

Встретил я своего разжалованного замполита Гордона уже после Победы в Москве. Жил он в Ленинграде, работал где-то в торговле. На жизнь не жаловался. А потом я узнал: стал он председателем совета ветеранов нашей дивизии.

Глава 18

ТАНКИСТЫ И САМОХОДЧИКИ

За годы войны наши конструкторы и наша промышленность дали фронту много образцов первоклассного оружия. Среди них была и бронетехника. В этой главе собраны воспоминания танкистов и самоходчиков. Самоходчики считались артиллеристами. Но в бой они шли зачастую вместе с танкистами. И судьба у них была одна. Главным их врагом были ПТО противника и танки. Особенно яркие истории рассказаны здесь бывшим арттехником тяжелого самоходного артиллерийского полка Александром Евменовичем Горбатиным.

Тяжелая самоходная артиллерийская установка ИСУ-152 была принята на вооружение в 1943 году. Она считалась гаубицей-пушкой. Изготовлена она была на базе танка ИС-2. В боеукладке — 20 снарядов. Тип бронезащиты — закрытый. Максимальная толщина лобовой брони — 120 мм. Масса — 46 тонн. Скорость — 35 км/час. Запас хода — 220 км. Ничего подобного у немцев не было создано. Штурмовая гаубица образца 1943 года калибра 150 мм уступала нашей ИСУ-152 также и толщиной лобовой брони (100 мм), и запасом хода (150 км), и другими тактико-техническими данными. Лишь в конце войны, в 1945 году, немецкие войска получили мощную установку «Ягд-тигр» со 128-мм пушкой и толщиной брони 150 мм. Но повлиять на исход событий этот монстр уже не смог.

— После второго ранения я закончил Тамбовское артучилище и в июне 1944 года получил назначение в 366-й Могилевский ордена Суворова тяжелый самоходный артиллерийский полк РКК.

ИСУ-152. В полку 21 машина. Командир полка майор Гаевский. В полку я состоял на должности арттехника.

Выгрузились под Одессой на станции Раздельная. Пошли. Под Тирасполем стали напротив Кицканского плацдарма. Постреляли через Днестр, помогли нашей пехоте. Снова пошли.

Вскоре перешли румынскую границу. В Фокшанах четыре наши машины были повреждены. Бой еще шел, а мы уже отремонтировали самоходки. За ремонт машин отвечал я.

До Плоешти шли без боев. Мы шли, а кругом все горело.

Повернули. Переправились через Дунай и вошли в Болгарию. Болгарский город Силистрия. Болгары нас встретили хорошо — виноградом, вином и цветами.

Недолго мы отдыхали в Болгарии. Пошли в Югославию.

Первый югославский город Заечар. Он расположен в долине. Кругом горы, возвышенности. Наши передовые

самоходки с ходу, без поддержки пехоты, ринулись в атаку. Сверху, с горы, мы наблюдали за их атакой. Уже вечерело. И вот вспыхнула одна машина, за ней другая, третья... И так все шесть машин были подбиты.

Немного погодя к Заечару подошли основные силы полка и стрелковые части. Пошли в атаку.

Во время боя я находился в одной из машин. Помню, движемся по улице. Вдруг из одного дома начала бить малокалиберная пушка. Ударили и мы. Расчет сразу разбежался. В пролом от нашего снаряда сразу полезла пехота. Из подвала вывели девять власовцев.

В Заечаре немцев я вообще не видел. Город обороняли власовцы.

Разыскали мы и наших ребят из подбитых накануне самоходок. Кто в дровах прятался, кто в погребках. Сербы их прятали, никого не выдали власовцам.

— Надо ж было такому случиться: в бою у одной из самоходок заклинило в пушке снаряд. Видимо, положили слишком малый пороховой заряд, и снаряд не вышел из ствола. Заряжание орудий самоходок было раздельное. Надо траекторию полета снаряда изменить, покруче его опустить, чтобы достать противника в овраге или за стеной, надо поменьше пороха положить. Когда били по танкам — пороха набрасывали в заряд по максимуму.

Делать нечего, надо его оттуда извлекать. И это уже моя работа.

Отвел машину в сторону. Попробовали выбить изнутри — не идет. Сидит плотно. Оно и понятно: в бою ствол был раскален от стрельбы, а тут остыл, сузился. С внешней стороны толкать его нельзя — рванет.

Вытащили мы тогда весь боекомплект, чтобы не сдетонировал. Я приказал всем отойти подальше. Зарядил другой заряд. Накидал пороха как для стрельбы по «Тигру» и произвел выстрел. И ничего, выбило застрявший снаряд. Все живы остались. А машина тут же пошла в бой.

— Однажды, когда шли по Югославии, произошел такой случай.

Полку была поставлена задача произвести разведку боем. Пошли в атаку. Немцы держались твердо. И одну нашу машину подбили уже в глубине своей обороны. Метрах в восьмистах позади передней линии своих траншей. Перебили гусеницу. Болванкой, выпущенной из противотанкового орудия, заклинило поворотный механизм. Самоходка там и осталась.

Комполка ставит мне такую задачу: ночью пробраться в глубину немецкой обороны и вернуть на исходные и машину, и экипаж.

Взял я ремонтников. Хорошие ребята, боевые, опытные. Пошли вдоль ручья. Кое-как пробрались. Немцы нас не заметили.

Экипаж снял пулеметы, занял круговую оборону и немцев к самоходке не подпускал. Правда, те тоже держали самоходов на прицеле. Чуть только звякнем кувалдой, пули градом по броне.

У меня был хороший механик, туляк, Василий Антипович Хромушкин. Не было таких поломок, которые бы он не устранял. Такой был мастер. И в этот раз наш Василий Антипович не оплошал. Мы постепенно так освоились у немцев в тылу, что стали развлекаться таким манером. Пока работаем наруже, стараемся не шуметь. А когда устанем, залезем за броню, и в это время кто-нибудь пару раз кувалдой ударит по броне. Сразу — гр-р-р-р! — по нашей самоходке. И они свое дело делают, и мы. Но они ж не знают, что экипаж не один, что мы, ремонтники, пришли им помочь.

И вот на рассвете, когда немцы сомлели, мы завели машину, развернулись и пошли назад. Шли без стрельбы. Решили так: первыми огня не открывать, так как наша задача — вывести самоходку. Немцы тоже ни разу не выстрелили. Даже пулемет молчал. Тоже, видать, вздохнули с облегчением.

Василия Антиповича за выполнение этого задания наградили орденом Красного Знамени.

Так и шли мы по Европе. Крушевац, долина реки Моравы, Белград, Нови-Сад, Будапешт, Секешфехервар, Эстергом, Шопрон.

— Был в нашем полку экипаж Паши Бердникова. Хорошие, боевые ребята. Настоящие герои!

Когда мы взяли Владиновац, это в Югославии, Бердников на своей машине вырвался вперед. Ушел километров на восемьдесят. Полк завяз, а он прорвался и пошел с боем дальше и дальше, пока не кончилось горючее в баках. Навалились немцы. Хотели, видимо, взять живым. Но не взяли нашего Пашу Бердникова ни живым, ни мертвым.

Догнали мы его вскоре, видим: стоит самоходка, а кругом столько трупов навалено! Все в воронках. Немецкие танки горят, машины, бронетранспортеры... Побоище было великое.

Наш снаряд тяжелый, 43 килограмма! Калибр хороший — 152 миллиметра. Пушка бьет на 18 километров! И если прямой наводкой, то броню «Тигра» прошивала насквозь. Перед Пашиной самоходкой несколько «Тигров» стоят догорают.

Это было, как я уже сказал, в Югославии, между городами Владиновац и Крушевац.

Экипаж весь цел. Встретили нас. Обнялись. Мы стали расспрашивать. Паша Бердников и говорит: «Что рассказывать? Сами видите».

А у них уже ни горючего, ни снарядов, ни патронов.

— Меня ранило только однажды. И сразу — тяжело. И сразу — отвоёвался. Из госпиталя — подчистую, домой, инвалидом.

Перед боем было у меня предчувствие нехорошее.

Мы, помню, продвинулись слишком далеко. Вклинились в их оборону.

Чтобы у противника создалось впечатление, что у нас много сил и они нас не отрезали контратакой, я приказал одному танковому взводу постоянно, туда-сюда, гонять свои «тридцатьчетверки». Может, они разгадали наши маневры, но контратаковать все же не осмелились. Постреливали из минометов. Но дистанцию держали, не сближались. Побаивались.

Мы, офицеры, стояли за танком. Одна мина разорвалась с недолетом, другая с перелетом, третья ударила в танк. Но вреда танку она никакого не принесла. Мы вышли из-за танка. Идем. Идем не спеша. Взвизгнула очередная мина. Я помпотеху вдруг и говорю: «Слушай, это ж моя летит». Отошли мы от танка недалеко совсем, метров пятьдесят—шестьдесят. И правда. Разрыв! — и мне в ногу осколком...

Вот с тех пор теперь и хромаю. И до Берлина не дошел. Всю жизнь жалею...

Глава 19 В ПОЛЬШЕ

В Польшу наши войска ворвались в результате Белорусской наступательной операции 1944 года. Проводили эту операцию войска 2-го Белорусского фронта: 3, 49, 50-я армии и 4-я воздушная армия. После удачно проведенной Минской операции без всякой оперативной паузы советские войска бросились вперед. В июле началось освобождение Польской земли. В рядах атакующих немецкие укрепления были и польские воины. Но главная освободительная миссия принадлежит советским войскам, русскому солдату. Потому что главная нагрузка легла на его плечи. И самые большие потери понесли русские дивизии.

Гитлер ненавидел Польшу и поляков. В разговоре с Геббельсом он однажды сказал: «На поляков действует только сила. В Польше уже начинается Азия». На высокомерный, экзальтированный польский характер это подействовало сильно: они до сих пор не могут простить эти слова всем немцам. Как

всем русским не могут простить смутную историю Катыни. Кстати, по сведениям немецкого историка и публициста Стефана Карнера, опубликованным в книге «Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе», Красная армия за четыре года войны захватила в плен солдат и офицеров 24 национальностей, воевавших против СССР в составе вермахта и СС. Поляки занимают седьмое место, опередив, например, даже итальянцев. Наши наступающие войска захватили польских 60 280 солдат и офицеров, одетых в форму германской армии. Причем почти все они были захвачены на советской территории. Среди плененных было 5 польских генералов. Впечатляет, не правда ли?

Стоит здесь напомнить и еще один эпизод советско-польского боевого братства: когда немецкие дивизии стояли под Москвой, генерал Андерс эвакуировал польские части, экипированные и вооруженные, кстати, Советским Союзом, в Иран для прохождения военного обучения. Как показала дальнейшая история, Андерс так и не вернулся на русский фронт. Через Узбекистан, Иран, Палестину дивизия Андерса была переброшена, уже по приказу англичан, в Италию. И там в мае 1944 года в местечке Монте-Кассино она была уничтожена в одном бою: немцы их расстреляли из нескольких десятков пулеметов в ущелье. Поляки до сих пор, подвыпив русской водки, любят спеть песню: «Червоны маки на Монте-Кассино...» О моих земляках, освобождавших их Сопот, Гдыню, Познань, ни грустных, ни веселых песен благодарные поляки не поют.

В этой главе опубликуются странички из «Польского дневника» бывшего сапера 145-го отдельного автоинженерного батальона Ивана Матвеевича Шведова из поселка Черная Грязь, что неподалеку от деревни Стрелковки — родины Маршала Победы Г.К. Жукова.

— Вислу мы форсировали и начали расширять плацдарм. В то время я был уже помощником командира автоматного взвода. Звание — сержант.

После небольшой артподготовки рота пошла в атаку. Немцы, видимо, знали, что мы будем атаковать, и, чтобы не попасть под огонь нашей артиллерии, первую линию траншей и окопов оставили без боя. Отошли во вторую линию. Там у них была более выгодная позиция. Возвышенность. И с нее-то они простреливали перед собой по фронту буквально все.

Заняли мы немецкую траншею.

А нашего командира взвода, лейтенанта, во время атаки ранило в обе руки. И командование взводом пришлось принять на себя мне.

Подморозило. А когда бежали в цепи и стреляли по отступающим немцам, я в горячах рукавицы где-то бросил. И теперь руки стали замерзать.

Занял позицию на правом фланге взвода. Справа от меня — соседний взвод. Поднялись, пошли. Впереди — второй эшелон немецких траншей. Они долго не стреляли. Подпускали на верный выстрел. И вот ударили. И цепи наши сразу положили. Наш взвод оказался ближе других к немецким траншеям. Ротная цепь вначале шла ровно, а потом сломалась клином. Как журавли мы на них летели...

Я вначале подумал, что мои автоматчики просто не выдержали и залегли. Немцы стреляли из пулеметов. Стреляли почти непрерывно. Пулемет есть пулемет. Залег и я. Не бежать же в атаку одному, хоть я и исполняю обязанности командира взвода. Но вскоре я понял: взвод-то мой почти целиком расстрелян и я тут, перед немецкой траншеей, остался один! Лежу. Наблюдаю. Сердце мое колотится. Стрельбу они немного ослабили. Задвигались. Закричали. Это уже верный знак: к контратаке готовятся. Гляжу, и правда поднимаются. Прикинул: шагов сто до них. Что ж, думаю, никто из моих ребят не стреляет? Ведь кто-то же есть живой! А немцы идут. Тогда я приподнялся и с колена, прицельно дал несколько очередей. Посмотрел направо: соседний взвод тоже без лейтенанта и тоже уже отступает — бегут ребята что есть мочи! Только шинели заворачиваются! Пули вокруг меня — цив-цив! Я опять за-

лег. Лег за труп своего товарища. А немцы опять встали и идут. Я снова вскочил, выпустил последние патроны и рванул к своим.

Бегу. По мне стреляют. Но стреляют уже другие. А эти, которые на меня шли, больше уже не вставали. Видимо, я их срезал последней очередью.

Прибежали мы, кто остался живой. Ротный нас встретил, говорит мне: «Молодец! Достоин высокой награды!»

Вот, думаю, за удачные атаки не награждали, а тут...

Ко мне ребята стали собираться, остатки взвода. У одного глаз выбит, висит, и он его в ладони придерживает. А другой, из недавнего пополнения: «Меня, товарищ сержант, в руку вроде ранило». И вертит своей перебитой рукой туда-сюда. В горячке. Я и сам еще плохо соображал.

На нейтральной полосе вскоре все утихло. Немцы больше не контратаковали. Из взвода нашего больше никто не вернулся. Стало вечереть.

— 1 декабря 1944 года, после второго ранения, я попал на курсы младших лейтенантов. Три месяца ускоренной учебы. Нам прилепили по одной звездочке — и на фронт. Назначение я получил в 1297-й стрелковый полк 160-й дивизии.

Бои уже шли в Польше. Мы шли на Данциг. Там мы окружили довольно большую группировку немцев. Но окружили их с суши, а с моря — нет. И они продолжали сражаться. Наша дивизия ударила в центр группировки с целью расчленивть ее. Впереди перед нами лежал город Сопот. Там я впервые в жизни увидел море.

Но до моря было вот какое дело...

Местность под Сопотом лесистая. Артиллерию применить было нельзя. Мы с немцами сошлись так близко, что стрелять артиллеристы не решались, чтобы не перебить своих. Мой взвод был правофланговым в батальоне. Взводу придали расчет станкового пулемета. Справа шел дру-

гой батальон. Вот стык наших батальонов и должен был прикрывать этот пулемет.

Шли лесом. Впереди — овраг. И вдруг из-за оврага немцы открыли сильный огонь из пулеметов и автоматов. Мы сразу залегли. Моя позиция оказалась как раз перед оврагом. Спуск в овраг пологий. Я приказал пулеметчикам, чтобы контролировали перед собой по фронту противоположную сторону оврага и не пускали немцев сюда, если те вздумают контратаковать.

Расставил я свой взвод, жду. А слева от меня, смотрю, другие взводы нашей роты поднялись и, отстреливаясь, начали отходить. Я встал за деревом. Бегут пулеметчики соседнего взвода. «Куда? — кричу им. — Быстро ко мне! Устанавливайте пулемет и бейте вдоль оврага!» Те послушались. Быстро развернули «максим» и начали стрелять.

А немцы уже полезли в ложину. Но мы их остановили. Когда согласованно лупят два пулемета с флангов, трудно преодолеть их огонь.

Лежим. Одну атаку отбили, ждем новой. Пулеметчики соседнего взвода рядом со мной. Второй номер заправил новую ленту. И вдруг — взрыв! «Максим» — кверху колесами! Первый номер отбросило. Живой он остался или его тогда убило, я так и не узнал. Второй номер невредимый. А у меня от близкого взрыва такой шум в голове, что я и соображать-то стал плохо.

Оказывается, немец подполз к нашей позиции и выстрелил из фаустпатрона. Но счастье наше, немного промахнулся. Граната ударила в дерево и разорвалась поодаль. Я — к пулеметчику. Перевернули мы пулемет, поправили ленту. Я лег за гашетку. Немцы уже поперли. И начал я стрелять. Стреляли мы по ним почти в упор. И опять отбились.

Я лежу и думаю: что ж это за части нас контратакуют так ожесточенно? Совсем с потерями не считаются, напролом идут. Неподдалеку, на краю оврага, лежит офицер. Не добежал до нас совсем немного. Я подполз к нему. На фуражке череп с костями. Так это же СС! Я снял с убито-

го часы. Хорошие, швейцарские часы. Долго потом, уже после войны, носил их.

Погода приходит связной из соседнего взвода: «А вы здесь?!» — и смотрит на нас и на трупы немцев удивленными глазами. «Мы-то здесь, а вот вы где?» — «А мы, товарищ лейтенант, за лесом», — как ни в чем не бывало отвечает он. Мы с пулеметчиком даже засмеялись.

Собрались мы все. Командир роты пришел. Перешли овраг. Немцы оттуда ушли в Сопот. Теперь предстояло атаковать Сопот. Там меня и ранило.

— А ранило меня вот как.

Ворвались мы в Сопот. Отбили у немцев костел. Костел брали мы, мой взвод. Дальше пошли. От дома к дому. В одном месте спустились в подвал. В подвале много народу. Поляки. Когда мы вошли, поляки сразу протянули нам навстречу руки. Что такое? В руках, смотрим, часы и разная ерунда. Э-э, да нам, говорим, этого ничего не надо! Кое-как объяснили им, что мы не мародерничаем, а немцев ищем. Воюем. Тогда они сказали, что немцев в подвале нет.

Вышли мы из подвала. Пошли дальше. Слева по улице стоит наш подбитый танк, «тридцатьчетверка». Башня у нее вывернута, и ствол пушки уперся прямо в мостовую. Видимо, внутри был сильный взрыв. Под танком лежит танкист. Увидел меня, позвал: «Браток, пристрели». Это он мне такое говорит. Я ему: «Да что ты? Мы тебя сейчас вытащим. В тыл отправим». — «Меня уже никто не выташит и не спасет. Пристрели. Прошу тебя. Сил моих больше нет. Вон, посмотри, на той стороне улицы сколько наших лежит. Попытались меня вытащить. И экипаж мой весь там». Я посмотрел через улицу — правда, лежат трупы наших бойцов и несколько танкистов. Я ему опять: «Потерпи, дружище. Поверь, уж я-то тебя вытащу». И так мне захотелось вытащить, спасти этого танкиста! Что ж, думаю, придумать?

Смотрю, идет двуколка. Колеса у телеги широкие. В телеге двое гражданских. Подъехали к танку, развернули двуколку. Подняли мы танкиста и положили в повозку. А ноги у него болтаются, перебиты. И пока мы грузили танкиста, ни один немец с той стороны не сделал ни одного выстрела. Дома напротив, откуда только что велся сильный огонь, как будто вымерли. И снайперы там сидели, и пулеметчики. А вот ни один не выстрелил.

Двуколка с двумя гражданскими и раненым танкистом уехала. И тут снова загремело.

Пошли мы дальше. Идем. И вдруг я стал валиться. И повалился на мостовую. Что это, думаю, со мной? Зачем это я повалился? Схватился за грудь. Потому что почувствовал, что вроде как воздуха не хватает... И встать уже не могу.

Мы ж там, между домов и в переулках, из-за угла друг в друга стреляли. Почти в упор. Так что просмотрел я своего противника. Офицер. Выскочил из-за угла и выстрелил из пистолета. Опередил меня. Это потом мне ребята рассказали.

Бойцы мои меня подхватили. «Командир, что с тобой? Командир, ты ранен?» Я хочу им что-то сказать, а у меня кровь изо рта. Хлюпает в горле, печенками выходит. Все, думаю, вот меня и убило... Видел я, как после таких ранений умирали.

А солдаты у меня во взводе были ребята бывалые. Некоторые из-под Вязьмы шли, в сорок втором в окружении там побывали. Может, слышали что про 33-ю армию да про ее командующего, генерала Ефремова? Так вот наша 160-я стрелковая дивизия вместе с Ефремовым и погибала тогда под Вязьмой. А я в нее пришел уже позже. Так вот ребята гимнастерку на груди разорвали, бинтами рану перемотали, чтобы кровью не изошел. Понесли в тыл. Они-то меня и спасли.

Это было 2 мая 1945 года. Третье ранение. Слепое пулевое. Пуля до сих пор сидит в легком. Доктора говорят: трогать, мол, не надо, она там вроде как обросла и прижилась. И правда не беспокоит.

— На реке Пилице сменили нас части Войска польского. Бывало как: своим сдавали то, что имели сами. А полякам приказано было сдать оборону в образцовом виде. Траншеи и ячейки копали всю ночь.

Утром они подошли. Оружие у поляков хорошее. Новое все. Кроме автоматов, много пулеметов и минометы. Ну, думаю, эти постоят. А у нас уже много потерь было. Из вооружения — одни автоматы. Пулеметов — раз-два и обчелся...

Но мы рады, что — во второй эшелон, что — на отдых, что — живы.

— В Познани. Город мы полностью еще не взяли. Одним махом не получилось. Стояли напротив немецкого госпиталя. Командир пронюхал это дело и говорит мне: «Так, Жаворонков, там должна быть водка. Или спирт». И послал меня разведать и, если что есть, принести.

Приказ есть приказ. Его надо исполнять. Пошел, делать нечего. Иду. Познань горит. Отблески от пожаров играют на стенах домов, высвечивают дорогу. Дело было в феврале сорок пятого года.

Подхожу к госпиталю. Немцев нет. Вошел в госпиталь. Меня встретили врачи. Сразу, я еще не сказал ни слова, выложили на стол свои пистолеты. Пистолеты миниатюрные, разных систем. Я им показываю: найн, мол, мне этого не надобно. Они переглянулись, пожали плечами. Я им тогда: «Шнапс!» Тогда один из врачей повернулся и ушел. Вскоре вернулся. Протягивает мне бутылку коньяка. Я ему: «Данке». Повернулся и пошел. Пистолеты их остались лежать на столе.

Пришел я к командиру роты, отдал бутылку. А мне так спать хотелось! Я потом прилег где-то. Даже не прилег, нет, сел и сидя тут же уснул. А в те дни за удачно проведенную разведку ротный подарил мне новенький ППС — пистолет-пулемет Судаева. Он без приклада. Приклад откидывался, как у нынешних Калашниковых. Магазин рожковый. И покуда я спал сном праведника, мой пистолет-пулемет кто-то

у меня спулеметил! Проснулся, хватъ-хватъ, а ведь я безоружен! Хорошо, что у меня был бельгийский пистолет и несколько горстей патронов к нему. Подарил мне его один солдат: «На, товарищ гвардии сержант, тебе он, в разведке, пригодится больше». Вот с этим бельгийским пистолетом я дня четыре и воевал. Пока не нашел себе новый автомат, простой ППШ, с которым провоевал уже почти полтора года.

Но до того как уснуть, я еще раз сходил «в разведку».

Офицеры бутылку коньяка выпили быстро. Что им одна бутылка? Мало. Посылают меня опять. Мне бы зайти за угол да постоять там с полчаса, а там вернуться и сказать: нету, мол, больше ни коньяку, ни водки... А я, дурак, пошел опять в госпиталь, к немцам. Прихожу. А уже стыдно: вот, мол, еще пришел... Я опять врачу: так, мол, и так, шнапсу еще командирам надо. А он: «Найн!» Ну, найн так найн. Я повернулся и пошел. И сразу мне легче стало.

Да, чуть не забыл! Вот что со мной приключилось по дороге в госпиталь.

Иду в темноте, а навстречу мне, из темноты, вдруг вынырнул немец. С автоматом, в каске. Я его узнал по каске и нашивкам. У них на левом рукаве шинели нашивки клинышками... Блеснули в темноте нашивки, и я подумал: это ж немец пошел... И я, и он на мгновение остановились, посмотрели друг на друга. И пошли дальше — каждый своей дорогой. Никто не схватился за автомат. Я-то понятно, в какую разведку ходил. А вот чего немцу не спалось? А видеть, тоже разведчик был.

Командиру роты я доложил: нету больше. Ну, говорит, нету так нету. С тем он меня и отпустил. А я иду и думаю: зачем же я, дурак, ходил туда! Совесть свою, русскую, из-за вас, пьяниц горьких, мучил!

С тем и уснул.

— Однажды в Польше, где-то перед Вислой, шла наша колонна. Двигались вперед. Торопились. Немцы отступали. Мы им буквально на пятки наступали. И в ложине,

при переправе через болотце, застрял в трясине наш танк. Начали его вытаскивать. Запрудили дорогу. Колонна остановилась. Пробка! И вдруг: «Жуков! Жуков едет!»

Мы, пехота, как раз проходили мимо застрявшего танка.

И вот подъезжает его «козелок». Маршал вышел из него. Подошел к танку: «А ну-ка, ребята, давай разом!» Тут — кто веревками, кто как. Другие танки подошли, тросы кинули. Вытащили севшую на брюхо «тридцатьчетверку».

Одет он был в плащ. В защитной фуражке. Невысокий ростом. Коренастый. Человек как человек, ничего особенного. Кому-то ж надо быть и маршалом. Повернулся, пошел к машине, сел в нее и уехал вперед. Вот так, мимоходом, я повидал командующего нашим фронтом.

— Воевал я в связи. В Крыму пришлось воевать, под Севастополем, под Одессой. Потом перебросили сюда, в Польшу.

И вот какой случай мне запомнился. В Варшаве, возле железнодорожного вокзала мы меняли кабель. Ремонтировали поврежденную связь. Кабель был проложен неглубоко, и во многих местах его перебило снарядами и минами. В разрывы попала вода, кабель, понятное дело, замок. Замкнуло. Мы старый кабель вытаскивали, скручивали в бухты, складировали. А новый закладывали. Так ночами поляки рубили наш новый кабель. Вначале не поняли, что такое происходит. Новый кабель положили, а связь молчит. Командиры бранятся. Но раз выставили посты и в первую же ночь поймали троих поляков. И топор при них, и кувалда. Подсунут топор под кабель — и сверху кувалдочкой...

Мы за них жизни свои... А они все боялись, чтобы русские их не обобрали. Все, бывало, со списками бежали, учет вели. А за пенензы мать родную продать были готовы.

ИЗ «ПОЛЬСКОГО ДНЕВНИКА»

15 сентября 1944 года

Когда приехали сюда, окопались в лесу.

Много скопилось транспорта. В ложине.

С ротой Васильева пошел на минирование. Ставили противотанковые мины.

Я взял три коробки и пошел наверх. Только их положил, как рядом ударила мина. Ткнулся головой в сноп и лежу. Другая мина ударилась в трех метрах от меня и не разорвалась. Перебежал в свежую воронку. Вслед за этим ниже по склону и по самому низу ударило еще штук десять. И все затихло. Спускаюсь вниз. Уже по дороге лежат двое раненых и стонут. Внизу еще много. Ранен и Комаров. С ним сижу, успокаиваю. Вот подали повозки, и мы стали грузить раненых и убитых. Есть потери и у Занькова, и у Попова. Всего 14 человек. Целый обоз.

Потом было спокойно. С перерывами в 30 минут то туда, то сюда бросит один снаряд или мину.

Под один я едва не попал.

Пошел с Романовским и Поповым на «поле». Только стал выходить на улицу, а он бил по ней исключительно точно, как метрах в двадцати пяти от меня ударил снаряд и осколки прожужжали над моей головой и посбивали ветки с груши. Я кинулся на землю, переждал немного. А потом пошел другой дорогой. А их все-таки на той дороге зацепил. Романовского убило, а Попова ранило.

16—17 сентября 1944 года

Прошлую ночь последний раз на этом участке сходил на передовую линию. Обошлось все благополучно и вернулся жив и здоров. В этот день противник очень сильно стрелял из пулемета и раза три делал артналет. Снаряды ложились близко возле нас. Немец дожигает дома и деревни.

Пришел часа в четыре. Спал до обеда.

Наконец-то хоть одну ночку отдохнул здесь. Хотя вечером долго не мог уснуть и все думал обо всем. А потом снился сон, который мне почти не запомнился. Только помню, что у меня была жена и дочь и я то ли приехал домой, то ли уезжал куда...

А следующей ночью я опять дежурил. Ночи стали очень холодные. Оделся в шинель, накинул палатку. И лег подремать возле телефона. Когда укроешься палаткой и надышишь туда, то становится теплее. Немного сумел заснуть.

18—20 сентября 1944 года

Уже наступила осень, и стало холодно. Ляжешь ночью, постелешь палатку, укроешься шинелью, скорчишься в три погибели, а все же холодно. И согреться никак не согреешься.

23 сентября 1944 года

Сейчас ночь. С вечера все сидел возле радики и слушал известия. А потом пришел приказ переезжать. Все собрали и погрузили на машину.

С какой жадностью следим сейчас за событиями! Дела идут здорово. Интересно заявление Рузвельта, который вопрос о Германии уже считает решенным. Значит, точно, что скоро ей крышка. И скоро уже должен быть конец войне.

Наш участок пока молчит. Но на нашем тоже грохнут, и здорово грохнут немца.

24—26 сентября 1944 года

Сейчас все живем ожиданием того, что должно произойти в недалеком будущем, когда ударим немца здесь и погоним его уже в Германию и там будем бить.

Стоим возле дороги и видим, как по ней бесконечным потоком идет наша техника: танки, орудия, машины. Проходит пехота.

Скорее бы началось. Руки чешутся, злоба и нетерпение... Закончить зимой войну, а весной поехать в Россию.

Настроение сейчас какое-то ненормальное. Тоска или скука. Места себе не нахожу. Поскорее бы в бой. Очень часто вспоминаю о доме. Что я буду делать, когда закончится война?

29 сентября 1944 года

Сегодня день моего рождения. Исполнился 21 год.

И все же быстро идет время. Еще совсем недавно 18-летним юношей пошел в армию, а сейчас уже 21 год!

30 сентября — 20 октября 1944 года

Разминировал. Работали хорошо. Много мин наших отыскивали.

23 октября 1944 года

Сейчас опять живем в монастыре. Сырые стены. Слово в тюрьме.

8 ноября 1944 года

Дали водки вчера по 100 гр. И сегодня тоже по 100 гр. С них ни пьян, ни трезв.

Вечером вчера сидели у поляков, пили пиво, играли в карты.

А сегодня думаю, что раз не выходит напиться пьяным, чего очень хотел, то дай хоть выплюсь. И почти весь день валялся в койке.

Вечером — дежурить. По радио слушали Москву — концерт. Выступления знаменитостей. Москвичи бурно аплодировали. И поневоле такая тоска закралась по своей родной сторонке. Далеко же ты, родимая.

А поляки уже надоели со своим: «Ци пан даст?» да «Проше». Какой-то мелочный народ. Почти все торгаши. Держит лавку, а там 100 гр. табаку, коробок спичек и луковица. А попробуй о чем попроси, сразу: «А ци пан даст?»

Я сразу обратил внимание еще вот на что. В Польше лошадей в повозки запрягают не так, как у нас, в оглобли, а — в одно дышло. Но практического преимущества в этом я не увидел. Обратил внимание и на то, что в деревнях женщины и девушки ходят больше босиком. Даже и одеты, кажется, хорошо, а босиком. Очень чисто и опрятно обрабатывают и убирают свои поля, свои наделы. Вот это мне понравилось.

8 января 1945 года

Работали по строительству мостов. Но сначала делали проходы. Работа опасная и интересная. При этом все же были потери. Ранило Добычина и Копоищенко.

Особенно трудно пришлось при строительстве мостов. Мост строила третья рота. Немец подошел и подорвал его. Начали снова. Когда подошли, то трудно было узнать местность: все изрыто воронками.

Ранило Минца. Другого капитана убило. Убило пять лошадей. Я в это время был в самом пекле. Не знаю, как и жив остался. Спасла яма. Оказал помощь Минцу.

Другой мост строила первая рота. Там обошлось.

13 января 1945 года

Наконец-то началось!

Утром 11-го в 5.00 началась артподготовка — и до 7.30. Сразу прорвали оборону. По всем дорогам бесконечным потоком идут танки, машины, орудия. Трудно проехать. В два, в три ряда и больше. Пробки. Всю ночь гудела земля от движения техники. Первая и вторая линии прорваны.

Валяются фрицы. Вот один лежит вниз лицом. Без штанов, руки раскинул...

Подошли к третьей линии обороны немцев. Ночуем в лесу, километрах в десяти от немцев.

Сейчас утро. Началась артподготовка.

Идем и идем. На Германию!

18 января 1945 года

Наступление идет стремительными темпами. Пошел в наступление 1-й Белорусский. Взяли Варшаву. Немцев не только гоним, а окружаем, разбиваем и рассеиваем. Позавчера остался позади Кельце. В городе еще бои. На улицах разбитая техника.

20 января 1945 года

До границы с Германией осталось 60 километров.

Сейчас эти строки пишу в машине. Остановились для выяснения обстановки. На реке Пилице выдержали бой с немцами, которые прорывались из окружения. Мы занимались ремонтом разбитого моста, когда подъехала колонна крытых грузовиков. Их было 100—150 человек. Они взорвали свои грузовики и бросились на нас в атаку. Человек пятьдесят сразу были убиты. Но и у нас тяжелые потери: убиты младшие лейтенанты Подсухин и Медведев. Рота осталась без офицеров. Но мост построили.

Здесьнее польское население относится к нам хорошо. Много партизан. Очень помогли они нам при постройке моста. Понтонный мост пришлось строить самим. А когда строили деревянный, я ходил мобилизовывать.

Пошел рано утром, было еще темно. Когда шел назад, вижу, на дороге кто-то стоит. Подошел ближе: стоит немец с винтовкой. Сдается в плен. Руки поднял, что-то бормочет, засматривает в глаза, будто в сваты пришел... Я подошел. Снял с его плеча винтовку и разбил ее о булыжную дорогу. Отвел немца в штаб. Выяснилось, что он из тех, которые прорывались. Ратушняк его после расстре-

лял. А в обед — опять бой. Новая группа через мост полезла. Все офицеры СС. Есть небольшие трофеи.

Здесь стояли в хорошем панском доме.

21 января 1945 года

Сегодня стоим у переправы у р. Варта. Роты строят мост.

Сегодня добрались до фольварка немца и набрали мяса, баранины.

27 января 1945 года

Не спал уже четверо суток.

С моста на Варте снялись и пошли вперед. Через границу.

Первый немецкий город — Гильденбург, кажется.

Ехали целую ночь. Немец поспешно удрал за Одер. Пропали все. Населения никого нет. Во всех деревянях окна домов, магазинов, учреждений настезь открыты. Не отключено электричество, освещены витрины.

Остановились в одном немецком селении. Ночью — по трофеям. Утром тронулись дальше. Шли пешком. Села опять пустые. Многие деревни наши солдаты палят. Встречаются угнанные в Германию поляки и русские.

На другой день прошли 70 км. Сейчас стоим перед Одером. Река неширокая, но быстрая. Почти вся замерзла. Строим мост. Вчера днем налетели самолеты, сильно бомбили. Я чудом уцелел. Многие мои товарищи погибли и ранены: Чулков, Воробьев, Самойлов, Скобелев. Много потерь.

Вчера, когда закончили мост, немец взорвал где-то плотину, пустил воду, и весь наш мост снесло льдом. Пропал труд наш и кровь бойцов.

Ниже проложили прямо по льду настил из досок и пропускаем повозки.

2 марта 1945 года

Пришел приказ о награждении нашего батальона орденом Красной Звезды.

В эти же дни мы осваивали стрельбу немецкими фаустпатронами. Начальник штаба батальона Зятко показывал их устройство и действие. Довольно эффективное оружие ближнего боя, особенно против танков. Этих фаустпатронов мы захватили очень много и теперь возим с собой.

Глава 20

БОИ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Восточная Пруссия была первой германской землей на пути нашей наступающей армии. В этой книге собраны воспоминания ветеранов 33-й армии. Именно солдатам этой многострадальной армии, которая защищала в октябре—декабре 1941 года Москву, а затем погибла почти целиком вместе со своим командующим генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым под Вязьмой (апрель 1942 г.), довелось первыми выйти к границе с Восточной Пруссией. И первый орудийный выстрел по позициям противника, который пытался остановить наши войска на этом рубеже, сделали артиллеристы 33-й армии. Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция была предпринята войсками 2-го, 3-го Белорусских и частью сил 1-го Прибалтийского фронта. Оборона немцев имела семь рубежей в глубину и состояла из шести укрепрайонов. Немцы сосредоточили здесь 780 000 человек, в том числе 200 000 фольштурмовцев, 8200 орудий и минометов, 700 танков, 775 самолетов. Мощь наших войск была значительно выше. Исход битвы фактически был уже предопределен, но драка была жестокая. Немцы понимали, что боевые действия начались уже на их территории, что война пришла и в их дом...

— На фронте вся сохранность есть земля. Чуть что — окоп выкопал, и уже ничем тебя не взять. Лопата на фронте — главное оружие солдата. Не успел окопаться — и нет тебя при первом же обстреле. Лопата, ложка, котелок. Ни-

когда не видел — а я до самого Берлина дошел! — чтобы солдат где-нибудь бросил лопату, ложку или котелок. Все, бывало, бросали, а это — никогда.

— В Восточную Пруссию мы, можно сказать, заползли на пузе. Немец там сопротивлялся особенно сильно.

Тут, в Восточной Пруссии, меня поразило вот что. В каждой деревне, в каждом дворе много скота. У одной хозяйки, может, 10 или 15 коров. Видать, со всего Советского Союза сюда коровушек согнали. Со всей оккупированной территории. На фермах работали наши люди. Угнанные. Девчушки наши, по пятнадцать—семнадцать лет. Из наших русских областей, Белоруссии, Украины. В рабстве у них были.

Среди хозяев мужчин не было. Видимо, всех призвали в армию, все воевали.

— Вспоминаю, как мы входили в Восточную Пруссию.

На прорыв шли в сплошном тумане. Возможности использования тяжелой техники почти не было. Авиация находилась на аэродромах. И танки, и бронетранспортеры, и «катюши» шли позади нас. Мы продвинемся на километр-два, и они на километр-два следом за нами. В бой их не вводили. А потом, когда мы прорвали на всю глубину, танки в этот прорыв и пошли сплошной лавиной. Ночью, с включенными фарами. В тумане. Они шли, обгоняя нас, часов пять или шесть. Почти всю ночь. Мы смотрели на этот грохочущий поток и думали: ну, пошла махина, теперь не остановишь. Утром мы двинулись следом за ними.

Вот так была отрезана Восточная Пруссия от Центральной Германии.

Первую деревню мы взяли — там всего две старухи, древние-предревные. «Где же народ?» — мы их спрашиваем. А они нам: «Ушли все. Нам сказали: придут русские, с рогами, всех будут убивать и вешать. Уходите. Вот все и

ушли. А мы уже старые, смерти не боимся». Подошли к нам, потрогали, убедились: не черти, рогов нет. Дальше — больше стали немцы появляться. И молоденьких бабешек вскоре увидели. Но мы на этот счет — ни-ни. Правда, презервативы нам все же выдавали. На всякий случай. Как противогазы в начале войны. Ребята-то все молодые!

— А один раз... Стоим где-то, костры запалили. Немцы далеко. Гармошка заиграла. Ребята сразу: «Гоп, со смычком!..» Пошла круговерть! Молодые все! Задорные! В медалях! А у кого и по две!

Немцы, гражданские, похоронились.

А были там, в Восточной Пруссии, хутора поляков. Эти наглые. Только мы пришли, а они уже ходят торгуют. А торгуют разной чепухой, что и купить-то нечего. Вот одна полька ходила-ходила вокруг нас. Никто ничего у нее не покупает. Осмелела, подошла, толкнула меня: «Ты! Пердулиный жолнеж!» Это что-то вроде: ты, засранный солдат! Я поворачиваюсь и ей тут же: «Цо чебо пердолюдо дубу твоя матка тоже курва засрата бува!» Глаза у нее сразу выкатились — и как кинулась бежать! Мне ребята: «Откуда ты польский знаешь?» Я и рассказал им, что до войны на хуторах под Калугой мы на четырех языках разговаривали: русском, украинском, белорусском и польском.

Я был приписан ко взводу разведки. Как снайпер. Мы отдыхали. Приходит капитан-лейтенант, командир взвода разведки, и говорит: «Кто знает польский язык?» — «Я, — говорю, — малость знаю». — «Пошли».

Приходим на хутор. А там уже какой-то поляк палатку раскинул, брагу продает, разливает ковшиком. Мне капитан-лейтенант: «Спроси, какие деньги берет — наши или польские?» Я тому: «Яки пан бере пенензы?» — «А, яка разница, что порты, что сподныця!» Ага, поляк, глядим, веселый попался, с этим столковаться обо всем можно. Выпил взводный браги. Видать, понравилась. Гляжу, его уже немного разобрало. И: «Ты ему скажи, что нам надо двух де-

вок». Я поляку: «Пан, треба два цурки». — «А цо я буду мать?» — «Пенензы». — «Добже. Вшистка бендить». Тогда мне капитан-лейтенант: «Скажи ему, чтобы девки были надежные. Ну, это... Чтобы от них никакой заразы не подхватить. А то тут, после немцев...» Я — поляку. Тот засмеялся: «Добже, добже, пан офицер».

Прихожу во взвод. А уже слух разошелся. Разведка! И все ребята позабыли мою фамилию и стали меня звать: «Пан Калиновский! Пан Калиновский!» Так и звали, пока меня на косе той проклятой не ранило.

— На фронт я пошел добровольцем. Хотелось мне, хохлацкого и казацкого происхождения, попасть в кавалерию. Поэтому я долго просидел на пересыльном пункте в Солнечногорске. Все ждал, когда же приедут вербовщики из кавалерийской части. Мало нас там осталось, человек пятнадцать. Всех разобрали. И тут приезжает мичман с Балтийского флота. Приехал и давай с комендантом ругаться: почему, говорит, людей на пересыльном пункте нет? Я, говорит, у тебя должен забрать 72 человека, а тут только 15! Комендант: недобор, мол, то да се... «Ну ладно, составляй строевку». А я тогда уже состоял писарем на пересыльном пункте. Грамотных было мало. Составляю я список, а себя не вписываю. Мичман мне: «А где твоя фамилия?» Я ему: так, мол, и так, в кавалерию решил... «Дурья твоя голова! — он — мне. — Какая кавалерия?! Война другая пошла! Ты знаешь, что любой захудалый матрос на голову выше самого лучшего солдата?!»

Я и согласился.

Учебный экипаж в Петергофе. Учили меня на баталера. Это каптенармус и помощник старшины. Одновременно изучал медицину. Приобретал специальность санинструктора. В бою должен был оказывать первую медицинскую помощь.

Оставалось мне совсем немного. Уже стали водить на корабли. Но вскоре отчислили из экипажа и направили в

отдельный десантный батальон морской пехоты. Отчислили вот за что: однажды в увольнении мы, несколько моряков, подшутили над женщиной-милиционером — отняли у нее наган. Она заплакала. Наган мы ей вернули. Извинились даже. А она возьми да и доложи о происшествии. Шутку не поняла...

В феврале 1945 года мы уже брали штурмом Инстербург. Городок небольшой. Старая крепость.

До нас немцы уже отбили несколько атак. Наших много полегло. Стрелковый полк наступал. Выдохлись. В штабе 87-й дивизии стали решать: кого? А кого? Давай полундру.

Подняли наш 88-й сводный десантный батальон. Подвели на исходные. Все ребята были ловкие. Не один бой прошли. Ворвались. О, там было дело...

Рукопашная. Это не расскажешь. Ты хоть раз слышал, с каким хрустом кости ломаются? А как люди по-звериному рычат? Весь бушлат в крови, а в диске автоматном всего с десятков патронов израсходовано. И те выстрелил, пока к крепости бежали.

Я своих ни одного не помню. Все как во сне. Только потом руки болят. И чья кровь на бушлате, на сапогах... А чья кровь? Того, кто на пути попался.

— В другой раз нас, 750 десантников, на малых судах высадили на побережье косы Фрише-Нерунг. Надо было захватить плацдарм, перерезать косу и не дать немцам воспользоваться косой при отходе от Бранденбурга и Пилау на Данциг, чтобы не ушли к союзникам.

Четыре часа утра. Выбрались мы на берег. Еще не рассвело. Стоял апрель 1945 года. Пирс не был приготовлен, и мы прыгали прямо в воду. Катера поддерживали нас как могли, вели по берегу огонь из крупнокалиберных пулеметов. А у немцев там были закопаны артиллерийские батареи. Обнаружили они нас почти сразу. И как дали шрапнелью! А шрапнель — такая гадкая штука. Вверху рвется. Нигде от нее не схоронишься, ни в окопе, ни в воронке.

— Командир роты у нас такой бедовый лейтенант был. Бывало, все впереди нас бежит, первый в атаку поднимался. В Инстербурге тоже первым в немецкую траншею кинулся. И вот он только высунулся из траншеи, ему в каску осколком сразу и ударило. Каска так и разлетелась. Я подполз к нему. Положили мы его на дно траншеи. Он нам сказал: «Ребята, оставьте меня. Перевязывать бесполезно. Держитесь. Отходить вам не разрешаю». И тут же помер.

Командование ротой принял на себя мичман Копыльцов.

За полусуток нас перемолотили там основательно. В строю осталось чуть больше 80 человек. Многие были ранены. Без поддержки тяжелого вооружения наступать трудно.

Меня контузило и ранило в ногу. Контузило так сильно, что в себя я пришел только в августе.

Когда мы шли на высадку, приказано было никаких документов с собою не брать. И вот меня, раненого и контуженого, вывезли с косы и отправили в госпиталь в Друскининкай. Рана моя вскоре зажила, а контузия не проходила.

И однажды на госпиталь напала банда литовцев, «лесных братьев». Поднялась паника. Народ весь куда-то побежал. Крики. Как будто рукопашная началась... И тут, во время этой паники, я и пришел в себя. Очнулся, гляжу, на спинке моей койки висит табличка: «Неизвестный матрос».

А домой из штаба батальона ушло извещение, что, мол, так и так, ваш сын, старший матрос Виктор Сумников, пропал без вести во время боя...

В августе я написал домой письмо, что жив и выздоравливаю.

А «лесные братья» приходили к нам за продуктами. Оголодали в своем лесу. Лежачих они не тронули. А вот батальон выздоравливающих, который сразу оказал сопротивление, положили почти весь. У них же и пулеметы были, и гранаты. Многие раненые выскочили через окна и убежали по шоссе в сторону Каунаса. Я, когда пришел в себя, тоже побежал по этой дороге. Нас подобрала попутные машины. Все, кто мог, бежали из госпиталя. Оружия-то у нас не

было. А навстречу, на Друскининкай, на большой скорости, уже мчалась колонна грузовиков с войсками НКВД. Запомнил я вот что: у них на погонах были номера.

Когда я пришел в себя, спросил у ребят: какое сегодня число. Они назвали. «А какой месяц?» — «Август». Это был мой день рождения. Мне исполнилось восемнадцать лет.

— А вот за что я был награжден медалью Ушакова. Правда, теперь ее у меня нет. Украли. Но удостоверение цело.

1945 год. Восточная Пруссия.

Пошли мы вперед. Разведка боем. Полундра сразу провела оборону, затоптали мы их окопы и траншеи и рванули в глубину. Узким клином прошли. И вскоре оказались у них в тылу. А что тыл? В тылу войск нет. Воевать не с кем. Прошли мы немного вдоль фронта и уже начали поджигаться к траншеям. Надо ж было возвращаться к своим. Вышли к долине. Долина вроде котлована. Меня и еще нескольких пехотинцев посылают в разведку. Пошли. Смотрим: в той котловинке немцы остановились. Оружие в пирамидах. Завтрак готовят, жратвою пахнет. Что-то лопочут. Я прислушался, но ничего не понял. А интересно было узнать, что они говорили, — я к языкам всегда был чутким и любопытным. Вернулись мы, доложили.

Так, командиры наши тоже ребята лихие были. Решили их, тех немцев, брать. Несколько взводов ушли в обход. Обложили мы их со всех сторон. Они даже ничего и не почувствовали. Боевые охранения бесшумно сняли. Полундра финками умело работала. Поднялись по условному сигналу: «Полундра!» Они сразу переполошились. Закричали: «Шварцен тойфель! Шварцен тойфель!» И ни одного выстрела. Нам тоже было приказано огня не открывать — до первого выстрела с той стороны. Хорошо, что никто из них не успел схватиться за оружие... Мы уже пулеметы установили. Ребята некоторые, гляжу, финки за голенища сунули. Всех бы до одного положили. Один только офицер выхватил пистолет и хотел было выстрелить в себя, но к нему кинул-

ся матрос и прикладом автомата выбил из руки пистолет. Всех мы их взяли в плен. Привели в батальон 250 человек.

Когда брали, я подбежал к одному, ударил его ногой, пихнул стволом автомата. Он, смотрю, сразу заплакал, весь в саже... Я спросил потом: «Вифель яре?» И он мне показал на пальцах, что двадцать восьмого года рождения. На год моложе меня. Нет, там уже были немцы другие, не такие нахальные, какие к нам сюда пришли, под Калугу, под Москву. Там были уже остатки, замухрышки. Старички да непризывная молодежь. Артиллерии при них не было. Вооружение стрелковое, в основном винтовки.

— Однажды, перед Инстербургом, тоже пошли в разведку боем. Всем батальоном. Нам в поддержку придали минометную роту. Там мы здорово их покромсали. Не сдавались. А когда не сдаются, у полундры столько злобы появляется...

Помню, сдружились мы с одним младшим сержантом из минометного расчета. Недели две мы с ним ели из одного котелка. 14 апреля его ранило.

Ему все хотелось найти аккордеон. Вот возьмем какую-нибудь деревню, дома стоят пустые. Он мне: «Пойдем посмотрим, может, где аккордеон найдем». Я ему: «Вась, а что это такое — аккордеон?» Не знал я тогда, что это за штука такая — аккордеон. На хуторе у нас только гармошка и была. А он мне: «Да это такая желтая гармошка. Только с клавишами. Вот найдем, я тебе покажу, как на нем играть надо».

Однажды полез на чердак и там подорвался на mine.

Через тридцать шесть лет я узнаю, что тут у нас начальник коммунального хозяйства с такой же фамилией. Прихожу: «Василий Иванович?» — «Да». — «В сорок пятом тамто был?» — «Был». Узнал. Обнялись. Собрались у меня дома. Отметили.

Ветров Василий Иванович — боевой мой товарищ. В Восточной Пруссии мы им здорово давали. Наша братва, морские пехотинцы, и минометчики. Если мы чуть где за-

мешкались, пулемет там ихний или пушка, минометчики сразу — залп туда. Все, проход свободен, можно продвигаться дальше.

В прошлом году я поехал в профилакторий, наш, стариковский, за Калугой он тут недалеко. Приезжаю домой, а мне моя Егоровна и говорит: «Похоронили Василия Ивановича».

— Бои за Мискау были очень трудные. За несколько дней мы сумели выбить немцев только из двух траншей. Взять город с ходу не удалось. И снова у нас в батальоне потери. Убит Мешвелян, ранены Адылов и Ерашов.

В эти дни, в середине марта, мы увидели американских летчиков. Они совершали челночные перелеты на бомбардировку Германии. И вот американский тяжелый бомбардировщик потерпел аварию. То ли его сбили, то ли подбили где-то еще далеко перед нами. Он начал падать. А летчики из него посыпались горохом и вскоре повисли на парашютах. Мы подбежали к одному, который приземлился в расположении нашего батальона. Вначале он испугался, подумал, что попал к немцам. А потом очень обрадовался, узнав, что мы — Красная армия.

У нас снова в эти дни начались потери. Подорвался на mine Тулепов. А когда возобновились атаки на Мискау, погибли Адильбеков и Пилипенко. Двое ранены: Лихов и Осечкин.

Жалко, до Берлина я не дошел. Не довелось. Меня направили учиться в военное училище.

Глава 21

«ВОЕВАЛ Я МИНОМЕТЧИКОМ»

Минометчики в бою находились впереди, рядом с пехотой, во второй линии ее порядков. Командир минометной роты всегда рядом с командиром стрелковой на его НП. Они вмес-

те корректировали огонь, решали, куда подбросить несколько мин, кому помочь, кого выручить, где отсечь контратакующую немецкую пехоту. К началу войны на вооружении в РККА находились 50-мм ротный, 82-мм батальонный, 107-мм горно-вьючный и 120-мм полковой минометы. Простота технологии производства позволила наладить массовый выпуск этого эффективного пехотного оружия на многих предприятиях страны одновременно. В 1943 году был разработан и запущен в производство 160-мм казнозарядный дивизионный миномет. Этот образец не имел себе равных в других армиях. Вермахт не имел полкового миномета. Поэтому немецкими конструкторами попросту был скопирован советский 120-мм миномет и запущен в производство. За годы войны в советские войска поступило 351 800 минометов разного калибра. Германия за это же время произвела и дала вермахту в пять раз меньше минометов.

Минометы активно применялись обеими воюющими сторонами и как средство непосредственной поддержки пехоты в бою, и как средство усиления войск. Боевые характеристики 82-мм миномета следующие: масса мины 4,5 кг, дальность стрельбы 3700 м, масса в боевом положении — 60 кг. Соответственно характеристики 120-мм: 16-кг мина, дальность полета мины — 6200 м, масса — 285 кг. Мина дивизионного миномета весила 40,5 кг, стрелял он на 5,5 км и весил 1170 кг. Структура минометных частей такова: минполк состоял из двух или трех дивизионов по три батареи в каждом. Всего в полку было 18 единиц 160-мм или 36 единиц 120-мм минометов. Минполки входили в состав кавалерийских, танковых и механизированных корпусов, общевойсковых и танковых армий, отдельных минометных бригад арtdивизий прорыва или артбригад гвардейских стрелковых дивизий. В гвардейских частях, как известно, вооружение несколько отличалось от оснащения обычных общевойсковых частей. Стрелковый корпус имел в своем штате 450 минометов. После того как в 1943 году стрелковые корпуса начали создаваться вновь, в них уже было по 500 минометов. Стрелковый полк имел на вооружении 4 миномета 120-мм калибра и 18 — 82-мм калибра.

В конце войны количество минометов в стрелковых полках увеличилось. Кроме того, минометные подразделения имел каждый стрелковый батальон, а потом и каждая рота. Часто пехота в своих обозах имела по нескольку «самоваров», как называли это оружие фронтовики, для усиления своих позиций. Надо заметить, что поисковики очень часто находят стволы, треноги и минометные плиты непосредственно в окопах стрелков. Это говорит о многом.

— Война застала меня на Дальнем Востоке. Часть наша стояла под Уссурийском.

В конце декабря 1941 года нас погрузили в «телячьи» вагоны и повезли на запад. Ехали мы почти всю зиму. То там остановимся, то там. В конце февраля 1942 года прибыли в город Котельнич Кировской области. В Котельниче — перестройка.

На фронт долго не отправляли. Не было ни снаряжения, ни оружия, ни боеприпасов, ни машин, ни лошадей. И вот, наконец, в конце апреля нас погрузили в эшелон. На фронт!

Признаться, мы были рады, что едем на передовую. В том числе и потому, что все эти месяцы кормили нас плохо. Сказали: на фронте будете получать полный паек, а тут терпите.

Ехали через Горький. В Горьком увидели: зенитки стоят на крышах домов и возле зениток дежурят расчеты. Тут мы поняли, что фронт уже близко.

Через двое суток мы были на станции Тербуны под Куском. В дороге нас часто бомбили. Немец налетал неожиданно, кидал бомбы, обстреливал из пулеметов. Состав останавливался. Мы — в лес. Какой вагон искорежит взрывом, мы его расцепляли, опрокидывали под откос, ремонтировали рельсы и двигались дальше — до другого налета. Наших самолетов в небе не было. И почему-то не было у нас в эшелоне ни одной зенитной установки. Так что немцы расстреливали нас безнаказанно.

В Тербунах долго разгружались. Снова налетали самолеты, было много потерь. Было обидно: до передовой еще не добрались, еще ни одного выстрела по врагу не сделали, а уже столько народу потеряли.

До июня 1942 года мы стояли под Ливнами. Недолго окапывались и отдыхали. Вскоре немец пошел на нас. Мы в то время были еще народ необстрелянный. Трудно нам было против него удержаться.

Я был командиром минометного расчета. Миномет калибра 82 миллиметра. Под моим управлением 15 человек. Целое войско! Миномет таскали на себе: и плиту, и треногу, и ствол, и боекомплект. Каждая мина — побольше трех килограммов! А плита и вовсе 36 килограммов! Не шутка.

Связи у нас тогда не было. Это потом все появилось.

А было вот что... Вечером легли на отдых. А в третьем часу утра — летом ночи короткие — подняли нас по тревоге. Вскочили мы — и к минометам. А немец уже вплотную подошел.

Вначале была неразбериха. Пришлось вначале растеряться немного. А потом бились. Бились, как могли. К вечеру у меня в расчете осталось только трое бойцов. А в минроте — всего два ствола. Из офицеров — командир роты и еще один командир взвода.

В минометной роте полного состава около шестидесяти человек и четыре ствола. А тут нас осталось человек десять.

Побежали. Пришлось и побежать. Бежали мы лихо. Бежим. А навстречу какой-то генерал на легковой машине. Выскочил из машины, трясет пистолетом, кричит: «Так-то вашу!.. Куда?! Назад!» И тут в его машину — прямое попадание снаряда. Шофера убило, машина искорежена. Генерал уже пожилой, грузный такой, с животом. А нам — по двадцать лет. И веришь-нет, он так бежал, что мы за ним едва угнались...

Где-то потом остановились. Генерал нам в глаза не смотрит. Весь пистолет в глине. А мы минометы не побросали. Всю матчасть вынесли. Так что и генералы бежали.

Получили пополнение. И снова — в бой.

Минометчики у меня в расчете были хорошие, стреляли умело. Миномет на войне — штука хорошая, если в умелых руках. Чуть где пехота застряла, смотрим, ага, пулемет бьет, не дает славянам продвигаться. Пару пристрелочных — и полный залп. Пошла пехота. Пулемет молчит.

— Заметил: если на фронте кто затосковал по дому или по родным и поделился этой своей тоской с товарищами, верная примета — не сегодня завтра убьют. Хоть и поется в старой солдатской песне: «Когда мы были на войне, то каждый думал о своей любимой или о жене...» Думать-то думай, но молчи об этом. Хоть что там в душе, а помалкивай.

Однажды командир нашей минометной роты подобрал остатки взвода из пехоты. Знаете, как на фронте бывало: когда отступали, солдаты приставали к более боеспособным группам, в которых были офицеры, порядок. Человек десять их было. А нам, минометчикам, на марше люди всегда нужны. Надо было нести минометы и боеприпасы. Солдаты тоже сообразили: с минометчиками идти не так страшно, если что, и отбиться можно.

Так вот был среди них один солдат, уже в годах. И стал он нам рассказывать о матери. Вижу, затосковал. И говорит: «Эх, из какого пекла мы сегодня вылезли! А вот живы. Хорошо бы до конца войны дожить, мать повидать». Ребята переглядываются, но ничего ему не говорят. И я про себя подумал тоже: эх, помолчал бы ты, служивый...

В пехоте воевать было тяжело. Набрался он там, видать, страху. Вот и отпустил пружину... Мы-то хоть и рядом всегда с пехотой, а все равно во время боя находимся за укрытием. То ли за домом, то ли за насыпью какой, то ли в лощине или котловане. А пехота всегда впереди, в чистом поле, рядом с пулями.

И вот рассвело. Мы у немца как на ладони. И начал он нас обстреливать.

Командир роты: «Стой, братцы! Так он нас всех перебьет. Окапываться! Готовьтесь к обороне! До ночи продержимся, дальше пойдем. А днем попробуем отбиться».

Мы с этим солдатом из пехоты рядом окопы отрыли. Лежим, в землю вжимаемся.

Мина ударила неподалеку и сразу не разорвалась. Я на нее смотрел: кувыркнулась раз-другой, покатилась — и прямо к нему в окоп. И там, в окопе, разорвалась. Всего его раскидало. Так что я потом ни документов его не нашел, ничего. Кусок шинели висел на березке, дымился. Мина тяжелого миномета, калибра 120 миллиметров. И веришь-нет, затих немец! До самого вечера ни одной мины больше не кинул! Так, из пулемета постреливал для острстки. И мы ему, тоже из пулемета, отвечали.

Когда стемнело, мы ушли дальше.

— Когда мы ворвались в Орел, едва не попали под огонь своих танков.

А как произошло... Мы, минометчики и пехота, вошли в город с одной стороны, а танкисты ворвались с другой. Идем, немцев из домов выкуриваем. Один квартал прошли, другой. Смотрим, что-то с той стороны огонь усилился. Думали, немцы контратаку готовят. Командир роты в бинокль глянул: а это по нашим цепям уже «тридцатьчетверки» бьют. Стали мы прятаться кто куда. Танки-то уже — вот они, рядом! Ревут навстречу! Из орудий и пулеметов палят! Повидали мы на войне и как наши «тридцатьчетверки» атакуют. Мы, четверо из расчета, набились в ровик. Сидим. А ровик тот мелкий, тесный, немцем выкопанный, видать, наспех, когда мы наседали. А танк летит прямо на нас! Ну, думаем, конец нам. Двух шагов, может, не доехал, и тут ему навстречу выбежал один из наших минометчиков. Он в ровик не поместился, залег рядом. Видит, смерть идет, вот и кинулся навстречу танку. Зама-

хал руками, закричал. Так бы и придавил в ровике нас свой танк.

Танкисты вылезли. Чумазые. Смеются. «Где немцы?» Ребята им на трупы показали. А трупов немецких кругом было много навалено. Прихватили мы их тут: мы с одной стороны, а танкисты — с другой.

Потом мы шли через аэродром. На взлетной полосе стояло много немецких самолетов. Сожженных и целых. Видимо, горючего у них уже не было. Мы смотрели на них и радовались: эти летать уже не будут. Повсюду стояли машины, бронетранспортеры, танкетки, танки. Немец под Орлом много всего побросал.

Следом за нами шли трофейные части.

— Как-то раз, еще перед штурмом Орла, остановились мы в одной деревне. Заняли хату. Весь наш минометный расчет разместился. Поужинали. Легли. Спим. А немец из миномета по нашей хате и ударил. Был у них 120-миллиметровый миномет. Крупный калибр. Первая мина прошла с перелетом. Вторая — недолет. Третья, мы сразу поняли, наша — ждем. Так и случилось. Мы, четверо, лежали на полу. А пятый наш боец, Воронов, залез в печку. Печку мы с вечера вытопили. Вот он и залез туда, чтобы в тепле поспать. Малярия у него начиналась. На фронте, когда долго на передовой, в окопах, в сырости и холоде, малярия прихватывала. Многие болели. В Орловской области устья в печах широкие. Сделаны так для того, чтобы париться.

Мина ударила в верхнюю часть стены. Разорвалась со страшным треском. Все снесла. И осколками, надо ж, никого и не задела. Наши осколки, видать, все в бревна верхние пошли. А Воронов — в печке, ему осколки не страшны. Только вот завалило нашего бойца кирпичами. Разобрали мы печь, вытащили Воронова, а он черный весь, как уголь, только глаза сверкают. Глянули мы на него, спросили: «Не ранен?» — «Нет. Только что-то холодно...» А его всего тря-

сет — то ли приступ малярии, то ли от страха. Мы рассмеялись. Стали откапывать свое добро, оружие.

Делать нечего, остались без ночлега, пошли в соседнюю хату, в другой расчет.

— После второго ранения я в составе группы офицеров, только что получивших звания, — человек восемь нас было — прибыл в свой 1320-й стрелковый полк. Наша 50-я армия наступала, дивизии двигались вперед. Лето сорок третьего. Мы оказались на правом крыле Курской дуги. Я там и дня не провоевал. Ну ладно, расскажу все по порядку...

Прибыли мы. А штабники нам: «Ребята, оставайтесь пока у нас. Тут переночуете, а утром получите людей, назначения. Вот вам землянка свободная, отдыхайте». Ну что ж, хорошо. Мы — спать.

Утром просыпаемся — тишина. Вышли мы из землянки: что такое? Был полк — нет полка. Оказывается, ночью поступил срочный приказ сняться и идти вперед. Полк пошел преследовать отходящего противника, чтобы тот не успел закрепиться на промежуточных позициях. А про нас, только что прибывших, впопыхах забыли.

Кинулись и мы следом за наступающими.

Часам к шести вечера я догнал-таки свой батальон.

Докладываю комбату: «Старший лейтенант Олимпиев прибыл из госпиталя для дальнейшего прохождения службы...» Докладываю как положено по уставу. А командир батальона, гляжу, злой. И говорит мне зло: «Мне минометчиков не надо! У меня в пехоте командиров взводов не хватает! Принимай пехоту!» Я ему снова напомнил, что я минометчик. «Не разговаривать! Принимай, говорю, пехоту! Взвод!» Ладно, пехоту так пехоту. Я хоть и минометчик, но с пехотой всегда воевал в одной траншее. Не оплошаю, думаю. «А где мой взвод?» — спрашиваю комбата. «Вон твой взвод!» — и указывает мне на горстку солдат. Человек пятнадцать—двадцать пытаются атаковать станцию Зикеево.

Это под Жиздрой. Курская дуга и до наших мест дотянулась. «Давай к ним и поднимай в атаку! Приказ ясен?» — «Ясен», — говорю. А что тут неясного? Спасать провалившуюся атаку...

Что делать? Во рту у меня сразу пересохло.

Надел каску. Вынул пистолет. Пошел. Потом пополз. Дополз, помню, до загородки какой-то — низенький плетень... Солдаты вверенного мне взвода лежат рядом. Кто где. Лежат постреливают. Кто окапывается, кто уже окопался. Противник бьет из пулеметов — головы не поднять. Кричу: «Взвод! Я новый ваш командир! Слушай мою команду! В атаку! Вперед!» Ни хрена никто не встает и команду мою не слушает. Взвод разбросан. Залегли там, где немцы их прижали. Лежат. Попробуй подними их на пулеметы! Некоторые, смотрю, еще быстрее лопатками заработали — окапываются. Народ-то, видать, бывалый. Поняли, что дело — дрянь. Опять кричу: «В атаку! Вперед!» Лежат. Что ж делать? Комбат, видимо, за моими действиями в бинокль наблюдает, материт: мол, какой ты к черту минометчик, если пехоту в атаку поднять не можешь?..

Неподалеку лежит сержант. Видимо, он до меня и командовал людьми. Перевалился на спину, кричит мне: «Лейтенант! Какая к черту атака? Положат всех! Окапывайся! А там видно будет!» Так, думаю, ребята, точно, бывалые. Но с назначением мне все же не повезло. И с комбатом тоже.

А немцы меня, видимо, уже заметили: ага, появился офицер, пытается поднять людей в атаку...

Справа от меня, шагах в десяти, заработал станковый пулемет. Да, хреновая у меня позиция, за «максимом» немцы всегда охотятся. Смотрю, и правда, мина взвыла, ударила — перелет. Вторая — недолет. Ну, думаю, третья уже моя, милая. Сам минометчик, знаю: бьет по прямой и сейчас третьей накроет, это ему ничего не стоит. Так и случилось. Я даже взрыва не услышал. Ни мину свою, ни снарядный разрыв, ни пулю никогда не услышишь... Только почувствовал удар в грудь. Твою мать!.. А тяжело-тяже-

ло стало дышать. Ну, думаю, все, конец. А август месяц был. 14 августа. Жалко, думаю, умирать. Эх, жалко!.. И не пожил еще как следует. И все, что у меня в жизни моей было, так сразу перед глазами и прокрутилось: мать, отец, Ольговка наша, школа, Ася... Дышу часто, задыхаюсь. Кровью заливаает. Лежу. Сознания не теряю. Собрал силы, крикнул: «Санитары есть?» — «Есть! — слышу. — Что, за дело? Ползи сюда!» — «Ах ты, твою-то мать-перемать! — Тут у меня откуда-то силы появились. — А ну-ка, быстро сюда!»

Подполз санитар. Разрезал на мне гимнастерку. Осколок пропахал прямо под сердцем, по ребрам. Погодя подполз и второй санитар. Бинтуют меня и переговариваются: «Второго взводного за один день...» Перевязали. «Ну, лейтенант, поползешь?» Я попробовал ногой, а нога не слушается. Оказывается, и в ногу ранило. Сквозное. Так и просадил осколок мою ногу повыше колена.

Потащили меня по вспаханному полю на плащ-палатке. Один санитар за один край плащ-палатки, другой — за другой. Вытащили к опушке леса. Сказали: «Полежи, лейтенант. Сейчас сходим за носилками». Я им: «Ребята, только не бросайте. Если немцы нажмут, я один не смогу уйти». Сколько народу так, ранеными, в плен попадало! Правда, не бросили. Вскоре принесли носилки и доставили меня в передовой госпиталь. Там мне разрезали одежду, сняли бинты, прочистили раны. На следующий день — на эвакуацию, в тыл.

Повезли куда-то под Сухиничи. В деревню. Лежали мы в сарае. Лето жаркое стояло. Ночи теплые. Так что ничего, и в сарае было хорошо.

Через два дня нога моя стала краснеть. Поднялась температура. Ну, думаю, все, конец мне — гангрена. Что такое гангрена, я уже знал — видел, как в Калуге молодым ребятам, моим ровесникам, руки-ноги отнимали. А моя рана высоко, резать ногу уже некуда. Врач осмотрел, приказал медсестре почаще, через каждый час, делать перевязку и обрабатывать рану. Она делала все, как прика-

зал врач. Смотрю, температура стала спадать. Краснота сошла.

Спасли они меня, наши врачи. Там, возле станции, — санитары. Тут — врачи.

А вскоре привезли меня опять в Калугу.

— Госпиталь тогда располагался в здании возле парка. После войны там был обком партии, а сейчас Бауманский университет.

Лежу в санпропускнике и думаю: когда ж моя очередь подойдет? А раненых много! Везут и везут с передовой. Наступление! Крови много! Глядь! — идет знакомая девушка! Медсестра. Землячка из Ольговки. В одной школе учились. Гуляли вместе. После второго ранения я заехал домой, в Ольговку, к родителям. Надо было ехать на Сухиничи, к фронту. Я и отпросился у старшего команды: «Разреши забежать домой. Тут мне недалеко. К поезду приду». Он и отпустил меня. Повидался я с родителями. Попрощался. А Ася меня до поезда пошла проводить. Помню, полетели немецкие самолеты: они пролетали каждый вечер, в 22.45, на Москву. На бомбежку. А поезд отходил в одиннадцать. Как раз успели. Только вот поцеловать я ее не успел — поезд уже отправлялся.

Увидела она меня в санпропускнике, подбежала: «Ой, как быстро ты вернулся!»

Да, вернулся вот...

Стала меня собирать. И без очереди — на операционный стол. Хирург, молодая такая женщина, лет двадцати семи, симпатичная. Раз-раз. Здесь обработала, там. И говорит: «Счастливейшее ранение!» Это она о моей ране в ноге. «Еще бы чуть-чуть — и перебило бы крупный сосуд. Ты бы, лейтенант, истек кровью».

Я у них пролежал долго. Выписали меня из госпиталя ограниченно годным к военной службе первой категории. Но куда там! Опять попал на фронт, да в самое пекло!

— Подругу мою калужскую, как я уже говорил, звали Асей. Она еще жива. Живет в Ворсине. Болеет.

Ася ко мне иногда приходила в палату. Навещала. Я ей раз и говорю: «Слушай, я тебе письмо написал, когда на фронт ехал. Осталось оно в полевой сумке. Когда ранило под Жиздрой, потерял я и сумку, и письмо». — «А что ты там написал?» — спрашивает. «Да так, ничего особенного», — говорю. А самому стыдно. Я ей в том письме в любви объяснялся. На фронт же ехал, знал, что могу и не вернуться. Ну и разобрало меня. А встречались мы так... Не целовались даже ни разу. Но другой-то девушки у меня и не было. Не успел еще влюбиться, школу только недавно закончил.

И ты что думаешь?! Через день или два Ася заходит ко мне в палату и достает из кармана треугольничек: «Твое письмо?» Ох, что я тогда пережил! Я ж в то время малый был стеснительный, хоть и лейтенант.

К моему письму было приложено другое, небольшое. В нем написано: мол, мы видели кровь вашего друга, видели пробитую каску, и, по всей вероятности, друг ваш убит... И описано место, где все это произошло.

После боя солдаты, видать, нашли мою полевую сумку, а в ней письмо с адресом. Вот и прислали по назначению. А письмо свое я как раз перед боем закончил. Два дня писал, мучился. Почтальону отдать не успел.

Вот молодцы ребята! Фронтовики. Сердечные люди. Кто под пулями побывал, тот знает, как все это дорого человеку. Письмо не выбросили. Отправили по адресу. Фронтовики, братики мои. Сколько лет уже прошло, а помню...

— А друга своего, алтайца, земляка Мякшина, я потерял на Днестре.

Форсировали мы Днепр. Переправу начали ночью. Но немец тоже не спал. Тихо у нас не получилось. Начал бить из орудий. Бил он так плотно, что Днепр кипел от разрывов. И земляк мой где-то там под обстрелом потонул. Не нашел

я его на том берегу, когда переправились. Ни среди живых, ни среди раненых, ни среди убитых. В Днестре остался.

Нашей минометной роте повезло. Переправились: все плоты целы, все стволы в наличии. Только вот народу много побило.

Как только мы закрепились там, на правом берегу, отбили контратаку, кинулся я Мякшина искать. И у ребят своих спрашивал, и у пехоты. Может, думаю, к ним во время боя прибился. Может, раненый где, без сознания, лежит. Весь берег облазил, да несколько раз. Знаешь, друга на фронте потерять...

— Два раза я это дело повидал — окружение.

Под Вязьмой они нас, а под Минском, потом, мы их на части рвали. Вот, помню, вывалит толпа из лесочка, налегке бегут, на прорыв. Мы из минометов как дадим! Только вой стоит! Через некоторое время — запахло... В жару трупы быстро разлагались. Если еще и ветер оттуда, все, одуреешь от этого запаха. На кашу смотреть не могли...

— Форсировали мы реку Нарев. Это в Польше. Нарев — чуть поменьше нашей Оки. Утром сыграли на минометах. Хорошо, плотно застелили. Перепахали им там за рекой все. Пехота пошла. Подошли к реке, и тут мост взлетел на воздух. Отступая, немцы взорвали единственную на нашем участке переправу. Что делать? Форсирования с ходу не получилось. Ночью нашли кое-что из плавсредств. Приготовились. Утром пошли. Прорвались в глубину километра на два. Захватили плацдарм. Немцы попались нам на этот раз какие-то смирные, не контратаковали.

И где-то в лесу, на том плацдарме, ребята мои нашли гусей. Разжились по случаю... А что гуси? Они в списках не значатся. Ощипали — и в ведра этих гусей! Варим. И уже запахло гусятиной. Хорошо, по-домашнему запахло. Еще бы минуг двадцать, и мы этих гусей прибрали бы по назначению.

И тут командир нашего полка майор Королев: «А это что такое?!» Командир минометной роты подбегает, руку к козырьку: «Товарищ майор, вторая минрота...» — «Что это такое, я спрашиваю?! Там люди гибнут, а тут!.. Вперед! Марш!»

Мы — бегом! Минометы разобрали. И вперед. Вышли к траншее, где залегла наша пехота. Еще не подбежали мы, смотрим, на той стороне, недалеко, метрах в ста уже, на опушке леса — немцы. Высыпали густой цепью, почти толпой, кричат по-своему. И на нас. Вот тебе и смиренные. «К бою! Заряд основной! Прицел...» А что прицел, тут уже каждому наводчику, побывавшему в боях, прицел ясен. Быстро развернули огневую, прямо на открытом месте. И весь свой НЗ высыпали в несколько минут прямо в немецкие цепи. Каждый минометчик, свободный от переноски матчасти, носил всегда десять мин. В специальной коробке. Неприкосновенный запас. Вот этот неприкосновенный запас мы и пустили в ход. Беглый огонь по всей ширине цепи. Они еще и развернуться как следует не успели. Слышим, там, на опушке, завывли, застонали. Живые тоже залегли. Все, конец атаке! Отбились.

Потом, завтра, в День артиллерии, комполка поздравлял нас так: «Вот минометчики!.. Я подхожу, а они картошку варят. И где они эту картошку нашли? Они картошку варят, а немцы уже в атаку разворачиваются! Но молодцы, потом они себя быстро оправдали! Отбили атаку лихо! Спасибо, минометчики!» А мы слушаем и думаем: ну, спасибо тебе, товарищ майор, что про гусей не вспомнил...

А гусей мы после боя все же оприходовали. Не пропали наши гуси.

— 5 мая 1945 года наш полк отвели на пополнение. Пехота пошла на отдых. А нас, минометчиков, направили на другой участок. На артподготовку. В соседнюю дивизию. Чтобы увеличить плотность огня перед атакой.

Отстрелялись мы 7-го числа. 8-го сворачиваемся и едем в свой полк.

Полк на отдыхе. Едем на лошадях. Были у нас в то время хорошие трофейные лошади. К концу войны мы всем обзавелись. Все у нас было. Это не под Зайцевой горой... Проезжаем мимо штаба дивизии. Навстречу девчата из штаба: «Ребята! Война кончилась!» Мы знаем, что девчата из штаба дивизии народ осведомленный. Мои минометчики сразу переполошились, радуются. Схватились за оружие, палят вверх напрапалую.

А ехали мы вдоль фронта. Там, слышу, гремит. Нет, говорю ребятам, рано радуетесь. И на душе как-то беспокойно. Если бы штабные девчата ничего не сказали, спокойнее бы себя чувствовали. А тут разволновались. Неужели, думаю, и правда домой живым вернусь?

Едем себе дальше. Въезжаем в деревню. А в деревне пусто. Тишина. Где полк? Узнаем: полк наш часа два как вступил в бой. Вот тебе и конец войне. Вот тебе и победа.

Сердце мое заколотилось. Так нам уже не хотелось воевать! Жутко как не хотелось. Думаю: всю войну провоевал, а тут, может, в последнем бою пуля найдет... Под Зайцевой горой выжил, не замерз. В чужих валенках выжил! Под станцией Зикеево санитары выволокли полуживого. От тифа не умер. А тут, в самом конце...

Но что поделаешь? Пошли к передовой. Не будешь же в тылу отсиживаться, когда там, впереди, твои товарищи дерутся. Может, гибнут без нашей поддержки. Перешли дамбы. Несколько раз на мостах ждали очереди, чтобы проехать вперед со своими минометами. А противник занимал соседнюю деревню, и снаряды оттуда так и летят. Большой калибр. Так и проходят над головой с жутким шорохом. Падают глубоко в тылу. Вслепую бьют.

К утру соединились со своим батальоном.

Рассвело. Я приказал ребятам отрыть огневые. И сам себе окоп копаю. Посматриваю в сторону немцев. И вдруг мимо идет капитан. Идет свободно, не прячется, головы не пригибает. По передовой так не ходят. Посмотрел на меня, остановился. И говорит: «А ты что делаешь, старший лейтенант?» — «Как что? — говорю. — Ты что, первый день на

войне? Огневые отрываем. Как положено». — «Первый не первый, — говорит капитан, — а что последний — это уж точно. Война-то кончилась!» — «Как кончилась?» Ребята мои сбежались в кучу, рты разинули, стоят ждут. «Хорошо, — говорю, — если и вправду кончилась. А если еще воевать... Если воевать, то лучше уж заранее и как следует огневые отрыть, чтобы быть готовым и людей зря не положить». Капитан усмехнулся на мои слова и пошел себе дальше. Я и верю, и не верю тому капитану. Думаю: один раз мы уже про победу слышали...

А утро наступает такое хорошее! Теплое. Запахи весенние, добрые. Земля свежая, умытая. Благодать, а не утро!

И вдруг вверх взлетели ракеты. Много ракет. Разных цветов — красные, зеленые, белые... Что такое ракета, я тоже знаю: или в атаку идти, или нас атакуют. Но тут букетами летят! Прямо цветами рассыпаются в небе! Ну, думаю, наверное, и правда конец войне.

Стал я смотреть в бинокль. Пристально смотрю в сторону противоположной деревни, где засели немцы. У нас-то, думаю, победа, а у них что? Вижу: мостик штормовой между нашей и их деревней, и там, за мостиком, виднеется белое полотнище. Сдаются! Твою мать! — сдаются! Тишина. Ни голоса, ни выстрела. И верится уже, что все, конец войне, и не верится. До слез!

Тут вышел заместитель командира полка по политчасти. С ним полковая разведка. И уходят они по тому мостику в деревню. Прямо к немцу пошли. Долго их не было. Мы уже стали беспокоиться: вдруг, думаем, сейчас подпустят поближе и расстреляют? Но выстрелов не было. Расстояние между нашими деревнями метров восемьсот. И вот через час-полтора, видим, идут. Немцы — сюда, а наши — туда. Наши смеются. Победа! Все! Взяли мы их! Взяли! А немцы понурые.

Вот тут-то я и понял окончательно, что все, дожил все-таки до победы. Живой остался. Эх, как мы радовались! Это передать словами нельзя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Солдатские истории	5
<i>Глава 1.</i> 22 июня и то, что было потом	8
<i>Глава 2.</i> Лето 1941-го	20
<i>Глава 3.</i> Окружение	28
<i>Глава 4.</i> Плен	58
<i>Глава 5.</i> Царица полей	84
<i>Глава 6.</i> Кавалерия	150
<i>Глава 7.</i> Под Москвой	156
<i>Глава 8.</i> Освобождение Калуги	168
<i>Глава 9.</i> Бои в Карелии	175
<i>Глава 10.</i> Высота смертников	187
<i>Глава 11.</i> Бои под Сухиничами	199
<i>Глава 12.</i> Связисты	209
<i>Глава 13.</i> Сталинградские истории	225
<i>Глава 14.</i> Власовцы	242
<i>Глава 15.</i> «Вижу цель! Атакую!»	251
<i>Глава 16.</i> «Катюха, гони!»	293
<i>Глава 17.</i> Штрафники	302
<i>Глава 18.</i> Танкисты и самоходчики	306
<i>Глава 19.</i> В Польше	311
<i>Глава 20.</i> Бои в Восточной Пруссии	327
<i>Глава 21.</i> «Воевал я минометчиком»	335

Михеенков Сергей Егорович

В ДОНЕСЕНИЯХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**Жизнь и смерть солдата Великой Отечественной
1941—1945**

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.10.2008.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 14,65.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 2789.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

E-mail: kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Сергей Михеенков

**В ДОНЕСЕНИЯХ
НЕ СООБЩАЛОСЬ...**

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СОЛДАТА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

1941—1945

Книга историка и писателя С.Е. Михеенкова представляет собой уникальный сборник солдатских рассказов о войне, над которым автор работал более тридцати лет. Получилась огромная рукопись, из которой автор выбрал наиболее яркие эпизоды и скомпоновал их тематически. Получилось цельное и захватывающее повествование о войне Русского Солдата. Эта, говоря словами поэта, «с боем добытая суровая правда солдат» поразит читателя предельной откровенностью, обнаженностью души и нервов воина Великой Отечественной.

ISBN 978-5-9524-4068-5

9 785952 440685

ЦЕНТРОЛИГРАФ®